ЛЕОНИД
МЛЕЧИН
ДО И ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА
КРЕМЛЬ-1953
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ
СО СМЕРТЕЛЬНЫМ
ИСХОДОМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что происходило в Кремле в последние сталинские годы? Какие планы вынашивал вождь до самого смертного часа? Почему в ведомстве на Лубянке шли бесконечные чистки и одни чекисты сажали других? По какой причине оказались в опале и ждали худшего верные сталинские соратники? И отчего сразу же после кончины вождя в Кремле развернулась ожесточенная борьба за власть, которая закончилась расстрелом одного из руководителей страны? Это, пожалуй, наименее изученная глава отечественной истории.

В новой книге Леонид Млечин, рисуя картины кремлевской жизни пятидесятых годов, предлагает свою версию событий, неожиданную и ошеломляющую. Но, описывая события, которые определили будущее нашей страны, автор опирается на результаты современных исторических изысканий, на лишь недавно рассекреченные документы и ставшие известными воспоминания участников тех драм и трагедий.

- Леонид Млечин
  - От автора
  - Часть первая
    - Линия первая
    - Линия вторая
    - Линия третья
    - Линия четвертая
    - Линия пятая
      - Смерть артиста
      - Дьявольская мельница
      - Головой в колодец
    - Линия шестая
      - Страх перед маршалом Жуковым
      - Мятеж генерала Гордова
    - Линия седьмая
      - Что делать с Лаврентием Павловичем?
      - «Не жалеть своих!»
    - Линия восьмая
    - Линия девятая
  - Часть вторая
    - Одиночество в смертный час
    - Сын вождя
    - Дочь вождя
    - Чекистские игры с ядами

- Часть третья
  - «Одобрить действия т. Берии»
  - Ворошиловская амнистия
  - Львы и кролики в Кремле
  - Следствие. Суд. Приговор. Исполнение

Леонид Млечин
Кремль-1953. Борьба за власть со смертельным исходом

От автора

События, происходившие в Советском Союзе в последние сталинские годы, часто кажутся необъяснимыми и странными.

Расстрел недавних руководителей Ленинграда, в том числе одного члена политбюро, одного члена оргбюро и одного секретаря ЦК, преследование видных партийных работников, выходцев из Питера, по всей стране.

Опала второго человека в партии, ее главного идеолога — члена политбюро и секретаря ЦК Андрея Александровича Жданова. И его быстрая и странная смерть, названная позже убийством.

Публичное унижение члена политбюро Вячеслава Михайловича Молотова, которого страна и мир воспринимали как ближайшего соратника и наследника Сталина, арест его жены — недавнего наркома и кандидата в члены ЦК Полины Семеновны Жемчужиной.

Отстранение от реальной власти тех, кто долгие годы были рядом со Сталиным, — маршала Климента Ефремовича Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, Анастаса Ивановича Микояна.

Падение всесильного министра госбезопасности генерал-полковника Виктора Семеновича Абакумова, считавшегося сталинским любимцем. В советские годы последовательно арестовали и расстреляли пятерых хозяев Лубянки. Но мучили и пытали — причем с особой жестокостью и садизмом — лишь одного Абакумова.

Чистка аппарата Лубянки и массовые аресты руководителей чекистского ведомства, в том числе многолетнего начальника личной охраны Сталина, казавшегося доверенным лицом вождя.

И наконец, единственное дело, преданное в ту пору гласности, — арест известных на всю страну врачей, а также руководителей Лечебно-санитарного управления Кремля, обвиненных в сознательном умерщвлении руководителей партии и правительства.

Цепь трагических событий выглядит лишенной логики. Отдельные звенья словно и не связаны между собой. На самом деле существовал замысел, рожденный в голове вождя.

Да только Сталин никогда не обнародовал свои планы. Никого не предупреждал. Ни с кем не советовался. И не доверял свои мысли бумаге.

«Сталин тем и отличался, что не всегда раскрывал себя, — вспоминал его верный соратник по политбюро Лазарь

Каганович. — Он не раскрывал нам свои планы. Мы должны были догадываться».

Вождь мог ждать годами, пока не настанет удобный момент разделаться с тем, от кого задумал избавиться. «Внутренне безжалостный и жестокий, он редко показывал свои чувства, — отмечают историки. — Он был сложен, осторожен, закрыт для всех, часто противоречив и мнителен. Действовал исподтишка, желательно чужими руками».

Так каков же был замысел?

Он открывается шаг за шагом.

Исходная точка — представленный Сталину Министерством государственной безопасности СССР план американской боевой операции против советского вождя.

План потрясал воображение. Обстрелять ракетами Кремль — прямо из окон американского посольства, которое в ту пору находилось в самом центре Москвы. Иначе говоря, нанести удар в самое сердце страны — уничтожить советское правительство и самого вождя, Сталина, который вечерами работал в Кремле.

Провести операцию, говорилось в докладной записке, которую министр государственной безопасности Семен Денисович Игнатьев представил Сталину, поручено американскому военному атташе в Москве Джону О'Дэниелу. Новинка военной техники — ракеты (в разобранном виде) — должны тайно доставить на советскую территорию через Балтику в конце 1951 года. Сам теракт намечен на март пятьдесят второго.

Потом от точной даты отказались. Министр госбезопасности уточнил: обстрел Кремля должен совпасть с моментом начала войны, которую Соединенные Штаты развяжут против Советского Союза…

Самая загадочная интрига времен холодной войны. Да в ней так много темных пятен, что это уже скорее не история, а «Черный квадрат» Казимира Малевича! Тем более что после смерти Сталина главных действующих лиц поспешили отправить в мир иной. И в силу некоторых причин вспоминать историю сию не хотят.

25 декабря 1950 года в Китае, где власть взяли коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, советские чекисты арестовали русского эмигранта Ивана Ивановича Варфоломеева.

Но только через год с лишним министр госбезопасности Игнатьев представил Сталину справку о деле «арестованного в Китае белоэмигранта Варфоломеева». Почему так затянулось следствие, которое вел не кто иной, как подполковник Михаил Дмитриевич Рюмин? Восходящая звезда Лубянки, человек,

погубивший прежнего министра госбезопасности знаменитого Абакумова. Историческая фигура, о нем еще пойдет речь на страницах этой книги.

Рюмин докладывал, что Иван Варфоломеев еще с довоенных времен служил платным агентом японской разведки. Затем его перевербовали американцы. Подполковник Рюмин выяснил, кто именно: «Варфоломеев в Китае тесно общался с американским разведчиком Рогальским П.А.».

И по сей день даже неизвестно, существовал ли в реальности этот человек — Петр Арсеньевич Рогальский. Или же Варфоломеев придумал его вместе со следователем-кудесником, который на Лубянке вел его дело. Вернее, сочинял.

По данным следствия, Петр Рогальский первоначально работал на французскую разведку. Перед войной стал уже американским агентом. Переехал в Соединенные Штаты. Женился на американке. Обосновался в Нью-Йорке, устроился в один из банков. А его тесть работал у Ламота Дюпона, крупного олигарха, как сказали бы ныне.

Дюпон, а с ним другие столпы американского бизнеса — главы компаний «Дженерал электрик» и «Стандарт ойл кампани», докладывал полковник Рюмин, вошли в состав тайного «финансового центра». И это главное в служебной записке Министерства госбезопасности: тайный центр образован с одной целью — собрать деньги на подготовку Соединенных Штатов к войне против Советского Союза.

Сам план нападения, говорилось в материалах Министерства госбезопасности, разрабатывает высшее военное руководство США — председатель комитета начальников штабов генерал Омар Брэдли, командующий стратегической авиацией генерал Куртис Лемэй, начальник штаба военно-воздушных сил генерал Нэйтен Твайнинг, а также генерал Хойт Ванденберг.

Все имена известные, это крупнейшие американские военачальники. Хойт Ванденберг представлял особый интерес, поскольку в войну генерал был заместителем руководителя американской военной миссии в Москве, а потом возглавил Центральную разведывательную группу — предшественницу ЦРУ.

И главное, что сообщало следствие: президент Соединенных Штатов Гарри С. Трумэн уже благословил разработанные ими планы. Главный из них — ракетный удар по Кремлю, чтобы разом уничтожить советское правительство.

«Рогальскому, — докладывали чекисты Сталину, — стало известно о том, что американский военный атташе в Москве генерал О'Дэниэл направил в Военное министерство США так называемый «план внутреннего удара», предлагая обстрелять с

помощью новых (бесшумных) выбрасывателей территорию Кремля бомбами большой разрушительной силы, развивающими при взрыве высокую температуру».

Рогальский сообщил Варфоломееву, что «американцы, используя нелегальные каналы, якобы имеющиеся у них на Балтийском побережье СССР, должны были перебросить на советскую территорию метательные аппараты».

Кроме того, показал Варфоломеев на допросе, «в 1949 году американское посольство в Москве получило указание взять на особый учет всех более или менее видных партийных и советских работников, которым, по мнению американцев, со стороны советского правительства нанесены «обиды» (снятие с ответственных постов, понижение по службе и т. п.), и изыскать возможности для привлечениях их к работе в пользу США».

Иначе говоря, американцы вербуют пятую колонну, готовую в случае войны помочь внешнему врагу.

«План внутреннего удара» — такое название эта идея обрела на Лубянке. Сталина предупредили, что американский военный атташе уже отправил в Вашингтон детальный план Кремля с указанием расположения квартир членов советского правительства, бомбоубежища и электростанции.

Откуда американец все это узнал?

От своей агентуры.

2-е Главное управление (контрразведка) Министерства госбезопасности, успокоили вождя, проводит оперативно-следственную работу, дабы найти того, кто все это рассказал американскому военному атташе.

По утверждению Рогальского, говорилось в записке Министерства госбезопасности, американский атташе и четыре его помощника, составившие «план внутреннего удара», готовы сами его осуществить. А руководители «финансового центра» во главе с Дюпоном гарантировали полную материальную обеспеченность как их самих, если они останутся живы, так и их семей.

Привезенного из Китая эмигранта Ивана Варфоломеева чекистам было приказано готовить к большому публичному процессу. Его ошеломляющие, сенсационные показания должны были доказать существование грандиозного заговора против нашей страны, в котором внутренние враги объединились с внешними.

Часть первая
План внутреннего удара

Линия первая
Наследник лишается наследства и жены

Грандиозный замысел рождался постепенно.

После войны, осенью 1945 года, Сталин уехал из Москвы. Он отдыхал на юге несколько месяцев. Сказывался возраст и напряжение военных лет. «Ему хотелось покоя, — вспоминала его дочь Светлана. И добавила: — Он не знал порою сам, чего ему хотелось».

Он принимал сероводородные ванны на Малой Мацесте. Сталин с молодых лет страдал заболеваниями опорно-двигательного аппарата. У него болели руки и ноги. Левая рука плохо сгибалась и разгибалась. Тогда это называли сухорукостью. Ничего тяжелее трубки он левой рукой держать не мог. Причиной, возможно, была детская травма, перелом. С годами развился и ревматоидный артрит. Пострадали суставы. Началась атрофия мышц. Самым трудным было утро, когда возникало ощущение, что все болит и хрустит. Мацестинские ванны снимали боль, и Сталин принимал их регулярно. В море не плавал. Вождь не раздевался в присутствии других людей. Никто не видел его неодетым.

Когда вождь отправился отдыхать, иностранные корреспонденты в Москве написали, что Сталин стар, болен и скоро покинет свой пост. Его сменит член политбюро, заместитель главы правительства и нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Он многие годы был ближайшим соратником вождя, считался вторым человеком в стране и его очевидным наследником. Вероятно, это стало слишком очевидным…

«Приходилось тщательно изучать статус приближенных вождя, — вспоминал те годы сотрудник аппарата ЦК. — Кто и насколько близок был к вождю из его соратников. А приближение к вождю было разное.

Молотов — ученик Ленина и соратник Сталина; Ворошилов — верный ученик Ленина, ближайший соратник и друг Сталина; Каганович — ближайший соратник; Микоян — один из ближайших соратников; Жданов — один из ближайших учеников и соратников; Хрущев — верный ученик и соратник; Шверник — соратник».

1 декабря 1945 года в британской газете «Дейли геральд» появилась корреспонденция из Москвы, в которой пересказывались слухи, связанные с отпуском Сталина: «На

сегодняшний день политическое руководство Советским Союзом находится в руках Молотова, при наличии, конечно, общих директив со стороны политбюро».

Вождю присылали обзоры иностранной прессы. Его эти предположения бесили. И он спешил показать, что все нити управления у него в руках. В ноябре он уже сделал выговор членам политбюро за то, что «Правда» сообщила о весьма дружеском в отношении Советского Союза выступлении Уинстона Черчилля в Лондоне: «Считаю ошибкой… Советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров». Молотов немедленно ответил: «Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой… Во всяком случае, ее нельзя было публиковать без твоего согласия».

Агентство Рейтер сообщило об ослаблении цензуры корреспонденций иностранных журналистов из Москвы. Оно сослалось на слова, сказанные 7 ноября 1945 года на приеме Молотовым одному из американских журналистов:

— Я знаю, что вы, корреспонденты, хотите устранить цензуру. Что бы сказали, если бы я согласился с этим на условиях взаимности?

Вячеслав Михайлович уверял товарищей по политбюро, что он таких слов не говорил. Но было поздно. Вождь пребывал в гневе. 5 декабря 1945 года телеграфировал из Сочи Молотову, Берии, Микояну и Маленкову:

«Дня три тому назад я предупредил Молотова по телефону, что отдел печати НКИД допустил ошибку, пропустив корреспонденцию газеты «Дейли геральд» из Москвы, где излагаются всякие небылицы и клеветнические измышления насчет нашего правительства, насчет взаимоотношений членов правительства и насчет Сталина.

Молотов мне ответил, что он считал, что следует относиться к иностранным корреспондентам более либерально и можно было бы пропускать корреспонденции без особых строгостей. Я ответил, что это вредно для нашего государства. Молотов сказал, что он немедленно даст распоряжение восстановить строгую цензуру.

Сегодня, однако, я читал в телеграммах ТАСС корреспонденцию московского корреспондента «Нью-Йорк таймс», пропущенную отделом печати НКИД, где излагаются всякие клеветнические штуки насчет членов нашего правительства…

Если Молотов распорядился дня три назад навести строгую цензуру, а отдел печати НКИД не выполнил этого распоряжения, то надо привлечь к ответу отдел печати НКИД. Если же Молотов

забыл распорядиться, то отдел печати НКИД ни при чем и надо привлечь к ответу Молотова. Я прошу вас заняться этим делом».

Члены политбюро послушно провели расследование. Доложили в Сочи, что Молотов после окрика Сталина, разумеется, дал соответствующие указания отделу печати НКИД, но возмутившая вождя корреспонденция для газеты «Нью-Йорк таймс» была уже отправлена.

Сталин все равно остался недоволен. Недогадливые соратники его не поняли. Он велел не выяснять, что и как произошло — ему-то уже все было ясно! — а примерно наказать Молотова! В тот же день продиктовал Маленкову, Берии и Микояну новое послание. Это уже был настоящий обвинительный акт в отношении Молотова:

«Вашу шифровку получил. Я считаю ее совершенно неудовлетворительной. Она является результатом наивности трех, с одной стороны, ловкости рук четвертого члена, то есть Молотова, с другой стороны…

Молотов не мог не знать, что пасквили на Советское правительство, содержащиеся в этих сообщениях, вредно отражаются на престиже и интересах нашего государства. Однако он не принял никаких мер, чтобы положить конец безобразию, пока я не вмешался в это дело. Почему он не принял мер? Не потому ли, что Молотов считает в порядке вещей фигурирование таких пасквилей особенно после того, как он дал обещание иностранным корреспондентам насчет либерального отношения к их корреспонденциям? Никто из нас не вправе единолично распоряжаться в деле изменения курса нашей политики. А Молотов присвоил себе такое право. Почему, на каком основании? Не потому ли, что пасквили входят в план его работы?..

До вашей шифровки я думал, что можно ограничиться выговором в отношении Молотова. Теперь этого уже недостаточно. Я убедился в том, что он не очень дорожит интересами нашего государства и престижем нашего правительства, лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных кругов. Я не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем…

Я вас прошу вызвать к себе Молотова, прочесть ему эту мою телеграмму, но копии ему не передавать».

Тройка пригласила Молотова, и теперь это уже был другой разговор. Всем стала ясна степень недовольства вождя, который требовал сурового наказания. Тройка доложила в Сочи:

«Мы сказали Молотову, что все сделанные им ошибки за последний период, в том числе и ошибки в вопросах цензуры,

идут в одном плане уступок англо-американцам и что в глазах иностранцев складывается мнение, что у Молотова своя политика, отличная от политики правительства и Сталина и что с ним, с Молотовым, можно сработаться… Молотов, после некоторого раздумья, сказал, что он допустил кучу ошибок, но считает несправедливым недоверие к нему, прослезился».

Члены политбюро пытались как-то выручить Молотова, поэтому и докладывали Сталину, что Вячеслав Михайлович каялся, просил прощения и плакал.

Сталин брезгливо ответил:

— Что он, институтка, плакать?

9 декабря вождь отправил в Москву обширную шифровку, в которой отчитал соратников за слабость и либерализм во внешней политике и потребовал от них непоколебимой стойкости: «Вы поддались нажиму и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали свое собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умилостивить этим США и Англию. Ваш расчет был, конечно, наивным. Я боялся, что этим либерализмом вы сорвете нашу политику стойкости и тем подведете наше государство. Именно в это время вся заграничная печать кричала, что русские не выдержали, они уступили и пойдут на дальнейшие уступки. Но случай помог вам, и вы вовремя повернули к политике стойкости».

Членов сталинского политбюро можно было обвинить в чем угодно, только не в либерализме. Что же означали гневные слова вождя? Во-первых, требование максимальной жесткости в отношении Запада. Во-вторых, подтверждение главного административного принципа — никакой самостоятельности, ни одного решения без санкции вождя! В-третьих, это фактически приговор Молотову, совершившему серьезные политические ошибки: «Я не могу больше считать его своим первым заместителем». Звучало зловеще.

Молотов ответил Сталину: «Сознаю, что мною допущены серьезные политические ошибки в работе… Твоя шифровка проникнута глубоким недоверием ко мне, как большевику и человеку, что принимаю как самое серьезное партийное предостережение для всей моей дальнейшей работы, где бы я ни работал. Постараюсь делом заслужить твое доверие, в котором каждый честный большевик видит не просто личное доверие, а доверие партии, которое мне дороже моей жизни».

Молотов, пожалуй, единственный в политбюро понимал масштабность сталинских замыслов и полностью их поддерживал.

Но вождь в нем больше не нуждался. Молотов был невероятно холодным человеком. Чужие страдания его никогда не трогали. Но теперь под ударом находился он сам. И в полную меру ощутил, что значит впасть в немилость. Любопытная деталь: у Молотова, такого жесткого политика, было вялое рукопожатие слабохарактерного человека.

Опытные чиновники увидели, как Вячеслава Михайловича отодвигают в сторону от главных дел. Это продолжалось год за годом. 29 марта 1948 года на политбюро приняли решение: «В связи с перегруженностью удовлетворить просьбу т. Молотова об освобождении его от участия в заседаниях Бюро Совета Министров с тем, чтобы т. Молотов мог заняться главным образом делами по внешней политике».

Вячеслав Михайлович вовсе не просил отстранять его от участия в принятии ключевых решений. Это Сталин вписал слова о «просьбе т. Молотова». Решение политбюро означало, что Молотов отстранен от руководства страной. Но худшее для него началось, когда Министерство государственной безопасности с санкции Сталина взялось за его жену.

Вячеслав Михайлович и Полина Семеновна Жемчужина прожили в любви и согласии до самой ее смерти. Она была столь же пламенной коммунисткой, как и Молотов, а Сталина любила даже больше, чем мужа. Жена и дочь Светлана были единственными людьми, к которым Вячеслав Михайлович относился с нежностью.

Полина Семеновна была на семь лет моложе Молотова. Она родилась в Екатеринославе и с четырнадцати лет работала набивщицей на папиросной фабрике. В мае 1917 года заболела туберкулезом. Не могла работать, лечилась и жила у сестры. После революции вступила в Красную армию. В 1918 году ее приняли в партию, в 1919 году взяли инструктором ЦК компартии Украины по работе среди женщин.

В 1921 году она перебралась в Москву и стала инструктором Рогожско-Симоновского райкома. В том же году они с Молотовым поженились. После свадьбы Жемчужина пошла учиться. В 1925 году окончила рабочий факультет имени М.Н. Покровского, в 1927 году — курсы марксизма при Коммунистической академии. Летом 1927 года Жемчужина стала секретарем партийной ячейки на парфюмерной фабрике «Новая заря». Год проработала инструктором Замоскворецкого райкома. В сентябре 1930 года ее назначили директором парфюмерной фабрики «Новая заря».

В те годы Сталины и Молотовы дружили семьями. В последние часы жизни Надежды Сергеевны Аллилуевой, жены Сталина, рядом с ней находилась Полина Жемчужина.

Это произошло в 1932 году на ноябрьские праздники.

8 ноября Сталин и Аллилуева побывали в Большом театре. Надежде Сергеевне вроде бы показалось, что муж уделяет слишком много внимания одной из балерин. Увлечение балеринами считалось модным в советском руководстве. Из театра они отправились ужинать к наркому обороны Клименту Ефремовичу Ворошилову, у которого собралось множество гостей, в основном военных.

Сталин пребывал в превосходном настроении. Потом говорили, что он вроде бы оказывал знаки внимания жене одного из военачальников. Это не прошло незамеченным для окружающих, прежде всего для жены. Увидев, что она недовольна, Сталин бросил ей в тарелку корку от апельсина и в своей грубоватой манере обратился к ней:

— Эй, ты!

Надежда Аллилуева вспылила:

— Я тебе не «эй, ты»!

Она вскочила и вышла из комнаты. За ней последовала Полина Семеновна Жемчужина. Они вдвоем долго гуляли по осеннему Кремлю. При Сталине он был закрыт для посетителей. Никого, кроме охраны, там не было.

Жемчужина расскажет потом, что Надежда жаловалась на мужа. Она ревновала Сталина и считала, что у нее имеются для этого основания. Дочери Сталина Светлане Полина Семеновна говорила:

— Отец был груб, ей было с ним трудно — это все знали; но ведь они прожили уже немало лет вместе, были дети, дом, семья, Надю все так любили… Кто бы мог подумать! Конечно, это был не идеальный брак, но бывает ли он вообще идеальным?

Надежда Аллилуева вроде бы успокоилась и пошла домой — семья генерального секретаря жила в Потешном корпусе Кремля. Сталин и Аллилуева спали в разных комнатах. Она у себя. Он — в кабинете или в небольшой комнате с телефоном возле столовой. Там он и лег в ту ночь после банкета. Это значит, что в те роковые часы, часы отчаяния, тоски, сжигавшей ее ревности, Надежда Аллилуева осталась совсем одна. Если бы Сталин, вернувшись, захотел объясниться или вообще посмотреть, что там происходит с его женой, она, возможно, осталась бы жива. Но он вернулся от Ворошилова в прекрасном настроении и, надо полагать, не хотел его портить неприятными объяснениями с женой.

Утром Надежду пришла будить экономка и нашла ее мертвой. Она застрелилась из дамского пистолета, который ей привез брат Павел Аллилуев… 10 ноября 1932 года «Известия»

сообщили о кончине «активного и преданного члена партии, слушательницы отделения искусственного волокна химического факультета Промакадемии Надежды Сергеевны Аллилуевой».

Потом станет ясно, что присутствие Надежды благотворно влияло на Сталина. При ее жизни в доме Сталина не было тяжелых застолий, которые часто заканчивались каким-нибудь непотребством. Перепившиеся члены политбюро швыряли спелые помидоры в потолок и хохотали как сумасшедшие. После смерти жены Сталин сильно изменился. Мрачные черты постепенно брали верх. Сталин стал больше пить, просиживал за обеденным столом по три-четыре часа, пока алкоголь не отуманивал мозги. Долго не отпускал сотрапезников — боялся оставаться один.

В начале тридцатых Сталин прислушивался к мнению Полины Семеновны Жемчужиной. Она внушала вождю, что необходимо развивать парфюмерию, потому что женщинам нужно не только мыло, но и духи, и косметика. Жемчужина возглавила трест мыловаренно-парфюмерной промышленности, а летом 1936 года — Главное управление мыловаренной и парфюмерно-косметической промышленности Наркомата пищевой промышленности. Через год — она уже заместитель наркома пищевой промышленности.

В январе 1939 года Сталин сделал ее наркомом рыбной промышленности, распорядился избрать кандидатом в члены ЦК и депутатом Верховного Совета СССР. Наградил орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета».

Но отношение Сталина к Молотову уже изменилось. Вячеслав Михайлович, который возглавлял правительство, получил неожиданное назначение в Наркомат иностранных дел. Не все тогда поняли, что он отодвинут в сторону и утратил роль второго человека.

А у его жены возникли куда более серьезные неприятности. На нее завели дело в Наркомате внутренних дел по обвинению в связях с «врагами народа и шпионами». Хотя по этому обвинению следовало судить прежде всего самого Сталина — это же он назначал на высокие должности тех, кого потом сам объявлял врагами.

Начались аресты по ее делу. В июне 1939 года взяли врача Илью Львовича Белахова, директора Института косметики и гигиены, входившего в систему Главного управления парфюмерной промышленности (то есть он подчинялся Жемчужиной). Ордер на арест подписал первый заместитель наркома комиссар госбезопасности 3-го ранга Всеволод Николаевич Меркулов.

Показания на Полину Жемчужину нужны были срочно, поэтому допрашивали Илью Белахова с особой жестокостью. Руководил этим Всеволод Меркулов.

Пройдет время, и Меркулов скажет о себе: «Я был наивным, очень скромным и очень застенчивым человеком. Несколько замкнутым и молчаливым. Речей я не произносил и так и не научился произносить их до сих пор. Язык у меня был словно чем-то скован».

Если Меркулов и был когда-то скромным и застенчивым, то на чекистской службе он успешно избавился от своих недостатков.

«С первого же дня ареста меня нещадно избивали по 3–4 раза в день, — писал Белахов в заявлении прокурору, которое начальник тюрьмы переслал в секретариат Меркулова. — Избивали резиновыми палками, стальными пружинами и линейками, били по половым частям. Я терял сознание. Прижигали меня горячими папиросами, обливали водой, приводили в чувство и снова били. Потом перевязывали в амбулатории, бросали в карцер и на следующий день снова избивали. Я мочился кровью, перешибли позвоночник, я стал терять зрение.

От меня требовали, чтобы я сознался в том, что я сожительствовал с гражданкой Жемчужиной и что я шпион. Я не мог оклеветать женщину, ибо это ложь. Шпионской деятельностью я никогда не занимался. Мне говорили, чтобы я только написал маленькое заявление на имя наркома, что я себя в этом признаю виновным, а факты мне они сами подскажут».

Арестованного привели к наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии. Тот щедро пообещал:

— Белахов, будьте откровенны, вернетесь на свободу и будете работать. Правда, первое время не в Москве, а в провинциальном вузе. Потом переедете в Москву.

Белахов клеветать на Полину Семеновну не пожелал. Берия приказал арестованному лечь на пол, спустив брюки, и кивнул сидевшему в кабинете Кобулову. Заместитель наркома внутренних дел Богдан Захарович Кобулов сам избил арестованного резиновой палкой.

Берия и Молотов часто виделись, Лаврентий Павлович самым дружеским образом приветствовал главу правительства. Они были на «ты». Его первый заместитель Меркулов почтительно кланялся Вячеславу Михайловичу. И при этом они оба из кожи вон лезли, чтобы посадить его любимую жену…

Илью Львовича Белахова держали в камере до начала войны. Он написал письмо Меркулову, не подозревая, что тот и отправил

его за решетку: «Я невиновен, и я умоляю спасти меня. Я умоляю вас обратить внимание на незаконность и преступность некоторых лиц, которые вели следствие. В процессе следствия меня избивали, пытали, принуждая подписывать несуществующие факты. Я не могу передать вам всю тяжесть перенесенных мною мук и страданий».

Осенью сорок первого его расстреляли без суда и следствия.

18 октября 1941 года нарком Берия вручил секретное поручение № 2756/6 сотруднику для особых поручений спецгруппы НКВД старшему лейтенанту госбезопасности Демьяну Эммануиловичу Семенихину:

«С получением сего предлагается вам выехать в город Куйбышев и привести в исполнение приговор — к высшей мере наказания — расстрелять следующих заключенных…

Об исполнении донести».

В списке обреченных под номером 22 значился Илья Львович Белахов. В справке 1-го спецотдела НКВД сказано, что его расстреляли 1 ноября 1941 года. Старший лейтенант госбезопасности Семенихин выполнил поручение наркома. Через два года он вырос до подполковника госбезопасности и получил орден Красного Знамени.

Расстрел Белахова был незаконным даже по тем временам. Во-первых, его даже формально не приговорили к смертной казни. Во-вторых, уголовный закон вообще не предусматривал такой меры наказания, как расстрел, за преступления, которые ему вменялись следствием.

В 1953 году, когда арестовали уже самого Берию, генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко напомнил ему и эту историю. Берия хладнокровно пояснил, он всего лишь исполнял указание:

— Арест Белахова был произведен в связи с Жемчужиной по указанию инстанции.

Инстанция — это Сталин. Имя вождя в протоколах допросов Берии следователи старались не упоминать.

Задним числом, в конце февраля 1942 года, начальник следственной части НКВД Лев Емельянович Влодзимирский составил обвинительные заключения, в которых написал, что расстрелы проведены по «специальным указаниям директивных органов». Заместитель наркома Кобулов их утвердил, поставив везде дату — 17 октября 1941 года. Всю пачку, как положено, принесли и прокурору СССР Виктору Михайловичу Бочкову.

Бочков был не юристом, а офицером-пограничником. В 1938 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, но вместо назначения в штаб Дальневосточного фронта решением ЦК

оказался в аппарате НКВД. Берия, поговорив с офицером, определил его в начальники тюремного отдела, потом 4-го (особого) отдела НКВД. А в 1940 году, слушая радио, Виктор Бочков узнал, что утвержден прокурором СССР. Он был, как сам признавался, потрясен, но от должности не отказался.

Когда Лев Влодзимирский принес ему заключения о расстрелах, Бочков позвонил Берии. Его интересовал только один вопрос: действительно ли имелось указание директивных органов? Лаврентий Павлович рявкнул на прокурора СССР:

— Ты что, сомневаешься?

Виктор Бочков на всех делах расписался: «согласен». И поставил ту же липовую дату — 17 октября 1941 года…

Выбитых из арестованных показаний оказалось достаточно, чтобы оформить дело на Полину Семеновну Жемчужину.

10 августа 1939 года политбюро приняло постановление, которое прошло под высшим грифом секретности — «особая папка». В нем говорилось, что жена Молотова, чье имя старательно не называлось, «проявила неосмотрительность и неразборчивость в отношении своих связей, в силу чего в окружении тов. Жемчужиной оказалось немало враждебных шпионских элементов, чем невольно облегчалась их шпионская работа».

Политбюро поручило Наркомату внутренних дел «произвести тщательную проверку всех материалов, касающихся тов. Жемчужиной». Умелые люди в НКВД немедленно состряпали показания о ее причастности к «вредительской и шпионской работе» и представили в ЦК. Но Сталин на тот момент удовлетворился малым. Он не спешил. Сделанного достаточно: жена Молотова уже скомпрометирована связью с врагами.

24 октября политбюро решило:

«Считать показания некоторых арестованных о причастности т. Жемчужиной к вредительской и шпионской работе, равно как их заявления о необъективности ведения следствия, клеветническими».

Иначе говоря, арестованные, которых допрашивали в НКВД, клеветали на жену Молотова. Но делали они это по собственной воле, а не потому что их избивали…

Полину Жемчужину сняли с поста наркома рыбной промышленности и с большим понижением перевели в республиканский Наркомат местной промышленности начальником главка текстильной промышленности. В феврале 1941 года на XVIII конференции ВКП(б) Жемчужина лишилась высокого партийного звания кандидата в члены ЦК — «как не обеспечившая выполнения обязанностей кандидатов в члены ЦК».

Этот эпизод описал в дневнике генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров: «Вечернее заседание — закрытое. Вывели из состава членов и кандидатов ЦК и ревизионной комиссии ряд людей. Особое впечатление произвел случай с Жемчужиной. Она выступала неплохо: «Партия меня награждала, поощряла за хорошую работу. Но я увлеклась, мой заместитель (как наркома рыбной промышленности) оказался шпионом, моя приятельница — шпионка. Не проявила элементарной бдительности. Извлекла уроки из всего этого. Заявляю, что буду работать до последних своих дней честно, по-большевистски».

Аппарат Берии собирал материалы на всех руководителей страны. Высокая должность не защищала. Никто не знал, кто завтра впадет в немилость. В 1953 году бывший министр госбезопасности Меркулов рассказал на допросе:

— В 1938–1940 годах по указанию Берии велась проверка биографических данных некоторых руководителей партии и правительства. Эту работу проводил сотрудник секретно-политического отдела Финкельберг, выезжавший с этой целью на места.

Григорий Павлович Финкельберг был заместителем начальника 3-го отделения 2-го отдела Главного управления госбезопасности. Дослужился до полковника.

Материалы на ответственных работников в отделе «А» (учетно-регистрационном) держали отдельно в мешках с надписью «Личный архив наркома Государственной безопасности Меркулова». Меркулов запретил их кому-либо выдавать. В начале войны спецархив эвакуировали в Куйбышев, потом перевезли в Свердловск. В 1944-м вернули в Москву. Здесь все дела внимательно просмотрел Богдан Кобулов. Меньше половины вернул на хранение в отдел «А». Остальные материалы оставил у себя.

После войны вождь вновь взялся за Молотова. Жемчужину лишили работы и перевели в резерв Министерства легкой промышленности. Теперь Сталин еще и стал винить Полину Семеновну в том, что она «плохо влияла» на Надежду Аллилуеву. Может быть, косвенно виновна в ее самоубийстве…

На жену Молотова завели новое дело. Предъявили новые обвинения — в духе веяний тех лет. 27 декабря 1948 года министр госбезопасности Виктор Семенович Абакумов и заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Матвей Федорович Шкирятов подписали записку на имя Сталина о «политически недостойном поведении» Жемчужиной: «В течение продолжительного времени вокруг нее группировались еврейские националисты, и она, пользуясь своим

положением, покровительственно относилась к ним, являлась, по их заявлениям, советником и заступником их».

29 декабря Абакумов и Шкирятов весь набор обвинений изложили на заседании политбюро. В решении записали:

«1. Проверкой Комиссии Партийного Контроля установлено, что Жемчужина П.С. в течение длительного времени поддерживала связь и близкие отношения с еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже; участвовала в похоронах руководителя еврейских националистов Михоэлса и своим разговором об обстоятельствах его смерти с еврейским националистом Зускиным (народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии Вениамин Львович Зускин играл в Государственном еврейском театре, в 1952 году его расстреляют. — *Авт.*) дала повод враждебным лицам к распространению антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса; участвовала 14 марта 1945 года в религиозном обряде в Московской синагоге.

2. Несмотря на сделанные П.С. Жемчужиной в 1939 году Центральным Комитетом ВКП(б) предупреждения по поводу проявленной ею неразборчивости в своих отношениях с лицами, не заслуживающими политического доверия, она нарушила это решение партии и в дальнейшем продолжала вести себя политически недостойно.

В связи с изложенным — исключить Жемчужину П.С. из членов ВКП(б)».

Итак, ее обвинили в том, что, во-первых, она сказала правду об убийстве Михоэлса, а во-вторых, присутствовала в синагоге, где в тот мартовский день победного года проводили траурное богослужение в память о погибших во Вторую мировую войну.

И все это произносилось в присутствии Молотова. Вячеслав Михайлович не посмел и слова сказать в защиту жены. Лишь при голосовании позволил себе воздержаться. Этот естественный поступок ему еще и поставят в вину. Некоторые другие партийные лидеры в подобной ситуации умоляли позволить им своими руками уничтожить родных, объявленных врагами народа!

Исключение из партии было предвестием скорого ареста.

Сталин бросил Молотову:

— Тебе нужно разойтись с женой.

Молотов всю жизнь страстно любил Полину Семеновну. Он вернулся домой и пересказал жене разговор со Сталиным. Полина Семеновна твердо сказала:

— Раз это нужно для партии, значит, мы разойдемся.

Характера ей было не занимать. Она собрала вещи и переехала к родственнице — это был как бы развод с Молотовым. Вячеслав Михайлович, пытаясь спастись, написал вождю покаянное письмо: «При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П.С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным. Заявляю, что, продумав этот вопрос, я голосую за это решение ЦК, которое отвечает интересам партии и государства и учит правильному пониманию коммунистической партийности. Кроме того, признаю тяжелую вину, что вовремя не удержал Жемчужину, близкого мне человека, от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами, вроде Михоэлса».

Письмо Молотова — предел человеческого унижения, до которого доводила человека система. Самые простые человеческие чувства, как любовь к жене и желание ее защитить, рассматривались как тяжкое политическое преступление.

26 января 1949 года Полину Жемчужину арестовали. Министр Абакумов получил от Сталина санкцию на полную ее изоляцию. Были запрещены встречи с родственниками, чтобы она не передала Молотову «содержание ее дела и о чем ее допрашивали».

Арестовали десять человек — родственников (сестру брата, племянников) и бывших сослуживцев, из которых выбивали показания на Жемчужину. Сестра (домохозяйка) и брат (пенсионер) умерли в тюрьме.

Вождь распорядился разослать членам ЦК материалы из ее дела. Там было много гнусных подробностей, придуманных следователями с явным желанием выставить Молотова на посмешище. В материалах МТБ утверждалось, что Жемчужина была неверна мужу, и даже назывались имена ее мнимых любовников.

Генеральный секретарь ЦК компартии Израиля в 1955 году встретил Молотова в больнице и возмущенно спросил:

— Почему вы, член политбюро, позволили арестовать вашу жену?

На лице Молотова не дрогнул ни один мускул.

— Потому что я член политбюро и должен был подчиняться партийной дисциплине. Я подчинился.

Дисциплина здесь была ни при чем. Арест жены явился для него колоссальной трагедией, но Вячеслав Михайлович не посмел возразить Сталину, иначе сразу отправился бы вслед за ней.

Многие сталинские соратники чуть-чуть не дожили до ста лет. Помимо природного здоровья от всех испытаний их спасала устойчивая нервная система и полная безжалостность. Ни

самоубийство брата, ни ссылка жены, ни арест сына не могли ни нарушить их олимпийского спокойствия, ни поколебать готовности служить вождю.

Зачем геронтологи ездят на Кавказ и просят горцев поделиться секретами своего долголетия? Надо понять, как эти люди чуть-чуть не дотянули до ста — Молотов, Маленков, Ворошилов, Каганович?.. Ночные бдения, переменчивый нрав хозяина, низвержение с Олимпа, страх ареста — как они все переносили? Спасало полное отсутствие совести, чести, сострадания к чужим несчастьям и чувства собственного достоинства?.. На трибуне мавзолея лица вождей казались такими значительными, жесты — исполненными особого смысла. При ближайшем рассмотрении эти люди — тусклы и жалки. И это многое объясняет в судьбе нашей страны.

Несколько десятилетий существования советской системы дали результаты. В обществе не осталось никаких защитных механизмов. Суд включили в систему подавления. Мораль и нравственность были раздавлены тотальным лицемерием. Расстреливали без вины. Жен казненных сажали. И даже детей ждала печальная судьба: тех, кто постарше, отправляли в исправительно-трудовые колонии, маленьких отдавали в детские дома.

Впоследствии Молотова, который был тогда главой правительства, спрашивали: почему репрессии распространялись на женщин и детей?

— Что значит — почему? — удивился наивному вопросу Вячеслав Михайлович. — Они должны быть в какой-то мере изолированы. А так, конечно, они были бы распространителями жалоб всяких… И разложения в известной степени.

Не хотели, чтобы жены и дети репрессированных, оставаясь на свободе, жаловались соседям и коллегам, рассказывали, что их мужья и отцы невиновны. Сеяли сомнения в правильности сталинских решений.

Особенность Большого террора состояла в его неизбирательном характере. В лагерь или на тот свет отправлялись и самые преданные слуги режима, обожествлявшие вождя. Когда за ними захлопывалась дверь камеры, им казалось, что это ошибка или козни обманывающей хозяина свиты. Но такова была система.

Смысл репрессий, всесоюзной зачистки, говоря современным языком, заключался в тотальности. Никаких исключений! Дела заводятся на всех, в любой момент каждый может быть арестован. И никто не мог знать, кто станет следующим. То, что начиналось как ликвидация давних оппонентов, превратилось в политику

«сплошной ликвидации». Она достигла невероятных масштабов. И проводилась с особой жестокостью.

Арестованные не выдерживали пыток, даже такие крепкие, как бывший балтийский матрос Павел Ефимович Дыбенко или маршал Василий Константинович Блюхер, умерший в камере от избиений. Допросы с пристрастием и пытки вождь считал необходимым делом. Нарком внутренних дел эпохи Большого террора Николай Иванович Ежов понравился Сталину тем, что не гнушался черновой работы. Один из следователей секретно-политического отдела НКВД рассказывал товарищам, как к нему в кабинет зашел нарком. Спросил, признается ли подследственный.

— Когда я сказал, что нет, Николай Иванович как развернется и бац его по физиономии. И разъяснил: «Вот как их надо допрашивать!»

Ежов приехал в ЦК с Лубянки. Один из членов политбюро заметил у него на гимнастерке пятна крови:

— Что случилось?

— Такими пятнами можно гордиться, — ответил Ежов. — Это кровь врагов революции.

Пытали не всех. Высокопоставленным арестованным объясняли, что надо помочь следствию, тогда появится шанс на снисхождение. Арестованные искали объяснения происходящему и, видимо, приходили к выводу, что Сталину в силу высших государственных интересов понадобился показательный процесс. В таком случае нужно выполнить его волю. Потом их помилуют.

Недавний замнаркома внутренних дел Георгий Евгеньевич Прокофьев отказался подписать показания, сочиненные следователем. На допрос пришел Ежов. Прокофьев по привычке вскочил и вытянулся в струнку. Ежов по-свойски сказал ему:

— Надо дать показания.

Бывший заместитель наркома щелкнул каблуками:

— Так точно!

И подписал невероятные выдумки. Поверил, что Ежов его помилует. А Николай Иванович обманул: Прокофьева расстреляли вместе с теми, кого он еще недавно сажал.

Наследники Ежова тоже старались. Зная, что Сталин это ценит, Меркулов летом 1941 года сам избивал недавнего начальника Генерального штаба Кирилла Афанасьевича Мерецкова и наркома вооружения Бориса Львовича Ванникова. В 1953-м признал:

— Избивали их беспощадно. Это была настоящая мясорубка. Таким путем вымогались показания.

В те первые недели войны, когда, казалось бы, все силы надо сосредоточить на отпоре врагу, в НКВД сооружали дело о мнимом

подпольном правительстве, которое, дескать, ждало прихода Гитлера… Но в данном случае Меркулов напрасно старался. Его жертвам невероятно повезло — оба арестованных понадобились Сталину. Борис Ванников провел за решеткой полтора месяца и был назначен заместителем наркома, после войны он станет одним из руководителей атомного проекта. Кирилл Мерецков просидел два с половиной месяца, вышел, воевал, получил маршальские погоны.

Массовый террор, последовавший за убийством Сергея Мироновича Кирова 1 декабря 1934 года, напоминал сход лавины. Она тоже не выбирает жертв, а просто давит все живое. Поэтому жертвами Большого террора стали и люди, невероятно далекие от политической и общественной жизни, — рабочие, крестьяне, мелкие служащие, — и сами чекисты, которые отправлялись в топку вслед за своими жертвами.

И вот главный вопрос: зачем Сталин все это затеял?

Такая система живет по своим законам. Периоды умеренности — вынужденные и очень короткие. Вождю нужно было вселить во всех страх, укрепить свою власть и сплотить народ. Без страха система не работала. Террор — самый действенный инструмент удержания страны в повиновении.

Страх выявил все дурное, что есть в человеке. Стало казаться, что удельный вес негодяев — выше обычного. Устоять было трудно потому, что перед человеком разверзлась пропасть. Результатом явился паралич всякой инициативы и нежелание брать на себя ответственность. Страх и недоверие сделались в советском обществе главными движущими силами.

В годы Большого террора высшая номенклатура сменилась на девять десятых. Молодые люди без образования и особых достоинств совершали головокружительную карьеру. Конечно, они поддерживали репрессии! Всем обязанные Сталину, они спешили доказать свою верность вождю. Им ничего не надо было объяснять. Они не выражали сомнений и легко приспосабливались к любому повороту линии вождя.

Члены политбюро превратились просто в подручных. У Сталина исчезла необходимость ладить с товарищами по партийному руководству, убеждать их в своей правоте. Не надо было завоевывать ничьи сердца. Достаточно держать всех в страхе, сажая их жен или помощников. Зачем быть веселым и привлекательным? Единоличный хозяин страны мог позволить себе оставаться таким, каков он на самом деле.

И страна стала другой.

Телевидение еще не появилось. Главный метод пропагандистских кампаний — митинги и собрания, на которых

градус эмоций поднимали так, что люди сами начинали требовать крови. И выходило, что уничтожение врагов — воля народа. Целые поколения воспитывались в атмосфере ненависти и неустанного выявления пятой колонны.

Это были катастрофические годы для экономики страны, для науки и искусства. Высказать даже малую толику того, что чувствовали и ощущали думающие люди, было смертельно опасно. Мы плохо представляем себе, сколько людей пожелало принять участие в уничтожении несуществующего внутреннего врага! Кто-то надеялся, столкнув другого в пропасть, спастись сам. Кто-то увидел, что репрессии открывают дорогу наверх, и спешил отличиться…

4 марта 1949 года Молотов утратил пост министра иностранных дел. Он оставался заместителем главы правительства, но председательствовать на заседаниях Совета министров Сталин ему больше не поручал.

Полину Семеновну допрашивали на Лубянке. Каждый день Молотов проезжал мимо здания Министерства госбезопасности в черном лимузине с охраной. Но он не решался даже спросить о ее судьбе. Она, правда, была избавлена от побоев — ведь судьба мужа еще не была окончательно решена.

Жемчужиной предъявили обвинение по печально знаменитой 58-й статье, по которой расстреливали или сажали всех политических заключенных. 58-я статья состояла из множества пунктов. Комбинация обвинений позволяла вынести любой приговор — от ссылки до расстрела.

Следователи составили для нее такой букет:

58-1 «а» — покушение на измену Родине, совершенное не военнослужащим;

58-10 — антисоветская пропаганда и агитация;

58-11 — организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений.

29 декабря 1949 года Особое совещание при Министерстве госбезопасности приговорило ее к пяти годам ссылки. Ее отправили в Кустанайскую область Казахстана.

Лаврентий Павлович Берия иногда шептал на ухо Молотову:

— Полина жива.

Вячеслав Михайлович продолжал жить в Кремле. После того как Жемчужину посадили, Вячеслав Михайлович остался один. Его дочь Светлана обосновалась в городе, там она чувствовала себя свободнее, чем в Кремле. Отец и дочь практически не общались. Если Светлана приезжала к нему, у въезда в арку Боровицких ворот офицеры Главного управления охраны Министерства госбезопасности проверяли ее документы и

докладывали дежурному. У жен и детей членов политбюро были специальные пропуска, которые выдавал комендант Кремля.

Молотов еще оставался членом политбюро, и в народе его по-прежнему воспринимали как самого близкого к вождю человека. Его портреты носили на демонстрации. Его имя было присвоено городам и колхозам. Он целый день сидел в своем огромном кабинете, читал газеты и тассовские информационные сводки, отлучался домой обедать, возвращался в свой кабинет. Настоящих дел у него не было.

Сталин расправился с ним на съезде партии.

В нарушение устава съезды партии не собирали много лет. Предыдущий, XVIII, состоялся в марте 1939 года. XIX съезд открылся 5 октября 1952 года, в воскресенье, в семь часов вечера. Вступительную речь произнес Вячеслав Михайлович Молотов, которого не слишком осведомленное население страны по-прежнему считало ближайшим соратником Сталина. Молотов и предположить не мог, какой неприятный сюрприз ожидает его после съезда.

Вячеслав Михайлович попросил почтить память умерших товарищей. Напомнил о враждебном капиталистическом окружении, о том, что империалистический лагерь готовит новую мировую войну, но успокоил делегатов:

— Наша партия пришла к XIX съезду могучей и сплоченной, как никогда.

И закончил бравурно:

— Да живет и здравствует многие годы наш родной, великий Сталин!

Здравицами вождю заканчивались все выступления на съезде. Делегаты автоматически вставали и аплодировали. Все речи были на редкость серыми и скучными, ни одного живого слова. Сидевшие в зале следили, кому и когда предоставляют слово (это свидетельствовало о положении в иерархии власти), кого критикуют и кого хвалят.

Сталин был уже слаб и отказался делать основной доклад. Отчет ЦК вместо него прочитал Георгий Максимилианович Маленков. Он был одновременно и секретарем ЦК, и заместителем председателя Совета министров, в аппарате воспринимался как заместитель Сталина. Он подчеркнул возрастающую опасность со стороны Запада:

— Мы оказались бы безоружными перед лицом врагов и перед опасностью разгрома, если бы не укрепляли наше государство, нашу армию, наши карательные и разведывательные органы.

Маленков говорил не только о фантастических успехах

родной страны, но и о бедственном положении Запада, об обнищании американских трудящихся, о падении покупательной способности доллара, о росте дороговизны и снижении заработной платы.

Растущий партийный идеолог Михаил Андреевич Суслов порадовался успехам народного образования в Советском Союзе и информировал делегатов о глубоком кризисе за океаном, где трудящихся держат в «темноте и невежестве»:

— В Соединенных Штатах Америки насчитывается свыше десяти миллионов неграмотных; около одной трети детей школьного возраста не учится. Что касается среднего и в особенности высшего образования, то оно является монополией правящих классов и недоступно детям трудящихся.

Сталин все-таки выступил — коротко — в последний день съезда, на вечернем заседании 14 октября, уже после выборов нового состава ЦК и Центральной ревизионной комиссии.

Полковник Николай Петрович Новик, заместитель начальника управления охраны МГБ, вспоминал:

«Находясь за сценой, я стал случайным свидетелем, можно сказать, комической сценки. Маленков, Берия, Каганович, Молотов, Микоян окружили помощника Сталина Поскребышева и буквально допрашивали его, будет ли Сталин выступать на съезде и какие материалы он ему готовил. Поскребышев отвечал, что он об этом ничего не знает, материалов не готовил.

Сталин выступил в конце съезда с короткой речью, имея в руках маленькую четвертушку листа, на котором было что-то написано от руки. Я увидел, что у Сталина нет слаженной команды: насколько же он не доверял своим соратникам, если даже не информировал их, будет ли выступать на съезде и о чем намерен говорить!»

Вождь поблагодарил братские партии за поддержку и обещал, в свою очередь, помогать им в дальнейшей «борьбе за освобождение».

Сидевший в зале офицер госбезопасности, которому досталось место рядом с народным артистом СССР Николаем Константиновичем Черкасовым, рассказывал: «Нашему взору предстало световое сияние над головой И.В. Сталина во время его выступления. Не сговариваясь, мы одновременно произнесли: «Нимб». В зале не было другого яркого источника света, кроме ореола над головой И.В. Сталина. Такое явление возникает, по всей видимости, при большой силе эмоционального напряжения. Все это продолжалось несколько секунд в момент, когда И.В. Сталин произносил с подъемом слова призыва — поднять знамя национально-освободительного движения народов».

После съезда в Кремле был устроен прием. Иностранных гостей приветствовал маршал Климент Ефремович Ворошилов. Он провозглашал все тосты. Сталин пребывал в прекрасном расположении духа.

16 октября провели традиционный после съезда первый пленум нового состава ЦК, на котором предстояло всего лишь избрать руководящие органы — президиум и секретариат. Ничто не предвещало бури, которая внезапно разразится на пленуме. Стенограмма, к сожалению, не велась. О том, что в тот день происходило в Свердловском зале Кремля, известно лишь по записям участников пленума. В деталях они расходятся, но главное излагают одинаково.

Перед началом пленума члены высшего руководства собирались в комнате президиума рядом со Свердловским залом. Обыкновенно Сталин приходил за десять — пятнадцать минут до начала и предупреждал своих соратников о намерении кого-то снять или назначить. На сей раз Сталин пришел к самому открытию, заглянул в комнату президиума и, не присаживаясь, распорядился:

— Пойдемте на пленум.

Все, что происходило потом, стало сюрпризом даже для его близких соратников.

Начало пленума не предвещало никаких неожиданностей. Новенькие члены ЦК встали и зааплодировали. Сталин махнул рукой и буркнул:

— Здесь этого никогда не делайте.

Алексей Матвеевич Румянцев летом 1952 года стал заведовать в аппарате ЦК отделом экономических и исторических наук и высших учебных заведений. На XIX съезде его избрали членом ЦК, поэтому он присутствовал на пленуме. Судя по его воспоминаниям, вождь пришел в отвратительном настроении, сумрачный и угрюмый. Посмотрел в зал желтыми немигающими глазами.

— Чего расхлопались? — спросил глухо и неприязненно. — Что вам тут, сессия Верховного Совета или митинг в защиту мира?!

Члены ЦК растерялись.

— Садитесь! — повелительно произнес Сталин. — Собрались решать важные партийные дела, а тут устраивают спектакль.

На пленумы обычные ритуалы не распространялись, о чем новички не подозревали. Маленков сразу же предоставил слово вождю. Сталин в сером френче из тонкого коверкота прохаживался вдоль стола президиума и говорил:

— Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и

многим может показаться, что у нас существует единство. Однако у нас нет такого единства. В партии глубокий раскол. Я должен доложить пленуму, что в нашем политбюро раскол. Антиленинские позиции занимает Молотов. Ошибки троцкистского характера совершает Микоян… Спрашивают, для чего мы значительно расширили состав Центрального комитета? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки передадим эстафету нашего великого дела. Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля. Вот почему мы расширили состав ЦК…

Спрашивают, почему видных партийных и государственных деятелей мы освободили от важных постов министров? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Что касается самых видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями председателя Совета министров. Так что я не знаю, сколько у меня теперь заместителей…

Его слова прозвучали откровенной издевкой над старой гвардией. Но это было лишь вступление. Вождь неожиданно обрушился на своих ближайших соратников Молотова и Микояна. У сидевших в зале был шок, хотя Вячеслав Михайлович и Анастас Иванович должны были ожидать чего-то подобного:

— Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших рядах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Зал замер. Такого никто не ожидал. Новенькие и не предполагали, что вождь так относится к людям, чьи портреты десятилетиями носили по Красной площади. Сталин предъявил своим соратникам обвинения, тянувшие на высшую меру наказания:

— Молотов — преданный нашему делу человек. Не сомневаясь, не колеблясь, он отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь «под шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. На каком

основании? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет.

Это первая политическая ошибка товарища Молотова. А чего стоит предложение Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта автономия. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских притязаний на Советский Крым. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член политбюро.

«Ощущение было такое, будто на сердце мне положили кусок льда, — вспоминал сидевший в Свердловском зале Кремля главный редактор «Правды» Дмитрий Трофимович Шепилов. — Молотов сидел неподвижно за столом президиума. Он молчал, и ни один мускул не дрогнул на его лице. Через стекла пенсне он смотрел прямо в зал и лишь изредка делал тремя пальцами правой руки такие движения по сукну стола, словно мял мякиш хлеба».

— Товарищ Молотов, — говорил Сталин, — так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится достоянием товарища Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет политбюро с супругой Молотова и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена политбюро недопустимо.

Писатель Константин Михайлович Симонов, присутствовавший на пленуме, — его избрали кандидатом в члены ЦК, вспоминал: «Сталин бил по представлению о том, что Молотов самый твердый, самый несгибаемый последователь Сталина. Бил предательски и целенаправленно, бил, вышибая из строя своих возможных преемников… Он не желал, чтобы Молотов после него, случись что-то с ним, остался первой фигурой в государстве и в партии. И речь его окончательно исключала такую возможность».

— Теперь о товарище Микояне. — Сталин обрушился на другого своего верного соратника. — Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно? С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами землю навечно. И они должны отдавать положенный долг государству, поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна.

В зале стояла мертвая тишина. Ничего подобного давно не

звучало в Кремле — со времен предвоенных массовых репрессий. Вождь выступал почти полтора часа, а весь пленум продолжался два часа с небольшим. Когда вождь закончил речь, Микоян поспешно спустился к трибуне и стал оправдываться, ссылаясь на экономические расчеты. Сталин оборвал его и, погрозив указательным пальцем, угрожающе произнес:

— Видите, сам путается и нас хочет запутать в этом ясном, принципиальном вопросе.

Анастас Иванович пробормотал:

— Товарищи, признаю, что и у меня были ошибки, но не преднамеренные…

Сталин махнул рукой, и зал послушно отреагировал:

— Хватит заниматься самооправданием! Знаем вас, товарищ Микоян! Не пытайтесь ввести ЦК в заблуждение!

Ошеломленный Микоян замолчал и покинул трибуну. Молотов тоже признавал свои ошибки, оправдывался, говорил, что он был и остается верным учеником товарища Сталина. Тот резко оборвал Молотова:

— Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

Иначе говоря, вождь даже не захотел выслушивать оправдания. Это был плохой признак. Иногда раскаяние спасало от кары. Сталин часто устраивал такие провокации и внимательно смотрел, как реагирует обвиняемый. Он считал, что если человек в чем-то виноват, то обязательно себя выдаст. Главное — застать его врасплох.

Но тут стало ясно, что вождь миловать не намерен.

Члены ЦК поняли: карьера Молотова подошла к концу.

Разделавшись с соратниками, Сталин сказал, что нужно решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Достал из кармана френча собственноручно написанную бумагу и сказал:

— В президиум ЦК можно было бы избрать, например, таких товарищей…

Он огласил длинный список. В него вошли все члены политбюро старого созыва, кроме уже очень больного Андрея Андреевича Андреева, бывшего председателя Комитета партийного контроля. Сталин пояснил:

— Относительно уважаемого Андреева все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пусть лечится!

Вождь включил в президиум ЦК ряд новых и сравнительно молодых партработников вроде Леонида Ильича Брежнева. Сталин хотел к ним присмотреться. Готовился заменить ими старое руководство.

Столь же неожиданно для присутствующих предложил избрать бюро президиума ЦК (этот орган раньше не существовал и уставом партии не был предусмотрен) — по аналогии с уже существовавшим бюро Президиума Совета министров.

В бюро вождь включил, помимо себя, своих заместителей в правительстве — Берию, Булганина, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, Сабурова, а также секретаря ЦК Хрущева.

Молотова в бюро президиума ЦК Сталин не включил. Как, впрочем, и Микояна. Что касается Ворошилова, то маршал, похоже, оказался в бюро президиума случайно. Список Сталин составил сам, ни с кем не советуясь. Похоже, рука по привычке вывела знакомую фамилию некогда очень близкого ему человека. После пленума, увидев Ворошилова в списке членов бюро, Сталин изумленно спросил:

— Как так получилось? Как это пролез Ворошилов в состав бюро президиума?

Никита Сергеевич Хрущев вспоминал, что присутствовавшие переглянулись и кто-то робко заметил:

— Вы же его сами назвали, когда выступали.

— Не понимаю, как это получилось, — недовольно повторил Сталин.

Когда приступили к выборам секретариата ЦК, Сталин опять зачитал фамилии секретарей. Но себя не назвал. Сидевший в президиуме Маленков протянул руку в направлении трибуны, где стоял Сталин. Из зала раздался хор голосов, так как жест был всем понятен:

— Товарища Сталина!

Вождь негромко произнес:

— Не надо Сталина, я уже стар. Надо на отдых.

А из зала неслось:

— Товарища Сталина!

Все встали и зааплодировали. Сталин махнул рукой, призывая успокоиться, и сказал:

— Нет, меня освободите от обязанностей и генерального секретаря ЦК, и председателя Совета министров.

Все изумленно замолчали. Маленков поспешно спустился к трибуне и сказал:

— Товарищи, мы должны все единогласно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь генеральным секретарем.

Опять началась овация и крики:

— Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!

Сталин прошел к трибуне:

— На пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать

вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей генерального секретаря и председателя Совета министров. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого!

Поднялся маршал Семен Константинович Тимошенко, бывший нарком обороны:

— Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем вас своим руководителем. Иного решения быть не может.

Зал стоя аплодировал. Сталин долго смотрел в зал, потом махнул рукой, словно в досаде:

— Ну ладно, пусть будет и Сталин.

От должности генерального секретаря формально отказались. Сталина избрали «простым» секретарем ЦК КПСС.

После XIX съезда партии, 18 октября 1952 года, Молотова освободили и от наблюдения за работой Министерства иностранных дел.

Сталин почти не собирал президиум ЦК в полном составе, а создавал для решения тех или иных проблем пятерки, шестерки, тройки. И получалось, что член президиума Молотов не входил в эти тройки и пятерки. Это означало, что ему не присылали никаких материалов, не звали на совещания, не спрашивали его мнения. Сталин ему не звонил и к себе не приглашал.

Один из помощников Вячеслава Михайлович рассказывал:

— В те времена на него просто жалко было смотреть.

Молотов понимал, что все еще только начинается. Самое страшное впереди.

21 января 1953 года Полине Семеновне Жемчужиной, отбывавшей ссылку, предъявили новые обвинения. На сей раз следователи МГБ инкриминировали ей более серьезные преступления, что позволяло уже навсегда упрятать ее в ГУЛАГ. Ее собирались судить по статье 58-1 «а» (измена Родине, а не подготовка к измене, как в прежнем приговоре), статье 58–10 (антисоветская пропаганда и агитация) и статье 58–11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению контрреволюционных преступлений).

Жену Молотова хотели пристегнуть к «делу врачей», которым грозил смертный приговор. Нарастить, укрупнить этот «заговор». Сталин заподозрил, что Молотов — американский шпион, его завербовали во время поездки в Соединенные Штаты…

Линия вторая
Прощание с гармонистом

Ветераны — Молотов, Микоян, Ворошилов — надоели Сталину. Он хотел видеть вокруг себя новых людей. Методично отстранял ветеранов от власти. Лишал ключевых должностей. Подрывал их авторитет.

Сам вождь постарел и устал. Возраст и состояние здоровья не позволяли ему полноценно заниматься делами страны. Но снимать, сажать и расстреливать он еще мог. Однажды ночью, собрав соратников у себя на даче, предупредил:

— Вы состарились. Я вас всех заменю.

После его смерти председатель Президиума Верховного Совета СССР маршал Ворошилов беседовал с Василием Сталиным — отчитывал того за алкоголизм. Заметил:

— В последние годы у твоего отца были большие странности. Он называл меня английским шпионом.

Проживи Сталин подольше, некоторые члены президиума ЦК тоже попали бы в расстрельный список.

Вождь не знал, как избавиться от Андрея Александровича Жданова, который одно время был вторым человеком в партии. После XVIII (1939 год) съезда именно ему Сталин поручил формировать партийный аппарат. До Жданова всеми партийными делами ведал Каганович. Когда он в тридцатых годах замещал Сталина, то даже сидел в его кабинете. Но на XVIII съезде Лазаря Моисеевича впервые не избрали секретарем ЦК…

Сталину не сложно было избавиться от кого угодно. Трудность состояла в том, что имя Жданова было связано с крупными акциями, которые нельзя было подвергать сомнению, — они определили духовную атмосферу в стране после войны.

Самые знаменитые из них были проведены уже через год после Победы, в 1946 году, — «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа) и о кинофильме «Большая жизнь» (от 4 сентября). В результате Анну Ахматову и Михаила Зощенко исключили из Союза писателей, а вторую серию фильма «Большая жизнь» за «идейно-политическую порочность, фальшивое, искаженное изображение советских людей» запретили.

Сильва Гитович, которая работала в ленинградском отделении Союза писателей, на всю жизнь запомнила, как

Жданов выступал в Смольном по поводу Зощенко и Ахматовой: «На трибуне Андрей Александрович Жданов — представительный, полнеющий, с залысинами на висках, с холеными пухлыми руками. Он говорит гладко, не по бумажке, стихи цитирует наизусть. Все, что он говорит, ужасно. С каждой его фразой напряжение все более и более возрастает. В зале тревожная, щемящая тишина. Все боятся посмотреть друг на друга».

Дело не ограничивалось одной поэтессой, одним прозаиком и одним фильмом. Это был урок остальным. Постановления ЦК перечеркивали надежды интеллигенции на то, что после войны репрессии прекратятся и настанут более свободные времена.

5 января 1948 года Сталин и Жданов посмотрели в Большом театре оперу Вано Мурадели «Великая дружба». Постановка им не понравилась. Сняли с должности председателя Комитета по делам искусств Михаила Борисовича Храпченко (известного литературоведа и будущего академика) «как не обеспечивающего правильного руководства».

Сталин обратился к тогдашнему руководителю агитпропа ЦК Дмитрию Шепилову:

— Слушайте, товарищ Шепилов, почему у нас нет советских опер? Всякие там итальянские, немецкие, хорошие русские есть, а советских нет?

Шепилов доложил:

— Товарищ Сталин, это не совсем точно. У нас есть хорошие оперы. Например, «Тихий Дон» Дзержинского, «В бурю» Хренникова.

Сталин его не слышал:

— Надо заняться этим делом. Разобраться, почему нет, и создать условия для того, чтобы такие оперы были.

В феврале появилось разносное постановление ЦК «Об опере Мурадели «Великая дружба». В том же году собрали Всесоюзный съезд советских композиторов и провели трехдневное совещание музыкальных деятелей в ЦК. За формализм жестко разносили не только Вано Ильича Мурадели, но и таких выдающихся композиторов, как Дмитрий Дмитриевич Шостакович и Сергей Сергеевич Прокофьев.

Жданову было поручено председательствовать на заседаниях оргбюро и руководить работой секретариата ЦК, что означало: он — второй в партийной иерархии. Иностранные журналисты отмечали: в Ленинграде портретов Жданова больше, чем Сталина. Такой «иконографии» они не видели ни в одном другом городе сталинской России.

На ужинах Сталин сажал рядом с собой Жданова и назначал

его тамадой. Правда, всякий раз объяснял Андрею Александровичу, когда и за кого пить, а иногда и буквально диктовал текст тоста. Другие члены политбюро, потом и кровью пробивавшиеся наверх, не любили Жданова, которому, как им казалось, слишком легко далось возвышение по партийной лестнице. Завидовали ему — как без этого!

«Он неплохо играл на гармони и на рояле, — писал Хрущев. — Мне это понравилось. Каганович же о нем отзывался презрительно: «Гармонист». Каганович часто ехидно говорил:

— Здесь и не требуется большого умения работать, надо иметь хорошо подвешенный язык, уметь хорошо рассказывать анекдоты, петь частушки, и можно жить на свете.

Признаться, когда я пригляделся к Жданову поближе, в рабочей обстановке, стал соглашаться с Кагановичем. Действительно, когда мы бывали у Сталина (в это время Сталин уже стал пить и спаивать других, Жданов страдал такой же слабостью), он бренчит на рояле и поет, а Сталин ему подпевает. Эти песенки можно было петь только у Сталина, потому что нигде в другом месте повторить их было нельзя. Их могли лишь крючники в кабаках петь, а больше никто».

Почему же Андрей Александрович попал в немилость?

Сталин постоянно менял кадры, выдвигал новых людей. И для Жданова настало время уйти. Личных претензий к нему не было. Он просто оказался лишним в политической игре. Сталин потерял к Жданову интерес, считал его обузой.

Хрущев вспоминал:

«Все обедали у Сталина и дообедались до такой степени, что Жданов уже не мог идти. Захотел он, как это раньше случалось, заночевать у Сталина. Не тут-то было. Сталин ему говорит:

— У вас есть своя квартира.

И буквально выпроводил его».

Жданов страдал тяжелой стенокардией и при этом сильно пил. Даже Сталин, который любил спаивать людей, иногда покрикивал на Жданова, и тот вместо вина послушно наливал себе фруктовой воды. На это обратил внимание побывавший в Москве один из руководителей компартии Югославии Милован Джилас, который наблюдал Жданова на сталинской даче и пришел к выводу, что это типичный интеллигент-циник. Андрей Александрович единственный за столом пил апельсиновый сок. Объяснил югославскому гостю, что из-за болезни сердца. Джилас, совсем еще молодой человек, наивно спросил:

— А какие последствия могут быть от этой болезни?

Жданов ответил иронически:

— Могу умереть в любой момент, а могу прожить очень

долго.

Молотову Сталин испортил репутацию, последовательно обвиняя его жену в антипартийных и антигосударственных поступках. В случае со Ждановым ударил по сыну.

Юрий Андреевич Жданов в сорок первом закончил Московский государственный университет, получил диплом химика-органика. Но по специальности поработать не удалось. Проницательные кадровики разглядели в сыне влиятельного отца политические таланты. Во время войны Жданова-младшего зачислили инструктором в политуправление Красной армии, которым руководил Александр Сергеевич Щербаков, выдвиженец Жданова-отца. Летом сорок третьего перевели в только что образованный отдел ЦК ВКП(б) по связям с зарубежными компартиями.

В сорок пятом Юрий Жданов вернулся ассистентом на химический факультет университета, где защитил кандидатскую диссертацию. Осенью сорок седьмого младшего Жданова дважды приглашал к себе на беседу Сталин, отдыхавший на Холодной речке, это недалеко от Гагр. После этой беседы в двадцать восемь лет Юрий Андреевич стал заведовать сектором естественных наук в управлении пропаганды и агитации ЦК партии.

На всесоюзном семинаре лекторов он выступил с докладом о положении в биологии. Молодой Жданов, будущий член-корреспондент Академии наук и ректор Ростовского университета, раскритиковал «народного академика» и гениального мистификатора Трофима Денисовича Лысенко.

Выступление младшего Жданова не было самодеятельностью. На Лысенко жаловались видные ученые-биологи, которые доказывали, что его деятельность идет во вред сельскому хозяйству. Ни один из обещанных им чудо-сортов пшеницы так и не появился. Зато он успешно мешал другим биологам внедрять свои сорта, выведенные в результате долгой селекционной работы.

Но выступление Жданова противоречило интересам другого влиятельного члена политбюро — Георгия Максимилиановича Маленкова. Сталин поручил ему курировать сельскохозяйственный отдел ЦК, утвердил председателем Бюро Совета министров по сельскому хозяйству. Георгий Максимилианович, городской человек, всю жизнь проработавший в орготделе, не нашел иного способа изменить ситуацию в аграрном секторе, кроме как положиться на фантастические обещания Лысенко. Взамен взялся избавить «народного академика» от критики. Страстным поклонником Лысенко был министр земледелия Иван Александрович Бенедиктов.

Маленков доложил Сталину о выступлении младшего Жданова. Вождь благоволил молодому человеку, но тут возмутился: никто не смеет решать судьбу такой крупной фигуры. Только он один! Появился желанный повод ударить по старшему Жданову.

Он собрал членов политбюро и зловеще сказал:

— Надо обсудить неслыханный факт. Агитпроп без ведома ЦК созвал всесоюзный семинар, и на этом семинаре разделали под орех академика Лысенко. По какому праву? На Лысенко держится все наше сельское хозяйство. Надо примерно наказать виновных, поддержать Лысенко и развенчать наших доморощенных морганистов.

Андрей Александрович Жданов очень плохо себя чувствовал, на совещания приходил с трудом, в буквальном смысле падал в обморок. И лицо — как у покойника. 5 июля 1948 года, после консилиума с участием лучших врачей, начальник Лечебно-санитарного управления Кремля профессор Петр Иванович Егоров отправил Сталину медицинское заключение:

«За последнее время в состоянии здоровья тов. Жданова А.А. наступило значительное ухудшение — усилились явления сердечной недостаточности настолько, что уже при обычных движениях возникает одышка. Сердце значительно расширено, имеются явления застоя в легких и печени. В связи с ослаблением сердечной деятельности значительно упало кровяное давление.

Кроме того, на почве происшедшего интенсивного спазма сосудов головного мозга в ограниченном участке его развилось нарушение питания, выразившееся в нарушении чувствительности на правой руке и правой половине лица.

Необходимо теперь же предоставить тов. Жданову А.А. отпуск на два месяца, из которых месяц должен уйти на лечение при условии строгого постельного режима и месяц для отдыха».

Сталин написал на заключении: «Куда отпуск, где лечение?» На следующий день решение политбюро о предоставлении двухмесячного отпуска было готово.

Шепилов сочувственно сказал Жданову:

— Вам надо немедленно ложиться в больницу!

Жданов ответил:

— Нет, политбюро решило, что мне надо взять отпуск и ехать на Валдай. Товарищ Сталин сказал, что там очень хороший воздух для сердечников.

Сталин напутствовал лечивших его врачей:

— Вы его гулять водите почаще. А то у него вес лишний…

Прогулки в неблагоприятном для сердечников климате быстро доведут Жданова до инфаркта…

15 июля, через пять дней после ухода старшего Жданова в отпуск, политбюро нанесло удар по его сыну: «В связи с неправильным, не отражающим позицию ЦК ВКП(б) докладом тов. Жданова по вопросам биологической науки, принять предложение Министерства сельского хозяйства СССР, Министерства совхозов СССР и Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина об обсуждении на июльской сессии Академии сельскохозяйственных наук доклада акад. Т.Д. Лысенко на тему «О положении в советской биологической науке», имея в виду опубликование этого доклада в печати».

Печально знаменитая сессия академии, проходившая с 31 июля по 7 августа 1948 года, на которой Трофим Лысенко делал доклад «О положении в биологической науке», не имела ничего общего с научной дискуссией. На сессии так прямо и говорилось:

— Мы не будем дискутировать с морганистами, мы будем продолжать их разоблачать как представителей вредного и идеологически чуждого, лженаучного по своей сущности направления.

Вейсманистами-морганистами называли научных работников, которые не считали генетику лженаукой. Немец Август Вейсман и американец Томас Хант Морган принадлежат к числу создателей генетики. Морган, автор хромосомной теории наследственности, был в 1932 году избран почетным членом Академии наук СССР. Но в сороковых годах ярлык «вейсманист-морганист» звучал так же страшно, как «троцкист».

Все газеты написали о «разгроме антинаучного течения» в биологии. А по существу произошло уничтожение отечественной науки, что привело не только к бедственному положению аграрного сектора экономики, но и предопределило отставание России во многих направлениях науки и технологии.

Доклад Лысенко вождь отредактировал лично. Трофим Денисович хранил экземпляр с правкой вождя как величайшую ценность. После смерти «народного академика» сотрудники КГБ прибыли в его дом, осмотрели архив и допросили родственников.

8 декабря 1976 года председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов доносил в ЦК:

«Обнаружена его переписка с ЦК КПСС, МК КПСС, Советом Министров СССР и Академией наук СССР по вопросам научной деятельности и сложившейся вокруг него обстановки. В процессе беседы с сыновьями Лысенко Т.Д. установлено, что они, их мать и сестра хранят по одному экземпляру фотокопии доклада «О положении в советской биологической науке» с поправками И.В. Сталина, с которым академик выступал в августе 1948 года на сессии Всесоюзной академии сельхознаук им. В.И. Ленина.

Один из этих экземпляров фотокопии доклада родственники академика Лысенко Т.Д. передать отказались, хранят их в качестве семейной реликвии и заверили, что они никому не передадут и не допустят использование их в негативных целях… В связи с тем, что в случае попадания на Запад указанные документы могут быть использованы в невыгодном для СССР плане, они были взяты в КГБ при СМ СССР и направляются в ЦК КПСС».

Доклад Трофима Лысенко никак не мог быть секретным документом. В свое время он широко печатался в советской прессе. Чекисты незаконно изъяли «семейные реликвии» только для того, чтобы скрыть, что лысенковский доклад читал и правил сам Сталин…

— Кое-кто из ученых поспешил высмеять нас, — с угрозой в голосе говорил Трофим Лысенко в 1948 году. — Но бояться смеха нечего. Боится смеха только тот, кто чувствует себя виноватым. Мы же, при участии многочисленных хат-лабораторий делаем полезное для колхозов научное дело. Ведь кое-кто пробовал смеяться и по поводу яровизации, и по поводу летних посадок картофеля, и по поводу чеканки хлопчатника. А ведь сейчас, пожалуй, тем, кто злобно над всем этим смеялся, уже не до смеха.

Юрию Жданову пришлось в письменной форме извиняться. Покаяние сына члена политбюро — невиданное дело! — 7 августа, в последний день сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, ставшей невероятным триумфом Лысенко, опубликовала «Правда».

Юрий Жданов писал:

«С первого же дня моей работы в отделе науки ко мне стали являться представители формальной генетики с жалобами на то, что полученные ими новые сорта полезных растений (гречиха, кок-сагыз, герань, конопля, цитрусы), обладающие повышенными качествами, не внедряются в производство и наталкиваются на сопротивление сторонников академика Т.Д. Лысенко…

Ошибка моя состоит в том, что, решив взять под защиту эти практические результаты, которые являлись «дарами данайцев», я не подверг беспощадной критике коренные методологические пороки менделевско-морган овской генетики…

Сознаю, что это деляческий подход к практике, погоня за копейкой».

Сталин не случайно заставил молодого Жданова каяться публично. Это был удар по репутации Жданова-старшего.

На Валдае Андрей Александрович еще и узнал, что все кадровые дела уходят от него к другому секретарю ЦК — Маленкову. Они терпеть не могли друг друга. Это был

сталинский сигнал, означавший отстранение Жданова.

Аппаратчики на Старой площади видели, как усиливает свое влияние Маленков, имея в своем распоряжении мощный аппарат управления кадров ЦК: «Штаты многочисленных отделов этого управления быстро комплектовались. Коридоры помещений, где оно располагалось, постоянно были заполнены специалистами, выпускниками вузов или приглашенных из разных регионов, — кого для первого знакомства, кого уже для назначения… И в дела Управления пропаганды и агитации все больше вторгался со своей моторной напористостью Маленков».

Андрею Александровичу стало совсем плохо. Из лечебно-санитарного управления Кремля на Валдай вызвали лучших врачей. Они осмотрели больного. Не выявили ничего опасного. С кремлевскими светилами не согласилась Лидия Феодосьевна Тимашук, заведовавшая кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы на улице Грановского. Тимашук вместе с оборудованием доставили на Валдай спецсамолетом. Сделав кардиограмму, она поставила диагноз: «инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки».

Врачи, обследовавшие Жданова, ее диагноз решительно отвергли. Велели переписать заключение. Отстаивая свою правоту, она обратилась к человеку, который отвечал за быт и здоровье членов политбюро, — начальнику Главного управления охраны Министерства госбезопасности генерал-лейтенанту Николаю Сидоровичу Власику: «Считаю, что консультанты и лечащий врач недооценивают безусловно тяжелое состояние тов. Жданова, разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало повторный приступ и может привести к роковому исходу».

Через несколько дней, 30 августа, Жданов умер. Результаты вскрытия подтвердили: Тимашук была права. Она написала новое письмо: Жданову «не был создан особо строгий постельный режим, который необходим для больного, перенесшего инфаркт миокарда, ему продолжали делать общий массаж, разрешали прогулки по парку, просмотр кинокартин».

Тимашук звонила в ЦК. Ей стереотипно отвечали:

— Ваш письмо получено. Вас скоро вызовут.

Не вызвали. Генерал Власик дисциплинированно доложил о ее письме Сталину. Но тот не заинтересовался письмом, велел отправить его в архив.

Врачей, лечивших Жданова, не наказали, а Тимашук понизили в должности.

Свидетелей, которые могли бы раскрыть подлинные

обстоятельства смерти Жданова, нет. Первой через семь дней после смерти Жданова повесилась его экономка. Потом был уничтожен лечащий врач, который делал вскрытие вместе с профессором Виноградовым. В 1951 году застрелился комендант государственной дачи, на которой умер Жданов….

Жену Молотова Сталин сначала снял с работы, исключил из партии и посадил. Будущее Юрия Жданова тоже рисовалось в мрачных тонах. Но Андрей Александрович умер, и отношение к младшему Жданову сразу изменилось к лучшему.

Юрий Андреевич остался в аппарате ЦК. Семья Жданова продолжала жить в кремлевской квартире. Весной следующего, 1949 года Светлана Сталина с благословения отца вышла замуж за Юрия Жданова. В 1952 году молодого Жданова утвердили заведующим отделом естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК, осенью на съезде партии избрали членом Центрального комитета. Но их брак со Светланой быстро разрушился. Впрочем, его многообещающую партийную карьеру погубил не развод, а смерть тестя.

Линия третья
Мертвый — не значит бесполезный

А вот когда через год умер хозяин социалистической Болгарии и недавний руководитель Коминтерна знаменитый Георгий Димитров, Сталин пригласил к себе на юг министра здравоохранения СССР генерал-полковника Ефима Ивановича Смирнова. Между делом поинтересовался, кто именно лечил Жданова и Димитрова. Услышал, что одни и те же врачи. Поднял брови:

— И оба пациента умерли?

Министр, зная, о каких замечательных специалистах идет речь, стал его убеждать:

— Врачи не виноваты.

— Как это не виноваты? — удивился Сталин наивности министра.

Тогда, видимо, в его голове зародились первые контуры заговора — врачи, убивающие вождей советской власти. Начались тайные аресты медиков, которым в следственной части МГБ по особо важным делам предъявляли обвинение во «вредительском лечении» руководителей страны. Первым в списке жертв оказался Щербаков.

Партийный хозяин Москвы Александр Сергеевич Щербаков был одним из молодых в высшем руководстве страны. Перед войной Сталин сделал его секретарем ЦК, членом оргбюро и кандидатом в члены политбюро. Кроме того, Щербаков стал начальником важнейшего управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), то есть руководителем всей идеологической работы. В войну еще и возглавил Главное политическое управление Красной армии. Нагрузка, превышающая человеческие возможности.

Карьера Александра Сергеевича развивалась столь успешно, что со временем он вполне мог стать вторым человеком в партии, оттеснив других членов политбюро. Но, как и Жданов, он был тяжелым сердечником. Неправильный образ жизни усугубил его нездоровье. К тому же у Александра Сергеевича была неважная наследственность.

В автобиографии он писал об отце: «Душевно заболел и попал в лечебницу. Причиной болезни являлось также, очевидно, и то обстоятельство, что отец страдал алкоголизмом. Что стало дальше с отцом, я не имею понятия».

Странное впечатление оставляет нарочитое отсутствие

интереса к родному отцу. Но как минимум упоминание о его недуге должно было заставить самого Александра Сергеевича учесть трагический опыт отца. Скажем, участие в сталинских застольях ему точно было противопоказано. Но Щербаков считал за счастье получить приглашение на дачу к вождю.

Хозяин Москвы надорвался. 10 декабря 1944 года его свалил обширный инфаркт. Врачи не оставляли ему надежды на выздоровление, о чем было доложено Сталину. Вождь, надо понимать, списал соратника со счетов. Щербаков переживал.

1 января 1945 года он поздравил вождя с Новым годом:

«Дорогой товарищ Сталин!

От всей души и тысячу раз благодарю Вас за Ваши слова привета, сказанные Вами по моему адресу в новогоднюю ночь.

К великому моему огорчению, врач лишил меня возможности лично услышать Ваш голос. Ваши слова для меня — это живая вода. Я быстро поправлюсь и работой наверстаю свое теперешнее безделье.

Еще раз спасибо Вам, товарищ Сталин!

Поздравляю Вас и товарищей с наступившим Новым годом, который будет годом самой полной Сталинской победы

Преданный Вам

А. Щербаков».

9 мая 1945 года, в день, когда страна отмечала победу, Сталин позвонил Щербакову, поздравил. Александр Сергеевич был счастлив. Вызвал машину, чтобы проехать по ликующему городу. Прогулка оказалась роковой. На следующий день он скончался.

Со времени его смерти прошло уже несколько лет. И тут внезапно нашли и посадили врачей, когда-то лечивших Щербакова. Заодно арестовали и руководителей Лечебно-санаторного управления Кремля, которые обеспечивали медицинской помощью все начальство и их семьи. А вот это уже позволяло говорить о заговоре.

«Лечение тов. Щербакова, — докладывало вождю Министерство госбезопасности, — велось рассчитанно преступно. Вражеская группа, действовавшая в Лечсанупре Кремля, стремилась при лечении руководителей партии и правительства сократить их жизнь».

Как говорит герой одного фильма, «мертвый — не значит бесполезный». Ушедшим в мир иной партийным руководителям предстояло посмертно сыграть еще одну роль в грандиозном спектакле, затеянном Сталиным.

Пригодилась и смерть Жданова. Теперь действия тех, кто его лечил, оценили иначе. Врачи, докладывали чекисты,

«неправильно диагностировали заболевание тов. Жданова, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому заболеванию режим и в итоге умертвили его».

Вождь вспомнил списанное им в архив давнее письмо Лидии Тимашук, упрекавшей коллег-врачей в том, что они не так лечили Жданова. Мешало одно: и министр госбезопасности генерал-полковник Абакумов, и начальник управления охраны генерал-лейтенант Власик прекрасно помнили, что в свое время Сталин не заинтересовался этим письмом. Это и решило их судьбу.

Министр Абакумов вообще перестал быть нужным. Как и другие старые работники МГБ. Так же происходило и с его предшественниками. Рано или поздно наступал момент, когда Сталин приходил к выводу, что на Лубянке нужен новый человек. Абакумов и так слишком долго — четыре года — сидел на этом месте.

Всеволод Николаевич Меркулов, в свободное время писавший театральные пьесы под псевдонимом Всеволод Рокк, продержался в роли хозяина Лубянки меньше трех лет. Бывший начальник военной контрразведки Виктор Семенович Абакумов — пять. Но снятый с должности Меркулов, изрядно поволновавшись и свалившись с инфарктом, все-таки получил новую работу, а Абакумова летом пятьдесят первого посадили.

Сталин сам вынес приговор:

— Жданов убит Абакумовым.

Линия четвертая
Большая чистка на Лубянке

Когда-то статный и уверенный в себе Виктор Семенович Абакумов приглянулся Сталину. После начала войны, 19 июля 1941 года, Сталин поставил Абакумова во главе управления особых отделов НКВД СССР — военной контрразведки.

Положение о военной контрразведке перечисляло задачи особистов: пресекать шпионаж и попытки диверсий, вскрывать вредительство, ликвидировать «всякого рода антисоветские проявления в Красной армии (контрреволюционная агитация, распространение антисоветских листовок, провокационных слухов)»: предупреждать «контрреволюционные проявления по всем линиям», «систематически очищать ряды армии от проникших социально опасных лиц». Это была не контрразведка в обычном понимании, а аппарат, который контролирует вооруженные силы.

В апреле 1943 года вождь вывел особые отделы из состава наркомата и создал самостоятельное Главное управление контрразведки Смерш. С этого момента комиссар госбезопасности 3-го ранга Абакумов подчинялся напрямую Сталину. 9 июля 1945 года Абакумов был произведен в генерал-полковники. В мае 1946 года вождь поставил его во главе всего Министерства госбезопасности.

Считается, что этим назначением вождь создавал противовес Берии. Но Сталин был всевластен и не нуждался в противовесах.

Лаврентий Павлович уже был отстранен от госбезопасности. В результате разделения единого НКВД на два наркомата ему досталось ведомство внутренних дел, занятое в основном использованием труда заключенных в промышленности. А в конце 1945 года он и вовсе перестал быть наркомом внутренних дел.

Сталин никогда не давал одному человеку слишком много власти. 29 декабря 1945 года Сталин подписал постановление политбюро: «Удовлетворить просьбу т. Берии об освобождении его от обязанностей Наркома внутренних дел». Своей рукой вождь дописал: «ввиду перегруженности его другой центральной работой».

Берия вовсе об этом не просил. Решение политбюро было сигналом к тому, что при очередном повороте Лаврентий Павлович может отправиться вслед за своими предшественниками в небытие. Другое дело, что он иногда играл

роль передаточной инстанции во взаимоотношениях Сталина и госбезопасности.

31 декабря 1946 года заместитель главы правительства Берия сообщил Сталину:

«Представляю Вам полученные от т. Абакумова сообщения о продовольственных затруднениях в некоторых районах Молдавской ССР, Измаильской области УССР и выдержки из писем, исходящих от населения Воронежской и Сталинградской областей с жалобами на тяжелое продовольственное положение и сообщениями о случаях опухания на почве голода».

Это были письма, перехваченные чекистами. Читать их страшно.

Воронежская область, письма крестьян:

«От плохого питания жена стала отекать, сам очень слабый. Голод ребята переносят терпеливо, если нечего поесть, что бывает очень часто, молчат, не терзают душу напрасными просьбами».

«Страшный недород. Муки, хлеба коммерческого получить нет возможности, очереди тысячные, люди едят жмых (спресованные семена подсолнечника, из которого машинами выжато масло). Вот и живи, как хочешь. Страшно от голода умирать».

«Мать от голода распухла, поддержать ее нечем. Два месяца не кушали хлеба, питаемся только свеклой, да и она тоже кончается».

Архангельская область, письма рабочих судостроительного завода № 402:

«Половина здешних страдает цингой и прочими болезнями, а все это исходит от ужасных материальных условий — нехватки жиров и витаминов».

«На рынке из продуктов абсолютно ничего не дают продавать — забирают, а хлеб в особенности. В общем положение для рабочих «аховское». Люди все повесили головы и думают только о своем существовании».

Сталинская область, письма рабочих угольной промышленности:

«Утром и вечером дают одну воду с гнилыми огурцами, а на второе — ложку кормового буряка. Все собираются бежать».

«Кормят нас здесь, как собак: на утро пол-литра баланды, на обед то же и одна ложка каши. Баланду варят из муки. Заработок очень плохой — 300 рублей в месяц, а на питание нужно 600 рублей. Спецодежду не выдают».

Много или мало — 300 рублей в те годы? Зарплата министра составляла восемь тысяч, в двадцать пять раз больше.

Вождь через Берию давал указания чекистам, пока сам не

взялся за Лубянку. Отодвинув другие дела, Сталин все больше погружается в чекистские дела.

Генерал-лейтенант Павел Гаврилович Дроздецкий вспоминал: «С июля 1946 по март 1948 года я работал начальником пятого управления МГБ СССР. Нам тогда было объявлено, что непосредственное руководство над МГБ осуществляет лично И.В. Сталин и все документы оперативного характера составляются только в его адрес».

Вождь привык к Абакумову за военные годы.

Виктор Семенович сумел ловко подорвать позиции прежнего министра — Меркулова. Пожаловался Сталину: Меркулов на совещаниях с оперативным составом требует сконцентрировать силы на борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью германских спецслужб, а разработке троцкистов внимания не уделяет!

В ЦК ушла справка, из которой следовало, что 2-е управление, выполняя указания министра Меркулова и его заместителя Кобулова, сдало все дела на троцкистов в архив, работа по троцкистам прекращена, агентура используется по другим линиям. Вождь счел это грубой политической ошибкой. Появился приказ — поднять из архива дела на троцкистов и восстановить по ним чекистскую работу.

Меркулов не только потерял пост министра. Его из членов ЦК перевели в кандидаты — за то, что «скрывал от Цека факты о крупнейших недочетах в работе министерства». Это могло быть предвестьем еще больших неприятностей.

После войны вождь был обеспокоен настроениями военных, вернувшихся с войны героями. В годы войны арестовали сто одного генерала и адмирала. Двенадцать умерли во время следствия. Восемьдесят один был осужден Военной коллегией Верховного суда и Особым совещанием. Масштабы арестов среди генеральского состава свидетельствуют о том, каким большим количеством осведомителей была пронизана военная среда. Особисты держали под подозрением всю армию и огромное число людей заставляли доносить на боевых товарищей и сослуживцев.

«Трудились по двенадцать часов в сутки, а освещения-то нормального не было. Приходилось читать письма при свете от гильзы, в которой зажигали керосином фитилек ваты. Это уж позже появились передвижные электростанции», — вспоминала свой фронтовой подвиг ветеран военной контрразведки, которой уже в наши дни одна газета посвятила восторженный трехколонник.

Героиня очерка, чьи заслуги в торжественной обстановке отметили нынешние военные контрразведчики, участвовала в

Великой Отечественной в роли старшего контролера отделения «военная цензура» особого отдела одной из армий.

В чем состояли ее служебные обязанности?

«Проверка почтовой корреспонденции, — объясняет газета, — выявление сведений, которые могли бы раскрыть расположение советских частей, их численность и перемещение».

Бывший цензор охотно рассказывала корреспонденту о военной молодости: «Некоторые разглашали секретные данные по недоразумению, но были и такие, кто умышленно сообщал факты, не подлежащие распространению. Порой подсказывало внутреннее чутье на то или иное письмо. Мы составляли донесения о подозрительных лицах, продолжали следить за перепиской, а соответствующие органы брали их «в разработку».

Только наивный читатель может предположить, будто мужественная девушка вылавливала вражеских шпионов. Агенты, которых немцам удавалось перебросить через линию фронта, точно знали, чего писать не надо. И ловила их контрразведка не на письмах. Так кто же попадал у цензоров под подозрение?

В Великую Отечественную бойцам и командирам Красной армии по понятным и очевидным причинам запрещалось сообщать свое местонахождение, род войск, сведения о вооружении, да и вообще все, что относилось к военной жизни… Но тот или иной боец горел желанием поведать родным или друзьям, где именно он несет службу, какое у него оружие и вообще, как идут боевые действия, что конечно же всех интересовало.

Такого рода данные во всех воюющих странах просто вымарывались из писем цензурой. Чем отличались советские цензоры? Они перехватывали солдатские письма с сообщениями о гибели товарищей, горькие рассказы о плохом питании, вшах и тяжком окопном быте. Например, части Калининского фронта в 1943 году страдали от массового авитаминоза. Солдат клали в медсанбаты с диагнозом — истощение. Виноваты были фронтовые интенданты, которые, ловко манипулируя в свою пользу, вместо мяса выдавали яичный порошок, вместо картофеля и овощей — пшено и едва не погубили фронт.

«Спали на нарах в заливаемых водой землянках, — вспоминал фронтовую жизнь один будущий московский чиновник. — Кормили — бурда без капли соли да пайка хлеба… Ночью для корма лошадей завезли жмых. Солдаты узнали об этом. Жмых тут же был растаскан по землянкам и съеден.

На утреннем построении командир полка орал:

— Разве вы люди? Вы звери! Животных оставили без корма.

А что этот жмых съели изголодавшиеся молодые солдаты,

над этим «гуманист» командир даже не задумался. Кто во всем этом был виноват, мы тогда не знали. Может быть, жулики-интенданты, кравшие без зазрения совести, сообразуясь с тем, что со дня на день нас должны были отправить на фронт, а там, глядишь, война все спишет».

Такого рода послания цензоры передавали оперативным работникам особых отделов. Автора откровенного письма брали в активную разработку, то есть готовили к аресту за антисоветскую деятельность. По мере потребности сооружали дело, и бойца, несдержанного на язык, превращали в «шпиона» или «диверсанта».

Цензура проверяла и письма, адресованные военнослужащим. Это уже был чисто политический контроль, проверка благонадежности. Какие военные тайны выдаст в письме из деревни жена солдата? Перехватывали послания, в которых шла речь о нехватке продовольствия, о стихийных бедствиях, авариях, неурожае, вообще о нищете и убожестве жизни, особенно колхозной. Недопустимыми считались религиозные высказывания.

А из дома часто писали горестные письма. В годы войны, судя по запискам наркома внутренних дел Берии в политбюро, голодали в Свердловской области, в Чувашии, Татарии, Узбекистане, Казахстане, Кабардинской и Бурят-Монгольской автономных республиках… Люди собирали на полях проросшее зерно, употребление которого приводило к смерти. В селах Кировской области ели древесную кору.

В апреле 1943 года бериевский заместитель комиссар госбезопасности 2-го ранга Богдан Кобулов докладывал в ЦК и Совнарком о ситуации в Вологодской области:

«Централизованные фонды муки сокращены, в результате чего значительное количество связанных с сельским хозяйством семейств красноармейцев, в том числе и сорок тысяч детей, сняты со снабжения хлебом… В ряде районов Вологодской области имеют место многочисленные факты употребления в пищу суррогатов (мякины, клеверных верхушек, соломы, мха) и трупов павших животных».

Крамольные письма до адресата не доходили. В распоряжении цензора были ножницы, клей и два конверта. На одном написано «Для изъятия текста», на другом — «Для оперативного использования».

Конечно, цензор сам жил в страхе, потому что и его проверяли. Приходя на работу, он получал штамп «Проверено военной цензурой» с личным номером, что позволяло чекистам в случае необходимости установить, кто пропустил то или иное

письмо. Время от времени чекисты подбрасывали письмо с антисоветскими высказываниями. Если цензор его пропускал, следовала жестокая кара, поэтому и работали с особым рвением. Но главным было другое.

«Вспоминая те дни, а много позже читая документы в архиве КГБ, — писала литературовед Ирма Кудрова, — я отметила примечательную особенность сотрудников этого ведомства. В этих людях «органы» целеустремленно воспитывают подозрительность. Им внушили и уверенность: враги власти — повсюду, каждый может им оказаться. И, глядя сквозь сильнейшее увеличительное стекло, сотрудник раздувает каждый росток «бунтарства», с которым сталкивается. Любой протест, любое несогласие с существующим порядком — опасное преступление.

Психика и психология чекиста заслуживают профессионального изучения, пути их умозаключений явственно расходятся с нормой, теперь я убеждена в этом. Чекист — всего лишь исправный винтик машины, сознательно запрограммированной на изъятие из общества людей, смеющих быть независимыми».

И нигде не найти спасения! Даже солдаты на фронте, защищавшие Отчизну, не были гарантированы от преследования. Александр Исаевич Солженицын, боевой офицер-артиллерист, командир батареи, орденоносец, был арестован в феврале 1945 года (когда война уже заканчивалась!) за переписку с другом.

На его письма обратил внимание бдительный цензор. Капитан Солженицын не нарушил законы военного времени. Не выдал армейских или служебных тайн. И даже вовсе не был антисоветчиком, каким станет позднее, пройдя ГУЛАГ. Письма носили, скорее, философский характер. Солженицын, сражавшийся за родину, в ту пору верил в социализм и делился искренними мыслями о том, как сделать жизнь в стране лучше.

Что же насторожило цензора?

Как выразилась героиня очерка — «подсказало внутреннее чутье». Не закон, заметим. Чутье! Другой бывший цензор вспоминал о том же: «Надо было собачьим нюхом вылавливать письма, представлявшие, как у нас выражались, оперативный интерес».

Не подвело цензорское «чутье»! Или надо сказать «нюх»? Письма Солженицына перехватывали и передавали офицерам Смерша, которые вообще-то должны были бороться против немцев, а не против своих… Особисты, не пожалев времени и сил, несколько месяцев сооружали дело против капитана-артиллериста, который как раз воевал с врагом, и будущий классик русской литературы отправился в лагерь. Военные

заслуги ничего не значили.

После войны Советский Союз стал частью большого мира. Миллионы советских граждан в военной форме оказались на территории других европейских стран. Сравнение в уровне жизни было не в пользу советской системы, и это могло оказаться губительным. Тем более что демобилизованные солдаты и офицеры верили, что после победы все пойдет иначе.

А Сталин словно пытался заставить забыть о войне. Отменил День Победы. Запретил писать и издавать мемуары. В январе 1948 года отменил денежное вознаграждение и вообще любые льготы награжденным орденами и медалями. В Ленинграде закрыл Музей блокады. Запретил ставить памятники, связанные с блокадой. Трагедия и слава Ленинграда, отметил один иностранный журналист, много лет проработавший в России, торчат как кость в горле Москвы и партийных руководителей…

«Нужно было убирать тех солдат, тех вольнодумцев, которые своими глазами увидели, что побежденные живут не в пример лучше победителей, — вспоминал писатель-фронтовик Виктор Петрович Астафьев, — что там, при капитализме, жизнь идет гораздо здоровей и богаче. Вот и стал товарищ Сталин губить тех, кто ему шкуру спасал».

Вождь решил прежде всего приструнить военных. А кто лучше военной контрразведки сумеет с ними разобраться?

В аппарате госбезопасности с придыханием рассказывали, что генерал-полковник Абакумов настолько близок к Сталину, что даже гимнастерки шьет из одного с ним материала. В начале 1951 года по коридорам Лубянки пошли разговоры, что Абакумов идет на большое повышение — в Совет министров СССР.

Когда начальник 5-го управления МГБ полковник Александр Петрович Волков докладывал министру о системе охраны Сталина во время его возвращения с юга, Абакумов поделился с подчиненным своей радостью: специальным решением только ему и Берии поручено встречать вождя в Москве. Никому другому из руководителей партии и правительства не велено появляться на вокзале.

Министр перестал считаться с членами политбюро. Они помалкивали, ожидая момента, когда можно будет с ним сквитаться. Даже Берия, по словам Меркулова, «смертельно боялся Абакумова и любой ценой старался сохранить с ним хорошие отношения».

Боялись его и другие чекисты. Абакумов нацелился на ближайшего бериевского соратника Богдана Кобулова, которого в 1945 году убрали из НКГБ. Эту историю рассказал начальник отдела «А» МГБ генерал-майор Аркадий Яковлевич Герцовский.

До войны Герцовский служил заместителем начальника 1-го спецотдела НКВД. Начальником был Георгий Александрович Петров, недавний помощник Кобулова. В конце ноября 1939 года, в субботу, в четыре часа ночи, завершив работу, они разъехались по домам. Буквально через час Герцовскому позвонил дежурный по отделу: Петров умер. Лечащий врач поставил диагноз: разрыв сердца.

Берия распорядился провести расследование. На вскрытии присутствовал начальник управления контрразведки Павел Васильевич Федотов. Провели экспертизу. Пришли к выводу, что смерть наступила в результате естественных причин. Впрочем, лечащий врач Петрова был арестован и расстрелян. Федотов сдал материалы о смерти Петрова в архив в 1947 году, когда уходил в Комитет информации (внешняя разведка). А год спустя Абакумов велел Герцовскому принести архивное дело. Сказал, что Петров умер не сам, а его умертвил Кобулов. Но добраться до Богдана Захаровича Виктор Семенович не успел.

Министр госбезопасности перестал улавливать замыслы вождя. Не очень грамотный (четыре класса образования) и не слишком проницательный, он оказался простоват для хитроумных комбинаций, постоянно рождавшихся в голове вождя. Не угадал далеко идущих планов Сталина, а прямых указаний вождь не давал.

Сталин предпочитал ронять намеки, полагая, что подчиненные ловят на лету каждое его слово. Льва Романовича Шейнина, который много лет возглавлял следственное управление союзной прокуратуры, однажды спросили: как именно Сталин давал указания — кого сажать, кого расстреливать?

— Товарищ Сталин не пахан, а глава государства, — объяснил Шейнин. — Его обязаны были понимать. А те, кто не понимал, сами быстро исчезали.

Судьба Виктора Абакумова решилась в ночь на 5 июля 1951 года в кремлевском кабинете Сталина. В половине первого ночи к вождю зашли Молотов, Булганин, Берия и Маленков. В своем кругу они беседовали полчаса. Ровно в час ночи вызвали ожидавшего в приемной министра государственной безопасности генерал-полковника Абакумова. А еще через сорок минут порог сталинского кабинета, трепеща от страха, перешагнул один из подчиненных Абакумова — сотрудник МТБ в скромном звании подполковника.

На столе лежало адресованное Сталину письмо, подписанное этим подполковником.

«Считаю своим долгом, — писал подполковник Рюмин, —

сообщить Вам, что тов. Абакумов, по моим наблюдениям, имеет наклонность обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе органов МГБ… Тов. Абакумов не всегда честными путями укреплял свое положение в государственном аппарате, и он является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как министерство государственной безопасности».

Сталин, как заправский следователь, устроил своего рода очную ставку между Рюминым и Абакумовым. Министр гневно опровергал все обвинения. Но вождь оправданий не принял. Указав на подполковника, которого видел в первый раз, сказал:

— Вот, простой человек, а насколько глубоко понимает задачи органов госбезопасности. А министр не в состоянии разобраться.

Подполковник Рюмин, старший следователь следственной части по особо важным делам МГБ, обрел в литературе черты демонической личности. Как же! Это он свалил всемогущего министра госбезопасности, самого Виктора Абакумова, которого все боялись.

В июле 1941 года финансист Химкинского речного порта Михаил Дмитриевич Рюмин, бухгалтер по профессии, по рекомендации райкома был направлен военкоматом для службы в органах госбезопасности. Его определили на краткосрочные курсы работников особых отделов при Высшей школе НКВД. После теоретического курса курсантов отправили на военный полигон в Московской области для двухнедельной боевой обкатки. Стрелковая подготовка, штыковой бой, метание гранат, марш-броски и ориентирования на местности.

В конце сентября сорок первого десятерых курсантов Высшей школы вызвали в отдел кадров и сообщили, что для них учеба закончена. Новоиспеченным особистам дали увольнительную до девяти вечера — попрощаться с родными и на следующий день отправили в распоряжение особого отдела Карельского фронта.

Но Рюмин на фронт не попал.

«Один из наших курсантов Михаил Рюмин, симулируя болезнь, остался на «лечение» в городе Архангельске и добился приема на службу в качестве следователя особого отдела Архангельского военного округа, — вспоминал учившийся с ним полковник госбезопасности Иван Яковлевич Леонов, — и там прослужил всю войну».

Рюмин дослужился в Архангельске до начальника следственного отделения управления контрразведки Смерша округа; его приметили и взяли в Москву, в центральный аппарат старшим следователем. После расформирования главка с

другими военными контрразведчиками перевели в Министерство госбезопасности. Его служба шла без особых достижений, пока он не обвинил своего министра в том, что тот сознательно скрывает преступления врачей, которые губят советских руководителей.

Как же он решился выступить против всесильного министра?

Принято считать, что рыльце у Рюмина было в пушку. Исследователи пишут, что его родители были кулаками, что его тесть в Гражданскую войну служил в армии адмирала Колчака. Министр госбезопасности Игнатьев рассказал, что Рюмин оставил в автобусе портфель со следственным делом и ему за это вынесли выговор. Но в документах по делу Рюмина об этом ни слова. Серьезные неприятности у него возникли по другой причине. Он нарушил приказ министра о ходе ведения следствия, и у него умер подследственный. Партбюро вынесло Рюмину выговор, за этим могло последовать увольнение.

И он пошел ва-банк. Пожаловался на министра в ЦК.

Годом раньше подполковника бы отшили, да еще переслали письмо самому Абакумову, чтобы тот разобрался с подчиненным-жалобщиком. Теперь же Рюмина словно ждали. С ним работал помощник Маленкова, второго человека в партии, — Дмитрий Николаевич Суханов.

Маленков демонстративно ограничил свой аппарат одним помощником. Суханов был до предела перегружен различными организационными вопросами, но решал их, вспоминали сослуживцы, «с завидной оперативностью». Это создавало Маленкову репутацию самого динамичного секретаря ЦК. Свой донос Рюмин несколько раз переделывал в приемной Маленкова, пока Георгий Максимилианович не одобрил текст.

Письмо подполковника Рюмина положили Сталину на стол 2 июля. Он прочитал и остался доволен. Генерал-полковник Абакумов покрывал врачей-убийц — глубоко же проник заговор! Так поставил вопрос Сталин. Письмо Рюмина дало ему возможность соединить два заговора — среди врачей и внутри Министерства госбезопасности. Врачи-убийцы особо опасны, сформулировал Сталин, потому что врагам некому противостоять. Предатели завелись и среди чекистов.

Через день вождь поставил точку в блистательной карьере Виктора Абакумова. 4 июля 1951 года его отстранили от дел. Короткий текст постановления политбюро Георгий Маленков под диктовку вождя написал от руки: «Поручить комиссии в составе товарищей Маленкова (председатель), Берия и Шкирятова проверить факты, изложенные в заявлении тов. Рюмина, и доложить о результатах политбюро. Срок работы комиссии три-четыре дня».

Когда из машбюро принесли перепечатанный текст постановления, в состав комиссии вписали еще одну фамилию — Семена Денисовича Игнатьева. Он заведовал отделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров ЦК партии, то есть ведал всей номенклатурой. 11 июля Сталин назначит его «представителем ЦК в министерстве государственной безопасности», а 9 августа — новым министром.

11 июля политбюро приняло постановление «О неблагополучном положении в МГБ СССР». Документу был присвоен высший гриф секретности — «особая папка»:

«Снять Абакумова В.С. с работы министра государственной безопасности СССР как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд».

Через день ЦК разослал республиканским, краевым, областным комитетам партии, а также республиканским МГБ и областным управлениям госбезопасности закрытое письмо «О неблагополучном положении в Министерстве государственной безопасности СССР»:

«Будучи вызванным сначала в политбюро, затем в комиссию ЦК ВКП(б), Абакумов встал на путь голого отрицания установленных фактов, свидетельствующих о неблагополучном положении в работе МГБ, при допросе пытался вновь обмануть партию, не обнаружил понимания совершенных им преступлений и не проявил никаких признаков готовности раскаяться в совершенных им преступлениях».

12 июля генерал-полковника Абакумова вызвали в союзную прокуратуру и по всей форме предъявили обвинение по статье 58-1 «б» Уголовного кодекса РСФСР — «измена Родине, совершенная военнослужащим».

Годом ранее, в начале 1950 года, создали особую тюрьму на улице Матросская Тишина, дом 18 — для арестованных по политическим делам. Камеры могли вместить человек сорок — пятьдесят. Начальника тюрьмы полковника Александра Петровича Клейменова предупредили, что он подчиняется только секретарю ЦК Маленкову и руководителю комиссии партийного контроля Шкирятову. Установили «вертушку» — аппарат городской правительственной связи, чтобы следователи могли напрямую докладывать Маленкову о ходе допросов.

Сюда и доставили Абакумова. Его привезли два сотрудника прокуратуры, начальник Главного управления пограничных войск генерал-лейтенант Николай Павлович Стаханов и начальник Главного управления госбезопасности на железнодорожном и водном транспорте генерал-полковник Сергей Арсеньевич

Гоглидзе. Выбрали их не случайно. И Стаханов, и Гоглидзе скоро получат повышение и станут заместителями министра.

— Вы знаете этого человека? — спросил Гоглидзе начальника тюрьмы, указывая на Абакумова. — Примите его как арестованного.

В тюрьме бывший министр значился как «заключенный номер пятнадцать».

До ареста он жил в доме № 11 по Колпачному переулку. Отсюда выселили шестнадцать семей, чтобы министр мог разместиться с комфортом. В тот день окна особняка были плотно зашторены. Шел обыск, недавние подчиненные Абакумова долго описывали невиданное по тем временам имущество — мебельные гарнитуры, холодильники, которых еще не было в Москве, тринадцать радиоприемников и радиол, тридцать наручных часов, сто пар обуви, целый чемодан подтяжек, семьдесят восемь ваз, множество фотоаппаратов, столового серебра, тканей…

Первую жену Абакумова, Татьяну Андреевну, тоже собирались арестовать, но передумали. Ограничились тем, что выгнали из огромной квартиры в доме номер восемь по Телеграфному переулку, обшитой дубовыми панелями и обставленной антикварной мебелью. А вот вторую жену Абакумова Антонину Николаевну, которая сама работала в Министерстве госбезопасности, арестовали. За два месяца до ареста Антонина родила сына, которому не суждено будет увидеть отца. Антонину посадили в Сретенскую тюрьму вместе с ребенком.

Вслед за Абакумовым за решетку попали его подчиненные. Арестовали начальника следственной части по особо важным делам, трех его заместителей, начальника секретариата министра и его заместителя.

Одни преступники сажали других.

Вождь распорядился подобрать в органы новых людей. Решением бюро президиума ЦК от 29 декабря 1952 года секретарю ЦК Николаю Александровичу Михайлову (как недавнему руководителю комсомола) поручили «подобрать 5–10 работников с направлением их в МГБ для улучшения работы следственных органов». Михайлов спешил исполнить указание вождя.

В январе 1953 года помощниками начальника следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности утвердили недавних комсомольских работников — Василия Никифоровича Зайчикова и Николая Николаевича Месяцева.

Новичкам объяснили:

— Товарищ Сталин посмотрел ваши личные дела. Вы ему

понравились.

Василий Зайчиков, выпускник Московского института инженеров транспорта, с юности пошел по комсомольской линии. В августе 1949 года его сделали первым секретарем обкома комсомола в Ленинграде и избрали депутатом Верховного Совета РСФСР, в апреле 1952 года перевели в Москву — секретарем ЦК ВЛКСМ по кадрам. Через неделю после смерти Сталина его уволят из органов и пошлют учиться в Высшую партийную школу. Он будет работать заместителем председателя Агентства печати «Новости», заведующим бюро АПН в Хельсинки.

Николая Месяцева перевели в МГБ с должности заместителя заведующего отделом комсомольских органов ЦК ВЛКСМ. Но он, в отличие от Зайчикова, был военным юристом, во время войны служил в управлении военной контрразведки Смерш под руководством Абакумова, который ему очень нравился.

Вести дело Абакумова поручили Василию Зайчикову. Он рассказывал Месяцеву, что, когда бывшего министра в первый раз доставили к нему на допрос, тот сразу заметил:

— А, мне следователя-новичка дали.

— Как вы это определили? — поинтересовался Зайчиков.

— Вы были депутатом Верховного Совета, у вас еще на лацкане след от значка, ботинки из-за границы…

Нового заместителя начальника следственной части по особо важным делам Николая Михайловича Коняхина (его перевели в МГБ с должности инструктора административного отдела ЦК партии) вместе с Зайчиковым министр Игнатьев и его заместитель Гоглидзе привезли к Сталину на «ближнюю» дачу.

Зайчиков рассказывал, что увидел старого человека, несколько сгорбленного, с опущенными плечами. Вождя особо интересовал арестованный министр Абакумов. Распорядился на его счет:

— Заковать в кандалы.

Сталин остался недоволен проектом обвинительного заключения по делу Абакумова.

Бывшего министра обвинили в том, что он «вынашивал изменнические замыслы и, стремясь к высшей власти в стране, сколотил в МГБ СССР преступную группу». От Абакумова требовали признаний. Но он лучше других понимал: признание равносильно смерти. Как только подпишет протокол допроса, сразу доложат Сталину и для него все кончится — расстреляют. Поэтому Абакумов никаких обвинений не признавал.

Коняхин допрашивал арестованного начальника секретариата МГБ полковника Ивана Александровича Чернова:

— Ваш Абакумов собирался захватить власть. Говори, как

Абакумов наметил распределить министерские портфели?

А вождь злился на следователей с Лубянки, потребовал бить Абакумова и других арестованных чекистов смертным боем. Новый министр госбезопасности Семен Игнатьев спешил исполнить указание вождя. Отправил Сталину написанную от руки записку:

«Абакумов переведен из Лефортовской в Бутырскую тюрьму и содержится в ручных кандалах. Расположение камеры, в которой находится Абакумов, исключает возможность его связи с кем-либо из лиц, не имеющих отношения к его охране и допросам.

Абакумов охраняется людьми, не знающими его и неизвестными ему. Содержится не под фамилией, а под присвоенным ему номером. Подобраны и уже использованы в деле два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) в отношении особо важных и особо опасных преступников».

Группе чекистов выдали резиновые палки, обещали путевки в дом отдыха, денежное пособие и внеочередное присвоение воинских званий. Они старались. На допросах так избивали Абакумова, что он ходить не мог. Заключение тюремного врача свидетельствует о том, что Абакумова (ему было всего сорок с небольшим, и на здоровье он прежде не жаловался) превратили в полного инвалида:

«Заключенный номер пятнадцать еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение. По состоянию здоровья нуждается в переводе из карцера в камеру».

Недавнего министра держали в карцере-холодильнике. Морили голодом. В апреле 1952 года Абакумов попросил бумагу и карандаш. Написал письмо Берии и Маленкову:

«Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером два метра.

В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день) я провел восемь суток. Установка включалась, холод все время усиливался. Я много раз впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел и о наличии в Лефортово таких холодильников не знал — был обманут. Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг.

23 марта это чуть не кончилось смертью — меня чудом отходили и положили в санчасть, впрыснув сердечные препараты и положив под ноги резиновые пузыри с горячей водой».

Сидя в тюремной камере, Абакумов не думал о том, что

повторил судьбу миллионов людей, которых посадили за то, что они не совершали. Других сажали правильно. С ним поступили несправедливо! Недоброжелатели настроили против него вождя. Абакумов надеялся, что Сталин перестанет на него гневаться.

По — свойски просил Берию и Маленкова:

«Первое. Закончить все и вернуть меня к работе, мне нужно лечение.

Второе. Если какое-то время будет продолжаться эта история, то заберите меня из Лефортово и избавьте от Рюмина и его друзей. Может быть, надо вернуть в Матросскую Тишину и дать допрашивать прокурорам.

Может быть, можно вернуть жену и ребенка домой, я Вам вечно буду за это благодарен. Она человек очень честный и хороший».

В каком-то смысле бывший министр госбезопасности оказался на удивление наивным человеком. Не сомневался, что выйдет из застенков. Почему-то верил, что Берия и Маленков замолвят за него словечко:

«Прошло уж больше года, а меня по-прежнему беспрерывно допрашивают. Все это время мне ставили большое количество вопросов — странных, нелепых и просто провокационных… Может быть, было бы лучше закончить эту историю до отъезда тов. Сталина в отпуск? Говорю это потому, что иногда в период отпуска некоторые вопросы решались острее. Поймите мое положение и поэтому извините меня за такой совет.

Еще раз прошу Вас о жене и ребенке. Верните их домой. У жены здоровье плохое, а ребенку нужен воздух. Иначе можно погубить и ее, и моего дорогого, единственного сына.

Прошу Вас, помогите мне в этом».

В ответ новый министр Игнатьев получил указание еще ужесточить режим содержания арестованного. Абакумова перевели в Бутырскую тюрьму. Из соседних камер заключенных убрали.

«У двери камеры выставлен круглосуточный пост из числа наиболее проверенных надзирателей. Они предупреждены, что арестованный номер пятнадцать способен допустить любую провокацию и может прибегнуть к самоубийству.

Согласно указанию министра, арестованный номер пятнадцать закован в наручники, которые будут сниматься только во время принятия пищи. Все остальное время арестованный номер пятнадцать будет сидеть в наручниках, причем в дневное время с руками за спину, а в ночное время с руками на животе».

С бывшим министром делали то, что он творил с другими, пока был хозяином Лубянки. Когда его арестовали, уверенно

сказал на допросе:

— Мы можем бить арестованных. В ЦК меня и моего первого заместителя Огольцова многократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к шпионам и другим государственным преступникам, когда это нужно.

Бывший директор одного авиационного завода, который выжил, рассказал, что с ним делали на Лубянке. На допрос пришел Абакумов и приказал заместителю начальника следственной части по особо важным делам полковнику Владимиру Ивановичу Комарову:

— Возьмите двух следователей поздоровее, бейте его в две дубинки и заставьте говорить!

«Была показана дубинка. Комаров довольно детально и со вкусом объяснял, как ею орудуют, какие последствия на всю жизнь остаются у людей, ее испробовавших… Я отказался дать показания. Комаров заставил меня встать, ударил два раза по лицу, при этом выбил два зуба, а затем вместе с Рассыпинским потащил меня к креслу и избил резиновой дубинкой. На следующем допросе меня уложили на пол, сняли полуботинки и били этой же дубинкой по подошвам и пяткам. Всего таких допросов было семь. После седьмого допроса я не выдержал и сказал, что готов дать показания».

У полковника Комарова, слесаря по профессии, было семь классов образования. Когда посадят его самого, он честно расскажет:

— Мне Абакумов часто говорил: «Ты — дуб». Его упреки были справедливы, так как написание показаний арестованных у нас было слабым местом из-за общей малограмотности.

Подполковник Анатолий Филиппович Рассыпинский, выпускник сельскохозяйственного техникума, служил старшим следователем, помощником начальника следственной части по особо важным делам, потом служил в 6-м отделе (борьба с еврейским национализмом) 5-го (секретно-политического) управления МТБ.

Почему в сталинские годы обвиняемые признавались в самых невероятных преступлениях? Показания в буквальном смысле выбивали, и люди не выдерживали пыток.

На процессе по делу бывшего начальника Главного управления военной контрразведки Смерш и министра госбезопасности Виктора Абакумова в декабре 1954 года генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко сказал:

— Я не хочу расшифровывать некоторые формы пыток с тем, чтобы не унижать достоинство тех лиц, к которым они

применялись, которые остались живы и присутствуют на процессе.

Руденко, пишет бывший председатель Верховного суда СССР Владимир Иванович Теребилов, «видимо, имел в виду случаи, когда, например, допрашиваемого раздевали и сажали на ножку перевернутой табуретки с тем, чтобы она попала в прямую кишку».

Вслед за арестом Абакумова Сталин устроил на Лубянке большую чистку. Чекистов выгоняли и сажали. В узком кругу Сталин говорил:

— Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут стараться вредить. Об этом наши люди забыли, появилось благодушие, ротозейство, зазнайство… Неблагополучно в госбезопасности, притупилась бдительность. Они сами признались, что сидят в навозе, в провале. Лень, разложение глубоко коснулись МГБ. Надо лечить госбезопасность.

Один из подчиненных Абакумова не выдержал и дал нужные следствию показания: террористическая группа внутри МГБ под руководством Абакумова готовила покушение на Маленкова. Чекисты-заговорщики действовали под руководством американского посла в Москве Аверелла Гарримана… Сталин одобрил обвинительное заключение по делу Абакумова, но расстреливать его не торопился.

Система Министерства внутренних дел, которому подчинялись лагеря, готовилась принять новых заключенных. Они должны были приносить пользу, поэтому новые лагеря размещались с учетом потребностей того или иного промышленного ведомства.

30 апреля 1951 года министр внутренних дел Сергей Никифорович Круглов подписал приказ «Об организации особого лагеря № 10»:

«1. Организовать на территории Кемеровской области для строительства шахт Томь-Усинского месторождения Кемеровского угольного бассейна — особый лагерь № 10 МВД на 25 000 заключенных.

2. Присвоить особому лагерю наименование «Камышевый».

Осенью 1951 года Сталин поехал отдыхать на озеро Рица, где ему построили новую дачу. Отпуск вождь взял себе долгий — пять месяцев. Но уже в середине октября вызвал к себе нового министра государственной безопасности Семена Денисовича Игнатьева.

Выбор казался странным. Игнатьев — чиновник. До перехода на Лубянку заведовал в ЦК отделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров, то есть был главным кадровиком. Но

Сталину и понадобился человек со стороны. Он сознательно назначил министром чужого для чекистов аппаратчика. Спросил, как работает аппарат госбезопасности. Игнатьев довольно бодро ответил, что после ареста Абакумова наблюдалась некоторая растерянность, но «теперь чекисты подтянулись, работают лучше».

Сталин укорил нового министра:

— Слепой вы человек, не видите, что вокруг вас делается.

И показал Игнатьеву новое письмо Рюмина, перечислявшего тех руководителей МГБ, кто принадлежит к группе Абакумова и работает нечестно. Сталин распорядился:

— Рюмина нужно назначить заместителем министра.

Вождь был страшно недоволен чекистами, именовал их «бездельниками». Приказал Игнатьеву провести чистку на Лубянке:

— Я не говорю, чтобы вы их выгоняли на улицу. Посадите. И пусть сидят…

За решеткой оказались высшие руководители органов госбезопасности. Правда, одного из заместителей министра генерал-лейтенанта Николая Николаевича Селивановского пришлось передать врачам-психиатрам. У него диагностировали «затяжное реактивное состояние в форме психического параноида». Сажали, впрочем, не только по политическим причинам, но и за хозяйственные упущения и чистую уголовщину. Например, тех, кто не по чину, вагонами тащил трофейное имущество из Германии.

Такой масштабной чистки не знало ни одно ведомство. За год, с 1 июля пятьдесят первого по 1 июля пятьдесят второго года, «как не справившихся с работой» выгнали 1583 чекиста. Еще три тысячи уволили за различные нарушения. В сентябре пятьдесят второго сократили аппарат госбезопасности на тридцать с лишним тысяч человек! Но все равно Сталин требовал убирать людей, «недостойных работать в ЧК».

От чекистов требовали углубленно изучать труды вождя и партийные документы, чтобы они понимали требования партии. Для этого выделялось специальное время в рабочие дни. Вот приказ начальника одного из областных управлений госбезопасности:

«Установить следующий распорядок рабочего времени для личного состава УМГБ:

дневная работа с 10.00 до 17.00 вечерняя работа с 20.00 до 24.00.

Время для массово-политической работы — лекций, докладов, бесед и других мероприятий отвести по понедельникам

с 9.00 до 11.00.

Сотрудникам УМГБ в связи с введением настоящего распорядка дня обратить внимание на необходимость всемерного уплотнения рабочего времени, недопущения опозданий, преждевременных уходов с работы и бесцельной траты времени — не связанных с выполнением служебных обязанностей. Использование рабочего времени для посещения столовой и для других личных нужд сотрудников — запретить.

Разъяснить всем сотрудникам УМГБ, что новый распорядок дня дает возможность и должен быть использован для улучшения самостоятельной работы по марксистско-ленинскому образованию».

По указанию вождя Игнатьев взял на работу два десятка секретарей обкомов, которые получили высокие воинские звания и возглавили ключевые подразделения в аппарате МГБ. Материальные условия для них были сохранены — не ниже, чем у секретаря обкома, всем предоставили квартиры в Москве.

Игнатьев собрал руководящий состав министерства и выступил с докладом «О состоянии работы МГБ СССР и очередных задачах». Говорил почти два часа. Это был полный разнос чекистской работы.

«Огульно, в острых, порой нелепых, хлестких выражениях давалась оценка деятельности всех ведущих управлений и отделов министерства, — с обидой вспоминал участник совещания полковник Леонов. — Безмерно охаивалась их деятельность. Некоторые из этих нелепых оценок доклада остались в моей памяти на всю жизнь. Оценивая деятельность второго главного управления — ведущего в МГБ и возглавлявшегося заместителем министра Питоврановым, — говорилось, что оно занимается мелочами, «из пушек стреляет по воробьям, в то время как коршуны летают в воздухе». С оперативного совещания мы ушли в подавленном настроении».

На Лубянке за эти годы сформировалась своего рода каста, привыкшая к своему положению, и кадровые работники были безмерно обижены новым министром. Они не знали, что Игнатьев исполняет волю вождя, пожелавшего перетряхнуть чекистский аппарат сверху донизу.

Сталин распорядился арестовать раскритикованного Игнатьевым еще одного заместителя министра — генерала Евгения Петровича Питовранова и с ним еще группу крупных чекистов. Хотя еще недавно подумывал, не поставить ли Питовранова во главе министерства… Философски заметил:

— У чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму.

Он бранил аппарат Лубянки:

— Бегемоты… Ожирели… Разучились работать…

Осенью 1952 года Сталин впервые после войны не поехал осенью в отпуск. Велел построить на «ближней» даче оранжерею для выращивания лимонов, не вызревающих в условиях средней полосы России. Он не покидал Москву и в приснопамятном тридцать седьмом… Так что же, страна стояла на пороге нового Большого террора?

Похоже, он готовился к третьей мировой войне. И хотел заранее разоблачить и обезвредить «внутренних врагов». Для этого понадобилась команда чекистов, рвущихся доказать свою преданность и рвение.

Постановление ЦК от 11 июля 1951 года, которое поставило точку в карьере Абакумова, требовало от нового министра вскрыть «существующую среди врачей вражескую группу, проводящую вредительскую работу против руководителей партии и правительства».

Сталин напутствовал его:

— Вот вы, товарищ Игнатьев, доложили после проверки работы МГБ о вероятности существования террористической группы среди врачей. Теперь вам и карты в руки. Надеемся, что вы эту террористическую группу раскроете.

Игнатьев потребовал от своих подчиненных поднять дела всей агентуры, завербованной среди врачей. Следов такой группы не нашли. В октябре отдыхавший на юге вождь поинтересовался:

— Как идет работа по вскрытию вражеской группы среди врачей?

Министр ничем не мог порадовать Сталина. Тот разразился гневной тирадой:

— Чекисты ни черта не видят дальше своего носа. Перерождаются в простофиль-обывателей. Не хотят честно выполнять директив ЦК.

Игнатьев вызвал своих заместителей. Договорились сформировать в составе 2-го Главного управления МГБ бригаду из оперативников и следователей, которым поручили во что бы то ни стало исполнить указание вождя. Бригада занялась проверкой персонала Лечебно-санитарного управления Кремля и нашла его «засоренным» антисоветскими элементами.

Начались аресты врачей, лечивших руководителей партии.

Первым — еще при Абакумове, 18 ноября 1950 года — взяли одного из самых заметных кардиологов профессора Якова Гиляриевича Этингера. Он окончил естественно-математический факультет Кенигсбергского университета и медицинский факультет Берлинского университета. В Первую мировую войну

служил в военном госпитале. Он заведовал кафедрой 2-го мединститута, консультировал Лечебно-санитарное управление Кремля и Центральную поликлинику МГБ, многим своим пациентам спас жизнь.

Но это не имело никакого значения, когда госбезопасность занялась им летом 1948 года. В квартире профессора установили редкую тогда еще подслушивающую аппаратуру, два года записывали его откровенные разговоры с сыном на политические темы — о Сталине, о расцветающем антисемитизме.

Арестовали и его сына, Якова Яковлевича Этингера, студента исторического факультета МГУ. В войну в оккупированном немцами Минске младший Этингер был отправлен в гетто. Фашисты намеревались уничтожить его, как и все остальное еврейское население. Он чудом остался жив. Чтобы угодить в советский лагерь. Младший Этингер получит десять лет в особом лагере (то есть в особо жестких условиях), его жену тоже посадят…

На первом же допросе следователь Рюмин предъявил старшему Этингеру обвинение во «вредительском лечении» руководителей страны, в первую очередь — Александра Сергеевича Щербакова. Абакумов счел это обвинение липовым. Приказал «прекратить работу с Этингером о вредительском лечении», достаточно и его антисоветской деятельности.

Профессора избивали, не давали спать. Он еле держался на ногах. Один сердечный приступ следовал за другим. Медчасть Лефортовской тюрьмы предупредила следователя: «В дальнейшем каждый последующий приступ грудной жабы, сопровождающийся сердечной слабостью, может привести к неблагоприятному исходу». После одного из допросов в марте 1951 года профессор Этингер скончался.

После ареста самого Абакумова вождю доложили, что «еврейский националист врач Этингер признал, что при лечении т. Щербакова А.С. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить его жизнь». Абакумов утаил от ЦК показания Этингера и помешал тем самым выявить «законспирированную группу врачей, выполняющих задания иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства».

Виктор Абакумов конечно же не пытался ничего скрыть. Он просто не угадал далеко идущие замыслы Сталина. Теперь его недавние подчиненные сделали самого Абакумова участником такого заговора.

Взяли начальника Лечебно-санаторного управления Кремля

профессора Петра Ивановича Егорова, заведующего терапевтическим отделением Кремлевской больницы академика Владимира Никитовича Виноградова и профессора-консультанта Владимира Харитоновича Василенко.

На допросах врачи «признавались» в том, что они «неправильно диагностировали заболевание товарища А.А. Жданова, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому заболеванию режим и в итоге умертвили его».

Сталин потребовал, чтобы МТБ представило доказательства связи «врачей-вредителей» с западными спецслужбами. А кто еще мог ими руководить? Кто главный враг?

В бюллетене бюро информации ЦК ВКП(б) № 69 от 15 ноября 1947 года говорилось: «После войны, когда американский империализм выступил в роли застрельщика и оплота реакции во всем мире, его разведка направила свои главные силы на борьбу против Советского Союза».

Но следователи оказались в тупике. Они наловчились конструировать однотипные обвинения в троцкизме или антисоветской пропаганде. А как связать врачей с американской разведкой?

Тогдашний помощник начальника следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности Николай Месяцев (будущий председатель Гостелерадио СССР) рассказывал, как работали его коллеги:

— Следователь брал историю болезни, например председателя комиссии партийного контроля Андреева. Ну какой из следователя специалист в области уха, горла, носа? Андрееву, у которого сильно болело ухо, давали небольшую дозу опиума, чтобы смягчить боль. Так следователь приписал лечащему врачу, что тот приучал члена политбюро к опиуму и тем самым доводил до сумасшествия.

Сталин был недоволен неумелостью следователей. К удивлению Игнатьева злобно матерился:

— Я не проситель у МГБ. Я могу и потребовать, и в морду дать, если вами не будут исполняться мои требования… Мы вас разгоним, как баранов… Если не вскроете террористов, американских агентов среди врачей, то будете там же, где и Абакумов…

В августе 1952 года к Игнатьеву пришел Рюмин. Он раскопал историю с Тимашук. Письмо Тимашук достали из архива. Ее пригласили в следственную часть по особо важным делам Министерства государственной безопасности и попросили подробно описать обстоятельства смерти Жданова.

В конце августа Сталин вызвал Игнатьева на «ближнюю» дачу. Вождь пребывал в дурном настроении:

— Чекисты разучились работать, ожирели, растеряли и забыли традиции ЧК времен Дзержинского. Чекисты оторвались от партии, хотят встать над партией…

Но в тот день Игнатьеву было чем порадовать Сталина. История с Тимашук ему понравилась. Вот она, реальная история умерщвления члена политбюро врачами-преступниками! Спросил, кто проявил инициативу.

— Рюмин и его работники, — ответил министр.

— Я все время говорю, что Рюмин — честный человек и коммунист, — воодушевился вождь. — Он помог ЦК вскрыть серьезные преступления в МТБ. Но он, бедняга, не находит среди вас поддержки, и это потому, что я назначил его вопреки вашему возражению. Рюмин — молодец, и я требую, чтобы вы прислушались к нему и приблизили его. Имейте в виду — старым работникам МТБ я не очень доверяю.

«Лечение тов. Щербакова, — докладывал Игнатьев, — велось рассчитанно преступно… Лечение товарища Жданова велось также преступно… Вражеская группа, действовавшая в Лечсанупре Кремля, стремилась при лечении руководителей партии и правительства сократить их жизнь».

Вскоре Тимашук испытает миг счастья. 20 января 1953 года ее пригласит к себе в Кремль секретарь ЦК Георгий Маленков и от имени товарища Сталина и советского правительства поблагодарит за бдительность. На следующий день в газетах будет опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР: «За помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц, наградить врача Тимашук Лидию Феодосьевну орденом Ленина». Почти до самой смерти Сталина все газеты будут писать о враче-патриоте. В один день она станет самым популярным человеком в стране.

Сталин приказал арестовать начальника Лечсанупра Кремля профессора Егорова. Как только его взяли, спросил:

— Надели ему кандалы?

Услышав, что профессор не в наручниках, разразился злобной тирадой:

— Вы политические слепцы, а не чекисты. С врагами нигде так не поступают, как поступаете вы. Вы ни черта не понимаете в чекистском деле, а в следствии в особенности.

Он требовал бить арестованных, чтобы они во всем признались.

«К Егорову, Виноградову и Василенко, — доложили Сталину, — применены меры физического воздействия, усилены

допросы их, особенно о связях с иностранными разведками».

Один из следователей докладывал в ЦК: «Коган и Вовси показывали, что они делали ставку на физическое устранение товарищей Сталина и Маленкова. Только лишь в конце декабря 1952 года по указанию министра госбезопасности тов. Игнатьева, основывавшегося на указании ЦК КПСС, к некоторым из арестованных врачей были применены меры физического воздействия. Тов. Игнатьев дал указание о применении этой меры, исходя из того, что врачи-террористы не могли действовать по собственному почину, а обязательно должны быть связаны с иностранными разведками».

В самый напряженный момент министр госбезопасности Игнатьев свалился. Это понятно: он попал в такую мясорубку, что и здоровое сердце не выдержит. Его заместитель Гоглидзе вспоминал, что министр той осенью находился «в крайне подавленном состоянии».

Сталин рассчитывал, что найдет в его лице второго Ежова, который в тридцатых годах сам ходил по камерам, допрашивал арестованных и бил их. Вождь ценил именно таких.

14 января 1938 года в Москве на пленуме ЦК ВКП(б) обсуждались «перегибы» в репрессивной политике. Доклад прочитал заведующий отделом партийных кадров Георгий Максимилианович Маленков. Он покритиковал первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Мир-Джафара Багирова:

— Ты расстреливаешь списками, даже фамилий не знаешь…

Тот быстро нашел оправдание:

— Окопавшиеся в аппарате Азербайджанского НКВД враги сознательно путали документы.

Сталин взирал на него благодушно. Упрекали хозяина республики не за то, что он расстреливал кого хотел, а за то, что ленился оформлять. Багирова сделали членом ЦК. Начались лучшие годы его жизни.

А Игнатьев надежд не оправдал. Партийный функционер, чинуша, он пунктуально передавал подчиненным указания вождя, требовал, чтобы те выбивали нужные показания, а сам не покидал письменного стола. Слабаком оказался.

Разочарованный Сталин ему прямо сказал:

— Ты что, белоручкой хочешь быть? Не выйдет. Забыл, что Ленин дал указание расстрелять Каплан? Хотите быть более гуманными, чем был Ленин? А Дзержинский приказал выбросить в окно Савинкова. У Дзержинского были для этой цели специальные люди — латыши, которые выполняли такие поручения. Дзержинский — не чета вам, но он не избегал черновой работы, а вы, как официанты, в белых перчатках

работаете. Если хотите быть чекистами, снимайте перчатки. Чекистская работа — это мужицкая, а не барская работа.

И добавил:

— Будешь чистоплюем, морду набью.

Сталинские угрозы звучали зловеще.

Если бы Сталин не умер, Игнатьев мог последовать за уже арестованными чекистами.

15 ноября 1952 года у министра случился сердечный приступ. Поставили диагноз — инфаркт. Вместо Игнатьева верными помощниками вождя стали два генерала — Огольцов и Гоглидзе. Обоих назначили первыми заместителями министра госбезопасности. Вот они не гнушались самой грязной и кровавой работы. Вождь ценил таких работников. Однажды Берия привез ему компрометирующие материалы на коменданта внутренней тюрьмы на Лубянке Василия Блохина. Сталин ответил:

— Таких людей сажать не надо, они выполняют черновую работу — исполняют приговоры.

Расстреливая заключенных, Василий Михайлович Блохин удостоился высших государственных наград, включая орден Ленина, дослужился до генеральских погон, но в 1954-м его лишили высокого звания как палача.

Генерал-лейтенант Сергей Иванович Огольцов понравился вождю тем, что, выполняя его личное задание, сам убил двоих человек. Не на фронте, где никогда не был, и не в схватке с хорошо вооруженными диверсантами или бандитами… Он убил художественного руководителя Государственного еврейского театра народного артиста СССР Соломона Михайловича Михоэлса и театрального критика Владимира Ильича Голубова-Потапова.

Линия пятая
Новые кадры — новые дела

Смерть артиста

«Сны Михоэлса, — вспоминала вдова, Анастасия Павловна Потоцкая, — почти всегда были смешаны с его тревогами. Он часто рассказывал о снах, веря в то, что я сумею их разгадать, и в то, что я сама иногда вижу вещие сны о грядущих неприятностях. Последний год много раз его преследовал сон о том, что его разрывают собаки.

Это было тем более странно, что собак он обожал с детства. Последняя его собака, полученная им в Центральном доме работников искусств на встрече нового, 1947 года, была источником какого-то мальчишеского интереса, веселья и радости. И тем более странным, так и неразгаданным остался его мучительный сон, сон, во время которого он так метался и от которого просыпался с диким криком!»

Вот и говори после этого, что людям не дано предвидеть их будущее… Ему суждено было умереть страшной, мучительной смертью. Его любило столько людей, у него было так много настоящих друзей, а в последние минуты жизни рядом не оказалось ни одного близкого человека. Только убийцы — уголовники в погонах.

14 января 1948 года Сергей Никифорович Круглов, который сменил Берию на посту министра внутренних дел СССР, доложил Сталину, Молотову, Ворошилову и Жданову:

«13 января в 7 часов 10 минут утра в городе Минске, на дороге около строящейся трамвайной линии, ведущей с улицы Свердлова на улицу Грабарная, были обнаружены два мужских трупа, лежащих лицом вниз.

Убитыми оказались Михоэлс С.М., художественный руководитель Государственного еврейского театра, народный артист СССР, и Голубов-Потапов В.И., член московской организации Союза советских писателей. Возле трупов обнаружены следы грузовых автомашин, частично заметенные снегом. По данным осмотра места происшествия и первичному заключению медицинских экспертов, смерть Михоэлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда автомашины, которая ехала с превышающей скоростью и настигла их, следуя под крутым уклоном по направлению к улице Грабарная.

Приняты меры к установлению автомашины. Ведется

следствие».

Сталин поделил органы на два конкурирующих ведомства — МЕБ и МВД. Уголовные дела достались Министерству внутренних дел. Расследованием обстоятельств смерти Михоэлса и Голубова-Потапова поначалу занялась милиция.

«Я сам лично выехал на место происшествия, — вспоминал тогдашний министр внутренних дел Белоруссии генерал-лейтенант Сергей Саввич Бельченко. — Был составлен протокол осмотра. На трупах и на заснеженной дороге отчетливо виднелись отпечатки протекторов шин автомобиля».

Шерлок Холмс не потребовался. К концу дня разыскиваемый автомобиль был найден. Генералу Бельченко доложили, что машина стоит в гараже республиканского Министерства государственной безопасности. Министром в Белоруссии был Цанава.

Лаврентий Фомич Цанава служил вместе с Берией с 1921 года. В 1922 году его исключили из партии по обвинению «в умыкании невесты», через год восстановили. Вслед за Берией Цанава в 1933 году ушел из органов госбезопасности, возглавил виноградное управление Самтреста, потом стал первым заместителем наркома земледелия Грузии. Его настоящая фамилия — Джанджгава. Московским начальникам трудновато было ее выговорить. В 1938 году Берия попросил его сменить фамилию на более простую. Цанава много лет был наркомом внутренних дел Белоруссии. Во время войны возглавлял особый отдел Западного фронта, был заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения.

В здании ЦК компартии Белоруссии министр госбезопасности Цанава самым дружеским образом подошел к министру внутренних дел Бельченко.

— Я его хорошо знал, — рассказывал Сергей Бельченко на склоне лет, — и поэтому его поведение меня удивило. Он был слишком любезен со мной.

Цанава взял Бельченко под руку и отвел в сторону:

— Я знаю, что твои люди были у меня в гараже. Это не слишком хорошая идея. Я прошу тебя не производить больше каких-либо действий против моих людей. Население может нехорошо подумать о нас. Делом занимайся, убийц ищи, но не лезь ты, куда тебя не просят.

Генерал Бельченко сам был чекистом, намек Цанавы понял и позвонил в Москву своему начальнику — союзному министру внутренних дел генерал-полковнику Круглову.

Круглов учился в Институте красной профессуры, в 1937 году его взяли в аппарат ЦК — ответственным организатором отдела

руководящих партийных кадров ЦК ВКП(б). А через год перевели в НКВД — вместе с целой группой партийных работников — в помощь новому наркому Лаврентию Павловичу Берии. Круглов Берии понравился, и через два месяца Сергея Никифоровича назначили заместителем наркома и начальником отдела кадров НКВД. После войны, в январе 1946 года, он занял место Берии.

Сергей Никифорович выслушал рапорт Бельченко и распорядился: поиск преступников продолжать, но не распространяться об этом деле. Голос у Круглова был вялый, запомнил Бельченко, и он против обыкновения не требовал немедленного результата. Еще больше генерала удивили последние слова союзного министра.

— Вы, в общем, не особо там копайте, — сказал Круглов и повесил трубку.

Круглов, надо понимать, уже сообразил, что именно произошло в Минске.

11 февраля 1948 года заместитель начальника Главного управления милиции доложил заместителю союзного министра внутренних дел генерал-полковнику Ивану Александровичу Серову:

«12 января, около 18 часов, Михоэлс и Голубов-Потапов, пообедав в ресторане, ушли в гостиницу, а находившимся с ними работникам минских театров сказали, что в этот вечер они будут заняты, так как намерены посетить какого-то знакомого Голубова-Потапова — инженера Сергеева или Сергея…

Около 20 часов они вышли из гостиницы, а в 7 часов утра 13 января трупы их были обнаружены на временной малопроезжей дороге. Указанной дорогой, несмотря на то что она находится в черте города, водители автотранспорта мало пользовались, так как она проходила по пустырю и представлялась неудобной. Оба трупа оказались вдавленными в снег, который шел с вечера 12 января при значительном ветре…

Все собранные материалы дали основание полагать, что Михоэлс и Голубов-Потапов по каким-то причинам намеревались посетить какое-то другое лицо и эту встречу тщательно зашифровали от своих знакомых и окружающих, назвав при этом вымышленную фамилию инженера Сергеева».

Если бы милиционерам не мешали, они бы легко добрались до истины. Но поступило указание все материалы передать 2-му управлению Министерства госбезопасности Белоруссии. «Установить водителя, совершившего наезд, — доложили генералу Серову, — пока не представилось возможным».

В Москве художественного руководителя Государственного еврейского театра и председателя Еврейского антифашистского

комитета Соломона Михоэлса хоронили с почетом. Михоэлс был гениальным актером и замечательным человеком с большим сердцем, бесконечно обаятельным, открытым, готовым помочь и помогавшим людям.

«Наибольшее напряжение силы воли, — вспоминала его вдова Анастасия Потоцкая, — требовалось Михоэлсу для укрощения его же собственного темперамента и неиссякаемой готовности защищать кого-то, вступить в борьбу (часто в самую простую уличную драку) — за справедливость, за обиженных, за «правильное». Если где-нибудь возникал слишком громкий разговор, или, еще хуже, драка, — Михоэлса удержать было невозможно. Он бросался туда рывком».

Его смерть была страшным ударом для советских евреев, которые им искренне гордились. В 1946 году Михоэлс получил Сталинскую премию. Он и сам был членом Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы, членом художественного совета Комитета по делам искусств при Совете министров СССР, членом президиума Всероссийского театрального общества и Центрального комитета профессионального союза работников искусств.

В годы войны Соломона Михоэлса командировали в Соединенные Штаты. Тысячи американцев приходили послушать Михоэлса. В Соединенных Штатах общественное мнение влияет на политику, и призыв американских евреев поддержать советский народ в борьбе с нацизмом привел к увеличению военной помощи и в конце концов приблизил открытие второго фронта.

Через несколько месяцев после убийства Соломона Михоэлса в документах Министерства госбезопасности великого артиста назовут агентом сионизма, жалким заговорщиком, пожелавшим оторвать от России Крым и отдать его американцам. Михоэлса задним числом подверстали к создаваемому на Лубянке «еврейскому заговору».

Но зачем еще до разработки мнимого «заговора» артиста Михоэлса в ночь на 13 января 1948 года убрали, да еще таким сложным и изощренным путем?

Историки сходятся во мнении, что толчком послужили сообщения американской прессы о состоянии здоровья Сталина. Вождь болезненно относился к таким публикациям. Читая обзоры иностранной прессы, он выходил из себя и требовал, чтобы чекисты выяснили, от кого американцы получают эти сведения.

Едва ли американские корреспонденты в Москве нашли какой-то особый источник информации. Контакты с иностранцами были опасны, даже советские дипломаты избегали

встреч с корреспондентами, на приемы в посольство ходили по приказу начальства. 14 ноября 1949 года приняли специальное постановление политбюро: «В связи с тем, что работники министерства иностранных дел по роду своей службы поддерживают связь с иностранцами, считать необходимым возложить на МГБ чекистское обслуживание аппарата МИД».

Что касается здоровья Сталина, то видно было, что стареющий вождь выглядит плохо, подолгу отсутствует в Москве, мало кого принимает. Об этом корреспонденты и писали. Но для Сталина эти статьи были невыносимы!

Он не мог примириться с тем, что силы ему изменяют, что все чаще болеет. Когда он себя плохо чувствовал, никого к себе не допускал. Он не только не нуждался в чисто человеческом сочувствии, но и не хотел, чтобы кто-то знал о его недугах. Болезни вождя были государственной тайной. Все должны были считать, что он полон сил и работает.

В МГБ придумали вариант, который явно устроит Сталина: сведения о великом вожде распространяет семья Аллилуевых — родственники его покойной жены.

Большевики Сергей Яковлевич и Ольга Евгеньевна Аллилуевы с дореволюционной поры дружили со Сталиным. Помогали ему, когда он отбывал ссылку в Туруханске, приютили, когда он в 1917-м приехал в Петроград. В 1918 году Сталин женился на младшей дочери Аллилуевых Надежде. Новых родственников он, мягко говоря, недолюбливал.

Главный редактор издательства «Художественная литература» Александр Иванович Пузиков вспоминал, как однажды к нему в кабинет вошла женщина средних лет, представилась:

— Я Аллилуева, Анна Сергеевна, сестра Надежды — жены Сталина. До войны вышла книга нашего отца, старого большевика, и я хотела бы ее переиздать. Это воспоминания о революционной работе, о партии, о товарищах.

Посетительница уселась на стул рядом и по-свойски пожаловалась на вождя:

— Обращались к нему, но он и пальцем не пошевелил. Трудный человек! Я и Светлана отправились навестить его на озеро Рица. Два дня прождали, пока соблаговолил нас принять. Все-таки дочь и сестра жены. Прожили двое суток в гостинице. С тех пор как умерла Надежда, потерял к нам всякий интерес.

Пузиков, понимая, какой рискованный разговор затеялся, промямлил что-то вроде: у Иосифа Виссарионовича много дел.

— Занят-то он занят, но нельзя забывать и о дочери. У нее свои проблемы, свои заботы, и весьма серьезные, жизненные. Что

это за отец, который поступает с дочерью, как с посторонним лицом? Понимаю Надежду. Как ей было тяжело жить с таким человеком!

Посетительница привстала:

— Спасибо. Вы уж простите меня за откровенность. Накопилось. До свидания.

Анна Сергеевна Аллилуева сама взялась за перо. В 1946 году в издательстве «Советский писатель» вышла ее небольшая книжечка. Старшая сестра покойной Надежды описала молодого Сталина, который в 1917 году жил в их квартире. Она думала, что сделает вождю приятное. И промахнулась. Сталин пришел в крайнее раздражение. Для всех советских людей он уже был богом, а свояченица позволила себе описать его живым человеком с не очень симпатичными чертами. «Правда» откликнулась разгромной рецензией.

Помимо всего прочего Анна Аллилуева была вдовой видного чекиста комиссара госбезопасности 1-го ранга Станислава Францевича Реденса. Бывший секретарь Дзержинского, он руководил столичной госбезопасностью. В 1938 году впал в немилость. Его отправили наркомом внутренних дел в Казахстан, через несколько месяцев арестовали, обвинили в шпионаже на панскую Польшу и в январе 1940 года расстреляли.

Своей книгой Анна Аллилуева напомнила о себе. В 1948 году ее арестовали. 24 мая Особое совещание МГБ приговорило ее к пяти годам тюремного заключения. А через четыре года Особое совещание пересмотрело ее дело и увеличило срок до десяти лет. Если бы не смерть Сталина, она бы на свободу не вышла.

Ее сын Владимир Станиславович Аллилуев уже в наше время составит родословную Аллилуевых-Сталиных и напишет книгу «Хроника одной семьи». В книге масса любопытного. Нет только одного — сочувствия к несчастным родителям и попытки понять, почему у него отняли сначала отца, а потом мать.

Его отца расстреляли, когда мальчику было всего пять лет. Ему было тринадцать, когда посадили его мать. От отца, которого он почти не помнит, осталось только судебное дело. Но мальчик сохранил наилучшие воспоминания о детстве и отрочестве. Ни Сталин, ни система, при которой можно расстреливать невинных людей, по мнению автора, в смерти его отца не виноваты. Система вообще была замечательная: «В те годы торговля работала исправно, надежно, цены снижались, одно время в столовых хлеб даже подавался бесплатно, люди видели, что жизнь их постоянно улучшается… Система обеспечивала людям надежную жизнь, страна двигалась вперед».

Это суждение подкреплено личным опытом автора. Несмотря

на расстрел отца, будущего автора книги и его семейство не лишили ни кремлевской поликлиники, ни так называемой столовой лечебного питания, которую обычно именовали кормушкой, ни машин из правительственного гаража — «линкольнов» и «мерседесов», а после войны «ЗИС-110». Жили в известном Доме на набережной. Квартира пятикомнатная, примерно сто квадратных метров, с удовольствием вспоминал Владимир Аллилуев. Лето проводили на сталинской даче. В аспирантуру его устраивал адъютант Василия Сталина, который объяснил ректору МГУ, кто есть кто. При этом автор искренне уверен, что «образ жизни у нас был, как мне кажется, вполне демократичным… Тогда действительно считалось неприличным жить лучше других».

Сталин оставил автора без отца, но дал взамен незабываемое чувство причастности к высшей власти. Если в книге и есть герой, то это Иосиф Сталин. Автор и не замечает, как странно звучит такая фраза: «После гибели отца, уже после войны мы с мамой также любили бывать в театрах. В Большом театре, помню, сидели в сталинской ложе».

Незабываемы секунды, когда на будущего автора обращал внимание сам великий человек. Увидев маленького Аллилуева, Сталин сказал его матери:

— Ну вот, за такого сына с тобой и помириться можно!

Отец уже расстрелян.

«Больше всего Сталин тогда уделил внимания нам, детям, о многом расспрашивал, шутил, поддразнивал. За ужином все время подбрасывал мне в тарелку кусочки печенья, апельсиновой кожуры. Мы смеялись, повизгивали от восторга».

Первой воспоминания о кремлевском детстве написала Светлана Аллилуева. Пожалуй, ее литературный опыт и по сей день остается самым удачным: книга была откровенной и серьезной. Правда, больший успех выпал на долю более поздней книги Сергея Хрущева — благодаря умело закрученному, почти детективному сюжету. Хрущев-младший положил начало литературе оправданий, когда кремлевские дети взялись защищать честь отцов. Андрей Маленков в книге «О моем отце Георгии Маленкове» уверял, что Георгий Максимилианович не имел отношения к репрессиям, напротив, пытался остановить Берию. Серго Берия, которому после расстрела отца пришлось носить материнскую фамилию, в книге «Мой отец — Лаврентий Берия» исходит из того, что его отец только и делал, что спасал людей. Желание не замечать грехи отцов по-человечески понятно. Но Владимир Аллилуев, пожалуй, первым взялся защищать не убитого отца, а того, кто приказал его убить.

Его мать, Анна Аллилуева, отсидела шесть лет. Она вернулась домой в ноябре 1953 года другим человеком, тяжело страдая от психического заболевания.

10 декабря 1947 года арестовали и Евгению Александровну Аллилуеву, вдову Павла Сергеевича Алиллуева, сталинского шурина. Это он когда-то подарил Надежде Аллилуевой пистолет, из которого она застрелилась в 1932 году.

Павел Сергеевич Аллилуев, заместитель начальника автобронетанкового управления Красной армии по политической части, ушел из жизни еще перед войной — умер от инфаркта в ноябре 1938 года в служебном кабинете. Его вдова во второй раз вышла замуж. Почему-то Сталин считал, что Евгения отравила своего первого мужа. Светлана Сталина, которая знала об отцовских фобиях, пытаясь ее защитить, писала ему в ноябре 1945 года: «Папочка, что касается Жени, то мне кажется, что подобные сомнения у тебя зародились только оттого, что она слишком быстро снова вышла замуж. Ну а почему это так получилось — об этом она мне кое-что рассказывала сама… Я тебе это обязательно расскажу, когда ты приедешь, потому что иметь в человеке такие сомнения очень неприятно, страшно и как-то неловко».

Заступничество Светланы не возымело действия. Аллилуевы стали частью большого плана. О чем, ясное дело, не подозревали.

Евгению Аллилуеву обвинили в том, что она, «окружив себя родственниками репрессированных за антисоветские выступления, в беседах с ними враждебно отзывалась о мероприятиях, проводимых Советским правительством, и распространяла клеветнические измышления по адресу членов правительства».

Арестовали ее второго мужа — главного конструктора института по проектированию металлургических заводов Министерства черной металлургии Николая Владимировича Молочникова. Он дважды пытался выброситься из окна. Ему не позволили умереть и заставили подписать нужные следствию показания:

«Аллилуева была враждебно настроена и в кругу своих знакомых распространяла злобную клевету в отношении главы Советского правительства. Аллилуева обливала грязью и злобно клеветала на Сталина и других членов Политбюро».

Он перечислил знакомых Евгении Аллилуевой, среди них была жена заместителя министра вооруженных сил по тылу генерала армии Андрея Васильевича Хрулева. Ее тут же арестовали, дали десять лет. Муж-генерал, как и остальные сталинские подручные, молчал.

Молочников назвал еще одну знакомую Аллилуевой, чья дочь Марианна вышла замуж за «какого-то работника американского посольства в Москве Зайцева». И этот Зайцев «крутился вокруг Киры». Кира Аллилуева — дочь Павла и Евгении Аллилуевых.

21 февраля 1948 года Сталину отправили протокол допроса Виталия Васильевича Зайцева, который работал в посольстве США в Москве шофером, потом состоял в административно-хозяйственном отделе. Он подписал показания, что «по заданию американской разведки» выведывал у Киры Аллилуевой сведения о жизни вождя. И «по настоянию американского разведчика — начальника административно-хозяйственного отдела посольства Николаса Харди, узнав от Киры Аллилуевой место расположения дачи Сталина, выезжал с ним в район Зубалова, где показывал ему эту дачу».

Ее тоже арестовали. Виталию Зайцеву и Кире Аллилуевой устроили очную ставку. Арестованная Аллилуева свидетельствовала: «При встречах со мной в 1945–1947 гг. Зайцев назойливо расспрашивал меня о том, какие театры и как часто посещает Сталин, где еще бывает Сталин, где находится дача Сталина и его семьи. Зайцев не скрывал от меня преступного замысла и прямо заявил мне, что получаемую от меня информацию о Сталине и его семье он передает американцам».

А как информация от Аллилуевых попала за границу? И на этот вопрос нашли ответ. Через созданный в годы войны Еврейский антифашистский комитет, который сыграл немалую роль в мобилизации мирового общественного мнения против нацистской Германии и который по решению ЦК снабжал мировую печать статьями о жизни в Советском Союзе. Сталин сам сформулировал обвинение: это «центр антисоветской пропаганды и поставляет антисоветскую информацию агентам иностранной разведки».

Чекисты давно искали людей, связанных с американской и британской разведкой, в непосредственном окружении вождя. И теперь события развивались очень быстро.

Меньше чем через неделю, 16 декабря 1947 года, из арестованной Евгении Аллилуевой выбили нужные чекистам показания. Она «призналась», что старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР доктор наук и автор монографии «Германский империализм» Исаак Иосифович Гольдштейн расспрашивал ее о жизни вождя.

Сталин объяснил чекистам:

— Гольдштейн интересовался личной жизнью руководителя советского правительства не по собственной инициативе, за его спиной стоит иностранная разведка.

19 декабря Гольдштейна арестовали. Задача следователей МГБ состояла в том, чтобы арестованный во всем признался.

«Меня вызвали в министерство по телефону и заявили, что я должен «размотать его шпионские связи и выявить его шпионское лицо», — рассказывал позднее следователь МГБ полковник Георгий Александрович Сорокин. — Никаких материалов, изобличающих Гольдштейна в шпионской деятельности и даже вообще какого-либо дела против Гольдштейна я не получал, и, как впоследствии мне стало ясно, такого дела вообще в МГБ не имелось. На допрос явился Комаров, заместитель начальника следственной части по особо важным делам, и сказал, что он имеет распоряжение министра Абакумова о применении к Гольдштейну мер физического воздействия».

И оба следователя взялись за доктора наук.

«Меня стали жестоко и длительно избивать резиновой дубинкой, — описывал свои страдания Гольдштейн. — Всего меня избивали восемь раз. Измученный дневными и ночными допросами, избиениями, угрозами, я впал в глубокое отчаяние и стал оговаривать себя и других лиц».

Его избивали, пока он не подписал показания, что расспрашивал Аллилуеву «по заданию» Захара Григорьевича Гринберга, старшего научного сотрудника Института мировой литературы Академии наук. А Гринберг одновременно руководил исторической комиссией Еврейского антифашистского комитета. Вот и преступная цепочка!

Гольдштейна продолжали избивать, и он подписал еще один протокол — «о шпионской деятельности Михоэлса и о том, что он проявлял повышенный интерес к личной жизни главы Советского правительства в Кремле, чем интересовались американские евреи».

Арестовали и Захара Гринберга. После революции он был членом коллегии Наркомата просвещения — вместе с Анатолием Васильевичем Луначарским и Надеждой Константиновной Крупской. Его так избивали, что он умер в камере. Евгении Аллилуевой дали десять дет. Полковника Комарова после смерти Сталина, в конце 1954 года расстреляют…

27 декабря 1947 года министр госбезопасности Виктор Абакумов и его первый заместитель Сергей Огольцов были вызваны к Сталину.

«Во время беседы, — рассказывал впоследствии Огольцов, — товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса, и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса, и что для этой цели устроить «автомобильную катастрофу».

Непосредственное руководство операцией было поручено Огольцову.

Документов никаких не составлялось, как положено в подобных случаях.

Сергей Иванович Огольцов окончил двухклассное училище и работал до революции письмоносцем. После революции стал следователем уездной ЧК в Рязанской губернии. Потом оказался в Полтавской ЧК, где заведовал бюро обысков. В 1923 году его перевели в систему особых отделов в армии, и он год проучился в Высшей пограничной школе ОГПУ.

В 1939 году майор госбезопасности Огольцов возглавил ленинградское управление НКВД. Он отличился в блокадном Ленинграде: придумал мнимую контрреволюционную организацию «Комитет общественного спасения», которая готовилась «восстановить капиталистический строй с помощью немецких оккупантов». По этому делу приговорили к смертной казни тридцать два научных работника. Пятерых ученых (из них двое были членами-корреспондентами Академии наук СССР) расстреляли, еще два десятка посадили. Потом служил начальником управления в Куйбышеве, наркомом госбезопасности в Казахстане.

В декабре 1945 года Огольцова вызвали в Москву, на заседание политбюро, на котором Сталин назначил наркомом госбезопасности Абакумова. Сергей Иванович стал его первым заместителем. Семья была счастлива. Открылся доступ к доселе невиданным материальным благам.

«Материально мы жили достаточно неплохо, — вспоминает сын генерала Николая Кузьмича Богданова, заместителя министра внутренних дел, — но, когда бывали в гостях у Огольцовых, мне казалось, что мы просто бедняки — такая там была обстановка и угощение. По-моему, именно Раиса Сергеевна Огольцова являлась главной заводилой при поездках по спецбазам и магазинам с целью приобретения необходимых вещей.

Отправив руководящих мужей на работу, жены созванивались между собой и договаривались о поездке. Потом обращались к своим мужьям с просьбой прислать машину. На автомашинах руководящих работников имелись правительственные гудки, представлявшие собой две удлиненные хромированные дудки, устанавливавшиеся на переднем бампере перед радиатором. Они издавали низкий трубный звук. Едва завидев машину с гудками, инспектора милиции немедленно включали зеленый свет, а если был подан звуковой сигнал, то вообще сходили с ума, обеспечивая беспрепятственный проезд».

Выполняя указание вождя, Абакумов вызвал полковника Федора Григорьевича Шубнякова. Во 2-м Главном управлении МГБ он был начальником отдела, ведавшим интеллигенцией. После смерти Сталина будет установлено, что Михоэлс «на протяжении ряда лет находился под постоянным агентурным наблюдением».

«Абакумов потребовал агентурную разработку на художественного руководителя еврейского театра Михоэлса, которую он оставил у себя, — рассказывал Шубняков. — Спустя несколько дней Абакумов вызвал меня и в присутствии тов. Огольцова заявил, что имеет специальное указание ликвидировать Михоэлса. Все указания давались лично Абакумовым, который по ВЧ получал информацию о ходе операции».

7 января 1948 года Соломон Михоэлс должен был на поезде отправиться в Минск, чтобы отобрать несколько спектаклей, достойных выдвижения на Сталинскую премию. За два дня до поездки Всероссийское театральное общество, уже оформившее командировку Михоэлсу, вдруг решило послать вместе с ним театрального критика Владимира Голубова-Потапова.

Владимир Ильич Голубов (псевдоним В. Потапов) писал в основном о балете; он был автором книги о ведущей балерине Большого театра Галине Сергеевне Улановой, удостоенной к тому времени трех Сталинских премий, защитил о ней диссертацию. Как критика его высоко ценили. Он вырос в Минске и, как выяснилось позднее, был тайным осведомителем МГБ. Голубов ехать не хотел, обмолвился, что его очень попросили…

В разговоре со Сталиным, рассказывал Абакумов, «перебирались руководящие работники МГБ СССР, которым можно было бы поручить проведение операции. Было сказано — возложить проведение операции на Огольцова, Цанаву и Шубнякова».

Абакумов позвонил в Минск министру госбезопасности Белоруссии Лаврентию Фомичу Цанаве, но и по аппарату правительственной ВЧ-связи не решился на откровенность, только спросил:

— Имеются ли в МГБ Белорусской ССР возможности для выполнения важного решения правительства и личного указания товарища Сталина?

Цанава, не зная, о чем идет речь, ответил утвердительно.

Вечером Абакумов перезвонил:

— Для выполнения одного важного решения правительства и личного указания товарища Сталина в Минск выезжает Огольцов с группой работников, а вам надлежит оказать ему содействие.

На двух машинах в Минск выехала «боевая группа МГБ» — сам Огольцов, его помощник майор Александр Харлампиевич Косырев, начальник отдела 2-го Главного управления (контрразведка) полковник Федор Григорьевич Шубняков, сотрудники отдела «ДР» (террор и диверсии) полковник Василий Евгеньевич Лебедев и старший лейтенант Борис Алексеевич Круглов (специальность — диверсии на транспорте).

Московская боевая группа разместилась на даче Цанавы в пригороде Минска — поселке Слепянка. Вот теперь Огольцов объяснил республиканскому министру, зачем они приехали. Лаврентий Фомич только поинтересовался, почему избран такой сложный метод. Огольцов объяснил:

— На Михоэлса делают большую ставку американцы, но арестовывать его нецелесообразно, так как он широко известен за границей. Впрочем, в политику вдаваться нечего, у меня есть поручение, его надо выполнять.

Огольцов объяснил Цанаве:

— Боевая группа МГБ предпринимала меры к убийству Михоэлса еще в Москве, но сделать это не удалось, так как Михоэлс ходил по Москве в окружении многих женщин.

В Москве 10 января Абакумов принес Сталину «обобщенный», то есть сочиненный чекистами протокол допроса арестованного Гольдштейна. В протоколе говорилось, что «Михоэлс дал задание сблизиться с Аллилуевой и добиться личного знакомства с Григорием Морозовым», который женился на Светлане, дочери вождя.

«Надо подмечать все мелочи, — будто бы говорил Михоэлс, — не упускать из виду всех деталей взаимоотношений Светланы Сталиной и Григория Морозова. На основе вашей информации мы сможем разработать правильный план действий и информировать наших друзей в США, поскольку они интересуются этими вопросами».

Это Сталин и хотел прочитать.

Поразительным образом именно в эти месяцы Сталин сделал все, чтобы в Палестине появилось еврейское государство. Санкционировал поставки оружия палестинским евреям, разрешил евреям из Польши и других восточноевропейских стран эмигрировать в Палестину и сражаться за историческую родину. Но Сталину не понравился искренний интерес советских евреев к Израилю, их готовность помогать еврейскому государству.

«Мне кажется, что Сталин верил в круговую поруку людей одного происхождения, — считал Илья Эренбург. — Он ведь, расправляясь с «врагами народа», не щадил их родных… Что же, в таком случае следует предположить, что он обрушился на евреев,

считая их опасными, — все евреи связаны одним происхождением, а несколько миллионов из них живут в Америке».

Спорить с ним было бесполезно, писала Светлана Аллилуева. Сталин повсюду видел врагов: «Это было уже патологией, это была мания преследования от опустошения, от одиночества… Он был предельно ожесточен против всего мира».

Но главное — другое. Он был человеком с криминальным складом ума. С возрастом и болезнями эти патологические черты только усилились. Он давал указания бить арестованных смертным боем и легко приказывал лишать жизни. И на службу брал людей определенного склада — убийц и насильников. Участники дела, о котором мы рассказываем, нисколько не затруднились исполнить преступный приказ, сделали то, за что и не всякий профессиональный палач бы взялся.

В январские дни сорок восьмого боевая группа МГБ постоянно следила за Михоэлсом, которого окружало множество актеров, режиссеров и просто поклонников. Приезд выдающегося артиста был большим событием для театрального Минска. Огольцов позвонил Абакумову: ничего не получается.

«О ходе подготовки и проведения операции, — рассказывал Огольцов, — мною дважды или трижды докладывалось Абакумову по ВЧ, а он, не кладя трубки, по АТС Кремля докладывал в Инстанцию», т. е. Сталину.

Инстанция на языке тех лет — это Сталин.

Абакумов потребовал выполнить приказ вождя любыми средствами и разрешил использовать секретного агента 2-го Главного управления МГБ, который сопровождал Михоэлса. Этим агентом был театровед Владимир Голубов-Потапов.

«Мне было поручено связаться с агентом и с его помощью вывезти Михоэлса на дачу, где он должен быть ликвидирован, — рассказывал Шубняков. — На явке я заявил агенту, что имеется необходимость в частной обстановке встретиться с Михоэлсом, и просил агента организовать эту встречу. Задание агент выполнил, пригласив Михоэлса к «личному другу, проживающему в Минске».

Соломон Михоэлс, очень открытый человек, жаждавший общения, охотно согласился. Вечером 12 января они с Голубовым-Потаповым сели в машину к полковнику Шубнякову, выдававшему себя за «инженера Сергеева». За рулем находился старший лейтенант Круглов — в штатском, разумеется. Когда машина въехала в ворота дачи Цанавы, Шубников пошел докладывать Огольцову:

— Михоэлс и агент доставлены на дачу.

Огольцов по ВЧ опять связался с Абакумовым. Министр по вертушке позвонил Сталину. Сталин был еще на даче. В тот вечер он приедет в Кремль поздно, заседание политбюро начнется в половине двенадцатого ночи.

Вождь подтвердил свой приказ. Абакумов велел действовать.

«С тем чтобы создать впечатление, что Михоэлс и агент попали под машину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки, — рассказывал полковник Шубняков. — Затем они по одному (вначале агент, затем Михоэлс) были умерщвлены — раздавлены грузовой машиной».

За руль «студебекера», судя по всему, посадили сотрудника белорусского МГБ майора Николая Федоровича Повзуна.

Судебно-медицинская экспертиза установила: «У покойных оказались переломанными все ребра с разрывом тканей легких, у Михоэлса перелом позвонка, а у Голубова-Потапова — тазовых костей. Все причиненные повреждения являлись прижизненными».

Читать эти документы почти невозможно. Чекисты хладнокровно давили грузовиком живых людей, которые находились в полном сознании и умирали в страшных муках. И при этом они не понимали, за что их убивают и кто убийцы… Если одного из них чекистам велели считать врагом советской власти, то второй-то был их человеком, осведомителем госбезопасности! Но и сотрудничество с МГБ не спасало. В преступном мире никаких законов не существует.

Полковник Шубников:

«Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, наша группа вывезла тела в город и выбросила их на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы. Причем трупы были расположены так, что создавалось впечатление, что Михоэлс и агента были сбиты автомашиной, которая переехала их передними и задними скатами…

Рано утром трупы Михоэлса и агента были обнаружены случайным прохожим, и на место происшествия прибыли сотрудники милиции, составившие акт осмотра места происшествия. В тот же день судебно-медицинская комиссия подвергла патологоанатомическому вскрытию трупы Михоэлса и агента и установила, что их смерть наступила от удара грузовой автомашиной, которой они были раздавлены».

Подлинные обстоятельства убийства Михоэлса не для всех были секретом. Лазарь Каганович, видимо, сразу понял, что именно произошло. Видимо, поэтому его дочь сказала родным Михоэлса, чтобы они не искали правды. Лазарь Моисеевич говорил на идиш и охотно посещал Еврейский театр, пока это не

стало опасным.

Давид Маркиш, сын репрессированного поэта Переца Маркиша, вспоминал: «Мамина близкая приятельница Ирина Дмитриевича Трофименко, жена командующего Белорусским военным округом, позвонила нам в Москву и сказала: «Ночью убили Михоэлса». И положила трубку. Через несколько дней Ирина Трофименко приехала из Минска, рассказала матери, — разумеется, под секретом, муж запретил говорить на эту тему, — что Михоэлс был убит на даче, потом его тело перевезли в Минск и инсценировали гибель под колесами грузовика и что все это дело рук белорусского министра МГБ Цанавы».

Командующий войсками Белорусского военного округа генерал-полковник Сергей Георгиевич Трофименко в войну удостоился «Золотой Звезды» Героя Советского Союза. Умер он сравнительно молодым.

«Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было доложено Сталину, — рассказал Абакумов, — он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано». 28 октября 1948 года всех участников двойного убийства тайно наградили: Цанава получил орден Красного Знамени, Круглов, Лебедев, Шубняков — ордена Отечественной войны I степени, Косырев и Повзун — ордена Красной Звезды. На следующий день ордена Красного Знамени получили Абакумов и Огольцов.

Федор Шубняков делал стремительную карьеру, 31 декабря 1950 года стал начальником 2-го Главного управления Министерства госбезопасности. Абакумов, рекомендуя его, писал Сталину: «Полковник Шубняков — способный чекист, имеет опыт контрразведывательной работы, умело руководит подчиненным аппаратом и с этим делом справится». А конце года его арестовали — по делу уже бывшего министра Абакумова. На посту начальника контрразведки Шубнякова сменил Лаврентий Цанава. Тоже ненадолго. Сталин постоянно тасовал чекистские кадры. Цанава неожиданно оказался на пенсии. Огольцова отправили министром госбезопасности в Узбекистан.

После смерти вождя Берия, став министром внутренних дел, начал пересмотр громких дел, заведенных в ту пору, когда он не имел отношения к госбезопасности. 3 апреля 1953 года арестовали Огольцова и Цанаву. Президиум ЦК распорядился отменить «указ президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников убийства Михоэлса и Голубова».

Прекрасно зная порядки в своем ведомстве, Сергей Иванович Огольцов боялся, что его могут попытаться отравить, вспоминает сын замминистра внутренних дел генерала Богданова. Сидя за

решеткой, он ел и пил только то, что гарантированно не могло содержать яд.

Оказавшись на нарах, Огольцов подробно описал, как он руководил убийством Михоэлса. Его показания подтвердил Шубняков. Берия отдал бы их под суд, но его самого вскоре арестовали.

И опять все изменилось! Убийцы теперь называли себя невинными жертвами Лаврентия Павловича. Сразу после ареста Берии, 26 июня 1953 года, жена Огольцова отправила письмо Маленкову, который сменил Сталина на посту главы правительства:

«Еще так недавно 1 ноября 1952 года позвонил Огольцову в Ташкент товарищ Сталин. Предлагая вернуться на работу в Москву, он сказал: «Не я вам доверяю, а партия вам доверяет». Как же могло случиться, чтобы через месяц после смерти вождя Огольцов оказался государственным преступником?.. Мы с дочкой просим Вас, Георгий Максимилианович, вмешаться в судьбу Огольцова».

Из секретариата Маленкова позвонили жене Огольцова, успокоили: с ее мужем все будет хорошо. Раиса Сергеевна написала ему еще одно письмо:

«Дорогой Георгий Максимилианович!

Звонок от Вас влил струю жизни, озарил нас ярким лучом надежды на близкую радостную встречу с мужем и отцом. Мы ждем его каждый день, каждый час, каждую минуту. Мы ждем его потому, что мы, как в себе, уверены в его невиновности. Когда он, не работая почти месяц, находился дома, он ходил в министерство писать объяснения, которые требовал Берия. Заметно нервничая, он называл кощунством то, что от него требовали. Разговаривая по телефону с тов. Игнатьевым, он говорил, что от него требуют объяснения по делу, которому в свое время т. Сталин дал очень высокую оценку».

Огольцова освободили. Правда, отобрали орден, полученный за убийство Михоэлса — операцию, которой «Сталин дал очень высокую оценку». На следующий год уволили в запас. В 1959 году постановлением правительства лишили генеральского звания «как дискредитировавшего себя за время работы в органах и недостойного в связи с этим высокого звания генерала». Этим наказание исчерпывалось.

Прокуратура обязана была возбудить дело об убийстве Михоэлса и Голубова-Потапова и посадить убийц на скамью подсудимых. Но в Кремле не позволили предать гласности эту позорную историю. Как и многие другие. Не могли признать, что глава государства сам превратился в уголовного преступника и

своих подручных сделал обычными уголовниками. Непосредственных участников убийства Михоэлса вообще не тронули. Шубняков дожил до глубокой старости.

Сотрудники Академии наук Гринберг и Гольдштейн, несчастные люди, которые понадобились чекистам для фабрикации дела против Соломона Михоэлса, умерли в тюрьме. Евгения Аллилуева, которую Особое совещание при МГБ приговорило к десяти годам заключения, вышла на свободу тяжелобольным человеком.

Мы снимали в Минске документальный фильм об убийстве Михоэлса. Сотрудники белорусского комитета госбезопасности помогли восстановить маршрут, которым везли Михоэлса, нашли то место на бывшей даче Цанавы, где его убивали. Мне страшно было даже стоять там…

Я поблагодарил за содействие тогдашнего руководителя КГБ Республики Беларусь, а он попросил меня выступить перед личным составом — «рассказать о творческих планах». В актовом зале собрались несколько сотен человек.

Через много лет один из участников этой встречи поведал мне, что в зале на задних рядах, среди ветеранов сидел тот самый чекист, который, сидя за рулем грузовика, раздавил Михоэлса.

Дьявольская мельница

Когда Игнатьев свалился с инфарктом, на роль хозяина Лубянки вождь примеривал Сергея Ивановича Огольцова. Но тот слег с острым тромбофлебитом. Руководить аппаратом госбезопасности Сталин поручил генерал-полковнику Сергею Арсеньевичу Гоглидзе, который проявил себя на Дальнем Востоке.

Еще один соратник Берии, Сергей Гоглидзе начинал наркомом внутренних дел Грузии. 31 июля 1941 года Гоглидзе приехал в Хабаровск. Он не только возглавил краевое управление. Его утвердили уполномоченным НКВД по всему Дальнему Востоку. Он стал хозяином немалой части страны.

От особняка Гоглидзе, с его огромным садом и собственным теннисным кортом, в Хабаровске ничего не осталось. Но ветераны-чекисты и по сей день тепло вспоминают своего начальника как заботливого человека: «В то время не было фруктов в продаже. Он приказал обеспечить каждого сотрудника управления определенным количеством свежих яблок и сухофруктов. Хорошая добавка к продовольственным карточкам».

Профессор медицины Анатолий Алексеевич Константинов вспоминал, как к его отцу, который ремонтировал часы, приехали домой два офицера госбезопасности: майор и капитан. Зашли в

квартиру. Капитан спросил:

— Константинов?

Отец ответил:

— Да.

Капитан:

— Собирайтесь.

Мать в слезы, отец еле-еле выговорил:

— С вещами?

Тут только майор соизволил объяснить:

— Мы, товарищ Константинов, приехали к вам как к часовому мастеру. В кабинете товарища Гоглидзе остановились очень ценные часы, их надо исправить. Нам сказали, что вы — лучший мастер в Хабаровске.

Константинов-старший успокоился, собрал инструменты и поехал в управление МГБ. Часы действительно оказались оригинальными: корпус в виде рубки корабля с мачтой и рулевым колесом, которое качалось, — это был маятник. Все из бронзы с позолотой. За работу щедро заплатили, хотя отец и отказывался от денег управления госбезопасности.

В огромном лагерном хозяйстве, которое подчинялось Гоглидзе, содержались весьма и весьма известные люди. В здании клуба краевого управления внутренних дел вечерами слух чекистов услаждал знаменитый дирижер и композитор Эдди Рознер, руководитель джаз-оркестра и заслуженный артист Белорусской ССР. Аплодировать и кричать ему «браво» не полагалось. Враг народа. Он был арестован в 1946 году.

По ту сторону границы находилось созданное напавшими на Китай японцами марионеточное государство Маньчжоу-Го. Формально им управляли китайцы, фактически вся власть принадлежала японским военным, с ним велась тайная война. В Хабаровске Гоглидзе отличился спецмероприятием «Мельница».

Эта невероятная история вскрылась, когда уже после войны один из жителей города пришел в крайком партии и попросил о встрече с первым секретарем. Объяснил: он будет разговаривать только с хозяином края, ни с кем другим, потому что информация, которой он располагает, не может быть доверена никому иному.

Первым секретарем Хабаровского крайкома был профессиональный партработник Алексей Клементьевич Чёрный. Он был потрясен тем, что услышал от этого человека. Разговор в кабинете первого секретаря происходил уже после смерти Сталина и расстрела Берии.

Посетитель рассказал первому секретарю, что в годы войны был завербован чекистами и переправлен на сопредельную

территорию, в Маньчжурию. Там японцы его поймали. Под пытками он не выдержал и согласился на них работать. Когда его вернули на советскую территорию, он был арестован чекистами и — как предатель — осужден и отправлен в лагерь. И тут начинается самое интересное.

Он отсидел свой срок, вернулся в Хабаровск и вдруг на улице совершенно случайно встретил того самого белогвардейца, который допрашивал и избивал его на маньчжурской заставе! Увидев белогвардейца, он поспешил в крайком партии, чтобы поставить в известность партийную власть.

Хозяин края приказал краевому управлению госбезопасности: проверьте, что это у вас белогвардейцы по улицам разгуливают?! Когда выяснилось, что происходит, в крайкоме сформировали комиссию. Ее доклад потряс даже видавших виды партийных секретарей.

Белогвардейцев в Хабаровске конечно же не было. Мнимый «белогвардеец» оказался чекистом. Зато вскрылась одна из самых изощренных операций ведомства госбезопасности. Замять эту историю оказалось невозможным. Крайкому партии пришлось докладывать в Москву высшему руководству. Президиум ЦК поручил Комитету партийного контроля при ЦК КПСС разобраться и наказать виновных.

Проверка установила, что в 1941 году с санкции союзного Наркомата внутренних дел руководство Хабаровского управления НКВД создало так называемый ложный закордон, который в переписке работников госбезопасности именовался «мельницей».

В пятидесяти километрах от города, в расположении одного из погранотрядов, близ границы с Маньчжурией, построили комплекс зданий: советская пограничная застава, маньчжурский пограничный полицейский пост и уездная японская военная миссия с воротами в китайском стиле. Внутри все оборудовали как положено. Для кабинета начальника японской миссии заказали специальную деревянную мебель. Развернули даже телефонную станцию, которая обслуживала здания «ложного закордона». Участникам операции сшили японские или маньчжурские мундиры.

По замыслу хабаровских чекистов «мельница» предназначалась для проверки советских граждан, вызывавших подозрение у органов госбезопасности. Этих людей чекисты вербовали. Призывая проявить патриотизм и послужить родине, уговаривали исполнить особой важности миссию за границей. Когда те соглашались, то давали подписку, получали оперативный псевдоним; затем инсценировали ложный переход через границу в Маньчжурию.

С ними обсуждали план ухода за кордон, придумывали легенду, по которой им предстояло жить за границей. Будущим агентам выдавали одежду, продукты, немного денег. Обговаривали способы связи. Места встреч или явочных квартир называли по справочнику «Весь Харбин», который имелся в краевом управлении госбезопасности. В качестве пароля вручали половину денежной купюры стоимостью в один гоби (валюта государства Маньчжоу-Го), вторую — уже на китайской территории должен был предъявить связной. Кому-то даже выдавали оружие, разумеется с холостыми патронами.

Людям и в голову не приходило, что они — жертвы чекистской игры и решительно все происходит исключительно на советской территории. Едва они «переходили границу», их тут же хватали мнимые маньчжурские полицейские. Задержание проводилось предельно жестко. Руки связывали за спиной, на шею накидывали петлю и так вели на «маньчжурский погранпост». Иногда сразу избивали. «Будили» начальника поста, который на ломаном русском языке проводил первый допрос.

После этого мнимые китайские пограничники передавали арестованных мнимым японским военным. Перевозка сама по себе была мучительной. Связывали руки и ноги. На голову надевали ватный колпак, закрывающий лицо, а сверху еще и мешок. Долго везли на двуколке без рессор по кочкам. В так называемой японской уездной военной миссии оперативные работники НКВД, переодетые в японскую военную форму и выдававшие себя за белогвардейских эмигрантов, начинали допрос.

Использовали настоящих китайцев и настоящих японцев. Скажем, за начальника японской военной миссии выдавал себя некий японец, который еще в 1937 году перешел советскую границу. Пограничники его схватили. Приговорили к расстрелу. Заменили смертную казнью десятью годами и отправили на ложный закордон. Потом в партийных органах возмущались цинизмом этой истории. Получалось, что осужденный японский разведчик допрашивал ни в чем не повинных советских граждан!

Что касается китайцев, то это были коммунисты-партизаны, перешедшие на советскую службу. Им внушали, что задержанные — японские шпионы, и китайцы вели себя особенно жестоко. Но иностранцев держали только на подсобных ролях. У них же не было чекистской выучки. В ноябре 1947 года советский гражданин, китаец Ян Линпу, работавший поваром на ложном закордоне, возмутился творившимся там произволом. Чекисты его расстреляли. Затем убили еще двоих из обслуги ложного закордона, опасаясь, что они могут рассказать, что там

происходит.

Допросы, как говорилось в документах, чекисты вели с применением мер физического воздействия, то есть, попросту говоря, избивали. Занимались этим подчиненные Сергея Гоглидзе, сотрудники Хабаровского краевого управления госбезопасности. Трое из них, кто особо отличился, еще недавно сами сидели — во внутренней тюрьме Хабаровского управления госбезопасности. Можно себе представить, что они творили, если их в те годы посадили! Впрочем, страдали они не долго. По ходатайству товарищей их освободили, и они отправились продолжать службу на ложный закордон.

Протоколы допросов писали по правилам старой орфографии, отмененной после революции советской властью. Чекисты, изображавшие «белогвардейцев», даже выучили некоторое количество японских и китайских слов. На бланках для допроса значилось «Особая следственная тюрьма Императорской Ниппонской военной миссии в городе Фуюань».

Не гнушались ничем. Угрожали расстрелом, пытками. А из соседней комнаты, где будто бы тоже шел допрос, доносились крики и стоны. Искренне полагая, что они находятся в руках врага, и в результате применения мер физического воздействия, говорилось в справке Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, люди не выдерживали и рассказывали, что именно чекисты поручили им сделать. Несколько человек покончили с собой.

На допросах от попавших на дьявольскую мельницу требовали согласия работать на японскую разведку. Когда они соглашались, их переводили через мнимую границу в район советской погранзаставы, а здесь арестовывали как иностранных шпионов. Если же человек отказывался выполнять задание японцев, его связывали и в таком виде перевозили на лодке будто бы на советскую территорию. Летом в тех местах полчища комаров, которые за эти часы, что осуществлялась операция, буквально съедали. Это тоже была форма воздействия. Беспомощный человек лежал на земле, пока не появлялся советский пограничный наряд и «совершенно случайно» его не обнаруживал.

Через дьявольскую мельницу пропустили 148 человек! Восьмерых расстреляли. Пятеро умерли, из них двое покончили с собой. Несколько человек использовались чекистами для агентурной работы. Остальных, пропустив через Особое совещание, отправили в лагеря. Это означает, что чекисты доложили в Москву, будто они поймали невероятное количество японских шпионов. А это ордена, звездочки на погонах, продвижение по службе.

Находились чекисты, которые сомневались в правильности таких методов. Но они долго не работали; их увольняли и, как говорили в те времена, «спускали в подвал», то есть самих сажали.

Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и отдел административных органов ЦК представили руководству записку, в которой все названо своими именами:

«В 1941–1949 годах в краевом управлении НКВД — МГБ применялись провокационные методы в агентурно-оперативной работе, повлекшие тяжелые последствия.

Бывший начальник Хабаровского управления НКВД Гоглидзе и осуществлявший непосредственный контроль за работой «мельницы» бывший начальник 2 управления НКВД СССР Федотов использовали «мельницу» в антигосударственных целях, для фабрикации материалов обвинения на советских людей.

О существовании «мельницы» знал узкий круг работников центрального аппарата НКВД СССР и управления НКВД по Хабаровскому краю. Все мероприятия, связанные с ее применением, держались в строгой тайне. Лица, догадывавшиеся о действительном назначении ложного закордона, подвергались физическому уничтожению.

Одним из главных организаторов этой грязной провокации является генерал-лейтенант Федотов. Будучи начальником 2 управления НКВД, Федотов лично руководил работой «мельницы», докладывал о ней Берия и Меркулову, выполнял их поручения по применению ложного закордона… Вся переписка и отчеты Хабаровского управления НКВД с центром о работе «мельницы» адресовались только на имя Федотова, минуя канцелярию. Ни одно мероприятие, связанное с использованием ложного закордона, не проводилось без его санкции. Федотов лично настаивал перед бывшим вражеским руководством НКВД СССР о применении расстрела к ряду невинных советских граждан».

Федотова уволили из органов и лишили генеральских погон. Но судить не стали.

12 октября 1956 года приняли постановление секретариата ЦК КПСС:

«1. Поручить КПК при ЦК КПСС рассмотреть вопрос о партийной ответственности сотрудников органов госбезопасности, допускавших грубейшие нарушения социалистической законности в Хабаровском крае в 1941–1949 гг.

2. Предложить Комитету госбезопасности при Совете Министров СССР разобраться и решить вопрос о целесообразности работы в органах КГБ лиц, причастных к

указанным нарушениям.

3. Поручить Прокуратуре СССР ускорить рассмотрение и проверку дел на лиц, осужденных по материалам ложного закордона.

Бюро хабаровского крайкома за грубое нарушение социалистической законности и необоснованные аресты советских граждан исключило из партии трех бывших сотрудников краевого управления госбезопасности. Этим и ограничились.

Отдел административных органов ЦК КПСС назвал и других причастных к этим преступлениям:

«При изучении вопроса о нарушении советской законности Хабаровским управлением НКВД нами установлен документ, свидетельствующий о том, что применение в агентурно-оперативной работе органов госбезопасности «мельницы», разрешение на ее практическое использование и финансирование санкционировано т. Серовым.

В письме заместителя начальника УНКГБ Хабаровского края полковника Чеснокова от 6 апреля 1941 года, адресованном начальнику 2-го управления НКГБ Федотову, сообщается, что ввод в действие «мельницы» намечен на 1 июня 1941 года, и ставится вопрос об отпуске средств на строительство и содержание персонала «мельницы». На письме имеется резолюция бывшего заместителя начальника 2-го управления Райхмана следующего содержания: «Товарищ Гузовский. Зам. наркома тов. Серову доложено. Он санкционировал организацию «мельницы» и предложил представить смету. Прошу дать смету сегодня же. Райхман. 6.5. 41».

На строительство и содержание персонала «мельницы» за период ее существования с 1941 по 1949 год израсходовано более одного миллиона рублей государственных средств».

Капитан госбезопасности Александр Александрович Гузовский в ту пору руководил 2-м отделением (борьба с японской и китайской разведками) 2-го управления НКГБ СССР. Он вырос до полковника, работал во Франции по разведывательной линии. В 1947 году его убрали из органов. Иван Александрович Серов стал генералом армии и первым председателем КГБ. Ему претензий не предъявили.

Вся история осталась тайной за семью печатями. Страна об этой трагедии и не подозревала. Заместитель министра иностранных дел Владимир Семенович Семенов 12 февраля 1964 года записал в дневнике:

«Третий день пленум по сельскому хозяйству. Сижу рядом с председателем партгосконтроля РСФСР. Он рассказал, что в 1952

году ездил в Хабаровский особый район — там не было тогда никакого закона, будто какая-то боярская вотчина, что хотели, то и делали. Политические находились внизу пирамиды преступников, а над ними властвовали уголовники. Всего прошло через этот район около семи миллионов человек, и примерно полтора-два миллиона погибли. Старались уморить политических, не посылая в отдаленные районы питания, хотя оно было.

У моего собеседника нервно забегали пальцы по пюпитру, и лицо исказилось гримасой:

— И зачем эти мясорубки. Какое изуверство!

Лицо было симпатичное и гуманное. Тут я впервые, пожалуй, так ясно почувствовал весь трагизм положения тех лет, которые сейчас именуют «культом». Ведь я был так далеко от арены действия и, может быть, поэтому пишу эти строки».

Видимо, Семенов беседовал с Георгием Васильевичем Енютиным. В ту пору он был председателем Комитета партийно-государственного контроля РСФСР, а в последние сталинские годы работал инспектором ЦК КПСС, так что многое знал.

Головой в колодец

31 декабря 1950 года Сергея Арсеньевича Гоглидзе вернули в Москву. Утвердили членом коллегии МГБ, начальником Главного управления охраны на транспорте. Он попал на Лубянку в очень опасное для чекистов время. Шли аресты руководителей Министерства госбезопасности.

Большую группу генералов арестовали сразу вслед за бывшим министром Абакумовым летом 1951 года. Сталин на этом не остановился и продолжал перетряхивать кадры. Словно вознамерился полностью заменить кадры на Лубянке. Большая чистка в чекистском коллективе продолжалась несколько лет — до последних дней его жизни.

Берия предложил сделать Гоглидзе министром госбезопасности Грузии, где тоже шла большая чистка, и Лаврентий Павлович хотел держать все под контролем. Но Сталин оставил Гоглидзе в Москве. 13 февраля 1952 года назначил его заместителем министра госбезопасности. Такой человек, как Сергей Арсеньевич Гоглидзе, и нужен был Сталину для нового Большого террора.

Посаженные чекисты недоумевали: в чем их вина? И на допросе слышали от полковника Рюмина, назначенного 19 октября 1951 года сразу заместителем министра госбезопасности, то, что сами недавно говорили другим:

— Вашу виновность доказывает факт вашего ареста.

Рюмин получил квартиру в доме в Старо-Пименовском переулке, откуда выселили недавнего заместителя начальника следственной части полковника Бориса Вениаминовича Родоса, которого с большим понижением отправили служить в управление МГБ в Крым.

Последние годы и особенно последние месяцы своей жизни Сталин занимался делами Министерства государственной безопасности больше, чем делами ЦК партии или Совета министров. Практически каждый день читал поступавшие с Лубянки бумаги.

Начальник 7-го управления МГБ Виктор Иванович Алидин вспоминал, что Сталин вдруг заинтересовался работой наружной разведки МГБ (слежка и наблюдение за подозреваемыми). Распорядился в чекистских аппаратах по всей стране выделить ее в отдельную, самостоятельную службу. Вождь дал указание подготовить этот вопрос к рассмотрению на президиуме ЦК. 7-е управление не играло сколько-нибудь значимой роли в деятельности Министерства госбезопасности, но указание Сталина — закон.

С молодежью из МГБ Сталин работал, как хороший профессор с аспирантами, подающими надежду. Приглашал к себе на дачу и объяснял, как следует работать. Сам редактировал документы, рассказывал, как составлять обвинительное заключение. Сам придумывал, какие вопросы должны задавать следователи на допросах. Сам решал, кого и когда арестовать, в какой тюрьме держать. И естественно, определял приговор. Можно сказать, что Сталин исполнял на общественных началах обязанности начальника следственной части по особо важным делам Министерства госбезопасности.

Ключевую должность заместителя министра госбезопасности по кадрам занял бывший первый секретарь Одесского обкома Алексей Алексеевич Епишев, который потом многие годы будет возглавлять Главное политическое управление армии и флота. Епишев изгонял с Лубянки военных контрразведчиков как людей Абакумова. На партийной конференции аппарата Епишев предложил избрать в партком такого «заслуженного человека», как новый заместитель министра Рюмин.

Должности занимали люди, которые своим восхождением были обязаны не собственным заслугам, а воле вождя. Они боготворили его. Попав в фавор, на время получали частицу безграничной сталинской власти. Сталин наделял амбициозных и тщеславных чиновников неограниченной властью над людьми, давно уже немыслимой в других обществах. Уверенность в своем

величии подкреплялась системой распределения благ, доступных только тем, кто занимал высокий пост. И это придавало дополнительную сладость принадлежности к высшему кругу избранных.

Нам можно, а вам нельзя — вот важнейший принцип жизни.

Пристрастия и интересы, образ жизни, быт чиновников — все было ориентировано на максимально комфортное обустройство собственной жизни, извлечение максимальных благ из своей должности. А необходимость по долгу службы произносить ритуальные речи о коммунизме только усиливала привычку к двоемыслию и воспитывала безграничный цинизм. Режим многое давал тем, кто прорывался наверх. Речь не только о материальных благах. Функционеры, нашедшие себя в системе, были довольны своей жизнью, не испытывали никакого разлада со своей совестью и считали, что поступают в соответствии со своими убеждениями.

Хозяева Лубянки делились на две категории. Очевидные фанатики верили Сталину, расстреливали его именем и умирали с его именем на устах. Карьеристы приспосабливались к любому повороту партийной линии: кого надо, того и расстреливали. Понимали, что совершают пусть и санкционированное, но преступление. Избивали по ночам, когда технических работников в здании не было. Вслух об избиениях, пытках и расстрелах не говорили. Пользовались эвфемизмами.

«Сколько размножилось безжалостных людей, выполняющих тяжкие государственные обязанности по Чека, Фиску, коллективизации мужиков и т. п., — записал в дневнике Михаил Михайлович Пришвин. — Разве думать только, что все это молодежь, поживет, посмотрит и помягчеет…»

Не помягчели.

Страдания людей не находили ни малейшего отклика у правящего класса. Крупные партийные чиновники оторвались от реальной жизни и преспокойно обрекали сограждан на тяжкие испытания. Вот что потрясает. Руководители страны, чиновничество, чекисты, как показывает анализ поступавших к ним документов, были прекрасно осведомлены о масштабах голода, о страданиях людей. Но историки отмечают, что нет ни одного документа, в котором хозяева страны сожалели бы о смерти миллионов сограждан. В них начисто отсутствовали простые, человеческие чувства.

Они начинали испытывать страх от созданной ими машины уничтожения, когда сами становились ее жертвами. Жена первого заместителя наркома внутренних дел (при Ежове) Михаила Петровича Фриновского на допросе рассказала: «Муж возвращался с работы очень поздно. Говорил, что тяжелое дело.

Ночью не мог спать, выходил в сад и всю ночь гулял. Говорил: меня ждет та же участь». И не ошибся. Его расстреляли — вслед за Ежовым.

В какой-то степени могущественный министр или генерал был всего лишь одним из винтиков этой гигантской системы, которая существовала как бы сама по себе. Но он же и подкручивал, налаживал и заводил весь этот механизм, который мог работать только потому, что многие тысячи сотрудников госбезопасности и еще большее число добровольных помощников сознательно выбрали себе эту службу и гордились ею.

Академик Иван Петрович Павлов, первым из русских ученых удостоенный Нобелевской премии, слишком великий и слишком старый, чтобы бояться, писал Молотову: «Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия… Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны, тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства».

Все структуры общества были пронизаны сотрудниками госбезопасности. Страх перед арестом выявил все дурное, что есть в человеке. Стало казаться, что удельный вес негодяев выше обычного. Устоять было трудно потому, что перед человеком разверзлась пропасть. Страх и недоверие сделались в советском обществе главными движущими силами. Результатом явился паралич всякой инициативы и нежелание брать на себя ответственность.

О степени растления общества писал в «Архипелаге ГУЛАГ» Александр Исаевич Солженицын: «Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем был — вполне подготовленный палач. И попади я в училище НКВД при Ежове — может быть, у Берии я вырос бы как раз на месте? Перед ямой, в которую мы уже собрались толкать наших обидчиков, мы останавливаемся, оторопев: да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они. А кликнул бы Малюта Скуратов нас — пожалуй, и мы б не сплошали!»

В страхе или за деньги, квартиру, а то и просто в надежде на благосклонность начальства доносили на родных, соседей и сослуживцев. От добровольцев отбоя не было. Тоталитарное государство не только уничтожало, но и развращало. Страна еще в тридцатых годах поделилась на тех, кто сидел, и на тех, кто сажал. Немалому числу людей служба в ГУЛАГе и на Лубянке

создавала привилегированный образ жизни. В этой системе служил примерно миллион человек, вместе с семьями это несколько миллионов. А если еще учесть партийный и государственный аппарат и их семьи? На несколько заключенных — конвоир, на несколько десятков — уже подразделение охраны, а еще надзиратели, лагерное начальство, оперативно-чекистская часть, центральный аппарат Главного управления лагерей, ГУЛАГа. А если еще учесть огромный партийный и государственный аппарат, и их семьи, которые тоже жили неплохо, пока другие сидели?

В начале ноября 1952 года вождь устроил разгон своим чекистам. Вызвал Игнатьева, Гоглидзе, Рясного (генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной — еще один замминистра госбезопасности) и Рюмина. В крайне раздраженном состоянии выговаривал им за то, что медленно идет следствие по делу врачей Лечсанупра:

— Следователи работают без души. Неумело используют противоречия и оговорки арестованных для их разоблачения. Неумело ставят вопросы. Не цепляются, как крючки, за каждую, даже мелкую возможность, чтобы поймать, взять в свои руки арестованного. Среди чекистов много карьеристов, шкурников, бездельников, ставящих личное благополучие выше государственных интересов.

«Сталин, — вспоминал Гоглидзе, — считал, что благодаря политической беспечности, близорукости и благодушию работников МГБ, граничащих с преступлением, не была своевременно разоблачена террористическая группа в Лечсанупре Кремля.

Когда Игнатьев слег, 20 ноября Сталин вызвал к себе Гоглидзе, Огольцова и Питовранова. На сей раз обрушился на них за то, что они отказались от применения против врагов диверсий и террора за границей:

— Прикрываясь гнилыми и вредными рассуждениями о якобы несовместимости с марксизмом-ленинизмом диверсий и террора против классовых врагов, вы скатились с позиции революционного марксизма-ленинизма на позиции буржуазного либерализма и пацифизма.

В тот же день Сталин назначил Гоглидзе первым заместителем министра и поручил ему руководить следствием по особо важным делам. Гоглидзе занимался арестами и допросами чекистов, вышедших из доверия, и врачами-убийцами. Он докладывал Сталину почти ежедневно.

На заседании президиума ЦК 1 декабря 1952 года вождь вновь завел речь о «неблагополучии» в ведомстве

госбезопасности: «лень и разложение глубоко коснулись МГБ», у чекистов «притупилась бдительность». Требовал полностью перекроить аппарат.

«Обсуждение проекта реорганизации МГБ, — вспоминал Гоглидзе, — проходило в крайне острой, накаленной обстановке. На нас обрушились обвинения, носящие политический характер». Вождь не стеснялся в выражениях, обещал провести «всенародную чистку чекистов от вельмож, бездельников и перерожденцев».

Сталин выговаривал руководителям МГБ за то, что у них нет революционных следователей, что следователи — бонзы, паразиты, меньшевики, не проявляют никакого старания, довольствуются только признаниями арестованных…

Гоглидзе согласился с вождем, что чекистский аппарат работает из рук вон плохо: «До сих пор ни агентурным, ни следственным путем не вскрыто, чья злодейская рука направляла террористическую деятельность арестованных врачей Егорова, Виноградова и других. Следователи работают без души, не цепляются, как крючки, за каждую даже мелкую возможность, чтобы поймать, взять в руки врага и полностью его разоблачить».

4 декабря Сталин подписал разгромное постановление ЦК «О положении в МГБ и о вредительстве в лечебном деле», где говорилось, что многие работники госбезопасности «поражены идиотской болезнью благодушия и беспечности, проявили политическую близорукость перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов».

Вождь почти ежедневно интересовался ходом следствия по делу врачей.

Гоглидзе: «Разговаривал товарищ Сталин, как правило, с большим раздражением, бранил, угрожал, требовал арестованных бить: «Бить, бить, смертным боем бить».

Протоколы допросов сразу пересылались вождю. Он сказал Игнатьеву:

— Мы сами сумеем определить, что верно и что неверно, что важно и что не важно.

Следователи хотели отличиться. Арест следовал за арестом.

Гоглидзе: «Достаточно было какому-либо арестованному назвать нового врача, как правило, следовало указание товарища Сталина его арестовать».

Сталина раздражало, что чекисты «проморгали», как он выразился, врагов внутри страны. 15 декабря на заседании комиссии по реорганизации ведомства госбезопасности Сталин пригрозил:

— Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодец…

Именно в эти дни, в феврале 1953 года, первый секретарь Смоленского обкома Борис Федорович Николаев обратился в ЦК: «Сельское хозяйство области находится в крайне тяжелом положении. Денежный доход в среднем на одно хозяйство в 1950 году составил 777 рублей и в 1951 году — 576 рублей. Ввиду низких доходов колхозники не хотят работать. С 1948 года из колхозов выбыло 140 тысяч колхозников. Людей не хватает. Колхозы допускают большие потери урожая и получают продукцию низкого качества. В типовых скотных дворах размещено всего лишь 13 процентов крупного рогатого скота, остальной скот размещен в непригодных, холодных помещениях, что приводит к массовому заболеванию».

Огромная страна впала в нищету, деревня голодала, а старческий ум вождя замкнулся на заговорах и интригах.

Он заботился о молодежи, которую собрал в МГБ. Черный нал, раздачу денег в конвертах, тайком, придумал Сталин: высшему чиновничеству выдавали вторую зарплату в конвертах, с которой не платились не только налоги, но и партийные взносы. Новым следователям по его указанию предоставили номенклатурные блага, которыми одаривали чиновников высокого ранга, например, их прикрепили к Лечебно-санитарному управлению Кремля, хотя это им по должности не полагалось.

Имевшим право пользоваться больницей и поликлиникой Лечсанупра Кремля вручали номерную медицинскую карточку (в сороковых годах это были четырехзначные номера — то есть медициной для начальства пользовались несколько тысяч человек) с фотографией и за подписью начальника Лечсанупра. В карточке значился номер истории болезни, указывались имя, фамилия, дата рождения, место работы, должность и дата вступления в партию. На отдельной странице перечислялись члены семьи с указанием степени родства и возраста.

Типографски отпечатанные правила пользования медкарточкой гласили:

«Медкарточка действительна только для лиц, в ней перечисленных, и передаваться другим не может. Передача медкарточки лицам, не вписанным в карточку, влечет за собой лишение права пользования медпомощью в Лечсанупре Кремля.

При перемене места работы медкарточка должна быть немедленно перерегистрирована в Лечсанупре Кремля в бюро учета тел. К 4-16-74 (ул. Коминтерна, 6). Несообщение о перемене места работы в 3-дневный срок влечет за собой снятие с медобслуживания».

Сталин, чтобы сделать приятное чекистам, вновь ввел специальные звания для работников госбезопасности, чтобы

поставить их выше армейских и флотских офицеров. 21 августа 1952 года появился указ Президиума Верховного Совета СССР, и все лейтенанты, капитаны, майоры и полковники МГБ добавили к воинскому званию слова «государственной безопасности». Для высшего командного состава ввели звание «генерал государственной безопасности».

Лидия Корнеевна Чуковская, дочь известного писателя, задавалась мучительным вопросом:

«Вот чего не могу я ни понять, ни вообразить. Каким образом могли быть выращены тысячи, десятки тысяч следователей, то есть нормальных молодых мужчин, которые с удовольствием истязали безоружных, беззащитных мужчин и женщин — тех, о ком им было известно, что те не виноваты? У следователей в ящиках письменных столов содержался набор пыточных инструментов.

Если арестованный не подписывал протокол — вызывали бригаду профессиональных уголовников, которые домучивали арестанта до подписи или до смерти. (Мне, например, известны имена тех уголовников, которые домучивали моего мужа. Их было четверо…) Ладно, они уголовники, а следователь — он кто? Десятки тысяч следователей? Как фабриковались, на какой это фабрике создавались десятки тысяч садистов?

Значит, десятки тысяч потенциальных Хватов, мучивших Вавилова, сломавших — на следствии — два ребра Ландау, — всегда подспудно таились в народе? В нашем — или в любом?»

Следователь Александр Григорьевич Хват допрашивал выдающегося генетика академика Николая Ивановича Вавилова, который погиб за решеткой. Великий физик академик Лев Давидович Ландау дружил с мужем Чуковской. После того как будущий лауреат Нобелевской премии сам год провел в тюрьме, он пришел к Чуковской, рассказал о допросах, упомянул, что ему повредили два ребра: «Впрочем, он быстро оборвал свой рассказ об избиениях, щадя то ли меня, то ли себя самого, более о себе не говорил».

Страшноватая практика работы чекистов при Сталине строилась на вахтовом методе. Формировалась команда, которая выполняла свою часть работы. На это время они получали все — материальные блага, звания, должности, ордена, почет, славу, право общения с вождем. Ценные вещи, конфискованные у арестованных, передавались в спецмагазины, где продавались сотрудникам Наркомата внутренних дел. Когда они свою задачу выполняли, команду уничтожали…

В те месяцы на Лубянку приходили новые люди. Наступала очередь следующей бригады, ей доставались все блага. Молодые

люди, не получившие образования, совершали головокружительную карьеру. Принцип «кто был ничем, тот станет всем» реализовывался на практике. Люди назначались на высокие посты, оставаясь малограмотными.

Сталин нужных ему людей выдвигал и окружал заботой. Когда надобность в них миновала, без сожаления отказывался от их услуг. Часто за этим следовал расстрел.

Отделение арестов и обысков, входившее в 7-е управление МГБ, было перегружено работой. Один из сотрудников отделения со странным блеском в глазах говорил:

— Я люблю свою работу, мне нравится брать людей ночью.

Особенно нравилось брать недавних сослуживцев и начальников.

Линия шестая
Укрощение генералов

Страх перед маршалом Жуковым

Война закончилась, вождь перестал зависеть от своих военачальников, и присущая ему подозрительность в отношении военных взяла верх. В разговорах с маршалами и генералами зазвучали упреки в «зазнайстве» и в «отсутствии большевистской скромности». В этих словах отразил ось некое беспокойство вождя: а вдруг боевые маршалы и генералы, увенчанные воинской славой, станут менее управляемыми?

Маршалы и генералы вернулись с войны победителями, в блеске славы. Не станут ли претендовать на более заметное место в жизни страны? Вот Сталин и решил указать им их место.

На следующий день после Парада Победы в 1945 году маршал Георгий Константинович Жуков собрал у себя на даче близких ему генералов. Счастливые военачальники с радостью пили за Георгия Константиновича как за выдающегося полководца. Все разговоры на даче Жукова записывались, а записи показали Сталину. Он был крайне раздражен, потому что настоящим победителем считал себя, а вовсе не Жукова.

В этом мире, говаривал Наполеон, есть только две возможности — или командовать, или подчиняться. Георгий Константинович Жуков принадлежал к тем, кто с детства мечтает командовать другими. В нем было умение подчинять себе. Он родился таким, такова его генетическая структура.

Жуков взлетел, как взлетали и другие отличившиеся начальники. Сталину претила обычная форма карьерного роста. Понравившегося он сразу определял на высокий пост. А дальше — как у кого. Георгий Константинович оказался таким, кто на всякой должности на месте.

Жуков не испытывал страха ни на поле боя, заваленном трупами, ни на кремлевском паркете, натертом до блеска. У него было мужество решимости, без которого немыслим военачальник, полководец. И крепкие нервы. Он безостановочно продвигался вверх. Не потому, что ему кто-то ворожил. А потому, что не продвигать его было невозможно.

Осенью сорок первого, когда вермахт стоял у ворот Москвы, Сталин в отчаянии призвал на помощь генерала Жукова. Этот беспредельно жесткий и уверенный в себе человек вселял в вождя надежду и уверенность. Жуков руководил обороной окруженного

Ленинграда. 5 октября 1941 года Сталин приказал ему немедленно прибыть в столицу.

Прямо с аэродрома Жукова доставили на кремлевскую квартиру вождя. Сталин был простужен, плохо выглядел. Пребывал в бешенстве от неумелых действий командующих фронтами, оборонявших столицу. Подошел к карте, указав на район Вязьмы, объяснил:

— Сложилась очень тяжелая обстановка. Немцы через три-четыре дня могут подойти к Москве. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов доклада об истинном положении дел. Ни Конев, ни Буденный не знают, где их войска и что делает противник.

Пути на Москву, вспоминал Жуков, по существу, были открыты. В этой ситуации он принял под командование Западный фронт с задачей остановить немцев.

16 октября, уже подписав постановление об эвакуации столицы, Сталин все-таки спросил Жукова, смогут ли войска удержать Москву? Георгий Константинович твердо ответил, что он в этом не сомневается.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — сказал довольный Сталин.

Непоколебимая стойкость Жукова, считавшего, что столицу удастся отстоять, подействовала на Сталина. Выяснилось, что бежать нужды нет. Можно и нужно, выполняя свой долг, сражаться за город. Железная воля Жукова помогла спасти Москву в сорок первом. Но его упрекали в том, что он не жалел людских и материальных ресурсов.

Жукова на склоне лет спросили:

— Правда ли, Георгий Константинович, что вы были на войне жестоки?

Маршал ответил:

— Время было такое — война вообще жестока.

«Многие из тех, кто пишет о Жукове, акцентируют крутость характера полководца, — писал ответственный редактор «Красной звезды» генерал Давид Ортенберг. — А ведь ему было свойственно и другое. Например, расположение к людям, делившим с ним тяготы войны».

До самой его смерти им восхищался почти весь мир. Он навсегда обеспечил себе место в истории. И если можно назвать человека, которого любит народ, то это именно он. Тем не менее значительную часть жизни маршал прожил в опале, несколько лет ждал ареста.

Маршал был уверен в своей непогрешимости. Если ему пытались возражать, говорил:

— Я уже докладывал Верховному, и он мои соображения одобрил!

Сталин выделял его из всех маршалов. Сделал своим заместителем, как Верховного главнокомандующего. Заботился о том, чтобы он оказывался на самых важных направлениях, чтобы с его именем связывались главные успехи: где Жуков — там победа. А после войны ополчился против маршала. Создается такое ощущение, будто вождь ревновал Жукова, завидовал его славе. Но ведь солнце не может завидовать луне? Сталин — такой великий — завидует простому маршалу?

Уже с середины войны органы госбезопасности, сообщая Сталину о настроениях среди интеллигенции, обращали внимание на такие высказывания: «Народ помимо Сталина выдвинул своих вождей — Жукова, Рокоссовского и других. Эти вожди бьют немцев, и после победы они потребуют себе места под солнцем. Кто-либо из этих популярных генералов станет диктатором».

Во время войны вождь бывал снисходителен к военным. Рассказывают такую историю. В кабинете вождя шло завещание, когда помощник доложил, что прибыл вызванный Сталиным генерал.

— Пусть войдет, — распорядился вождь.

Появившийся генерал с трудом держался на ногах. Он был смертельно бледен, понимая, какое ужасное преступление он совершил. Все затаили дыхание, ожидая невероятной вспышки гнева. Но Сталин мягко спросил:

— Вы как будто сейчас нездоровы?

— Так точно, — выдавил из себя генерал.

— Тогда мы встретимся с вами завтра, — сказал Сталин.

Когда генерал вышел, Сталин заметил:

— Товарищ сегодня получил орден за успешно проведенную операцию. Что его вызовут в Ставку, он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду.

Даже если это апокриф, то близкий к истине. После войны настали другие времена. Вождь больше не зависел от своих полководцев. Не прошло и года после того, как маршал Жуков, увенчанный славой, принимал в Москве Парад Победы, а над ним уже сгустились тучи. Первым заместителем наркома обороны стал сугубо штатский человек — Николай Александрович Булганин, перед войной — председатель исполкома Моссовета.

Почему Сталин подчинил ему целую плеяду полководцев, победивших в войне? Это был жест. Вождь не хотел возвышать кого-то из прославленных военачальников, напротив, поставил над ними комиссара, причем того, кого очевидно недолюбливали

в войсках.

Жуков получил пост главнокомандующего сухопутными войсками. Причем из их состава вывели воздушно-десантные войска, которые стали самостоятельным родом войск. Жукову не понравилось, что он как главком фактически будет подчиняться не Сталину, а Булганину, которого он ни в грош не ставил.

Вождь воспринял недовольство Жукова как несогласие с его решениями.

Министерство госбезопасности приступило, как это называется на профессиональном языке, к оперативной разработке маршала. Иначе говоря, на него стали собирать показания и следили за каждым его шагом. Это называлось агентурное дело «Узел». В служебных документах Министерства государственной безопасности Жуков именовался так: «человек, претендующий на особое положение».

Сталин с нескрываемой иронией рассказывал:

— Вот все хвалят Жукова, а он этого не заслуживает. Говорят, что Жуков на фронте перед какой-либо операцией поступал так: возьмет горсть земли, понюхает ее и потом говорит — можно, мол, начинать наступление или, наоборот, нельзя, дескать, проводить намеченной операции.

В апреле 1946 года арестовали командующего военно-воздушными силами Главного маршала авиации Александра Александровича Новикова. В следственной части у Абакумова было разделение труда. Одни, малограмотные, выбивали показания из арестованных. Другие, с образованием, писали протоколы. Они так и назывались: «забойщики» и «писари».

— Следователи делились на три категории: один колет, другой записывает, третий окончательно дорабатывает, — со знанием дела объяснит позднее генеральный прокурор СССР Александр Михайлович Рекунков.

Сталину представили подписанные Новиковым показания: «Жуков очень хитро и в осторожной форме пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования, и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им».

1 июня 1946 года на заседании Высшего военного совета Георгий Константинович подвергся публичной экзекуции. Его вину сформулировали так: «Маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным главнокомандующим высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства… Маршал Жуков, утеряв всякую скромность и будучи увлечен чувством личной амбиции,

считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывал себе разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной».

Публично унизив и оскорбив Жукова, Сталин лишил его должности главнокомандующего сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных сил. Его отправили командовать войсками второстепенного Одесского военного округа.

В феврале 1947 года Жукова вывели из числа кандидатов в члены Ц,К. Накануне пленума Сталин вызвал к себе руководителей партийного аппарата. Предупредил, что предстоит вывести из ЦК нескольких человек. Предложение о выводе Жукова поручил внести Жданову.

Кадровые вопросы рассматривались сразу после начала пленума, вечером 21 февраля 1947 года. Жданов попросил слова:

— Я вношу предложение вывести из состава кандидатов в члены Центрального комитета Жукова. Он, по моему мнению, рано попал в Центральный комитет партии, мало подготовлен в партийном отношении. Я считаю, что в кандидатах Жукову не место. Ряд данных показывает, что Жуков проявлял антипартийное отношение. Об этом известно членам ЦК, и я думаю, что будет целесообразно его не иметь в числе кандидатов в члены ЦК.

Председательствовавший на пленуме Молотов спросил:

— Кто желает высказаться по этому поводу? Нет желающих. Голосую. Кто за предложение товарища Жданова об исключении из состава кандидатов в члены ЦК Жукова — прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Таких нет. Кто воздержался? Таковых тоже нет. Предложение об исключении Жукова из состава кандидатов в члены ЦК утверждено единогласно.

Жуков встал, несколько помедлил, затем повернулся и четким строевым шагом вышел из зала. Маршал написал Сталину письмо, которое начиналось словами: «Исключение меня из кандидатов ЦК ВКП(б) убило меня».

Положение Жукова в Одессе было очень тяжелым. Местные власти и политорганы вели себя с ним самым оскорбительным образом. После отъезда Жукова с санкции Сталина на его даче и в квартире провели обыск. Его дочь Эра Жукова вспоминала:

— Были два обыска, которые я прекрасно помню. Кстати, в результате одного из них у меня украли фотоаппарат — подарок отца. Потом еще один обыск был на квартире.

Абакумов доложил Сталину:

«В соответствии с вашим указанием на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск. Задача заключалась в

том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записи и т. д.».

Искали конечно же не чемодан, а какие-нибудь собственноручные записки Жукова, которые могли бы помочь сконструировать против него дело.

Абакумов не терял надежды. Обещал Сталину:

«В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно».

Кончилось это тем, что маршал свалился с инфарктом.

Генерал госбезопасности Борис Васильевич Гераскин вспоминал, как его, молодого чекиста, 31 декабря 1947 года включили в оперативную группу, которой поручили провести обыск на квартире бывшего водителя маршала Жукова. Самого водителя уже арестовали — прямо в гараже Министерства Вооруженных сил. Семья водителя жила в бараке в Хамовниках. Жена, не зная об аресте мужа, готовилась в Новому году, двое детей играли на полу…

Маршала Жукова продолжали травить.

20 января 1948 года ЦК «вынес т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания».

Министр вооруженных сил Булганин своим приказом снял маршала Жукова с поста командующего войсками Одесского военного округа и перевел в еще менее значимый Уральский военный округ. Это была показательная акция, чтобы все видели: даже самого Жукова наказали!

Офицеров из его окружения посадили, чтобы военачальники не заблуждались: мол, раз они войну выиграли, то им теперь все можно.

«Я был арестован 24 января 1948 года в Ростове без предъявления ордера и доставлен в Москву, во внутреннюю тюрьму МГБ, — вспоминал один из друзей Жукова генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин. — С меня содрали одежду, одели в рваное, вырвали золотые коронки вместе с зубами. Министр госбезопасности Абакумов обругал меня матом как «врага Родины и партии» и потребовал, чтобы я признался в своей «преступной работе». Оскорбляя и издеваясь, следователи и

руководство МГБ требовали от меня показаний о «заговоре», якобы возглавлявшемся Жуковым, дав понять, что он также арестован».

Герой Советского Союза генерал-лейтенант Владимир Викторович Крюков, в войну командовавший кавалерийским корпусом, был очень близок к маршалу. Его посадили в сентябре 1948 года. Вслед за ним арестовали его жену, Лидию Андреевну Русланову, замечательную исполнительницу русских народных песен.

Генерала Крюкова привезли в Министерство государственной безопасности. Следователь сразу предупредил:

— Ты уже не генерал, а арестант, станешь запираться, будем бить тебя как Сидорову козу.

Крюков возразил:

— Я еще подследственный, и из генералов меня не разжаловали.

Следователь подвел его к окну и сказал:

— Вот видишь там народ? Вот они подследственные. А ты уже осужден. От нас на свободу возврата нет. От нас дорога только в лагерь.

Крюкова доставили к министру госбезопасности Абакумову. Министр объяснил:

— Будешь упорствовать, будем бить и искалечим на всю жизнь.

Обвиняли Крюкова, как и других арестованных, в том, что он участвовал в заговоре, во главе которого стоял маршал Жуков. Генерала избивали до потери сознания, требуя, чтобы он дал показания о предательстве Жукова. Крюкова приговорили к 25 годам. Вслед за ним отправили в лагерь и его жену Лидию Андреевну Русланову.

А вождь продолжал получать показания арестованных военачальников, из которых следовало, что маршал зазнался, политически неблагонадежен, враждебен к партии и Сталину. В общей сложности по делу Жукова за решеткой оказалось около сотни генералов. Министр госбезопасности Игнатьев, принимая после арестованного Абакумова дела, спросил Сталина:

— Что с ними делать? Может быть, пропустить их через Особое совещание и отправить в лагерь?

Вождь ответил министру через Берию. Игнатьев добросовестно записал — товарищ Сталин, как передал товарищ Берия, сказал: пусть еще посидят.

Генералы были арестованы только на основании материалов прослушивания их разговоров. Поэтому их дела не хотят рассекречивать и по сей день. Аресты среди окружения Жукова

шли почти до самой смерти Сталина. И маршал понимал, на какой тонкой веревочке он подвешен.

Но вот вопрос: а может быть, у Сталина были основания опасаться своих генералов?

Мятеж генерала Гордова

Генералы, храбро сражавшиеся в Великую Отечественную, сидели на Лубянке без суда и следствия несколько лет. Сразу после ареста их интенсивно допрашивали, выбивая нужные показания. А потом словно забыли. Даже перестали вызывать на допросы. Уже посадили и того, кто их арестовал, — бывшего начальника Главного управления контрразведки Смерш, затем министра госбезопасности Абакумова. А генералы томились за решеткой, гадая, почему они лишены права служить родине. Большинству повезло: вскоре вождь умер, и они вышли на свободу. Но нескольких человек Сталин успел расстрелять.

Среди них был Герой Советского Союза генерал-полковник Василий Николаевич Гордов. Большинство уничтоженных военачальников или боготворили вождя, или просто не интересовались положением в стране. Генерал Гордов прямо обвинял Сталина в несчастьях страны.

Василий Николаевич Гордов воевал еще в Первую мировую, получил лычки унтер-офицера. В Красную гвардию вступил в декабре 1917 года. В Гражданскую дослужился до командира полка. Окончил Академию имени Фрунзе. Великую Отечественную встретил на посту начальника штаба 21-й армии, в октябре сорок первого стал ее командующим.

«Небольшого роста, скорее сухой, чем полный, жилистый, с коротко стриженными под ежик седеющими волосами, — таким запомнил его один из подчиненных. — Черные колючие глаза под черными с проблесками седины массивными бровями пронизывали меня насквозь».

Его военная судьба не была ни легкой, ни простой. И трагедия начала войны не обошла генерала стороной.

«Я пробивался из окружения, — рассказывал Гордов жене, — с горсткой товарищей, ночуя в поле, в лесу, с бутылкой спирта ходил в разведку, три дня не ел хлеба, измучился до предела, еле-еле душа в теле».

Он писал жене, эвакуированной в Куйбышев:

«Дела, как ты знаешь, идут нехорошо. Погодин убит, Микульский убит, ехал со мной в одной машине… Наводил справки о Тупикове, надежда еще теплилась, теперь ее нет: Василий погиб… И рядом со мной многих не стало.

Распространяться об этом, ты понимаешь, не следует.

Хорошо, что удалось поговорить с тобой из Харькова. Хрущев спросил, имею ли я связь с семьей. Какая связь! Хрущев приказал вызвать тебя, и через тридцать минут я слышал твой голос. Чуть не разревелся при всех присутствующих (Тимошенко, Хрущев), было так радостно и обидно за плохую слышимость и обрывы, сквозь которые все-таки прорывался твой голос… Много пережито, но еще больше предстоит пережить. Предстоит победить или умереть. Лучше победить, дорогая моя Нина и Пруха».

Дочка Ира, к которой обращался генерал, была приемным ребенком. У Гордовых долго не было своих детей, и они пошли в дом ребенка. Выбрали девочку с тяжелой наследственной болезнью. Врачи отговаривали. Она вдруг протянула к ним руки, и Гордов принял решение:

— Берем.

Василий Николаевич писал дочке с фронта:

«Папка тебя любит и хочет скоро с победой приехать к тебе и играть, гулять с тобой. Ты уже, наверное, большая и озорная. Посылаю тебе гостинец, шоколад и мыло, чтобы ты не болела. Зайку твоего я храню и привезу обратно. Шоколада посылаю, к сожалению, немного. Вот возьмем Берлин, тогда я тебе пришлю целый пуд.

Слушайся маму и люби папу. Пиши мне, Ирочка, и береги маму».

Судьба девочки сложилась трагически. Она подхватила тяжелое инфекционное заболевание, у ослабленного организма не было сил сопротивляться, и она сгорела буквально за сутки. Жена долго не решалась сообщить Гордову. Все-таки написала. Ординарец потом рассказал, что генералу стало плохо, он потерял сознание.

«Я живу сейчас очень напряженной работой, — писал Гордов жене, — имел большую неприятность: летел на У-2 и был сбит, остался невредим, если не считать небольшого повреждения ноги, так что о бодрости и веселости говорить не приходится».

В разгар тяжелых боев на юге страны понадобился командующий Сталинградским фронтом. Член военного совета фронта Никита Сергеевич Хрущев предложил Гордова, которого считал энергичным и храбрым. Генерал-майора Гордова вызвали к Сталину. Вождю нравились командиры с сильным характером и волей. Сталин назначил его командующим фронтом и сразу произвел в генерал-лейтенанты. Через много лет после войны маршал Жуков вспоминал, как прилетел под Сталинград: «Доклад Гордова произвел благоприятное впечатление, чувствовалось

знание противника, знание своих войск и главное — вера в их боеспособность».

Гордов был жестким, но умелым военачальником. Не терпел затишья, жаждал наступления. За Смоленскую наступательную операцию в сентябре 1943 года был произведен в генерал-полковники. В апреле 1945 года получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. Его армия участвовала во взятии Берлина, в освобождении Праги.

Маршал Иван Степанович Конев назначил генерала Гордова начальником пражского гарнизона. После возвращения на родину он возглавил Приволжский военный округ. Его избрали депутатом Верховного Совета. И вдруг он оказался в опале.

Пожалуй, его неприятности начались с Кулика, которого когда-то знала вся страна.

Маршал Советского Союза Григорий Иванович Кулик в Гражданскую войну оказался под Царицыном вместе со Сталиным, что определило его судьбу. В Первой конной армии под началом Буденного и Ворошилова Кулик командовал артиллерией. И в глазах Сталина Григорий Иванович был артиллеристом номер один.

Под псевдонимом «генерал Купер» Кулик отправился главным военным советником в республиканскую Испанию. После возвращения в тридцать седьмом получил орден Ленина и возглавил артиллерию Красной армии. В январе 1939 года Сталин произвел его в заместители наркома обороны.

В январе 1940 года Кулик докладывал Сталину о том, как неудачно разворачиваются боевые действия с Финляндией. Вождь высокомерно остановил его:

— Вы впадаете в панику. Я вам пошлю книгу об основах психологии. Греческие жрецы были умными людьми. Получив тревожную информацию, они шли принять ванну, а искупавшись, оценивали события и тогда уже принимали решения. Человек через свои органы получает различные ощущения — и разное дерьмо. Есть и сдерживающие центры, которые у Кулика слабые. Нужно отбросить весь мусор и решать на базе основных факторов, а не под влиянием настроений момента.

Маршал Кулик оказался прав. Война с Финляндией стоила большой крови. 21 марта 1940 года он получил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза за то, что артиллерия крупных калибров взломала финские укрепления и проложила путь пехоте.

В первый же день Великой Отечественной Сталин отправил маршала Кулика на Западный фронт. Григорий Иванович и не заметил, как вместе с частями 3-й и 10-й армий сам оказался в немецком тылу. Радиостанции у него не было, сообщить о своем

местонахождении он не мог. Никто не знал, где маршал. В суматохе и хаосе найти Кулика не удавалось. Поползли слухи, что маршал Кулик перешел к противнику. Сталин рвал и метал. А маршал вместе с бойцами 10-й армии почти две недели выходил к своим. Натер ноги, не мог идти, рассказывал потом, что в какой-то момент от отчаяния был готов застрелиться. И все же в июле сорок первого переправился через Днепр и попал к своим.

В других армиях выбравшихся из плена награждают за мужество и перенесенные страдания. Но Сталин не доверял окруженцам, и его отношение к Кулику изменилось.

Маршал Кулик был бездарным военачальником. Но Сталин упрямо доверял ему один полководческий пост за другим, а потом гневался из-за его неудач и провалов. Заместитель наркома обороны маршал Григорий Иванович Кулик и начальник Главного политуправления армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис — две главные фигуры, на которые принято возлагать чуть ли не всю ответственность за провалы и поражения первого периода войны. Это произошло потому, что еще во время войны Сталин публично сделал их козлами отпущения.

В 1942 году Кулика лишили маршальских звезд, звания Героя Советского Союза и всех наград. Разжаловали в генерал-майоры. За Кулика вступился обязанный ему Жуков, и, казалась, опала была снята. Но военная контрразведка теперь следила за бывшим маршалом, а он, темпераментный по натуре, был несдержан на язык. В своем кругу высказывался откровенно.

10 апреля 1945 года известный военачальник генерал армии Иван Ефимович Петров написал на имя Сталина заявление. Петров обвинил Кулика в том, что тот «ведет недостойные члена партии разговоры, заключающиеся в восхвалении офицерского состава царской армии, в плохом политическом воспитании советских офицеров, неправильной расстановке кадрового высшего состава армии».

После смерти Сталина генерал Петров объяснил, что написать это письмо ему велел Абакумов. Начальник Смерша сам провел беседы с двумя генералами, которые хорошо знали Кулика. Донос на Кулика написал и генерал-лейтенант Георгий Федорович Захаров.

Кулик потом признал:

«Петров высказал мне недовольство снятием его с должности командующего 4-м Украинским фронтом. Как говорил Петров, его — заслуженного генерала — Ставка проработала за то, что он позволил себе вывезти из Румынии для личного пользования мебель и другое имущество. При царском строе, по словам Петрова, такое обвинение генералу не предъявили бы.

Захаров, проживавший этажом ниже, пригласил нас перейти в его квартиру. Разговорившись, я стал жаловаться на несправедливое, на мой взгляд, отношение ко мне Сталина. В этой связи я заявил, что правительство изгоняет из Красной армии лучшие командные кадры и заменяет их политическими работниками, не сведущими в военном деле. Из основных военных работников в руководстве армией оставался один лишь Жуков, но и его «отшивают». Я поднял тост за Жукова».

Роль политработников в армии вызывала недовольство и более лояльного генералитета. А тут собрались сразу три обиженных генерала! У всех троих не сложилась военная судьба, число падений превысило число взлетов.

О разговоре трех генералов информировали Сталина, поскольку подвыпившие военачальники посмели критиковать кадровую политику вождя. Кулик был исключен из партии с формулировкой «как морально и политически разложившийся». В июле сорок пятого Кулика назначили заместителем командующего войсками Приволжского военного округа. А командующим стал генерал Гордов. Он вел себя как порядочный человек — вместо того, чтобы сторониться опального генерала, обращался с ним по-товарищески.

Через год, 28 июня 1946 года, генерал-майор Кулик был уволен из рядов вооруженных сил в отставку. Худшее было впереди. Следствие по его делу шло полным ходом. Вспомнили, что за него хлопотал Жуков. Теперь это был состав преступления.

А Григорий Иванович Кулик ни о чем не подозревал и совершил непоправимую ошибку. Однажды в Москве он встретился со своим бывшим командующим Гордовым. Недавние сослуживцы обосновались в гостиничном номере и крепко выпили. Вспоминали войну, заговорили о Сталине, о Жукове…

Наивные в определенном смысле люди, они и не подозревали, что за ними следят. Может, думали, что отставники никого не интересуют?

Гостиничный номер, где встретились генералы, говоря чекистским языком, был оснащен техническими средствами контроля. Особисты записали также разговоры Гордова с другим его бывшим подчиненным — генерал-майором Филиппом Трофимовичем Рыбальченко, который после войны служил начальником штаба Приволжского военного округа. Три генерала из одного округа — это уже заговор.

Аппаратуру прослушивания установили и в квартире Василия Николаевича Гордова. Чекисты услышали все, что хотели. 3 января 1947 года министр госбезопасности генерал-полковник Абакумов доложил Сталину:

«Представляю при этом справку о зафиксированном оперативной техникой 31 декабря 1946 года разговоре Гордова со своей женой и справку о состоявшемся 28 декабря разговоре Гордова с Рыбальченко. Из этих разговоров видно, что Гордов и Рыбальченко являются явными врагами Советской власти».

Записка Абакумова означала смертный приговор генералам.

Что такого страшного сказал жене Герой Советского Союза Гордов?

Василий Николаевич говорил о только что снятом с должности маршале Жукове:

— Ты все время говоришь — иди к Сталину. А что сделал этот человек? Разорил Россию, ведь России больше нет! Значит, пойти к нему и сказать: «Виноват, ошибся, я буду честно вам служить, преданно». Кому? Подлости буду честно служить, дикости? Я бесчестным быть не могу, этого у меня в крови нет. Инквизиция сплошная, люди же просто гибнут. Сейчас расчищают тех, кто у Жукова был мало-мальски в доверии. Их убирают. А Жукова год-два подержат, а потом тоже… Я очень многого недоучел. На чем я сломил голову свою? На том, на чем сломали такие люди — Уборевич, Тухачевский…

— Когда Жукова сняли, ты мне сразу сказал: все погибло, — напомнила жена. — Но ты должен согласиться, что во многом ты сам виноват.

— Значит, я должен был дрожать, рабски дрожать, чтобы они мне дали должность командующего, чтобы хлеб дали мне и семье? Не могу я! Что меня погубило — то, что меня избрали депутатом. Вот в чем моя погибель. Я поехал по районам, и, когда я все это увидел, все это страшное, — тут я совершенно переродился. Не мог я смотреть на это. Отсюда у меня пошли настроения, я стал высказывать их тебе, еще кое-кому, и это пошло как платформа. Я сейчас говорю, у меня такие убеждения, что если сегодня снимут колхозы, то завтра будет порядок, будет рынок, будет все. Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь, отстаивали ее!

В конце 1946 года в стране начался жестокий голод. Во всем обвинили самих колхозников, «разбазаривавших государственный хлеб». Посадили почти десять тысяч председателей колхозов. 16 сентября 1946 года из-за засухи и неурожая подняли цены на товары, которые продавались по карточкам. 27 сентября появилось новое постановление «Об экономии в расходовании хлеба» — оно сокращало число людей, которые получали карточки на продовольствие. Лишиться карточек было тяжким ударом.

Приехавший навестить Гордова Филипп Рыбальченко

остановился на его квартире, и они опять побеседовали по душам. Генеральские разговоры свидетельствуют о том, что и в ту пору были люди, которые понимали, что творится в стране, и не хотели с этим мириться.

— Нет самого необходимого, — с горечью говорил Рыбальченко. — Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут.

— Он все видит, все знает, — бросил Гордов.

— Или он так запутался, что не знает, как выпутаться?.. Народ внешне нигде не показывает своего недовольства, внешне все в порядке, а народ умирает… Народ голодает, как собаки, народ очень недоволен.

— Но народ молчит, боится.

— И никаких перспектив, полная изоляция.

— Нам нужно иметь настоящую демократию, — сказал Гордов.

— Именно, чистую, настоящую демократию, — согласился Рыбальченко.

Первым в январе 1947 года Сталин разрешил арестовать Рыбальченко. Потом взяли и Кулика с Гордовым. Им инкриминировали «создание заговорщической группы для борьбы с советской властью на почве общности антисоветских взглядов».

В обвинительном заключении говорилось: «Гордов обвиняется в измене родины. Являясь врагом советской власти, стремился к реставрации капитализма в СССР и вместе со своими сообщниками высказывал угрозы по адресу руководителей партии и правительства, делал злобные выпады против главы советского правительства».

Чекисты приписывали троим генералам заодно и преувеличенную оценку роли Жукова в войне. Военная коллегия Верховного суда рассматривала дело бывшего маршала Кулика и бывших генералов Гордова и Рыбальченко 23 августа 1950 года. Григорий Иванович отказался от показаний, данных на следствии, — на допросах его избивали. Это судей не интересовало. Приговор был вынесен заранее: виновны в измене Родине.

24 августа Кулика, Гордова и Рыбальченко расстреляли.

Все годы у власти Сталин смертельно боялся генеральского мятежа. Были ли у него основания опасаться таких офицеров, как Гордов? Василий Николаевич не собирался устраивать военного переворота. Но он был настоящим патриотом, понимал, что творит Сталин, и у него душа болела за страну.

Линия седьмая
Смена караула

Что делать с Лаврентием Павловичем?

Вождь присматривался и к Берии. Предшественники Лаврентия Павловича — Ягода и Ежов — давно отправились в мир иной. Берия как-то задержался у власти.

Лаврентий Павлович Берия родился 29 марта 1899 года в горном селе Мерхеули Сухумского района Абхазии в крестьянской семье. Рано потерял отца. Рос на руках матери, которая зарабатывала шитьем. Как лучший ученик на деньги односельчан поехал учиться. В 1919 году закончил Бакинское среднее механико-строительное техническое училище (специальность — гидротехник) и еще два года проучился в политехническом институте. Довольно высокий образовательный уровень для партийно-чекистских кадров того времени.

Люди, которые интересовались его судьбой, говорят, что он любил музыку, пел, интересовался архитектурой. Но карьеру в те времена можно было сделать только в политике.

В 1918–1919 годах он работал в Грузии и в Азербайджане практикантом в главной конторе нефтяной компании Нобеля, техником гидротехнического отряда. Остался в Баку, когда в город вошли турецкие войска. Нанялся конторщиком на завод «Каспийское товарищество «Белый город». Он присоединился к большевикам и быстро увлекся политической деятельностью. По свойству характера занялся весьма деликатным, чтобы не сказать сомнительным, делом: по заданию товарищей проник в контрразведку независимого Азербайджана, где с 1918 по весну 1920 года у власти находилась партия «Мусават» («Равенство»).

С осени 1919 года по март 1920 года Берия служил агентом Организации по борьбе с контрреволюцией (контрразведка) при Комитете государственной обороны Азербайджанской республики. Впоследствии он объяснял, что выполнял задание партии «Гуммет» («Энергия»), объединявшей азербайджанских социал-демократов во главе с Нариманом Нариманов и близкой к большевикам. В 1920 году «Гуммет» вошла в компартию Азербайджана.

Товарищей по партии эта история смущала, о чем можно судить по письму, которое Берия в 1933 году из Тифлиса написал в Москву Серго Орджоникидзе, в ту пору одному из самых влиятельных людей в стране. В двадцатых годах Орджоникидзе

был первым секретарем Закавказского крайкома, то есть руководил сразу тремя республиками — Азербайджаном, Арменией и Грузией. В 1926 году Сталин перевел Серго Орджоникидзе в Москву, но он считался куратором Закавказья.

На нескольких страницах Берия отчитывается о своей работе, сообщает, что нашел работу для брата Серго — Папулии, и только потом переходит к главному:

«В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе (первый секретарь ЦК компартии Грузии. — *Авт.)*. По рассказам ряда товарищей, т. Гогоберидзе распространяет обо мне гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в мусаватской разведке, утверждает, что партия об этом якобы не знала и не знает.

Между тем Вам хорошо известно, что в мусаватскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году в присутствии Вас, т. Стасовой, Каминского, Мирза Давуд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухулла Ахундова, Буниат-Заде и других. В 1925 году я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован, так как факт моей работы в контрразведке с ведома партии был подтвержден заявлениями тт. Мирза Давуд Гусейнова, Касум Измайлова и др.».

В те времена, когда Орджоникидзе был на Олимпе, а Берия только начинал свою карьеру, он признавался высокому начальнику в любви: «Серго, кроме Вас, у меня нет никого. Вы для меня больше чем отец, брат. Я Вами дышу и живу. И чтобы подвести Вас, — я не способен, я скорее пулю пущу себе в голову, чем не оправдать Вашего ко мне отношения».

Потом будут говорить, что Берия работал на мусаватистов, а следовательно, и на англичан. Но никаких документов на сей счет найдено не было даже в те времена, когда их искали по всем архивам, чтобы понадежнее замазать Берию. Лаврентий Павлович всегда служил одной власти.

В Советском Азербайджане он работал управляющим делами ЦК партии, ответственным секретарем республиканской Чрезвычайной комиссии по экспроприации буржуазии и улучшению быта рабочих. В апреле 1921 года он, как опытный подпольщик, оказался на работе в ЧК. Будучи человеком грамотным, обладая быстрой реакцией и незаурядным умом, он стал делать карьеру. В его послужном списке одни повышения.

Начал с должности заместителя начальника секретно-оперативного отделения Азербайджанской ЧК, а уже через месяц возглавил секретно-оперативную часть и стал сразу заместителем председателя республиканской ЧК. В ноябре 1922 года его перевели на ту же должность в Грузинскую ЧК. На этой

должности он проработал четыре года, пока в декабре 1926 года не стал заместителем председателя Закавказской ЧК — органа, который ведал госбезопасностью трех республик: Азербайджана, Грузии и Армении. Параллельно он возглавил ГПУ Грузии и получил пост наркома внутренних дел республики.

В начале 1931 года Берия возглавил Закавказское ГПУ, стал начальником особого отдела Кавказской краснознаменной армии и полномочным представителем ОГПУ в Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республике. Это означает, что он понравился высокому начальству в Москве и его поставили надзирать над работой чекистов трех республик.

В том же году Берию перевели на партийную работу — вторым секретарем Закавказского крайкома и одновременно первым секретарем ЦК компартии Грузии и Тбилисского горкома.

Закавказская Федерация, объединившая Грузию, Азербайджан и Армению, существовала с 1922 по 1936 год. Партийное руководство республик непрерывно конфликтовало между собой, и не Берия был в этих интригах закоперщиком, хотя именно он вышел из этой склоки победителем. 9 октября 1932 года убрали первого секретаря Закавказского крайкома Мамию Орахелашвили. Через неделю этот пост занял Лаврентий Павлович. Но путь Берии наверх не был простым и легким. Партийная элита жила в мире интриг, где все друг друга ненавидели и объединялись против удачливого соратника.

18 декабря 1932 года встревоженный Берия писал Орджоникидзе из Сухуми:

«Дорогой Серго!

Я знаю, что болтунов из числа тех, кто уехал из Закавказья, много, запретить болтать глупости невозможно, знаю, что обо мне и о нашей нынешней работе в Закавказье ходит много кривотолков… Дорогой Серго, Вы меня знаете больше десяти лет. Знаете все мои недостатки, знаете, на что я способен. Я ни разу не подводил ни ЦК, ни Вас и убежден — не подведу и в будущем. Я отдаю все свое время работе, желая оправдать доверие ко мне партии и Центрального Комитета, я уже четыре года не пользовался отпуском, не находя возможным оторваться от дел. Сейчас нахожусь в Абхазии, нажимая на заготовки Табаков…

Я прошу только одного: не верить никому. Не верьте и мне без проверки того, что я говорю и делаю. Проверьте, и Вы сами убедитесь, насколько лживы и гнусны те инсинуации, которыми меня пытаются очернить в Ваших глазах».

Жизнь Серго Орджоникидзе закончилась трагически. Он застрелился 18 февраля 1937 года. Нет надежных свидетельств относительно того, что именно произошло в тот день. Так и

останется неизвестным: сам Орджоникидзе стрелял в себя или… По слухам, он покончил с собой в результате острого конфликта со Сталиным. Он до последнего пытался уберечь от репрессий промышленность, сохранить инженерные кадры.

После смерти Серго его старшего брата расстреляли. Двух других братьев и вдову посадили. Можно предположить, что и его ждала такая судьба. Когда-то Берия клялся Серго в вечной дружбе. Но эти слова для него ничего не значили.

Один из самых близких к Берии людей Амаяк Захарович Кобулов, назначенный наркомом внутренних дел Узбекистана, во время войны ехал в Москву вместе с начальником своего хозяйственного управления. Поезд остановился на какой-то станции. Встречный поезд вел паровоз серии «СО», то есть названной в честь Серго Орджоникидзе.

Кобулов и его подчиненный стояли в вагоне у окна. Начальник ХОЗУ сказал:

— Как много сделал Серго для Советского государства. Оставил о себе хорошую память.

— Что он сделал или не сделал, это не важно, — бросил Амаяк Кобулов. — Но если бы он не умер, его бы арестовали. На него была целая кипа материалов…

Своей карьерой Лаврентий Павлович был обязан не высоким покровителям, а своим талантам. Нелепо было бы недооценивать его природные дарования.

Он был некрасив, носил пенсне — тогда это было редкостью. Его взгляд был пронзительным, ястребиным. Бросалась в глаза его уверенность в себе, внутренняя сила, какой-то неясный магнетизм. Таким его запомнила Нами Микоян, невестка Анастаса Ивановича.

Похоже, им всегда двигало желание выдвинуться, стать первым любой ценой. Он заплывал дальше всех в бурном море, лучше всех играл в волейбол. Бог знает, кем бы он стал в другую эпоху… Что-то авантюрное было в его характере! Стремление к власти, желание повелевать окружающими.

В 1922 году он познакомился с будущей женой — Ниной Теймуразовной Гегечкори, дворянской дочкой. В 1917 году ее отца убили, девочку воспитывал двоюродный брат. Первый ребенок четы Берия умер. Второй — Серго Лаврентьевич — станет конструктором ракетных систем. Нина Берия перед войной поступила в Москве в аспирантуру Тимирязевской академии, защитила диссертацию, получила ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук. После войны она стала прибаливать, муж регулярно отправлял ее лечиться в ставшую социалистической Чехословакию, в Карлсбад (ныне Карлови-

Вари).

Всесоюзная слава Берии началась с доклада, прочитанного им в Тбилиси и изданного потом отдельной книгой: «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья», где до мифологических масштабов была раздута роль Сталина в революционном движении. Но умело составленный доклад был не единственным достижением Берии. Разговоры о том, что Лаврентий Павлович обольстил вождя, играя на тайных струнах его души, не соответствуют действительности.

Он проявил себя надежным администратором, способным выполнить задание любой ценой. А Сталин ценил точное выполнение его приказов. Люди, которые не справлялись с делом по неумению или потому, что считали немыслимым платить слишком высокую цену — иногда в человеческих жизнях, — у него долго не работали. Берия показал себя преданным человеком — летом 1933 года, когда на отдыхавшего в Абхазии Сталина вроде бы было совершено покушение. Берия громко крикнул:

— Защитим вождя!

И прикрыл собой Сталина. А кто стрелял, так и осталось неизвестным, потому что человека, который лежал на берегу с ручным пулеметом, охранники растерзали. Берия был большой мастер всякого рода интриг.

Иногда кажется, что Сталин доверял Берии потому, что они оба из Грузии. В этом предположении сразу две ошибки: во-первых, Сталин не доверял и Берии, во-вторых, национальная принадлежность Сталина мало интересовала.

Если бы Серго Орджоникидзе не покончил с собой, от него избавились бы иным путем. Других выходцев с Кавказа рядом с генеральным секретарем не было, кроме Микояна, а он никогда не был близок к Сталину. Равным образом национальная принадлежность Сталина и Берии не означала каких-либо поблажек для Грузии.

Берия старательно выстраивал отношения с влиятельными московскими людьми. Многие, воспользовавшись приглашением Лаврентия Павловича, побывали в Тифлисе или в Сухуми и убедились в том, какой он любезный, заботливый и гостеприимный хозяин. Лаврентий Павлович умел развлекаться и предпочитал делать это в большой компании, так что в приятелях у него недостатка не было.

«Мне Берия понравился: простой и остроумный человек, — вспоминал Никита Хрущев, познакомившийся с ним в начале тридцатых. — На пленумах Центрального Комитета мы чаще всего сидели рядом, обменивались мнениями, а другой раз и

зубоскалили в адрес оратора».

В роли руководителя Грузии и всего Закавказья Берия не отошел от чекистской работы. Иногда приезжал, чтобы самому допросить арестованных. Допрашивал тех, кто еще недавно был его начальником. Получал удовольствие. Полковник Сардион Николаевич Надарая, который возглавит охрану Берии, был в то время начальником внутренней тюрьмы НКВД Грузии. В 1953 году он описал, что там творилось:

— Арестованных избивали систематически и очень жестоко — ремнями, веревками и палками. Над арестованными издевались. По нескольку суток заставляли стоять с тяжелым грузом, пока арестованный, изнемогая, не падал… Многих арестованных на длительное время сажали в холодный, сырой карцер и морили голодом. Нередко арестованных избивали до того, что они потом умирали.

Другой подчиненный Берии полковник Константин Сергеевич Савицкий подтвердил:

— На служебных бланках ЦК КП(б) Грузии Берия писал фамилии людей, которые должны быть арестованы. Лично сам я видел служебные записки с таким текстом: «Арестовать такого-то и крепко допросить». Слово «крепко» было подчеркнуто. В частности, такую записку я видел в отношении бывшего секретаря комитета комсомола НКВД Грузии Михаила Асламазова. Следствие по его делу вел Ковальчук, который так «крепко» допрашивал Асламазова, что тот, не выдержав избиений, выбросился из окна и разбился насмерть.

Михаил Григорьевич Асламазов — легендарный форвард тбилисского «Динамо» — возглавлял комсомольскую организацию Наркомата внутренних дел. Спортивная слава его не спасла. Его арестовали 1 декабря 1937 года. После XX съезда партии вдову оповестили, что «Михаил Григорьевич Асламазов реабилитирован». И только через четыре десятилетия семья узнала, что его и не судили. Через две недели после ареста он выбросился из окна кабинета следователя на четвертом этаже здания НКВД Грузии.

Мучивший его следователь — Николай Кузьмич Ковальчук — далеко пошел. Он всего четыре года проучился в школе и совсем недолго в вечернем коммунистическом вузе при парткоме НКВД, но отсутствие образования не помешало: перед войной он руководил следственной частью в Ленинградском управлении НКВД. Великую Отечественную провел в военной контрразведке. После войны генерал-лейтенант Ковальчук стал министром госбезопасности на Украине, потом давал советы польским товарищам.

Став первым секретарем Закавказского крайкома, Берия часто ездил в Москву. Останавливался в гостинице «Селект», потом ему подобрали квартиру на Самотечной площади. Почти каждый вечер его вызывали к Сталину.

Хрущев рассказал, как именно Берия был переведен в Москву. Сталин словно невзначай заметил:

— Надо бы подкрепить НКВД, помочь товарищу Ежову, выделить ему заместителя.

И обратился к Николаю Ивановичу:

— Кого вы хотите в замы?

Тот ответил:

— Если нужно, то дайте мне Маленкова.

Сталин умел делать в разговоре паузу, вроде бы обдумывая ответ.

— Да, конечно, Маленков был бы хорош, но Маленкова мы дать не можем. Маленков сидит на кадрах в ЦК, и сейчас же возникнет новый вопрос кого назначить туда? Не так-то легко подобрать человека, который заведовал бы кадрами, да еще в Центральном Комитете. Много пройдет времени, пока он изучит и узнает кадры.

На этом разговор вроде закончился. А через какое-то время он опять поставил перед Ежовым прежний вопрос:

— Кого вам дать в замы?

На этот раз Ежов никого не назвал. Тогда Сталин предложил сам:

— А как вы посмотрите, если дать вам заместителем Берию?

Берия находился там же, в кабинете Сталина.

Ежов встрепенулся, но сдержался и ответил:

— Это — хорошая кандидатура. Конечно, товарищ Берия может работать и не только заместителем. Он может быть и наркомом.

Берия и Ежов дружили. Как-то в воскресенье Ежов пригласил Хрущева и Маленкова к себе на дачу, там был и Берия. Когда Лаврентий Павлович приезжал в Москву, то всегда гостил у Николая Ивановича…

Сталин сухо ответил:

— Нет, в наркомы Берия не годится, а заместителем у вас будет хорошим.

И тут же продиктовал Молотову проект постановления.

Хрущев после заседания подошел к Берии и поздравил. Тот ответил:

— Я не принимаю твоих поздравлений.

— Почему?

— Ты же не согласился, когда тебя прочили заместителем к

Молотову. Так почему же я должен радоваться, что меня назначили заместителем к Ежову? Мне лучше было бы остаться в Грузии.

Назначение Берии в Наркомат внутренних дел было для него, судя по всему, малоприятным сюрпризом. Он возглавлял крупную партийную организацию и мог рассчитывать на пост в ЦК, а не в отраслевом наркомате. Уход с партийной работы выглядел понижением. Тем более что утвердили его даже не наркомом, а всего лишь первым заместителем, хотя наверняка намекнули, что назначение с перспективой.

В исторической литературе бытует такая версия, будто Ежов, узнав, кто определен ему в могильщики, попытался отсрочить казнь — отдал распоряжение арестовать Берию. Шифровку получил нарком внутренних дел Грузии Сергей Гоглидзе. Но он не выполнил распоряжение взять первого секретаря под стражу, а показал шифровку Берии. Тот срочно вылетел в Москву, пробился к Сталину и вымолил себе жизнь. Это не более чем анекдот. Своеволия Ежов никогда не проявлял. Да и выписать ордер на арест Берии нарком не имел права: первых секретарей ЦК нацреспублик брали только с санкции политбюро, то есть Сталина.

22 августа 1938 года Берия был утвержден первым заместителем наркома внутренних дел СССР. Засел на Лубянке вникать в дела и разбираться с кадрами. Он знал, что ему, как и всем его предшественникам, предстоит начать с чистки руководящего аппарата.

Ему присвоили специальное звание комиссара государственной безопасности первого ранга (это приравнивалось к армейскому званию генерала армии). Еще через месяц, 29 сентября, назначили по совместительству начальником Главного управления государственной безопасности НКВД. В это управление входили все оперативные отделы, в том числе служба охраны политбюро. Ежов формально еще оставался наркомом, и Сталин не хотел никаких неприятных сюрпризов.

Берия привел с собой свою команду. Назову только нескольких.

Владимир Георгиевич Деканозов работал с ним в ГПУ Грузии. Берия сделал его секретарем ЦК компартии Грузии по транспорту, затем наркомом пищевой промышленности Грузии и, наконец, председателем республиканского Госплана. В НКВД он возглавлял 3-й (контрразведывательный) и 5-й (особый) отделы ГУГБ НКВД. Летом 1940-го наводил порядок в Литве, которая была присоединена к Советскому Союзу после договора с Гитлером. В мае 1939 года назначен заместителем наркома

иностранных дел, с ноября 1940-го посол в Германии.

Богдан Захарович Кобулов тоже работал с Берией в ГПУ Грузии. На Лубянке он быстро вырос до первого заместителя наркома. Он, пожалуй, был самым близким к Лаврентию Павловичу человеком. Кобулов ходил по коридорам Лубянки в одной рубашке с засученными рукавами, огромный живот колыхался. Все, кто шел навстречу, испуганно жались к стене. Его брат Амаяк тоже займет высокие должности в наркомате.

Всеволод Николаевич Меркулов работал с Берией с 1922 года. В 1941-м он станет наркомом госбезопасности СССР.

Генерал-лейтенант Степан Соломонович Мамулов работал с Берией с начала двадцатых. Он больше десяти лет был на партийной работе, в середине тридцатых стал секретарем Тбилисского горкома, заведовал сельскохозяйственным отделом ЦК Грузии. Берия забрал его в Москву, сначала сделал начальником секретариата НКВД, а затем заместителем министра внутренних дел…

Три месяца Берия принимал дела на Лубянке, а 25 ноября 1938 года был утвержден наркомом и провел массовую чистку. В 1939 году из органов госбезопасности были уволены 7372 человека — каждый пятый оперативный работник! Аппарат обновился наполовину: на оперативные должности взяли четырнадцать с половиной тысяч человек, абсолютное большинство — из партийного и комсомольского аппарата.

Берия сменил три четверти руководящих работников госбезопасности. Чекистский аппарат помолодел. Изменился этнический состав руководящего состава. Исчезли поляки, латыши, немцы — представители «иностранных национальностей», как тогда говорили; резко сократилось число евреев. Берия расстался с чекистами, которые в молодости состояли в каких-то других партиях — были эсерами или анархистами — или принадлежали к враждебным классам, то есть родились не в пролетарских семьях.

Берию назначили наркомом внутренних дел в самом конце 1938 года. А в начале сорок первого наркомат поделили на два — госбезопасности и внутренних дел. Разведка, контрразведка, все оперативные отделы были переданы в НКГБ, который возглавил Всеволод Николаевич Меркулов.

Что это означало?

Сталин фактически отставил Берию от госбезопасности.

Лаврентий Павлович остался наркомом внутренних дел. Ему подчинялись милиция, пожарная охрана, пограничные, внутренние и конвойные войска, а также Главное управление лагерей. Одновременно он стал заместителем председателя

правительства. Курировал наркоматы лесной промышленности, цветной металлургии, нефтяной промышленности и речного флота… Он все больше занимался хозяйственными делами, широко используя осужденных — дармовую и бессловесную рабочую силу.

С началом войны два наркомата опять объединили, во главе — Берия. Однако в сорок третьем НКВД снова разделили, и опять Берии остались ГУЛАГ и пожарные. Военную контрразведку выделили в самостоятельную структуру, непосредственно подчиненную Сталину. Вождь постоянно менял структуру органов, переставлял людей; это означало, что он не удовлетворен и работой госбезопасности, и ее руководством, то есть Берией.

Берия не любил и боялся Сталина, хотя тот высоко поднял Лаврентия Павловича, и в президиумах, и за обеденным столом сажал рядом с собой.

«На банкетах в Кремле, — вспоминал переводчик вождя Валентин Михайлович Бережков, — за столом обычно рассаживались в следующем порядке: посредине садился Сталин, по его правую руку — главный гость, затем переводчик и справа от него — Берия».

Он почти не ел. Но перед ним ставили тарелку с маленькими красными перцами, которые он закидывал в рот один за другим, словно семечки. Поучал:

— Это очень полезно. Каждый мужчина должен ежедневно съедать тарелку такого перца, — назидательно говорил Берия.

Алексей Иванович Аджубей, зять Хрущева, рассказывал, что во время сталинских застолий на «ближней» даче Сталин назначал Берию тамадой, именуя его почему-то прокурором. Вождю нравилось наблюдать, как Берия спаивает членов политбюро, издевается над ними.

Алексей Аджубей слышал выступление Лаврентия Павловича на торжественном собрании, посвященном очередной годовщине Октября. Располневший, с одутловатым, обрюзгшим лицом, он был похож на рядового служащего. Одежда сидела на нем мешковато. Но говорил он хорошо, почти без акцента, четко и властно. Умело держал паузы, вскидывал голову, дожидаясь аплодисментов. Доклад ему составили нестандартно.

В сентябре 1945 года было образовано оперативное бюро правительства в составе: Берия (председатель), Маленков (заместитель), Микоян, Каганович, Вознесенский, Косыгин. Берия оказался во главе всей промышленности страны. Но уже к концу года настроение Сталина изменилось. Лаврентий Павлович лишился ключевой должности наркома внутренних дел. И это

было сигналом к тому, что при очередном повороте Берия может отправиться вслед за своими предшественниками в небытие.

Сталин убрал Берию с Лубянки. Но его боялись и ненавидели. А Берия никого не боялся и всех презирал. Он излучал грозную, беспощадную властность. При этом он уже давно не имел отношения к органам госбезопасности.

Профессор Владимир Павлович Наумов, бывший партийный работник, секретарь Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте России, один из лучших знатоков сталинского периода, разбиравший личные документы вождя, рассказывал:

— Исследователей вводит в заблуждение то, что Сталин поручал Берии передать то или иное указание Абакумову или Игнатьеву. В реальности тот же Игнатьев заранее знал, что ему скажет Берия, о чем пойдет разговор. Ведь с министром госбезопасности Сталин встречался чаще, чем с членами политбюро. Но таков был ритуал, и Игнатьев аккуратно записывал: «Звонил тов. Берия, передал слова тов. Сталина — по такому-то делу обвиняемых надо приговорить к высшей мере наказания».

Разговоры Берии и Игнатьева записывались и докладывались Сталину, чтобы ему было легче понять, какие у них отношения. Берию проверяли и надеялись поймать на неосторожном слове. Он это знал. Поэтому несколько раз Игнатьев помечал, что «на эту тему тов. Берия отказался разговаривать».

Сталин убрал Берию с Лубянки, но использовал его как пугало. Берия, уже ничем не руководя, олицетворял карательные органы. Лаврентий Павлович понимал, что его жестокость вызывает одобрение Сталина. Вождь был невысокого мнения о соратниках, считал, что товарищи по партии могут проявить мягкотелость — все, кроме Берии, решительного и авантюрного по характеру человека.

За что Сталин ценил Берию?

Профессор Владимир Наумов:

— Надежный и беспощадный человек. Кровавые дела Иосиф Виссарионович поручал Берии, знал, что у него рука не дрогнет. Но Сталин подготовил ему смену в органах госбезопасности. Что касается атомных и ракетных дел, то они были налажены, и Берия уже не так был нужен. Тем более что Сталин его боялся.

Адмирал Иван Степанович Исаков рассказывал Константину Симонову, как однажды удостоился чести ужинать у Сталина в Кремле. Они шли длинными кремлевскими коридорами. На каждом повороте офицеры НКВД. Вдруг Сталин сказал:

— Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по

коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь…

Я спрашивал профессора Наумова:

— Значит, Сталин думал, что Берия может рискнуть?

— Он считал его авантюрным человеком, который может пойти на все. А Берия чувствовал, что кольцо вокруг него сжимается.

— Сознавал Берия, что его ждет?

— Конечно! Под топором ходили и другие члены Президиума ЦК, но каждый питал какие-то надежды, что вождь смилостивится. Берия надеялся только на то, что Сталин уйдет из жизни раньше, чем успеет его посадить.

Каганович скажет позднее:

— Берия нам говорил, что если бы Сталин попробовал его арестовать, чекисты устроили бы восстание…

В этом он, конечно, сильно заблуждался. Но товарищи по Президиуму ЦК его слова запомнят. Именно поэтому в июне 1953 года они не рискнут просто снять Берию с должности, а арестуют его. Они захотят обезопасить себя…

В недрах грузинского Министерства госбезопасности с санкции Сталина вызрело дело «мингрельской националистической группы» во главе с секретарем ЦК компартии Грузии Михаилом Ивановичем Барамией. Он очень молодым пошел по партийной линии, поддержанный Берией, в тридцать восемь лет стал в Тбилиси вторым секретарем ЦК. Никогда не забывал своего покровителя, защитил диссертацию «Выдающаяся роль Л.П. Берии в обороне Кавказа».

Когда осенью 1951 года Сталин отдыхал в Грузии, министр госбезопасности Грузии генерал-лейтенант Николай Максимович Рухадзе доложил ему, что причина недостатков в республике — действия группы мингрельских националистов. Это вызвало недовольство вождя. 9 ноября 1951 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия», в котором говорилось, что в республике процветает взяточничество. А борьба с ним не ведется, потому что «внутри аппарата ЦК и Правительства имеется группа лиц, которая покровительствует взяточникам и старается выручать их всяческими средствами. Факты говорят, что во главе этой группы стоит второй секретарь ЦК компартии Грузии т. Барамия. Эта группа состоит из мингрельских националистов».

Взяточничество было лишь поводом для главного, политического, обвинения:

«Мингрельская националистическая группа т. Барамия не ограничивается, однако, целью покровительства взяточникам из мингрельцев. Она преследует еще другую цель — захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате Грузии и выдвинуть на них мингрельцев… Характерно, что важнейшие посты в Министерстве юстиции, в Прокуратуре и адвокатуре находятся в руках мингрельцев. Характерно также, что очень важные посты как в аппарате ЦК ВКП(б) Грузии, так и в аппарате ЦК Грузинского комсомола находятся в руках мингрельцев… Среди подобранных значительное количество представляет антипартийных и антигосударственных людей, наносящих вред партии и государству».

Постановление явно продиктовано самим вождем, о чем свидетельствует не очень грамотный стиль и необычная для такого документа лексика:

«Несколько лет назад ЦК КП(б) Грузии решил, а ЦК ВКП(б) подтвердил снять с поста министра госбезопасности т. Рапава, который засорил аппарат министерства негодными элементами из мингрельцев с района, откуда происходит сам т. Рапава.

Т. Рапава был заменен другим министром, т. Рухадзе, которому было поручено очистить аппарат госбезопасности от негодных элементов и оздоровить его. В число очищенных попали работники со всех провинций Грузии. Но «шеф» мингрельцев т. Барамия решил, что допущена «несправедливость» в отношении мингрельцев.

И он затеял борьбу за восстановление мингрельцев в аппарате госбезопасности. Правда, ЦК КП(б) Грузии отклонил его протест. Но т. Барамия не был бы Барамия, если бы он удовлетворился решением ЦК. Он поскакал в Москву, козырял там перед московскими работниками именем ЦК КП(б) Грузии, злоупотреблял доверием московских работников к ЦК КП(б) Грузии и добился все-таки того, что восстановил в аппарате госбезопасности Грузии явно негодных работников».

В Тбилиси командировали десять работников центрального аппарата МГБ СССР под началом полковника Виктора Георгиевича Цепкова, заместителя начальника следственной части по особо важным делам. Михаила Барамию арестовали. Его не били, но не давали спать, требуя назвать участников «возглавлявшейся им националистической группы». Так же допрашивали и бывшего министра Рапаву: «Давали спать в сутки не больше часа. Я, сидя на кровати, начинал дремать, тогда кровать опрокидывали и выносили из камеры все: табурет, тумбочку, мусорный ящик, чтобы мне не на чем было сидеть и дремать».

— Я не дурак, чтобы по приезде в Москву сказать, что в отношении Рапавы материалы не подтвердились, — говорил руководитель следственной группы полковник Цепков. — Приказано взять показания. Учтите, что ваше отрицание виновности говорит еще и о том, что вы продолжаете и теперь действовать против ЦК.

Сталин звонил в Тбилиси, требовал отчета о ходе следствия, велел присылать ему протоколы допросов, выражал недовольство тем, что следователи до сих пор не добились признания арестованных в работе на иностранные разведки.

Другим заметным арестованным был очень близкий к Берии Петр Афанасьевич Шария, избранный к тому времени в Академию наук Грузии.

Петр Шария выделялся среди бериевского окружения. Он перемежал чекистскую службу и партийную работу с занятиями философией и преподаванием. Защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора, заведовал кафедрой диалектического материализма в московских и тбилисских институтах. В марте 1934 года Берия пригласил его к себе в Закавказский крайком на должность заведующего отделом культуры и пропаганды. Сделал директором республиканского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Лаврентий Павлович его отличал, приглашал домой и на дачу. Шария был одним из тех, кто с искренней грустью провожал Берию, переведенного в Москву. В декабре 1938 года Лаврентий Павлович вызвал его и предложил должность начальника секретариата НКВД СССР. Философ Шария стал комиссаром госбезопасности 3-го ранга, заместителем начальника внешней разведки. Берия ценил его умение писать и редактировать документы. Всякий раз, когда ему предстояло выступать с большой речью, включал Шарию в бригаду «писарей».

После разделения единого НКВД на два наркомата Шарию вернули в Грузию — секретарем республиканского ЦК по пропаганде и агитации. Его постигло несчастье — он потерял сына. Глубоко переживая, написал целую поэму о своих муках. Отпечатал ее в виде книжечки тиражом в 75 экземпляров, которые дарил друзьям. Когда он впал в немилость, эту книжечку ему поставили в вину.

Первый секретарь ЦК Грузии Кандид Нестерович Чарквиани 28 мая 1948 года писал Сталину: «Ознакомившись с книжкой т. Шария, я был поражен ее содержанием. Это произведение, насквозь проникнутое религиозно-мистическим миросозерцанием, вплоть до признания бессмертия души и реальности загробной жизни. Сам факт написания этой книжки т.

Шария объясняет своим тяжелым психическим состоянием и моральной надломленностью, вызванной смертью сына, к которому он был особо привязан. Зная т. Шария как образованного марксиста и старого члена партии, мы не представляли, что он способен, пусть даже под влиянием душевной депрессии, чем он пытается объяснить свой поступок, отойти от основных принципов большевистской идеологии».

Душевные страдания из-за смерти сына ему не простили. Назвали издание «идеологически вредной книжки в стихах» грубейшей политической ошибкой, свидетельствующей о его «идейной неустойчивости». 31 мая Сталин утвердил решение Бюро ЦК КП(б) Грузии: освободить Шарию от должности секретаря ЦК по пропаганде, вывести из состава Бюро и объявить выговор с занесением в учетную карточку.

Ему позволили преподавать на философском факультете Тбилисского университета. 19 февраля 1952 года Шарию арестовали как участника «мингрельской националистической группировки».

Посадили министра внутренних дел республики генерал-лейтенанта Авксентия Нарикиевича Рапаву, его заместителя генерал-майора Константина Павловича Бзиаву, прокурора республики Владимира Яковлевича Шонию. Вслед за ними арестовали несколько сот партийных работников мингрельского происхождения — секретарей горкомов и райкомов. Больше десяти тысяч человек выселили в Казахстан. Для небольшой республики большая чистка.

27 марта 1952 года Сталин подписал новое постановление политбюро о положении дел в компартии Грузии. Он предписал снять первого секретаря Кандида Чарквиани, сменившего на этой должности Лаврентия Павловича и считавшегося его выдвиженцем. А новым хозяином республики повелел назначить Акакия Ивановича Мгеладзе (до того первого секретаря Кутаисского обкома).

Арестованных по этому делу обвиняли в намерении с помощью американской разведки ликвидировать в Грузии советскую власть, оторвать ее от СССР и присоединить к Турции. Мингрелы (мегрелы) — одна из этнических групп, населяющих Грузию, мингрелом был Берия. Сталин напутствовал следователей:

— Ищите большого мингрела.

Всем было ясно, кто имеется в виду.

Министр госбезопасности Грузии генерал-лейтенант Николай Максимович Рухадзе собирал материалы на Берию. В квартире его матери в Тбилиси установили аппаратуру прослушивания. А

ведь Рухадзе считался близким к Берии. Невероятно жестокий, Рухадзе требовал от подчиненных жестокости, упрекал тех, кто не бьет арестованных:

— Кто не бьет, тот враг народа.

Но Рухадзе заигрался. Он попытался спихнуть и первого секретаря ЦК республики Акакия Мгеладзе. Обратился напрямую в Москву и не угадал. Присланные им материалы разозлили Сталина. Он продиктовал шифровку в Тбилиси:

«ЦК ВКП(б) получил и рассмотрел «справку» товарища Рухадзе о допущенных якобы тов. Мгеладзе нарушениях.

ЦК ВКП(б) считает, что т. Рухадзе встал на неправильный и непартийный путь, привлекая арестованных в качестве свидетелей против партийных руководителей Грузии, особенно против тов. Мгеладзе. Кроме того, следует отметить, что т. Рухадзе не имеет права обходить ЦК КП(б) Грузии и Правительство Грузии, без ведома которых он послал в ЦК ВКП(б) материал против них.

ЦК ВКП(б) ставит на вид т. Рухадзе допущенную им ошибку, которая может принести вред партии и государству, и предлагает Бюро ЦК КПГ разобраться в упомянутых материалах и сообщить в ЦК ВКП(б) свое решение».

В Тбилиси разобрались и решили снять Рухадзе с поста министра и арестовать. 25 июня Сталин передал в Тбилиси: «Советуем довести сдачу — приемку дел до конца, после чего направить Рухадзе в Москву, где и будет решен вопрос о судьбе Рухадзе».

1 июля 1952 года Рухадзе арестовали. После смерти Сталина, 5 апреля 1953 года, он будет слезно умолять Берию:

«Лаврентий Павлович, вы меня знаете свыше 25 лет, я рос у вас на глазах и воспитан вами. Последние годы я совершил много преступлений, все то немногое полезное, которое я сделал в прошлом, ничего ровным счетом не стоит… Лаврентий Павлович, я обращаюсь к вам, как к родному отцу и воспитателю моему, и на коленях, со слезами на глазах прошу пощадить, простить и помиловать… Вы, и только вы, Лаврентий Павлович, можете спасти меня».

Рухадзе был мастер на все руки. Когда он сам оказался за решеткой, прокуратура установила, что министр соорудил дело о никогда не существовавшей подпольной террористической организации, программа которой вместе с планом терактов против партийно-советского актива была напечатана на его квартире.

20 октября 1952 года Сталин сказал заместителю начальника следственной части по особо важным делам Николаю Коняхину,

сразу произведенному в полковники:

— Не люблю я Берию, он не умеет подбирать кадры, старается повсюду ставить своих людей…

Лаврентий Павлович оставался членом бюро президиума ЦК, для всей страны — один из ближайших соратников вождя, а чекисты уже исходили из того, что на него надо готовить дело. В 1952 году в документах Министерства госбезопасности Берия фигурировал как человек, настроенный националистически и готовящийся свергнуть советскую власть.

В феврале 1953 года Сталин фактически повторит свою фразу, когда к нему на дачу приедут Игнатьев, Гоглидзе и Зайчиков:

— Не доверяю я Берии, он окружил себя какими-то темными личностями.

«Не жалеть своих!»

Послевоенные годы для кремлевских обитателей прошли в бесконечных интригах, иногда со смертельным исходом.

1 октября 1950 года были тайно расстреляны секретарь ЦК Алексей Александрович Кузнецов, член политбюро, председатель Госплана и заместитель главы правительства Николай Алексеевич Вознесенский, член оргбюро ЦК и председатель Совета министров РСФСР Михаил Иванович Родионов. Сотни связанных с ними партработников сняли с работы. 214 человек посадили, 23 расстреляли. Это была показательная расправа.

Выживший Иосиф Михайлович Турко, бывший второй секретарь Ленинградского обкома, в 1954 году рассказал, что с ним делали: «Так как я отрицал свою вину, следователь Путинцев начал меня систематически избивать на допросах. Он бил меня по голове, по лицу, бил ногами. После избиений направлял меня в карцер».

Ленинградцев обвинили в том, что они проводили вредительско-подрывную работу: хотели создать отдельную компартию России, чтобы неоправданно поднять значение РСФСР внутри Советского Союза, и даже перенести российское правительство из Москвы назад на берега Невы, в Ленинград.

Два года спустя Сталину для его далеко идущего плана потребовался уже расстрелянный секретарь ЦК Алексей Кузнецов, потому что тот по решению политбюро в свое время курировал Министерство госбезопасности. Вождь решил соединить его с арестованным Абакумовым. В жизни они друг друга сильно не любили, но реальность вождя не интересовала.

Расстрелянного Кузнецова на процесс не выведешь, но в

тюрьме сидела его жена. Исполнительный министр Игнатьев доложил Сталину: «Доставлена из Владимирской тюрьмы в МГБ СССР жена Кузнецова для допроса ее по поводу вредительства в лечебном деле и преступных связей с работниками Лечебно-санаторного управления Кремля».

Секретаря ЦК Кузнецова казнили как человека, выступившего против центрального руководства. Через два года расстрелянного Кузнецова вместе с расстрелявшим его Абакумовым вождь назвал участниками антигосударственного заговора и англо-американскими агентами, которые замышляли убить вождя и разрушить Советский Союз.

Вождь сам сформулировал состав преступления: террористическая группа «враждебно относилась к партии и Советской власти, действовала по указаниям врага народа Кузнецова, который в связи со своими вражескими замыслами был заинтересован в устранении товарища Жданова».

Чем дальше, тем больше фантасмагорический заговор обретал масштабность. Погубившие вождей партии Жданова и Щербакова врачи-убийцы. Покрывавшие их генерал-полковник Абакумов и другие враги внутри МГБ. Руководивший ими секретарь ЦК Кузнецов. И главные предатели, они же, судя по всему, агенты иностранных разведок: члены президиума ЦК Молотов, Микоян, Ворошилов…

Арестовали начальника сталинской охраны генерала Власика. Его обвинили в том, что он раскрыл схему охраны вождя иностранным разведкам. Сталину докладывали: вот откуда у американцев планы Кремля, который они собирались обстрелять!

Начальник управления охраны генерал-лейтенант Николай Сидорович Власик был по-собачьи предан вождю, который отметил его многими наградами — в том числе полководческим орденом Кутузова первой степени, хотя Власик на фронте не был.

Власик окончил церковно-приходскую школу. До революции работал на бумажной фабрике, в Первую мировую служил унтер-офицером запасного пехотного полка. После революции пошел в милицию, в 1919 году его взяли в ВЧК. Он нашел себя в службе охраны. Основа влияния начальника охраны — близость к хозяину. Начальник охраны проводит со своим подопечным больше времени, чем любой другой приближенный. Он и телохранитель, и слуга одновременно. Он был посвящен во многие секреты. Заботился о детях вождя, спасал их от всех неприятностей и выручал из беды.

Кабинет вождя в Кремле находился на втором этаже, а квартира — на первом. Для входа в коридор, где в Кремле сидел Сталин, требовался специальный пропуск. Но никого не

проверяли и не обыскивали. Затем шла анфилада комнат — секретариат, комната Поскребышева, от которого, по словам чувствительных к спиртному офицеров госбезопасности, исходил запах коньяка, и комната охраны, где всегда находилось несколько человек. Начальник охраны Власик дремал в кресле у двери.

Особая роль Власика и Поскребышева была известна.

Разные люди работали в секретариате Сталина. Одних он выдвинул на повышение, от других избавился. Только Поскребышева постоянно держал возле себя. Человек малообразованный (окончил фельдшерское училище), но исполнительный оказался идеальным помощником. Аппаратный склад ума помогал ему угадывать желания вождя, когда речь шла о внутриполитических интригах.

Должность Александра Николаевича называлась по-разному. В 1923–1924 годах он руководил управлением делами ЦК. С 1924 по 1929 год был помощником секретаря ЦК, затем его сделали сначала заместителем заведующего, а затем и заведующим секретным отделом ЦК (делопроизводство политбюро и личная канцелярия Сталина). В соответствии с новым уставом ВКП(б), который был принят на XVII съезде в 1934 году, секретный отдел ЦК переименовали в особый сектор. Поскребышев был поставлен заведовать этим сектором решением политбюро от 10 марта 1934 года.

Поскребышев рассказывал, как он руководил канцелярией: «Все документы, поступавшие в адрес т. Сталина, за исключением весьма секретных материалов МГБ, просматривались мною и моим заместителем, затем докладывались т. Сталину устно или посылались ему по месту его нахождения».

Хозяин одарил Поскребышева генеральскими погонами (хотя тот и дня не служил в армии), четырьмя орденами Ленина, сделал членом ЦК, депутатом Верховного Совета и даже председателем комиссии законодательных предположений Совета Союза. После XIX съезда (октябрь 1952 года) Поскребышев стал именовать себя секретарем президиума и бюро президиума ЦК. В первом номере главного партийного журнала «Большевик» за 1950 год появилась обширная статья Поскребышева «И.В. Сталин — великий учитель и друг трудящихся». Его обслуживали автомобили из гаража особого назначения управления охраны МГБ, который обеспечивал машинами только руководителей партии и правительства. Постановлением политбюро за сталинским помощником закрепили «кадиллак» и «паккард».

В 1939 году арестовали его жену Брониславу Металликову, врача-эндокринолога. Ее посадили вслед за старшим братом —

хирургом Михаилом Соломоновичем Металликовым, который руководил Лечебно-санитарным управлением Кремля, пока его не обвинили в том, что он вместе с другими «врачами-убийцами» приложил руку к умерщвлению Максима Еорького, начальника ОЕПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского и члена политбюро Валериана Владимировича Куйбышева. В середине тридцатых годов Бронислава Металликова ездила в Париж и Берлин. Вспомнив эту поездку, ее обвинили в том, что за границей она встречалась со старшим сыном Троцкого — Львом Седовым…

Без матери остались две дочки (старшей было пять лет, младшей — год и три месяца). Поскребышев не посмел не только заступиться за свою жену, но и выразить сомнение в правоте Сталина, санкционировавшего ее арест. Продолжал преданно служить. Жизнь помощника вождя была слишком хороша, чтобы рисковать ей даже ради матери своих детей. Жену Поскребышева расстреляли в октябре 1941 года, когда немецкая армия стояла под Москвой. Он женился вновь.

Жены лишился не он один. В 1938 году была арестована жена члена политбюро и председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина: «Под предлогом осмотра мебели, которую я намеревалась приобрести, меня на автомашине вывезли из Кремля, где я проживала. Около памятника Минину и Пожарскому в машину сел неизвестный мне человек в форме сотрудника НКВД. Я была доставлена в здание НКВД на Лубянской площади, где этот сотрудник объявил, что я арестована, после чего меня поместили в одиночную камеру внутренней тюрьмы. Ночью меня на допрос вызвал следователь Иванов и, сразу назвав меня шпионом, стал требовать показаний, с кем я была по шпионажу связана».

Следователей интересовал конечно же сам Калинин.

«Следователи спрашивали, кто посещает Михаила Ивановича, где он хранит свои служебные документы, с кем ведет переписку, о чем разговаривает с лицами, его посещающими, не посвящает ли в свои служебные дела родных и знакомых. Следствие хотело получить от меня показания, компрометирующие Михаила Ивановича».

Ее показания следователей не удовлетворили, и однажды ночью жену Калинина привели к самому Берии: «Берия начал с того, что назвал меня шпионкой, старым провокатором, и требовал показаний — с кем я работала и в пользу какого государства занималась предательством. Берия предложил женщине-следователю избить меня. Она стала наносить мне удары кулаком, а Берия ей подсказывал: «Бейте по голове».

В 1939 году в Свердловске в пересыльной тюрьме

писательница Галина Иосифовна Серебрякова встретила много москвичек, осужденных как члены семьи изменника родины.

— Вы знаете, кто вон там в углу сидит на мешке с вещами и пьет кипяток? Не узнаете? — спросила ее одна из давнишних знакомых.

Серебрякова внимательно посмотрела на высокую худую простоволосую женщину:

— Не знаю.

— Да что вы? Это же Екатерина Ивановна Калинина, жена Михаила Ивановича.

Серебрякова была поражена.

— Ну да, она самая. Муж — наш президент, а она осуждена как шпионка. Вот судьба…

Жену Калинина укатали в лагерь на пятнадцать лет. Самого Михаила Ивановича вождь не тронул. Как и Поскребышева. Исходил из того, что, насмерть перепуганные, они будут ему служить еще более рьяно.

Сталин поучал генерального секретаря Союза советских писателей Александра Александровича Фадеева:

— Люди обкатываются, как камешки морской водой. Но вы не умеете обкатывать людей — вот ваша беда. Политик не имеет права быть чересчур впечатлительным. Мало ли какие бывают у людей острые углы, жизнь их обтачивает в интересах общего дела.

Зато другие заискивали перед Поскребышевым. На помощника распространялась часть сталинского всевластия. Его дружбы искали и командующий флотом адмирал Николай Герасимович Кузнецов, и начальник тыла Красной армии генерал Андрей Васильевич Хрулев, и знаменитые артисты — певцы Сергей Яковлевич Лемешев и Иван Семенович Козловский.

Александр Трифонович Твардовский отдыхал в Барвихе вместе с Поскребышевым:

«Маленький, лысый почти до затылка человек с помятым бритым личиком, на котором, однако, как и в форме маленькой, вытянутой назад и вверх головы и поваленного почти плашмя от бровей лба, проступает сходство с младенцем и мартышкой. Нижняя часть лица более всего определяет это второе сходство — тяжеловатая, выдвинутая вперед. Голос неожиданно низкий, с небольшой хрипотцой.

Имя его в аппаратных (высоких) кругах звучало как знак высшей власти, решающей инстанции. Такому-то позвонил Поскребышев — означало, что позвонил почти что Сталин, собственно Сталин, вещающий плотью его голоса. Он вблизи производит впечатление прежде всего человека не только

малообразованного, неначитанного, но просто недалекого и почти малограмотного».

Власик и Поскребышев ощущали свою значимость. Пока в один момент не лишились близости к вождю. В конце декабря 1952 года Сталин расстался с Поскребышевым. Взял помощником Владимира Никифоровича Малина. Тот много лет работал в Белоруссии, сравнительно молодым стал секретарем республиканского ЦК. В войну бригадный комиссар Малин руководил политическим управлением Центрального штаба партизанского движения. После войны — курсы переподготовки партийных работников при ЦК. Несколько лет секретарь Ленинградского горкома. В 1952 году Малина взяли в аппарат ЦК. Он был чужим в московском аппарате, и это устраивало Сталина.

Ответ на вопрос, почему так влиятелен был начальник охраны генерал Власик, надо искать не в личности главного охранника, а в самой должности. Но ее название вводит в заблуждение: безопасность вождя — лишь часть забот его личной охраны. Такова кремлевская традиция. Это на Западе охрана только охраняет. У нас все по-другому. Одежда и еда, мебель и выбор дачи, здоровье и досуг, щекотливые поручения и тайные встречи — всем занимается личная охрана.

Когда вождь в декабре 1945 года возвращался из Сочи в Москву, проехать по железной дороге не удалось. Сталина повезли на автомобиле. А спецвагоны погнали кружным путем, через Грузию. Поезд ждал его за перевалом. Но в суете комендант госдачи совершил чудовищную ошибку.

«У И.В. Сталина были домашние тапочки, с которыми он не расставался и всегда брал с собой, когда ехал отдыхать на юг, — рассказывал капитан госбезопасности Юрий Сергеевич Соловьев, офицер выездной охраны подразделения № 1 Управления охраны МТБ СССР. — Уезжая, не успели эти домашние тапочки положить в поезд!»

Из-за анатомических особенностей ноги у него болели, поэтому Сталин не любил новой обуви, предпочитал разношенную. В управлении охраны представляли себе, как разгневается вождь, не обнаружив привычной обуви. Но выход нашли. Даже в разрушенной войной стране сталинская охрана ни в чем не знала стеснения.

Капитан Соловьев получил от коменданта государственной дачи № 1 города Сочи пакет с тапочками вождя и самолетом вылетел в Москву. Соловьев гордился точно исполненным важнейшим поручением: «Тапочки-путешественницы прилетели в Москву раньше их хозяина и оказались на традиционном месте у

постели». Капитан прослужил в охране Сталина с 1943 до его смерти в 1953 году.

Генерал Власик даже к партийной верхушке обращался на «ты». Перед ним все заискивали.

— После моего назначения в Главное управление советским имуществом за границей, — вспоминал Всеволод Меркулов (снятый с должности министра госбезопасности, он чувствовал себя крайне неуверенно), — на одном из дипломатических приемов Власик по секрету передал мне, что в случайном разговоре с ним товарищ Сталин прямо сказал, что он мне доверяет.

Светлана Аллилуева вспоминала:

«Власик считал себя чуть ли не ближайшим человеком к отцу, и, будучи сам невероятно малограмотным, грубым, глупым, но вельможным, — дошел в последние годы до того, что диктовал некоторым деятелям искусства «вкусы товарища Сталина», — так как полагал, что он их хорошо знает и понимает… Наглости его не было предела».

Таким же «покровителем искусств» был и Поскребышев.

Жена писателя Михаила Афанасьевича Булгакова записала в дневнике, что, когда 11 февраля 1937 года во МХАТе показывали булгаковского «Мольера», пришел важный гость: «Сегодня смотрел «Мольера» секретарь Сталина Поскребышев. Ему очень понравился спектакль, и он говорил: «Надо непременно, чтобы И.В. посмотрел».

Генерал Власик не только охранял Сталина, но и отвечал за его быт. В самые трудные послевоенные годы Сталин распорядился построить ему новые резиденции для отдыха — под Сухуми, возле Нового Афона, на Валдае и на озере Рица. Его не смущало, что страна разрушена и голодает и эти бюджетные деньги можно было использовать на строительство больниц или школ. Но он раздражался, когда видел миллионные сметы.

Светлана Сталина писала об отце:

«Он не знал ни счета современным деньгам, ни вообще сколько что стоит. Денег он сам не тратил, их некуда и не на что было тратить. Весь его быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда — все это оплачивалось государством, для чего существовало специальное управление в системе МГБ, а там своя бухгалтерия, и неизвестно, сколько они тратили… Он и сам это не знал. Иногда набрасывался на своих комендантов и генералов их охраны, на Власика с бранью: «Дармоеды! Наживаетесь здесь, знаю я, сколько денег у вас сквозь сито протекает!»

Вождь сделал выговор Власику, когда в сентябре 1947 года увидел, во сколько обойдется новая дача на озере Рица. Но не

отказался от столь дорогостоящего проекта (30 сентября распоряжение Совмина о строительстве было подписано), а впредь велел заранее показывать ему все бумаги. Исходил из того, что его челядь в генеральских мундирах, обвешанная орденами, постоянно мухлюет. Грозил пальцем Власику и его подручным:

— Спросите англичан, американцев. Им никогда не удавалось меня обмануть, а ведь среди них были серьезные противники. А вы беретесь меня одурачить!

Через год, 4 августа 1948 года, заместитель министра внутренних дел Серов доложил в правительство о сдаче в эксплуатацию госдачи № 11 на озере Рица:

«Построены:

Основной дом и проведена внутренняя отделка ценными породами дерева.

Плавучая веранда, соединенная с берегом переходным мостиком.

Бойлерная, теплофикационный тоннель от электробойлерной до дома, холодильник кубатурой 650 куб. метров с тремя холодильными камерами, подземная станция перекачки с приемной камерой и двумя насосами, наружные коммуникации отопления, горячего и холодного водоснабжения, канализации и энергоснабжения.

На территории парка (9,3 гектара) вырублен лес, выкорчеваны пни. Высажено 4600 молодых деревьев, 1200 кустарников и 40 000 цветов. В парке построены фонтаны и разбиты клумбы. Территория освещается электросветильниками и обеспечена поливным водопроводом. Построены асфальтированные дороги».

Поскребышев вспоминал, что Сталину не нравилось, как обеспечивались поездки вождя на юг: «Выставление усиленной охраны по пути следования поезда и в местах отдыха т. Сталина, приостановка железнодорожного движения во время следования поезда и очистка автомобильной трассы во время поездок на юге».

Вождя огорчали не огромные затраты и не то, что нарушается нормальная жизнь людей. Об этом он не думал. Возмущался тем, что «все население в этих районах знало, что это едет т. Сталин. Вместо конспирации получалась самая широкая огласка».

Номенклатуру вождь тоже не обижал.

В 1947 году заместитель председателя Совета министров Ворошилов подписал приказ о строительстве Центральной клинической больницы Лечебно-санитарного управления Кремля, выделив под нее 150 гектаров земли. Решение о строительстве

больницы для начальства приняли в 1944 году, в разгар войны.

Высшие чиновники привыкли к роскоши.

Начальник Свердловского областного управления госбезопасности генерал-лейтенант Павел Гаврилович Дроздецкий отдыхал у себя на даче. Среди ночи его разбудил звонок. Его заместитель генерал-лейтенант Павел Михайлович Фитин (впавший в немилость у Сталина недавний начальник внешней разведки) сообщил, что министр Абакумов ждет его звонка. Дроздецкий помчался в управление и заказал разговор по ВЧ. Его быстро соединили. Абакумов велел ему немедленно прекратить отпуск, освободить дачу и приготовить ее для Берии, который летит на восток страны и сделает остановку в Свердловске.

— Мне было предложено закупить необходимую мебель, — вспоминал генерал Дроздецкий, — подготовить изысканное питание, лучшие вина и так далее, не стесняясь в средствах.

Высшим чиновникам обеспечивали райскую жизнь в годы, когда целые районы голодали. Инспектор управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) А.А. Назаров 25 марта 1947 года докладывал в секретариат ЦК:

«На предприятиях города Мариуполя Сталинской области за последнее время значительно возросло число рабочих, больных дистрофией. По заключению врачей, по пяти заводам Мариуполя зарегистрировано 3789 заболеваний дистрофией. Наибольшая заболеваемость имеется на заводе им. Ильича, где больных дистрофией числится 2475 человек, из них 1695 детей, умерло по этой причине 65 человек.

Число заболеваний на предприятиях с каждым днем увеличивается. Рост заболеваемости дистрофией в значительной мере вызван тем, что Министерство торговли СССР на протяжении пяти месяцев систематически уменьшает лимиты предприятиям на выдачу хлеба и продуктов. Значительная часть нетрудоспособных иждивенцев и детей совершенно не получает хлеба и продуктов».

Сталин раздражался, что строительство и ремонт резиденций идут медленно. Генерал Власик записал в дневнике, как в сентябре 1948 года, отправляясь на отдых в Крым, вождь его распекал: почему только летом занялись ремонтом госдачи № 5 (бывший дворец Юсупова), почему на госдаче № 2 (бывший дворец Воронцова) в бассейне нет морской воды…

В августе 1951 года Сталин поехал в Цхалтубо, чтобы принимать лечебные ванны. Но в Цхалтубо оказалось жарко и душно. Вождь изъявил желание перебраться в Боржоми, приехали в очередной бывший дворец, превращенный в дом отдыха для

ответственных работников ЦК Совета министров Грузии.

Застали неприглядную картину, возмущался Власик: «Не было самых элементарных удобств, ванны не работали из-за отсутствия горячей воды. Колонки для подогрева воды были неисправны. Двери не имели ни одного исправного запора. Везде грязь, комнаты, по-видимому, никогда не убирались, не подметались».

Ради вождя расстарались. Погнали машины в Сочи и в Тбилиси за смесителями и колонками для подогрева воды. Власик огорчился: если бы знал, заранее прислал ремонтные бригады из Москвы.

В том же году генерал Анатолий Михайлович Гуськов возглавил Горьковское областное управление госбезопасности. Поздно ночью его пригласил первый секретарь обкома партии Дмитрий Григорьевич Смирнов:

— План заготовки хлеба под угрозой срыва. Надень свой мундир и потормоши районное начальство, может быть, выколотишь кое-что.

«С секретарем капитаном Балалайкиным отправились в Княгининский район, — вспоминал генерал Гуськов. — Прибыли в деревню, где располагалось правление колхоза «Светлый путь». Деревня будто вымерла. Покосившиеся дома с соломенными крышами. Изредка попадались пожилые, плохо одетые женщины, ребятишки и глубокие старики. Пришли на колхозный хозяйственный двор. Картина еще более безотрадная. По всему двору валялись телеги, колеса, хомуты, дуги. Ни одной телеги, пригодной для поездки, ни одной упряжки, которую можно было бы надеть на лошадь. Да и лошадей не было видно».

Высшую власть бедственное положение страны не интересовало. Сталинскую обслугу преследовали иные страхи.

В Новом Афоне, где Сталин обедал с Берией, принесли молодое вино. Вождь распорядился хранить вино при температуре не ниже 13–15 градусов, а его переохладили. Этот страшный случай навсегда врезался Власику в память.

«Обслуга подала на стол злополучное вино, не проверив температуру, — вспоминал он в конце жизни. — т. Сталин был возмущен тем, что неоднократные его замечания не приняты к сведению. Все это крайне возмутило т. Сталина, и он справедливо выразил нам свое недоверие. Т. Сталин никак не мог успокоиться… Не знаю, как выдержало сердце, думал, что потеряю сознание. После этого инцидента я не спал трое суток».

Власик и сам жил весело, пил и гулял на казенный счет. Привозил женщин на правительственные дачи, случалось, прямо за обеденным столом устраивал стрельбу — по хрустальным

бокалам. Обарахлился трофейным имуществом. В голодающей, разрушенной войной стране развращенная, обнаглевшая и абсолютно бесконтрольная челядь вождя устроила себе красивую жизнь.

И в своей безнаказанности Власик зарвался.

Видимо, кто-то обратил внимание Сталина на разгульный образ жизни главного охранника и заметил: можно ли такому ненадежному человеку доверять жизнь вождя?

Но не по этой причине Власик лишился расположения вождя. Сталин был крайне снисходителен к таким грешкам. Скажем, ему представили документы относительно министра сельского хозяйства СССР Ивана Александровича Бенедиктова: «Бенедиктов вел себя недостойно: на протяжении длительного времени имеет две семьи; при строительстве дачи для второй семьи, используя служебное положение, способствовал получению рабочей силы, транспорта и стройматериалов в подведомственных министерству организациях. Получил для второй семьи квартиру за счет жилплощади, предназначенной работникам министерства. Во время командировок и поездок на курорт допускал излишества в расходовании государственных средств».

Наказание? Отделался выговором. Министра всего-навсего обязали «упорядочить семейный быт». Понятно, что Иван Бенедиктов до конца жизни оставался пламенным сталинистом. Какой еще руководитель страны проявил бы подобную снисходительность?

По той же причине поклонялся вождю хозяин Азербайджана Мир-Джафар Аббасович Багиров, которому можно было все.

В 1948 году Министерство государственного контроля СССР получило сведения о том, что руководители азербайджанского правительства строят себе дачи, за казенный счет устраивают там подсобное хозяйство и торгуют выращенными фруктами и овощами.

Министром госконтроля был бывший сталинский помощник Лев Захарович Мехлис Он жестко относился к кадрам, безжалостно и часто несправедливо снимал с должности — иногда за дело, иногда по чьим-то наветам. Пожалуй, единственная его черта, вызывающая симпатию, — это личное бесстрашие. На фронте он сам поднимал бойцов в атаку. В марте 1946 года Мехлис приступил к работе в ведомстве госконтроля, созданном Сталиным. Вождь хотел, чтобы Мехлис следил за порядком во всех наркоматах, поэтому Лев Захарович получил широчайшие полномочия, в том числе право контролировать весь государственный аппарат.

Мехлис распорядился проверить финансово-хозяйственную

деятельность Совета министров Азербайджанской ССР. В ревизии принимало участие полторы сотни человек, руководил группой заместитель министра госконтроля Емельянов. Выявить следы барского поведения высших республиканских чиновников, привыкших к полной безнаказанности, труда не составило. Сегодня это бы назвали коррупцией, тогда говорили о злоупотреблениях.

Мир-Джафар Багиров пребывал в дурном настроении. Часами просиживал в своем кабинете вместе с преданными помощниками, выискивая возможность контригры. Самое поразительное состоит в том, что в республике, где царил настоящий культ личности, некоторые чиновники побежали с тонущего корабля. Они решили, что положение первого секретаря ЦК пошатнулось и Багирова снимут.

«Багиров понял, что спасения ему нет, — вспоминал Николай Константинович Байбаков, бывший бакинский нефтяник, в ту пору союзный министр. — И пошел на подлую провокацию… Багиров искусно организовал Емельянову поездку в Махачкалу с одной из бакинских красавиц, а сам тут же обо всем доложил Сталину, к письму же приложил интимные, красноречивые фотографии».

Обратившись к Сталину, руководитель республики пошел ва-банк и выиграл.

Вождь ценил Мехлиса за энергию и решительность. Лев Захарович признавал авторитет только одного человека — Сталина. Когда отстаивал более жесткую позицию, позволял себе возражать и самому вождю. Сталин, кстати, не обижался, видя, что Мехлис старается быть большим сталинцем, чем сам генсек.

Но Мехлис, полагая проверку в Баку рядовым делом, не согласовал ее лично с вождем. А тот не любил самодеятельности. Зато ценил, когда подчиненные честно выкладывали друг про друга все, что знали плохого. Благодаря этому соперничеству Сталин выяснял, у кого какие слабые места. Багиров доложил первым, и вождь занял его сторону.

Подчиненных Мехлиса отчитали за то, что они пренебрегли мнением Баку. Руководившего проверкой заместителя министра сняли с должности — «за время командировки в Азербайджане вел себя непристойно — связь с случайными, сомнительными в политическом отношении женщинами, посещение в связи с этим подозрительных квартир, поездки с женщинами в Махачкалу». Заместителя министра по кадрам убрали за то, что он «в непристойной, развязной форме допустил грубые выпады против секретаря ЦК КП(б) Азербайджана т. Багирова, обвинив его без всяких к тому оснований в провокационных действиях по

отношению к работникам министерства».

Самого Льва Захаровича укорили за то, что «прикрыл их неправильные действия». Бакинские же чиновники, можно сказать, отделались легким испугом.

В постановлении политбюро говорилось:

«Предложить ЦК КП(б) Азербайджана рассмотреть материалы Госконтроля о незаконных действиях заместителя председателя Совета Министров Азербайджанской ССР Ислам-Заде, допущенных им в строительстве для себя дачи, и представить в ЦК ВКП(б) свое решение по этому вопросу».

Суровее отнеслись к другому заместителю главы республиканского правительства: «Т. Азизбеков Азиз Мешади-Оглы, будучи заместителем председателя Совета Министров Азербайджанской ССР, без разрешения правительства и ЦК КП(б) Азербайджана в 1944 году приобрел в личную собственность дачу площадью в 3,5 гектара, а в официальных документах именовал ее «правительственной дачей № 3» и на ее строительство израсходовал значительные государственные средства. Продукция дачного хозяйства по его указанию продавалась через государственные торговые организации по повышенным ценам; вырученные от продажи деньги поступали на его личный текущий счет в Госбанке… За недостойное поведение объявить т. Азизбекову А.М. строгий выговор с занесением в учетную карточку».

На партийном активе в Баку Мир-Джафар Багиров торжествовал. Он не только откровенно издевался над московскими контролерами, но и пригрозил своим подручным, которые засомневались в его способности одолеть любого аппаратного противника:

— Некоторые решили, что Багиров закачался, и повели себя беспринципно. Ну что же, они долго сидели в президиумах. Больше сидеть не будут…

Преданным людям вождь позволял наслаждаться жизнью. Так что не в этом причина опалы начальника Главного управления охраны.

Принято считать, что Власик пал жертвой интриг Берии, что Лаврентий Павлович устранил двух преданных вождю людей: Власика и личного помощника Александра Николаевича Поскребышева. Берия будто бы готовился убить вождя и заранее убрал всех преданных Сталину людей и окружил вождя своими подручными.

Скорее все наоборот: Власика вождь считал связанным с Берией. А в 1952 году Сталин не хотел, чтобы Лаврентий Павлович имел своего человека рядом с вождем.

По какой же причине Власик попал в опалу?

Еще в июне 1947 года был арестован офицер Главного управления охраны МГБ — заместитель коменданта сталинской «ближней» дачи подполковник Иван Иванович Федосеев. До Сталина дошли сведения, что его охранники устраивали пьянки, приводили проституток, угощались вином и продуктами, предназначенными для вождя. И вроде бы даже заглядывали в секретные бумаги, лежавшие на столе у Сталина.

Посадили и жену Федосеева, которая тоже когда-то работала на «ближней» даче. Подполковника обвинили в разглашении государственной тайны, антисоветской агитации и злоупотреблении служебным положением. Через год, в июле 1948 года, заместитель министра внутренних дел Серов доложил Сталину об окончании следствия, предложил пропустить Федосеева через Особое совещание и приговорить к двадцати годам тюрьмы.

Вождь не спешил. Федосеев понадобился позже. Его дело передали в МГБ. Теперь его допрашивал Абакумов. Протоколы не составлялись или не сохранились. Подполковника держали в особой тюрьме для самых главных преступников. Федосеев жаловался следователю, что в камере «из разных уголков был шепот, шорох, кто-то все время говорил: «Признайся, признайся, ты предатель».

Федосеева избивали и мучили, чтобы он дал нужные показания. Он подписал протокол допроса, в котором говорилось, что приказ отравить Сталина получил от начальника личной охраны вождя Николая Сидоровича Власика.

Вождь придавал этой истории настолько большое значение, что следствием по делу Федосеева занялся Маленков. Сам дважды допрашивал подполковника.

В 1947 году смертную казнь отменили, а в январе 1950 года восстановили. 1 марта Абакумов, тогда еще министр, обратился к Сталину:

«В дополнение к представленному Вам списку арестованных изменников родины, шпионов и подрывников-диверсантов, которых МГБ СССР считает необходимым в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года осудить к смертной казни, — прошу Вашего разрешения рассмотреть в Военной Коллегии Верховного Суда и приговорить к смертной казни — бывшего сотрудника Главного Управления Охраны МГБ СССР Федосеева, обвиняемого в шпионской деятельности.

Следствием установлено, что Федосеев, находясь на особо важном объекте охраны, на протяжении ряда лет скрытно читал

секретные документы государственного значения, их содержание выбалтывал в беседах с сослуживцами и своими родственниками».

Абакумов также просил дать по пятнадцать лет жене Федосеева — Пелагее Андреевне и его брату Анатолию Ивановичу, тоже бывшему чекисту, сотруднику отдела контрразведки МГБ по Днепровской военной флотилии.

В апреле Сталин подписал первый список на расстрел, в который включили Федосеева. 18 апреля Военная коллегия Верховного суда СССР оформила уже вынесенный вождем приговор. В тот же день бывшего подполковника расстреляли. Георгий Максимилианович Маленков отправил одного из своих подчиненных из аппарата ЦК присутствовать при казни: а вдруг перед смертью подполковник еще в чем-то признается?

Как «пособник шпионской деятельности» 17 января 1953 года был арестован недавний начальник управления охраны МГБ генерал-майор Сергей Федорович Кузьмичев. Он служил в сталинской охране с 1932 года, вырос до начальника управления охраны № 1. В 1947-м его направили на учебу в Высшую школу МГБ. В ноябре 1948 года он возглавил управление охраны № 2. Но в ноябре 1950 года впал в немилость — его отправили в Брянск заместителем начальника областного управления. Выпустят его после смерти Сталина…

Сталин сказал, что в Главном управлении охраны не все благополучно, и поручил Маленкову возглавить комиссию по проверке работы управления. Для начала Власика обвинили в финансовых упущениях — продукты, выделяемые для политбюро, нагло разворовывались многочисленной челядью. Когда прислуге в погонах предъявили претензии, в главке охраны даже не могли понять, чего от них хотят: в этом кругу все так живут, услаждая себя за казенный счет. При этом искренне считали себя государственными людьми, которые берегут родную страну.

Генерал Власик оправдывался тем, что он малограмотный и не способен разобраться в финансовых документах. 29 апреля 1952 года его освободили от должности, вывели из состава коллегии Министерства госбезопасности и исключили из партии. Одновременно разогнали почти все руководство службы охраны.

19 мая появилось постановление ЦК «О недостатках в работе Главного управления охраны МГБ СССР»: «В результате проверки, проведенной комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), выяснилось неблагополучное положение дел в Главном управлении охраны МГБ СССР и установлено наличие антигосударственной практики в финансово-хозяйственной деятельности и в организации службы Главного управления…. Начальник ГУО МГБ СССР т.

Власик и его заместители и некоторые из подчиненных им работников допустили преступное расточительство и бесконтрольность в расходовании средств».

Обязанности начальника управления охраны временно взял на себя министр Игнатьев. Но сам заниматься этим обширным хозяйством не мог. В июле 1952 года вызвал к себе полковника Николая Новика, которого знал по Минску, где тот вырос до заместителя наркома госбезопасности Белоруссии, предложил ему должность заместителя начальника управления.

«Я попытался отказаться от должности, — рассказывал Новик, — мотивируя это тем, что никогда не занимался вопросами охраны и мне будет очень трудно вникнуть во все особенности, сложности и детали совершенно новой для меня сферы деятельности. Министр отреагировал на это очень бурно и нервно. Игнатьев раздраженно сказал, что он, партийный работник, никогда не занимался проблемами государственной безопасности, и тем не менее был назначен министром МГБ СССР».

Новика представили Сталину, после чего Игнатьев велел ему садиться в кабинет Власика и принимать дела. Но принимать дела было не у кого, все руководители управления охраны уже сидели.

Власика убрали из Москвы — отправили на Урал в город Асбест заместителем начальника Баженовского исправительно-трудового лагеря. В ноябре его вызвали в Москву. 16 декабря 1952 года арестовали. На следующий день первый заместитель министра госбезопасности генерал Гоглидзе доложил Сталину, что Власик уже сидит в камере.

Николай Сидорович не ожидал этого от вождя: «Я был жестоко обижен Сталиным. За мою беспредельную преданность он отдал меня в руки врагов».

Бывшего начальника охраны вождя обвинили в том, что в его окружении были американские шпионы. Требовали признаться, что он раскрыл им систему сталинской охраны. В разработке Министерства госбезопасности Власик фигурировал в качестве участника заговора с целью убить Сталина.

19 февраля 1952 года арестовали недавнего посла в Великобритании Ивана Михайловича Майского. Он проработал в Лондоне больше десяти лет. В сорок первом году Сталин включил его в состав кандидатов в члены ЦК. Майский позволял себе больше других советских дипломатов, но и он принужден был держаться крайне осторожно.

Известный американский журналист Гаррисон Солсбери вспоминал:

«Я понял, что довольно часто отказ посла Майского комментировать что-либо сам по себе был комментарием. Это было похоже на то, что я позднее узнал в Москве: важно не то, что пишет «Правда», а то, о чем она не пишет».

Иван Майский много сделал для укрепления отношений между странами антигитлеровской коалиции. Но в сорок третьем раздраженный отсрочкой в открытии второго фронта Сталин отозвал Майского. Его утвердили заместителем наркома иностранных дел, но без определенного круга обязанностей. А в сорок шестом убрали из Министерства иностранных дел. Молотов спросил у вождя:

— Куда его девать?

Сталин поинтересовался, пишет ли что-нибудь Майский. Вячеслав Михайлович вспомнил, что перу его заместителя принадлежат работы о британском рабочем движении. Вопрос был решен. Иван Михайлович приступил к работе в Институте истории Академии наук, в ноябре 1946 года его избрали академиком.

А в начале 1952 года недавнего посла обвинили в работе на британскую разведку и в том, что он считал западных лидеров друзьями Советского Союза. Арестовали троих его недавних подчиненных, бывших сотрудников советского посольства в Лондоне, среди них известного публициста Эрнста Генри (он же Семен Николаевич Ростовский, он же Леонид Аркадьевич Хентов, человек с фантастически интересной биографией, автор двух знаменитых в тридцатых годах книг — «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР»). Майский не выдержал и «признал», что шпионил на англичан с 1925 года.

От него требовали показания на других дипломатов, в том числе на Александру Михайловну Коллонтай. Следователи хотели соорудить дело о шпионской сети среди дипломатов. Майский понимал, что его ждет, просил хотя бы сохранить ему жизнь.

В марте 1953 года Берия решит его освободить. И это тоже поставят Берии в вину. Генеральный прокурор Руденко на допросе потребует от Лаврентия Павловича:

— Признавайтесь, что вы действовали в угоду английской разведке, спасая Майского от наказания. Признавайтесь, что, став агентом английской разведки в период Гражданской войны, вы служили английскому империализму все последующие годы, вплоть до вашего разоблачения и ареста?

13 июня 1955 года Военная коллегия Верховного суда приговорит Майского к шести годам высылки, но 21 июля президиум ЦК его помилует. Реабилитируют его только в 1960-м.

Гаррисон Солсбери описал, как в 1967 году в последний раз беседовал с Майским в его квартире на улице Горького. «Сталин никому не доверял, — говорил ему Майский. — Гитлер был единственным человеком, кому доверял Сталин».

А на Лубянке били тревогу: в самом сердце страны работают британские шпионы. Главное управление контрразведки доложило министру Игнатьеву: «Еще в 1938–1941 гг. резидентурой МГБ СССР в Лондоне были добыты материалы английской разведки, из которых видно, что англичанам удалось получить информацию о некоторых заседаниях политбюро и пленумов ЦК. В одном из документов указывалось, что агент англичан имеет хорошие возможности для получения информации от ближайшего окружения одного из членов политбюро. Не исключено, что до последнего времени английская разведка получает аналогичную информацию, так как в 1941 году связь с агентурой, через которую нашей резидентуре удалось получать эти данные, была потеряна».

Игнатьев доложил Сталину, что подозрения падают на Власика и Поскребышева.

Власик был связан с художником Владимиром Августовичем Стенбергом, который многие годы оформлял Красную площадь ко всем праздникам. А того сочли шпионом, потому что до 1933 года он был шведским подданным.

Власика обвиняли в том, что он вел секретные разговоры в присутствии Стенберга. Разрешал своему приятелю летать самолетами управления охраны в Сочи. Показывал ему фотографии, в том числе снимки сталинской дачи на озере Рица. В МГБ решили арестовать Стенберга. Власик сообразил, что это его сильно скомпрометирует, и обратился к Игнатьеву. Тот не стал ссориться со сталинским охранником и разрешил отправить дело в архив.

Но в январе 1953 года по этому делу арестовали пятерых. Доложили начальству: «Один из объектов разработки имел близкое общение с бывшим начальником Главного управления охраны МГБ Власиком. После ознакомления с материалами этого дела Власик вызвал к себе объекта разработки и рассказал ему об имеющихся на него материалах. После чего посадил его в машину и увез к себе на дачу, где не раз до этого устраивал попойки. На следующий день этот объект разработки предупредил остальных связанных с ним лиц об имеющихся на них материалах».

На допросах от Власика потребовали ответа:

— Что сближало вас со Стенбергом?

— Сближение было на почве совместных выпивок и знакомств с женщинами.

— Вы выдавали пропуска для прохода на Красную площадь во время парадов своим друзьям и сожительницам?

— Да, но прошу учесть, что давал я пропуска только лицам, которых хорошо знал.

— Но вами давался пропуск на Красную площадь некой Николаевой, которая была связана с иностранными журналистами?

— Я только сейчас осознал, что совершил, давая ей пропуск, преступление.

Вождь, узнав, что Власика не били, упрекнул следователей, что они «жалеют своих». Следователи получили указание бить арестованных «смертным боем».

«Министр госбезопасности тов. Игнатьев сообщил нам на совещании, что ход следствия по делам, находившимся в нашем производстве, оценивается правительством как явно неудовлетворительный, и сказал, что нужно «снять белые перчатки» и «с соблюдением осторожности» прибегнуть к избиениям арестованных, — сообщал в рапорте от 24 марта 1953 года полковник Петр Васильевич Федотов, заместитель начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР. — Говоря это, тов. Игнатьев дал понять, что по этому поводу имеются указания свыше. Во внутренней тюрьме было оборудовано отдельное помещение для избиения, а для осуществления пыток выделили группу работников тюрьмы…

В феврале 1953 года т. Игнатьев, вызвав меня к себе и передав замечания по представленному товарищу Сталину протоколу допроса Власика, предложил применить к нему физические меры воздействия. При этом т. Игнатьев заявил, что товарищ Сталин, узнав, что Власика не били, высказал упрек в том, что следствие «жалеет своих».

По словам дочери генерала Власика, «его все время держали в наручниках и не давали спать по нескольку суток подряд. А когда он терял сознание, включали яркий свет, а за стеной ставили на граммофон пластинку с истошным детским криком».

Сталин исходил из того, что Власик выдал систему его охраны главному врагу — американцам.

Линия восьмая
Главный враг

В апреле 1946 года на совещании в ЦК по идеологическим вопросам Андрей Александрович Жданов сообщил о новом указании вождя: заняться «лечением недостатков на идеологическом фронте» и бороться против вредного тезиса о том, что «людям после войны надо дать отдохнуть».

Накормить людей власть была не в состоянии. Зато могла напугать и отбить желание жаловаться и говорить о трудностях. Послевоенные годы оказались мрачными и трудными не только по причине голода и медленного восстановления народного хозяйства. В 1949 году Сталин приказал Министерству государственной безопасности:

«Осуществить необходимые чекистские меры в Красноярском крае, Новосибирской, Омской и Иркутской областях по пресечению деятельности вражеских элементов, учитывая, что эти районы в прошлом были очагами колчаковщины».

После казни адмирала Колчака, когда-то воевавшего против советской власти, прошло почти тридцать лет. Но в воображении советских руководителей Гражданская война еще не закончилась. В тех краях искали урановые залежи, и вождю мнилось, что там еще действуют колчаковцы, способные этому помешать.

Сталин читал сводки Министерства госбезопасности и знал, что с окончанием войны люди связывают огромные надежды; они жаждали сытной жизни, либерализации и спокойствия. Крестьяне надеялись, что распустят колхозы. Но ожидания не сбывались, и возникло разочарование.

Только что избранный депутатом Верховного Совета СССР Федор Иванович Панферов, главный редактор журнала «Октябрь», слепо преданный вождю, в конце февраля 1946 года писал Сталину:

«Я только что вернулся из Омутнинского избирательного округа (Кировской области). Пробыл там около месяца, и, с кем бы я ни встречался, все просили меня передать Вам:

— Большой русский поклон.

Вот этот поклон я Вам и передаю.

Кроме того, я обязался перед избирателями рассказать Вам о них.

Видимо, торгующие, снабжающие организации еще и до войны мало обращали внимания на такие окраины, — вот почему люди оборваны, разуты, носят домотканщину, лапти, деревянные

колодки. Особенно плохо одеты ребята. В отдаленных районах нет ни керосина (даже в школах), ни электричества (жгут лучину). Взрослые забыли, что такое сахар, а ребята и понятия о сахаре не имеют. Негде купить даже гребешка, пуговицы, иголки, мыла. Я потерял расческу. Обошел все магазины в Кирове. В одном сказали: «Есть расчески, но неважные». И я купил… Помните, говорили: этот гребешок для мертвецов». Так вот и расческа эта для мертвецов. Ею никак чесаться нельзя: она дерет как грабли».

Панферов приписал: «Я ее Вам посылаю». И зачеркнул эти слова.

Аппарат госбезопасности докладывал, кто прежде всего недоволен положением в стране: это те, кто побывал на Западе и хотя бы краем глаза увидел западную жизнь, — солдаты и офицеры Красной армии.

Константин Михайлович Симонов вспоминал, как в мае 1947 года Сталин принимал руководителей Союза писателей. Обсуждали текущие дела. Вождь вдруг сменил тему:

— Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Простой крестьянин не пойдет из-за пустяков кланяться, не станет ломать шапку, а вот у таких людей не хватает достоинства, патриотизма, понимания той роли, которую играет Россия. У военных тоже было такое преклонение. Сейчас стало меньше…

Константину Симонову казалось, что в словах Сталина есть резон, что воспитание советского патриотизма полезно для страны. В реальности это служило усилению холодной войны и разжиганию враждебности к Западу. Более проницательные люди это поняли.

Профессор Московского университета Сергей Сергеевич Дмитриев в марте 1949 года описал в дневнике заседание ученого совета исторического факультета: обсуждали меры по очищению факультета от космополитов. Говорили о троцкизме, о вражеской, подпольной работе группы историков…

Профессор Дмитриев изумленно спросил соседа-коллегу:

— Что лежит в основе всего этого дела?

— Война, — ответил тот. — Готовить нужно народ к новой войне. Она близится.

Сталин широко раздвинул границы советской империи, он позаботился об установлении социализма в Восточной Европе. По существу, остался только один серьезный противник — Соединенные Штаты. Победа над Америкой означала бы

всемирную победу большевиков. Поэтому новые дивизии шли не на Запад, а на Восток. Театр военных действий должен был развернуться на Аляске. Это малоизученная часть послевоенной истории, которая чуть было не стала предвоенной.

Историки считают, что холодная война началась из-за Ирана. В конце августа 1941 года советские и английские войска с двух сторон вошли в Иран, чтобы покончить здесь с немецким влиянием, контролировать нефтепромыслы и обезопасить военные поставки Советскому Союзу по Трансиранской железной дороге.

При активном содействии частей Красной армии в 1945 году на севере Ирана было провозглашено Народно-демократическое государство Южный Азербайджан. Соединенные Штаты возмутились: в северной части Ирана вспыхнул мятеж, почему советские власти препятствуют правительственным войскам в наведении порядка?

В беседах с американцами Сталин не говорил, что Красная армия обязана помочь восставшему народу. Откровенно объяснял, что ему нужна иранская нефть:

— Вы не понимаете нашу ситуацию. Главный источник нашей нефти — месторождения в Баку. Они близки к границе с Ираном, и они очень уязвимы. Берия говорит мне, что вредители — один человек с коробком спичек — могут принести нам серьезный ущерб. Мы не можем рисковать поставками нефти.

Сталин не стал конфликтовать с Вашингтоном. Вывел войска из Северного Ирана. Американское посольство доложило в Государственный департамент: «Советы не идут на ненужный риск. Глухие к логике разума, они в высшей степени чувствительны к логике силы».

Но Сталин обиделся. Он исходил из того, что в своей сфере интересов вправе поступать так, как считает нужным. Не мог понять, почему американцы озабочены ситуацией в столь далеком от них регионе. Зачем ему препятствуют? Не потому ли, что Соединенные Штаты претендуют на мировое господство?

В январе 1951 года Сталин собрал у себя генеральных секретарей и министров обороны социалистических стран. Сказал, что к концу 1953 года НАТО полностью завершит свою подготовку и к этому времени социалистический лагерь должен создать соответствующие вооруженные силы. Начальник Генерального штаба генерал Сергей Матвеевич Штеменко зачитал по списку, сколько солдат и какое оружие следует иметь каждой из соцстран.

В Советском Союзе шла модернизация вооруженных сил, ускоренными темпами создавалась новая техника, ядерное

вооружение, океанский флот. В 1949 году резко увеличился объем военных заказов за счет создания новой техники. Составили план выпуска танков до 1970 года. Во время корейской войны Советская армия увеличилась вдвое и составила шесть миллионов человек.

Мобилизационный план начальник Генштаба Штеменко докладывал каждому члену политбюро лично. Берия сразу спросил:

— Это план войны?

Военный министр маршал Александр Михайлович Василевский и начальник Генерального штаба генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко попросили правительство дополнительно призвать в армию квалифицированных специалистов. Призывники были необходимы для освоения новой техники — самолетов Ту-4, Ил-28, МиГ-15, танков, станковых гранатометов.

Министр госбезопасности Игнатьев и военный министр Василевский утвердили план диверсионных действий военной и политической разведок против натовских и американских военных баз.

24 октября 1950 года маршал Василевский подписал директиву о создании подразделений специального назначения — для действий в тылу противника. Задача: ведение разведки, уничтожение пунктов управления, ракетных установок, самолетов стратегической авиации, систем связи и энергоснабжения. Сначала сформировали 46 рот (численность роты — 120 человек). Потом они были развернуты в батальоны и бригады специального назначения.

Осенью 1952 года было решено построить дополнительные аэродромы для тяжелых дальних бомбардировщиков Туполева и Мясищева, способных нести ядерное оружие. Аэродромы строили на территории восточноевропейских стран и Китая, чтобы иметь возможность наносить бомбовые удары не только по Западной Европе, но и по американским базам в Атлантическом и Тихом океанах.

Сталин принял решение сформировать сто дивизий реактивных бомбардировщиков фронтовой авиации. Цифра показалась летчикам фантастической. Главнокомандующий военно-воздушными силами маршал авиации Павел Федорович Жигарев провел срочное совещание. Он выглядел очень озабоченным:

— Откуда взялась такая цифра, никто не знает. В Генштабе руками разводят. Не могут объяснить, на основании каких расчетов нужно сформировать такую армаду. Да и с нами никто

не посоветовался, не поинтересовался, под силу ли ВВС решить такую задачу…

Чуть позже главком собрал у себя руководство оперативного управления:

— Разберитесь, зачем нам сто дивизий? Просчитайте по всем параметрам. В том числе и на случай войны с учетом действий бомбардировочной авиации на всех операционных направлениях.

Расчеты показали, что на случай войны стране понадобится не более шестидесяти бомбардировочных дивизий. А ведь в помощь такому количеству бомбардировщиков нужно создавать примерно тридцать дивизий истребителей и примерно десять полков разведывательной авиации. Непосильная для страны задача.

Но Сталину требовались только бомбардировщики! Как же быть?

Главком авиации поехал со всеми выкладками к министру вооруженных сил Василевскому. Министр его оборвал:

— Это приказ самого товарища Сталина — выполняйте!

Из Генерального штаба поступила директива — подготовить возможные варианты базирования новых дивизий, а также предложения относительно кадров. Для исполнения задачи в ВВС создали специальное управление.

Предстояло развернуть сеть военно-учебных заведений и в кратчайшие сроки подготовить минимум десять тысяч летчиков, столько же штурманов и стрелков-радистов. Специальному стройуправлению — построить сотни аэродромов. Авиапромышленности — сверх плана произвести более десяти тысяч бомбардировщиков. Расходы — невероятные, непосильные для бюджета!

Офицеры исходили из того, что надо ждать новой войны, пишет генерал-лейтенант Николай Николаевич Остроумов, который был заместителем начальника Главного штаба авиации:

«Исподволь шла обработка общественного сознания, целенаправленно велась подготовка страны к грядущим испытаниям, а точнее — к войне. Во всяком случае, мы именно так расценивали ситуацию, работая над выполнением сталинского приказа. Бесспорно, приказа во многом странного.

Им предусматривалось лишь однобокое развитие ВВС, что носило ярко выраженный авантюрный характер. Нашему народу, еще не оправившемуся от тяжелейших последствий Великой Отечественной войны, навязывались новые, ничем не оправданные траты. Только что появившиеся у нас реактивные бомбардировщики были еще далеко не совершенны как самолеты — носители ядерного оружия. А следовательно, вскоре встал бы

вопрос и об обновлении громадного парка авиатехники».

Сталин начал гонку вооружений в истощенной стране. Лишил народ нормальной жизни, на которую они надеялись после Победы и на которую имели полное право.

Много писали об американских планах ядерной войны против СССР (самый известный — план «Дропшот»). Такие же строили и наши генштабисты. Нападать на Советский Союз в Вашингтоне не собирались. Да и нечем было. Советская разведка располагала довольно точными данными о состоянии атомных дел в США и знала, что запас ядерного оружия у США небольшой.

Через несколько лет на пленуме ЦК один из сталинских соратников, председатель Совета министров Николай Александрович Булганин, скажет:

— В последние годы перед смертью Сталина у нас сложилась очень тяжелая международная обстановка. В отношениях с западными державами и Соединенными Штатами мы стояли на грани войны.

В 1945 году 126-й легкий горнострелковый краснознаменный ордена Богдана Хмельницкого корпус перебросили на Чукотку (см. «Военно-исторический журнал», № 6/2014). Штаб разместился в бухте Провидения. В 1948 году на его базе начали формировать 14-ю армию. Командующим назначили только что окончившего Высшую военную академию имени К.Е. Ворошилова генерал-лейтенанта Николая Николаевича Олешева, бывшего пограничника, проявившего себя в войну общевойсковым командиром. «Золотую Звезду» Героя Советского Союза он получил за участие в разгроме японской Квантунской армии в Маньчжурии.

На Чукотке строили казармы для воздушно-десантных частей и аэродромы для бомбардировщиков дальнего радиуса действия, в Игарке — военную базу, в бухте Провидения — военные склады. На Чукотке разместили 95-ю смешанную авиационную дивизию, ей передали гражданские аэропорты, две метеорологические станции, отдельный радиотехнический взвод и отдельную ионосферную станцию — следить за ядерными испытаниями США.

Вдоль всего Северного Ледовитого океана тянули железную дорогу, подтягивали железнодорожные пути к Камчатке. Задача состояла в том, чтобы сразу перенести войну на территорию Соединенных Штатов.

В 1950 году по поручению ЦК Хабаровский крайком партии проверял состояние соединений и частей армии и флота на Чукотке. Хабаровский край постоянно увеличивался. В его состав включили еще и Южно-Сахалинскую область и Курильские

острова.

Первым секретарем крайкома утвердили Александра Павловича Ефимова, переведенного из Иркутска (прежнего хозяина Хабаровска Романа Капитоновича Назарова убрали из аппарата: с большим понижением отправили секретарем парткома прядильно-ткацкой фабрики в Ивановскую область).

«По характеру Ефимов был довольно замкнутый человек, — вспоминал его подчиненный. — Не помню, чтобы мне когда-либо приходилось видеть его оживленным, улыбающимся. Он отличался большой силой воли и твердым характером… Он любил играть в домино, но страшно переживал проигрыши. Его сопровождали два порученца — сотрудники госбезопасности. Тогда еще первые секретари имели личную охрану. Один охранник, испытанный игрок, садился играть с хозяином, а второй — с гостем, и гость, как ни старался, все равно был обречен на проигрыш».

Новый хозяин края доложил в Москву: тяжелые жилищные условия, не хватает топлива и электричества, воинские части плохо снабжаются. Аэродромы не готовы к приему бомбардировщиков: нет топлива, связи, радиолокаторов.

После войны Тихоокеанский флот разделили — 5-й флот базировался во Владивостоке, 7-й — в Советской Гавани. На Чукотке создавали базу для 7-го флота. Но службу здесь воспринимали как наказание.

24 октября 1951 года политбюро утвердило постановление Совета министров СССР «Об оперативной сети аэродромов на воздушной трассе Москва — Хабаровск». Имелось в виду к концу 1952 года закончить строительство аэродрома в бухте Провидения. Аэродромы должны были принимать самолеты Ту-4 и Ил-28.

Стратегический бомбардировщик Ту-4 был по указанию Сталина скопирован Андреем Николаевичем Туполевым с американского В-29. Он поступил на вооружение Дальней авиации в 1949 году. Оснащенный системой дозаправки в воздухе, он мог долететь до территории Соединенных Штатов и обрушить на них авиабомбы с ядерной начинкой, разработанные под руководством академика Юлия Борисовича Харитона.

Ил-28 стал первым реактивным фронтовым бомбардировщиком, способным нести ядерное оружие. За его разработку Сергей Владимирович Ильюшин получил очередную Сталинскую премию.

Сталин не боялся ядерной войны. Американцы обладали тогда не таким уж большим количеством ядерного оружия. Ракет еще не было, единственное средство доставки — тяжелые

бомбардировщики. Генералы убедили Сталина в том, что система противовоздушной обороны способна перехватить большую часть американских бомбардировщиков. Так что уничтожить Советский Союз с воздуха американцам не удастся. Потери в результате ядерного удара, конечно, будут большими, но это Сталина не беспокоило: страна огромная, народа хватит. А вот для американцев первый же ядерный удар, по мнению вождя, станет сокрушительным. Возникнет паника, и американцы капитулируют.

Сталин не считал их хорошими солдатами, полагал, что американцы — трусы, пренебрежительно говорил: привыкли к комфорту и безопасности.

— Американский солдат — спекулянт, занимается куплей и продажей, — говорил Сталин 20 августа 1952 года приехавшему из Пекина главе китайского правительства Чжоу Эньлаю. — Какая же это сила? Американцы вообще не способны вести большую войну. Они хотят покорить весь мир, а не могут справиться с маленькой Кореей. Не умеют воевать. Надеются на атомную бомбу, авиационные налеты. Но этим войну не выиграть. Нужна пехота, а пехоты у них мало, и она слаба. С маленькой Кореей воюют, а в США уже плачут. Что же будет, если они начнут большую войну? Тогда, пожалуй, все будут плакать.

Валентин Михайлович Фалин, известный дипломат, а впоследствии и секретарь ЦК КПСС по международным делам, вспоминал: «Когда-нибудь по документам мы, возможно, узнаем, насколько далеко продвинулось создание советского потенциала для упреждающего удара. На основании того, что через вторые руки доходило до меня, замечу лишь — диктатор усоп кстати».

Война на Корейском полуострове стала полигоном для советских летчиков. В Корее военно-воздушные силы проходили не только боевую обкатку, но и привыкали стрелять в американцев. Войну Сталин собирался вести на паях с Мао Цзэдуном, чьи дивизии в Корее сражались с американскими войсками.

«Мао Цзэдун, — сообщал в Москву советский посол в Китае, — сказал, что на опыте войны в Корее они многому учатся, как надо организовать современную армию и как надо вести войну против современных империалистических армий».

Уверенность в том, что американцы слабаки, широко распространилась в советском обществе. Автор «Оптимистической трагедии» и капитан 1-го ранга драматург Всеволод Витальевич Вишневский 4 февраля 1950 года писал заместителю главного редактора журнала «Новый мир» литературному критику Анатолию Кузьмичу Тарасенкову: «Враги

упрямо ведут курс на конфликт. США и Европа израсходовали в последние пять лет в десять раз больше, чем Гитлер израсходовал в 1933–1939 гг. на войну. Но мы имеем две лучшие в мире армии: Советскую и Народную армию Китая. Солдаты этих армий не знают соперников в поле. Это не американские шалопаи с «Виллисов» и мастера с жевательной резинкой, презервативами и пр. Техника наша идет вперед неудержимо. Нас не захватят врасплох, как 22 июня. Но я полагаю, что на войну США и пр. сразу не рискнут. Маленков ясно обещал им — наведаться в Америку (речь 6 ноября 1949 г.). Поняли. Подумают и о тылах в Европе».

А параллельно шло воспитание ненависти к Соединенным Штатам, Западу, вообще ко всему иностранному. В аппарате ЦК составили «План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма». В нем говорилось:

«Во всей политической работе необходимо настойчиво подчеркивать, что сейчас нет другого народа, который имел бы такие великие заслуги перед человечеством, какие имеет советский народ… Нужно вскрывать духовное обнищание людей буржуазного мира, их идейную опустошенность… Нужно показывать растление нравов в капиталистическом обществе, моральную деградацию людей буржуазного мира. Необходимо в то же время подчеркивать моральное превосходство и духовную красоту советского человека, работающего на пользу всего общества.

В основу работы по воспитанию советского патриотизма должно быть положено указание товарища Сталина, что даже «последний советский гражданин, свободный от цепей капитализма, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».

Комитет по делам искусств при Совете министров СССР 11 мая 1949 года отчитывался перед Маленковым:

«В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) о проведении антиамериканской пропаганды проведены следующие мероприятия. Весь репертуар артистов эстрады (разговорный жанр) резко перестроен. В основном он подчинен разоблачению политики поджигателей войны, двурушничеству, лживости и моральному обнищанию американских деятелей.

Все конферансье и артисты-сатирики Москвы, Ленинграда и Киева свои выступления-репризы, куплеты, фельетоны, пародии, интермедии и сценки направляют на разоблачение двурушнической политики американских и прочих поджигателей войны.

Ведется работа по созданию специального концерта в Колонном зале Дома Союзов под условным названием «Поговорим об Америке», в котором репертуар всех исполнителей будет отражать нравы, быт и антинародную деятельность американского правительства и в противовес этому высокопатриотические произведения, отражающие мирную политику Советского Союза.

В целях усиления антиамериканской пропаганды Главцирком заказано большое количество произведений малых форм для всех цирковых артистов разговорного жанра».

Множество халтурщиков потирали руки — открылись новые возможности для неплохого заработка. Если издательство медлило с выпуском совсем уж плохонькой книжки, сразу обращались к высшему начальству с жалобой на зажим писателя-патриота.

Один автор представил в издательство «Московский рабочий» рукопись под названием «Американское гестапо», посвященную «системе внутриполитического шпионажа и полицейского террора в США». Издательский редактор констатировал: рукопись основана «на домыслах и измышлениях».

Автор обратился к Молотову: издательство не спешит выпустить книгу, посвященную такой политически острой теме! Молотов переслал письмо секретарю ЦК Суслову. Рукопись отправили на просмотр министру госбезопасности Абакумову. Министр ответил, что «при подготовке рукописи автор использовал закрытые материалы, говорить о которых в открытой печати нецелесообразно. На квартире у автора хранились секретные материалы об американской разведке. Органами безопасности все эти материалы изъяты».

«Закрытые» материалы — это об американской разведке? Но имелись в виду вовсе не документы ЦРУ, добытые нашей разведкой, а статьи из американской прессы, которые следовало держать в секрете от советских людей… Мнением Абакумова пренебрегли. Название книги — «Американское гестапо» — так понравилось в ЦК, что книга в 1950 году вышла в свет.

Продолжавшаяся много лет кампания нанесла стране невероятный ущерб, потому что обернулась планомерным уничтожением отечественной науки.

Сессия Академии сельскохозяйственных наук, знаменовавшая полную победу мистификатора Трофима Лысенко, тоже ведь проходила в рамках общей борьбы с космополитизмом и иностранщиной, которую Сталин сделал своим идеологическим знаменем в послевоенные годы.

На расширенном заседании президиума Академии наук СССР

постановили поддержать выводы сессии ВАСХНИЛ и закрыть целые лаборатории, которые были объявлены очагами реакционного морганизма! Такое же решение приняла Академия медицинских наук.

Министр высшего образования Сергей Васильевич Кафтанов подписал несколько приказов об увольнении из всех университетов страны крупных ученых и профессоров, не присоединившихся к Лысенко. Все это были известнейшие имена в биологии. На этом Кафтанов не остановился. Он обязал университеты «в двухмесячный срок пересмотреть состав всех кафедр биологических факультетов, очистив их от людей, враждебно относящихся к мичуринской биологии, и укрепить эти кадры биологами-мичуринцами».

Сергей Кафтанов преподавал химию в высшей коммунистической сельскохозяйственной школе. Молодым человеком в 1937 году был взят на работу в аппарат ЦК и почти сразу поставлен руководить высшим образованием в стране. Он хорошо пел, говорят, его голос нравился вождю.

Генетику как науку отменили. Остались без работы такие выдающиеся ученые, как академик Иван Иванович Шмальгаузен, президент Академии наук Белоруссии Роман Андреевич Жебрак (устроили «суд чести» над ним, обвинили в антигосударственных и антипатриотических поступках), академик Николай Петрович Дубинин (будущий Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии), член-корреспондент Академии наук Иосиф Абрамович Рапопорт (тоже будущий Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии)…

Такую же чистку осуществили в сельскохозяйственных, медицинских и ветеринарных институтах.

Юрий Жданов исправился и предложил вождю провести столь же успешную кампанию в физиологии под лозунгом защиты научного наследства академика Павлова. 6 октября 1949 года Сталин инструктировал Юрия Жданова:

«Я согласен с Вашими доводами и даже готов возвести их в куб.

Теперь кое-что о тактике борьбы с противниками теории ак. Павлова. Нужно сначала собрать втихомолку сторонников ак. Павлова, организовать их, распределив роли, и только после этого собрать то самое совещание физиологов, о котором Вы говорите, и где нужно будет дать противникам генеральный бой. Без этого можно провалить дело. Помните: противника нужно бить наверняка с расчетом на полный успех».

28 июня 1950 года прошла совместная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук, созванная по велению

идеологического начальства. Серьезные ученые с тоской слушали доклады, свидетельствовавшие, как выразился один из членов Президиума Академии медицинских наук, о полном разрыве между внедряемой доктриной и подлинной медициной; о нарастающем отставании от мировой науки.

Президент академии Сергей Иванович Вавилов завершил свою речь словами:

— Да здравствует вождь народов, великий ученый и наш учитель во всех важнейших начинаниях товарищ Сталин!

Говоря все это, Сергей Вавилов знал, что его брата, выдающегося генетика, Николая Ивановича Вавилова, довел до тюрьмы (где он погибнет) Лысенко и его поклонники!

Все восторженно хлопали, понимая, что советских врачей заставляют заниматься какими-то глупостями, в то время, как писал один из руководителей Академии меднаук, «в медицине за рубежом происходят крупнейшие события: открываются все новые и более совершенные антибиотики, новые витамины и гормоны (в том числе кортизон), гипотензивные препараты, предлагались смелые хирургические операции на сердце».

Решения академий немедленно проводились в жизнь. Вот как это выглядело.

На территории Фрунзенского района Москвы располагалось тридцать научно-исследовательских институтов: семнадцать медицинских, девять технических, четыре гуманитарных. Чисткой научных кадров занялась первый секретарь райкома партии Екатерина Алексеевна Фурцева, будущий министр культуры СССР.

— В ряде институтов, — сообщила Фурцева товарищам по партийному руководству, — среди некоторой части научных работников были распространены реакционные взгляды вейсманизма-морганизма. В институте судебной психиатрии, в первом и втором медицинских институтах руководство некоторыми лабораториями и кафедрами находилось в руках сторонников вейсманизма. Обсуждение решений сессии ВАСХНИЛ помогло институтам перестроить направление научной работы и укрепить состав научных учреждений передовыми советскими учеными — последователями мичуринской биологии…

Пересмотрели учебные программы. Учебники и научные труды, написанные противниками Лысенко, то есть настоящими учеными, запретили. Химическое отделение Академии наук тоже провело свою сессию в подражание лысенковской. Гонения на лучших биологов страны, расправа с генетиками дополнились разгромом химической науки.

Некому стало учить будущих врачей и фармацевтов. Место ученых в институтах и университетах занимали малообразованные функционеры или шарлатаны, поддержанные властью, поскольку они боролись против «враждебных западных теорий», а своих противников обвиняли в низкопоклонстве перед Америкой.

«Мы вынуждены выслушивать безумную старуху Лепешинскую, открывшую «живое вещество», — возмущался академик Александр Леонидович Мясников. — Эта баба-яга, оказывается, — соратница Сталина по партийной работе до революции, она попросила у него поддержки, и было дано «соответствующее указание». Лепешинскую возвели в гении».

В 1950 году старой большевичке Ольге Борисовне Лепешинской, которая увлеклась медициной, присудили Сталинскую премию и приняли в Академию медицинских наук. Она рекомендовала куриным белком лечить язвенную болезнь желудка, артрит и рак. Уверяла, что ванны с содой по ее рецепту спасут от гипертонии, склероза и вообще от старости! Обещала почти что бессмертие. И что же? Из продажи исчезла сода…

«Население поверило в ее высказывания о пользе особых ванн, — печально пометил в дневнике писатель Юрий Карлович Олеша. — Стали распространяться ее рецепты на папиросной бумаге. Люди возвращались домой после ее лекций взволнованные, поверившие в долголетие».

Лепешинская была не одна!

Ветеринар Геворг Мнацаканович Бошьян в 1949 году выпустил книгу «О природе вирусов и микробов». Утверждал, что его открытия изменят современную медицину. А был он просто авантюристом. Проповедовал нечто чудовищное по безграмотности, но призывал вести борьбу «против космополитизма в науке, за идеи Ленина — Сталина» и получил поддержку высшего начальства. Бошьяна поставили во главе секретной лаборатории НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи, ему присвоили научную степень доктора медицинских наук и звание профессора.

Торжество маниакальных невежд!

Ветфельдшер Дорохов растворял рога крупного рогатого скота в азотной кислоте и предлагал этот яд больным раком. Техник Калугин проповедовал лечение солями тяжелых металлов. Микробиолог Троицкая вводила больным в качестве вакцины вытяжку из раковых клеток. И в атмосфере безумия, охватившей страну, к этим мистификаторам вереницей потянулись больные.

От разгрома, который продолжался несколько лет, отечественная наука так и не оправилась. Результаты ощутимы и

по сей день: невероятная отсталость всего аграрного сектора. Уничтожение интеллектуального потенциала определило отставание медицины и фармацевтики. Средства диагностики, медицинская техника, лекарственные препараты — все приходится закупать. Чины, служащие по ведомству здравоохранения, могут рвать на себе импортную рубашку и твердить, что медицина у нас наилучшая. Но есть надежный индикатор. Несмотря на существование целой системы медицины для начальства, наши высшие чиновники и олигархи лечиться едут за границу.

Югославский коммунист Милован Джилас с удивлением наблюдал за тем, что происходило в Советском Союзе, который еще недавно казался ему образцом для подражания: «Превосходство русских выставлялось и приобретало уродливо-комический облик. На каждом шагу открывались нам неизвестные до сих пор стороны советской действительности: отсталость, примитивность, шовинизм, великодержавие, конечно, наряду с героическими, сверхчеловеческими попытками все это преодолеть и подчинить нормальному течению жизни».

Константин Симонов вспоминал, как Сталин собрал руководство Союза писателей. И заговорил о «неоправданном преклонении перед заграничной культурой».

— Эта традиция идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами-засранцами. — Сталин позволил себе пошутить. — У военных тоже было такое преклонение. Теперь стало меньше…

В сорок первом году Сталин вспомнил о героической истории России, призвал к себе в помощь тени великих предков. А после войны говорил о них уже безо всякого пиетета. Есть только один вождь, которого должно возвеличивать искусство, — это он сам.

Кинематографистам вождь внушал:

— Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждал страну от иностранного влияния.

Сталин неважно знал историю. Как раз по приказу Ивана Грозного в Германии набирали мастеров различных специальностей и заманивали в Россию. И среди опричников, его личной гвардии, процент иностранцев был очень высок.

В западном образе жизни Ивану Грозному не нравилось то же, что и Сталину: народоправие, то есть демократия. Когда Иван Грозный обратился к британской королеве, Елизавета ответила, что решение примет парламент. Московский государь

пренебрежительно заметил: «Мы надеялись, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государской чести… Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах… Ты же пребываешь в своем девическом звании, как простая девица».

Но вот что забавно. Иван Грозный постоянно жил в страхе. В начале сентября 1567 года пригласил британского посланника и попросил передать королеве нечто важное. Запретил доверять послание бумаге! Посол сам отправился в Лондон и здесь рассказал: Иван Грозный просит королеву предоставить ему убежище — «для сбережения себя и своей семьи». Как видим, обычай просить убежище в Англии имеет давние корни…

По мнению Симонова, «Сталин и жестоко, и болезненно относился ко всему тому, что в сумме вкладывал в понятие «низкопоклонство перед заграницей». После выигранной войны, в разоренной голодной стране-победительнице это была его болевая точка».

Андрей Александрович Жданов, отвечавший за идеологическую обработку страны, объяснил, почему Сталин потребовал борьбы с иностранным влиянием:

— Миллионы побывали за границей. Они увидели кое-что такое, что заставило их задуматься. И они хотят иметь хорошие квартиры (увидели на Западе, что это такое), хорошо питаться, хорошо одеваться. Люди говорят: пропади она пропадом, всякая политика. Хотим просто хорошо жить, зарабатывать, свободно дышать, хорошо отдыхать. Но люди не понимают, что путь к этому лежит через правильную политику. Поэтому настроения аполитичности, безыдейности так опасны. Эти настроения еще опаснее, когда дополняются угодничеством перед Западом.

Вождь объяснил, что задача номер один — покончить с преклонением перед иностранцами:

— В эту точку надо долбить много лет, лет десять надо эту тему вдалбливать.

Вдалбливали! И во многом добились успеха.

Сталин давал на все вопросы простые ответы. Академик Алексей Дмитриевич Сперанский когда-то восхищенно писал: «Он не боится повторений. Мало того, он ищет их. Они у него на службе. Он, как гвоздем, прибивает к сознанию то, что является формулой поведения».

Вбитые в голову гвозди избавляют от лишних мыслей и сомнений.

Иногда антиамериканские акции граничили с безумием. Выписка из постановления политбюро ЦК ВКП(б) от 1950 года:

«Утвердить представленный МИД СССР проект ноты правительству США в связи со сбрасыванием американскими самолетами колорадского жука на территорию Германской Демократической Республики».

Атмосфера становилась все более тягостной. 15 февраля 1947 года политбюро предписало Президиуму Верховного Совета СССР принять указ «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». По указанию ЦК ВКП(б) Антифашистский комитет советской молодежи вообще запретил советским молодым людям переписываться с иностранной молодежью — даже из социалистических стран.

Попытки заглянуть за железный занавес — без особого на то разрешения — не позволялись даже видным чиновникам. 22 мая 1947 года заведующий отделом внешней политики ЦК партии Михаил Андреевич Суслов доложил своему начальству:

«В Министерстве угольной промышленности СССР фильмы, получаемые из английского посольства, просматривались в помещении Министерства и на квартире у министра т. Засядько. Эти просмотры организовывал заместитель управляющего делами Министерства член ВКП(б) Я. Шрагер, который лично поддерживал связь с английским посольством через сотрудника редакции «Британского союзника» советского гражданина Ю.Л. Шер.

Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) в начале апреля с.г. сообщил о связях Министерства угольной промышленности с английским посольством в МГБ СССР (т. Питовранову). Спустя несколько дней т. Питовранов сообщил, что вышеизложенные факты подтвердились и Ю.Л. Шер арестован и в настоящее время находится под следствием».

«Британский союзник» — еженедельник, который британское министерство информации со времен войны издавало для русского читателя. Юрий Львович Шер знал несколько языков, он был профессиональным переводчиком. Сидел в Экибастузе, в лагере, в который привезли и осужденного офицера-артиллериста Александра Исаевича Солженицына.

Контакты с иностранным посольством и просмотр иностранных художественных фильмов рассматривались как антигосударственное преступление. Советские чиновники предупреждение поняли и от иностранцев шарахались как черт от ладана. Детей дипломатов — проверенных товарищей — старались держать подальше от западной заразы.

В 1950 году в протокол заседания политбюро записали:

«Вопрос Комиссии по выездам за границу при ЦК ВКП(б).

1. Считать нецелесообразным направление детей школьного

возраста за границу для проведения летних каникул. Обязать Главное управление советским имуществом за границей… обеспечить этим детям нормальный отдых в пионерских лагерях, санаториях и домах отдыха в СССР.

2. Предложить Комиссии по выездам за границу разрешать выезд за границу для проведения летних каникул детям школьного возраста лишь в исключительных случаях».

В июне 1948 года Екатерина Фурцева собрала пленум Фрунзенского райкома. Обсуждался вопрос «О работе партийных организаций научных учреждений и вузов района по осуществлению указаний товарища Сталина о дальнейшем развитии науки». Пригласили руководителей научных учреждений района и устроили им то, что в те годы называлось накачкой.

— Райком партии, — сообщила Екатерина Алексеевна, — проверяя, как выполняются указания ЦК ВКП(б), заслушал отчеты секретарей партийных организаций ряда институтов. Основные недостатки — слабая постановка идейно-политического воспитания научных сотрудников. Коммунисты института биохимии подвергли критике книгу профессора Рубинштейна «Общая физиология», в которой изложение материалов было основано на некритическом использовании работ буржуазных авторов. Значение классиков русской и мировой науки Сеченова и Павлова полностью игнорировалось…

В институте юридических наук, докладывала Фурцева, партийная организация вскрыла грубые политические ошибки в научных работах профессоров Ошеровича, Шифмана, Гурвича. Бывший заведующий сектором института Гурвич на протяжении многих лет восхвалял зарубежную правовую науку и не показал принципиального отличия и преимущества советской демократии над демократией буржуазной. Особенно крупные ошибки были допущены в работе партбюро Института организации здравоохранения и истории медицины. Коммунисты института своевременно не разоблачили космополитических взглядов бывшего заместителя по науке профессора Страшуна. Вопреки исторической истине он изображал великого русского хирурга Пирогова убежденным западником…

Не только профессиональные партработники, но и именитые ученые произносили те же нелепости. Потом оправдывались:

— Давление на нас было оказано из таких высоких сфер, что мы извивались как угри на сковородке. Я после своего выступления три дня рот полоскал.

Не десять лет, как велел Сталин, а много дольше внушали ненависть к заграница, Западу, к Америке в первую очередь.

Успешно внедряли в массовое сознание недоверие ко всему чужому. Академические институты сочиняли псевдонаучные труды о мировом заговоре против нашего народа.

Все это сопровождалось неумеренным самовосхвалением.

Как же не поверить в собственное превосходство и высокую духовность, если об этом твердят на каждом шагу! Развернулась борьба с «низкопоклонством перед Западом». Все, что шло из западных стран, даже в точных науках, называлось реакционным. Ученым приходилось вычеркивать ссылки на иностранных авторов. Таким примитивным образом утверждался приоритет отечественной науки. Доходило до абсурда.

«Даже цитировать иностранных авторов не полагалось, — вспоминал академик Александр Мясников, — редакция их имена все равно должна была вычеркивать, так как советская наука — передовая и только несоветский человек может «преклоняться перед заграницей». Даже название некоторых диагностических признаков или методик стали «русифицироваться». Точку Эрба для выслушивания аортального диастолического шума переименовали в точку Боткина (который, ссылаясь на Эрба, указывал на ее значение); симптом Битторфа стал симптомом Тушинского, хотя сам Михаил Дмитриевич и не думал открытие Битторфа приписывать себе. Появился «симптом Кончаловского», хотя это был хорошо известный симптом Румпель-Л еде. Шло беззастенчивое ограбление интернациональной науки и воровское приписывание ее открытий отечественным ученым (конечно, без их согласия)».

В 1948 году в Военной краснознаменной академии связи имени С.М. Буденного обсуждалась работа будущего создателя первой системы противоракетной обороны и члена-корреспондента Академии наук Григория Васильевича Кисунько. Его книгу выдвинули на Сталинскую премию. Но начальник кафедры основ марксизма-ленинизма проявил бдительность, заявил, что в книге Кисунько только в предисловии говорится о приоритете отечественной науки, а в самой книге — сплошь иностранные фамилии: Максвелл, Гельмгольц, Герц… Ученый совет академии отменил выдвижение книги на премию.

На очереди оказалась физика.

Открытие теории относительности и квантовой механики изменило физику. Она стала для многих непонятной. Физики разделились на тех, кто понимал современную науку и смог работать в атомном проекте, и на тех, кто оказался профессионально непригодным. А это всё как на подбор были правильные товарищи, не сомневавшиеся в линии партии и правительства.

Создание советской атомной бомбы едва не сорвалось — по той же причине, по какой нацистская Германия лишилась ядерного оружия. У нас тоже нашлись ученые, которые выступили против теории относительности Альберта Эйнштейна и квантовой механики — как «враждебных учений».

Весной 1947 года в «Литературной газете» появилась статья «Об одном философском кентавре», написанная членом-корреспондентом Академии наук Александром Александровичем Максимовым. Он преподавал философию в МГУ. Максимов обличал квантовую механику, называя ее «идеалистической». На партийном языке это было опасное обвинение.

Министр высшего образования Кафтанов докладывал заместителю председателя Совета министров маршалу Ворошилову: «Необходимо решительно разоблачать враждебные марксизму-ленинизму течения, проникающие через физику в высшие учебные заведения… В учебниках совершенно недостаточно показана роль русских и советских ученых в развитии физики; книги пестрят именами иностранных ученых».

«Партийные физики», которые нравились начальству, писали статьи «против реакционного эйнштейнианства в физике». Квантовую механику называли «идеалистической» и чуждой советской науке. Под свое невежество подвели идеологическую базу. Утверждали, что «для советской физики особое значение имеет борьба с низкопоклонством перед Западом, воспитание чувства национальной гордости». Сторонников теории относительности обвиняли в отсутствии патриотизма.

Посредственные физики сконцентрировались в Московском университете и жаловались идеологическому начальству. Особенно раздражало обилие еврейских фамилий среди создателей ядерного оружия. Это давало надежду, что праведный гнев будет услышан наверху. На методологическом семинаре преподаватели физического факультета разносили в пух и прах выдающихся ученых — за «объективизм, некритическое отношение к взглядам буржуазных физиков». Академику Абраму Иоффе досталось за философские ошибки в рассуждениях о теории относительности и квантовой механике, академику Леониду Мандельштаму — за «идеалистические взгляды на основные проблемы современной физики».

Абрам Федорович Иоффе, вице-президент Академии наук СССР, положил жизнь на создание физической школы мирового уровня и воспитал целую плеяду выдающих ученых, прославивших страну. Леонид Исаакович Мандельштам, отмеченный Сталинской премией, был тем более огорчен малограмотной критикой, что именно его усилиями в МГУ был в

тридцатых годах создан физический факультет.

С военного времени ректором Московского университета был видный историк профессор Илья Саввич Галкин. Поначалу ему нравился декан физического факультета член-корреспондент Академии наук Александр Саввич Предводителев. Но позже ректор университета с огорчением увидел, что «суждения декана не вписываются в бурно развивавшуюся научную атмосферу, его реакция на научный взрыв в физической науке оказалась явно заторможенной. Искренне отстаивая заслуги русской школы физиков, он видел в новых направлениях науки разрушение отечественных традиций и преклонение перед Западом».

Доводы ректора в пользу развития в университете современных направлений физики декан факультета отвергал. Галкин решил, что слова историка неубедительны:

— Что вы, гуманитарии, понимаете в естественных науках!

Но и проректор университета академик-математик Иван Матвеевич Виноградов тоже оказался недостаточно авторитетен. Галкин посоветовался с Сергеем Ивановичем Вавиловым, президентом Академии наук СССР и директором Физического института. Вавилов его полностью поддержал. Как и руководитель атомного проекта Игорь Васильевич Курчатов, который по совместительству профессорствовал в МГУ.

Галкин убедился в своей правоте: вопиющее отставание физического факультета МГУ от современных требований недопустимо. Он хотел, чтобы декан Предводителев отчитался на ученом совете университета. Но натолкнулся на жесткое сопротивление влиятельных персонажей. Особую роль играл партком МГУ. Секретарем парткома с 1943 года был доцент физического факультета Василий Федорович Ноздрев, который перед этим трудился парторгом ЦК на одном из оборонных заводов.

«Новые направления якобы противоречат отечественной школе — этот внешне патриотический, а по существу антинаучный мотив, поддержанный секретарем парткома МГУ доцентом В. Ноздревым, дезориентировал ученых факультета», — вспоминал Галкин.

Партком Московского университета действовал на правах райкома, секретарь был заметной фигурой, его поддерживало московское партийное начальство. Ноздрев, по словам ректора МГУ, «продолжал бушевать»: «Он говорил мне, что я введен в заблуждение академиком Л.Д. Ландау, и это привело меня на стезю «космополитизма» и «преклонения перед буржуазным Западом». Я стоически выдерживал «партийно-психологические» атаки Ноздрева, а он не осмелился открыто осудить

ректора-«космополита» на парткоме».

Весной 1946 года Александра Предводителева освободили от руководства факультетом. Но атмосфера там не изменилась. Год спустя на ученом совете физического факультета заслушали доклад «О патриотическом долге советских ученых», с которым выступил исполняющий обязанности декана профессор Владимир Николаевич Кессених. Он выразил неудовольствие тем, что отдельные профессора пользуются переводными учебниками, замалчивают вклад русских ученых. Предложил на международных конгрессах выступать исключительно по-русски:

— Достойно ли для советских ученых участвовать в иностранных научных обществах? Делать доклад на английском? Вопрос вовсе не является случайным, потому что это есть один из методов повседневного воздействия на сознание и метод, который очень легко приводит к воспитанию сознания зависимости и подчиненности.

Его горячо поддержали коллеги:

— После того как Советский Союз под руководством великого Сталина завоевал колоссальный международный авторитет и русский язык стал международным, не к лицу советским ученым продолжать печатать свои работы на английском языке лишь для того, чтобы облегчить изучение наших работ иностранным ученым.

В постановление ученого совета записали, что в МГУ «не изжиты случаи проявления низкопоклонства и преклонения перед зарубежной наукой». Ученый совет физического факультета осудил и Академию наук СССР за игнорирование университетских физиков, и нашел причину — это происки академиков-космополитов.

Перечислили имена: Владимир Александрович Фок (лауреат Сталинской и будущий лауреат Ленинской премий Герой Социалистического Труда), Лев Давидович Ландау (будущий лауреат Нобелевской премии), Михаил Александрович Леонтович (будущий лауреат Ленинской премии) и Виталий Лазаревич Гинзбург (будущий лауреат Нобелевской премии). Все четверо — выдающиеся ученые, прославившие отечественную науку; настоящие патриоты, они внесли неоценимый вклад в укрепление государства.

Кто нынче вспомнит имена тех, кто их оскорблял и обвинял? Но это слабое утешение, потому что в ту пору они устроили себе прекрасную жизнь, требуя крови великих.

Декан физического факультета Кессених назвал академика Абрама Иоффе «безродным космополитом», который действует «не на пользу советского народа».

— Рабское преклонение некоторых наших ученых перед западной буржуазной наукой имеет свою «теоретическую базу», — возмущался Ноздрев. — Этой «теоретической базой» низкопоклонства является космополитизм. В наш век гигантских, невиданных еще в истории боев сил демократии с силами реакции борьба с космополитизмом носит особенно острый политический характер.

Он, в свою очередь, назвал «безродным космополитом, чуждым своему народу, своей родине» Петра Леонидовича Капицу (дважды лауреата Сталинской премии и будущего лауреата Нобелевской премии по физике):

— Академик Капица стал проводником той диверсионно-идеологической работы, которую тщетно пытаются проводить в нашей стране идеологи космополитизма, слуги империализма.

Ноздрев требовал:

— Неотложно освободить редакции физических журналов и издательств, комиссий по Сталинским премиям, экспертные комиссии и так далее от физиков-космополитов, наносящих огромный вред развитию физической науки в нашей стране.

Вот в этом и состоял смысл этой атаки: очистить места для своих, для правильных!

«Дремучий, лженаучный подход к решению научных вопросов в Московском университете, — писал профессор Галкин, — был вскрыт комиссией ЦК КПСС. Ноздрев был удален из МГУ».

Бывшего секретаря парткома не обидели. Василий Ноздрев благополучно перебрался в Московский областной педагогический институт имени Н.К. Крупской, который в 1960 году и возглавил. Писал стихи, печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Октябрь». Автор недавней работы о Ноздреве почтительно именует его «ученым-энциклопедистом, поэтом-мыслителем, носителем русской духовно-интеллектульной культуры».

Сергей Вавилов, президент Академии наук СССР, думал иначе. 16 апреля 1947 года он записал в дневнике: «Позавчера вечером — семь часов непрерывный Ученый совет Московского университета: о физиках. Боже мой, какое страшное и отвратительное охотнорядское зрелище. Корень — постаревший и еще поглупевший и опустившийся Тимирязев. Потом сорвавшиеся с цепи несостоявшиеся гении Ноздрев — Акулов, просто сумасшедший Власов, помесь малограмотности, наглости, московской купеческой хитрости и кабацкого жаргона. На этой основе, в этом болоте должны расти физики. Нужно быть очень большим человеком, чтобы выйти отсюда здоровым и крепким».

Кто же привел в отчаяние президента Академии наук?

Аркадий Климентьевич Тимирязев, приемный сын знаменитого биолога Тимирязева, заведовал кафедрой истории физики физического факультета и прославился полным отрицанием теории относительности и квантовой механики.

Профессор Николай Сергеевич Акулов первым начал борьбу с космополитами в физике. Он атаковал Петра Капицу и Леонида Мандельштама, которого назвал немецким шпионом: тот консультировал фирму «Телефункен» — еще до Первой мировой войны.

Профессор Анатолий Александрович Власов возглавил кафедру теоретической физики, когда декан Предводителев не позволил сделать заведующим Игоря Евгеньевича Тамма, будущего академика, лауреата Нобелевской премии и Героя Социалистического Труда. Игорь Тамм внес огромный вклад в развитие квантовой механики и ядерной физики, которые были просто непонятны ни декану факультета, ни секретарю парткома.

Уже бывший декан физфака Предводителев осудил и самого президента Академии наук Сергея Вавилова, который в своем докладе не сконцентрировался на проблеме космополитизма:

— Как же можно такие вопросы — вопросы космополитизма — обойти? Мне кажется, этот вопрос в докладе Сергея Ивановича должен быть поставлен во весь рост. Нельзя пройти мимо, если еще и принять во внимание, что вопрос о космополитизме затрагивается во всей культурной жизни нашей страны: в литературе, в живописи, в изобразительном искусстве. Везде об этом говорят, а у нас, физиков, как будто этот момент не существует, у нас все мирно и гладко.

Галкин не выдержал и обратился к министру Кафтанову с просьбой освободить его от должности ректора: «Мной руководило стремление сохранить человеческое достоинство, хотя, если судить строго, я проявил малодушие. Я был сломлен. Ведь я отдавал себе отчет, что после моего ухода будут поставлены под удар генетики, а сторонники Предводителева получат поддержку».

Ректор не мог помешать приходу на биологический факультет лысенковцев, чего требовали и министерство, и новый секретарь парткома МГУ — «доцент Е.М. Сергеев, который возглавил партийную организацию после Ноздрева, считал, что необходимо допустить в МГУ лысенковцев, а не ориентироваться на космополитов-генетиков».

Доцент кафедры грунтоведения геолого-почвенного факультета Евгений Михайлович Сергеев защитил диссертацию на тему «Теплота смачивания грунта». Партийная работа поможет ему защитить докторскую диссертацию. Со временем он станет

академиком.

Гневные речи борцов против современной физики были услышаны. Руководитель отдела науки ЦК Юрий Жданов, сын члена политбюро и зять Сталина, докладывал своему начальству: «Среди теоретиков физиков и физикохимиков сложилась монопольная группа: Ландау, Леонтович, Фрумкин, Френкель, Гинзбург, Лифшиц, Гринберг, Франк, Компанеец и другие. Все теоретические отделы физических и физико-химических институтов укомплектованы сторонниками этой группы, представителями еврейской национальности. Например, в школу академика Ландау входят одиннадцать докторов наук; все они евреи и беспартийные… Лаборатории, в которых ведутся работы по специальной тематике, возглавляются на восемьдесят процентов евреями».

Перечисленные младшим Ждановым ученые принесли советской науке мировую славу и сыграли важную роль в создании ракетно-ядерного оружия. Однако руководитель отдела науки ЦК не только не испытывал благодарности к людям, столь много сделавшим для родины, но и требовал проведения чисток по расовому признаку, какие за несколько лет до этого проходили в нацистской Германии.

Агитпроп ЦК сигнализировал вождям: президент Академии наук СССР Сергей Вавилов требует изучать иностранную научную литературу, отказывается от классической физики.

Вавилов вынужден был прислушиваться к мнению начальства. Началась подготовка к Всесоюзному совещанию физиков, которое должно было повторить успех «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко в биологической науке. Решение о его проведении принял секретариат ЦК 4 декабря 1948 года — для преодоления «недостатков» в преподавании и изучении физики. Готовить совещание поручили заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК Дмитрию Трофимовичу Шепилову.

Уже заседал оргкомитет, выявлявший «недостатки» физической науки, что в ситуации борьбы с космополитизмом открывало широкие возможности для избавления от научных оппонентов. Договорились, что совещание пройдет в последнюю неделю января 1949 года. Дату пришлось изменить. Кафтанов и Вавилов доложили Маленкову, что на эти дни намечены московская областная партийная конференция и комсомольский съезд.

31 января секретариат ЦК перенес совещание на 21–27 марта.

Председатель оргкомитета заместитель министра высшего образования СССР Александр Васильевич Топчиев, недавний

директор Московского нефтяного института имени И.М. Губкина, объяснил задачу:

— Наше совещание должно быть на уровне сессии ВАСХНИЛ.

Профессор Владимир Кессених призывал коллег:

— Пример нам — оздоровительная буря сессии ВАСХНИЛ.

Но совещание не состоялось.

Считается, что советскую физику спасла атомная бомба. В отличие от завистливых, но малограмотных идеологов руководитель атомного проекта профессор Игорь Курчатов понимал значение теории относительности. Он обратился за помощью к члену политбюро и заместителю главы правительства Берии. Лаврентий Павлович поинтересовался у Курчатова, правда ли, что квантовая механика и теория относительности являются идеалистическими.

Курчатов доходчиво объяснил Лаврентию Павловичу:

— Если их запретят, то и атомной бомбы не будет.

Берия, который понимал, что его ждет, если бомбы не получится, бросился к Сталину. Для Сталина бомба была важнее идеологии. Совещание отменили.

В конце марта 1949 года министр Кафтанов отправил в ЦК записку «О крупных недостатках в подготовке кадров физиков и о мерах по их устранению». И приложил к ней списки преподавателей физики с указанием национальности — как будто именно анкетные данные определяли способность понимать современную физику и обучать студентов. Но в порядке исключения физиков не тронули как «полезных для государства».

9 апреля 1949 года секретариат ЦК принял постановление: «Во изменение постановления ЦК ВКП(б) от 31 января 1949 года отложить созыв Всесоюзного совещания заведующих кафедрами физики высших учебных заведений и научных работников Отделения физико-математических наук Академии наук СССР ввиду неподготовленности этого совещания».

Но дремучее и агрессивное отношение к современной физике и физикам-теоретикам сохранялось. 13 июля 1949 года отдел пропаганды и агитации ЦК сигнализировал своему куратору Суслову:

«Сегодня на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма и философии должен быть прочитан доклад президента Академии наук СССР С.И. Вавилова «Современная физика и буржуазная идеалистическая философия. Текст доклада, представленный в отдел вчера, имеет ряд серьезных недостатков, без устранения которых доклад прочитан быть не может.

Тов. Вавилов проводит мысль, что при изучении

микроявлений не могут быть применены даже наиболее широкие и общие законы физики. Он говорит о неприменимости понятий обыденной жизни в атомной физике, получается, что в новой физике должны быть отброшены и такие неотъемлемые атрибуты материи, как пространство и время.

Тов. Вавилов ни словом не упоминает о решениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, о роли большевистской партии в деле идейного вооружения советских физиков. Он приходит к неверному выводу о том, что идеологические основы советской физики не являются передовыми в физике всего мира. Он ставит вопрос о необходимости «печатать, обсуждать иностранную физико-философскую литературу», умалчивая о задаче создания работ по физике, проникнутых духом боевой партийности.

Считаем необходимым:

а) Чтение доклада т. Вавилова отложить.

б) Поручить министру высшего образования т. Кафтанову совместно с т. Вавиловым устранить недостатки доклада и представить в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) исправленный текст».

Открытие теории относительности и квантовой механики изменило не только саму физику. Разрушилось привычное представление о природе, которое формировалось классической физикой. Конечно, теоретическая физика оставалась недоступна людям, не имевшим серьезных познаний в современной математике. Агитпроповские догматики не желали соглашаться с тем, что наука развивается стремительно, и продолжали возмущаться такими выдающимися учеными, как Вавилов, которые оперировали понятиями современной физики.

В июне 1952 года в газете «Красный флот» (орган Военно-морского министерства), появилась еще более громкая статья члена-корреспондента Александра Максимова «Против реакционного эйнштейнианства в физике».

Академик Владимир Фок обратился к Маленкову: «Эта статья может нанести серьезный вред развитию советской науки и техники и воспитанию нашей молодежи, так как совершенно искажает и даже отрицает ту физическую теорию, на базе которой развивается вся современная физика, в том числе ядерная и атомная физика».

После смерти Сталина, опалы «народного академика» Лысенко, реабилитации кибернетики открытые нападки на теорию относительности Альберта Эйнштейна и квантовую механику прекратились. Но все эти люди остались при должностях. Возглавляли кафедры в высших учебных заведениях, редактировали научные журналы, руководили научными

издательствами и научно-исследовательскими институтами. Подготовивший совещание физиков замминистра Топчиев стал главным ученым секретарем Академии наук, человеком, определявшим повседневную жизнь научного сообщества страны. «Выглядел Александр Васильевич внушительно, — вспоминал его подчиненный, — мощная фигура, крупное лицо с густыми черными бровями, пышная шевелюра, проницательные темные глаза. В его чертах сквозило нечто татаро-монгольское».

Целые поколения научной молодежи ходили к ним на лекции, трудились под их руководством в НИИ. Не этим ли объясняется то, что, когда старое поколение физиков ушло, таких открытий и достижений отечественная наука уже не знала? Погром фундаментальной науки в последние сталинские годы определил состояние научной жизни страны на целые десятилетия.

Это были худшие времена для отечественной науки.

Сложность работы над водородной бомбой состояла еще и в том, что гигантские температуры, которые возникают при термоядерных реакциях, исключали эксперименты. А как же проверить, правильным ли путем идут физики? На помощь призвали математиков. Они заменили эксперименты расчетами. «В разработке столь сложных систем особенно велика роль математических расчетов», — писал в секретном отчете отец водородной бомбы академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

Физики удивлялись, как молодые математики за два года справились с огромным объемом вычислений, описывая в цифрах то, что должно произойти внутри ядерного взрывного устройства. Это был титанический труд. В Соединенных Штатах уже вовсю пользовались первыми компьютерами. В Советском Союзе кибернетику запретили как буржуазную псевдонауку, поэтому основные расчеты делались на бумаге. Запрет кибернетики предопределил безнадежное отставание страны в компьютерной технике. Все, чем мы пользуемся с утра до вечера, все, без чего современная жизнь представляется невозможным, — иностранного производства.

Интеллектуальное пространство жизни сузилось до невозможности. Масштабы невосстановимого ущерба, нанесенного русской науке кампаниями ненависти, невероятны. А как пострадала обороноспособность страны!

Все это вело к оскудению духовной жизни. Вместо творческих дискуссий и обсуждений по существу реальных проблем — споры начетчиков, соревновавшихся в подборе цитат классиков марксизма.

«Маркс говорил по такому-то вопросу одно; «поздний»

Энгельс — другое; Ленин — третье, — вспоминал Георгий Валентинович Шумейко, много лет проработавший в ЦК. — Это часто вызывало тупиковое состояние… Письма растерянного интеллектуала в идеологический аппарат ЦК отражали человеческую боль и надежду получить какое-нибудь разъяснение… В толще политизированной интеллигенции, партийной и беспартийной, била ключом инициатива сотворения мифов, легенд о бессмертии Сталина и его гениальных идей».

На Старую площадь пошли критические отзывы о лекциях Емельяна Михайловича Ярославского, бывшего крупного партийного работника, а тогда руководителя лекторской группы ЦК, члена редколлегии «Правды» и академика. Бдительные начетчики сигнализировали о том, что лекции по истории партии он читает по старинке, и от него требовали строго следовать не только духу, но и букве утвержденного Сталиным «Краткого курса истории ВКП(б)».

Ярославский был свидетелем и участником революции, Гражданской войны, борьбы за власть в двадцатых годах. Казалось бы, какая удача для слушателей — все узнать из первых рук. Но молодые партийные работники вовсе не желали знать, как все было на самом деле! Им достаточно было усвоить ходовые идеологические формулы, необходимые для успешной карьеры.

Георгий Шумейко: «Емельян Ярославский увлекался рассказами о различных этапах истории партии, наполнял их упоминанием выдающихся имен, нивелируя вольно или невольно роль Сталина с другими участниками революционного прошлого».

В результате на лекциях Ярославского, руководившего кафедрой истории ВКП(б) в Высшей партийной школе, слушатели выражали недовольство и высказывали претензии человеку, который еще оставался кандидатом в члены ЦК:

— Освещайте факты по «Краткому курсу». То, что вы рассказываете, там не нашло отражения.

Пытаясь сохранить спокойствие, Емельян Михайлович отвечал, что он сам был свидетелем событий, о которых рассказывает.

— Мало ли что! — раздавалось из зала. — Есть официальное толкование.

Формировался определенный тип партийного работника, который в идеологической сфере ни себе, ни другим не позволял отклоняться от генеральной линии. Это обеспечивало вполне комфортное существование.

«За годы работы в аппарате, — рассказывал Шумейко, — я привык к дисциплине, делающей служебной нормой уклонение

товарищей от того, чтобы углублять разговор на «нежелательную тему» или вообще обрывать его без видимой причины. «Признано нецелесообразным» — на том ставилась точка!»

Поднятая Сталиным на вершину партийной номенклатуры малограмотная и злобная шпана ощущала ненависть ко всем, кто был другим. Равнодушных чиновников сменяли или кликуши с нездоровым блеском в глазах, или беспредельно циничные лицемеры.

Болезненная подозрительность — с одной стороны. Имитация реальной работы — с другой. В любой идеологической кампании всегда присутствует личный и ведомственный интерес. Аппарат неустанно занимается выявлением крамолы, того, что не соответствует генеральной линии, правилам и канонам. Живет с этого! И неплохо живет, это же не уголек в шахте добывать.

Открылись невероятные карьерные перспективы для двоечников и троечников. Обвинил заведующего кафедрой, ученого с мировым именем, в том, что он преклоняется перед Западом, — и занял его место. Ничего, что в науке — ноль, зато наш, правильный.

Власть жаловала своих подручных должностями, орденами и дачами, но сделать их талантливыми и популярными не могла. Потому те с удовольствием принимали участие в удушении и унижении идеологически невыдержанных талантов, вычищая все сомнительное, кастрируя любую свежую и оригинальную мысль.

Идеологические кампании рождают своего рода безумие, общественное помешательство. Оно возникает не само по себе, а становится результатом тотальной пропаганды, которая придавливает духовную и интеллектуальную жизнь. Возникает привычка к послушанию, привычка одобрять и поддерживать любые почины и кампании, какими бы безумными они ни были.

Идеологические кампании носили тотальный характер, поэтому непозволительны были попытки остаться в стороне. Но отвращение вызывало не только поведение чиновников, но и полнейшее одобрение обществом этой аморальности! Люди многозначительно кивали: значит, так надо. Власть разрушала мораль, развращала людей…

Система разрушала страну и губила ее будущее. Но в огромной стране некому было возразить против этого безумия! Некому было сказать: остановитесь! Не существовало государственных или общественных структур, которые бы заботились о стране и оберегали ее от губительных акций. Напротив, все части государственного аппарата, все ячейки общества и чуть ли не все граждане изъявляли страстное желание во всем этом участвовать.

Вот когда стало ясно, что десятилетия тоталитарного режима изменили человека.

Идеология борьбы с космополитизмом была густо замешена на антисемитизме. Академик Юрий Александрович Поляков вспоминал: «Казалось, что с цепи спущены мрачные волкодавы догматизма, заливистые дворняги демагогии, быстрые борзые карьеризма, брыластые бульдоги черносотенства, хорошо натренированные легавые юдофобии».

На Лубянке тонко ощущали настроения в верхах.

18 августа 1951 года министр госбезопасности обратился в ЦК: «Докладываю, что по имеющимся в МГБ СССР данным, раввин, он же председатель правления московской синагоги Шлифер Соломон Михайлович проводит враждебную националистическую работу. Используя свое руководящее положение в синагоге, Шлифер после создания государства Израиль, а затем в связи с приездом в Москву главы миссии этого государства Мейерсон организовал торжественные богослужения, сопровождавшиеся националистическими сборищами евреев у здания синагоги».

Голда Мейерсон (Меир) — первый посол Израиля в Советском Союзе (а затем министр иностранных дел и глава правительства) — приехала в Москву еще в 1948 году. СССР первым де-юре (то есть в полном объеме) признал еврейское государство, и в ту пору Голду Меир советские руководители принимали более чем любезно. Но прошло три года, и отношение к Израилю и евреям полностью переменилось.

Задолго до «дела убийц в белых халатах» начались аресты врачей-евреев. 27 февраля 1952 года Игнатьев переслал Сталину протокол допроса арестованного ассистента кафедры лечебного питания Центрального института усовершенствования врачей Академии медицинских наук: «Арестованный Левин Г.Л., сын врага народа Левина Л.Г., показал, что в клинике лечебного питания существует националистическая группа, возглавляемая директором клиники профессором Певзнером М.И. Участники группы применяли порочные методы лечения, наносящие ущерб здоровью больных и подрывающие советское здравоохранение. Из числа лиц, входящих в эту группу, кроме Левина Г.Л., арестованы Берлин Л.Б. и Левин Б.С.»

В этой записке сформулировано обвинение: врачи-евреи сознательно вредят своим пациентам. Если Сталин — глава государства! — изъявил желание прочитать протокол допроса арестованного врача, это означало, что сама идея если и не принадлежит ему, то была с ним обговорена, и он желал знать, как далеко продвинулись чекисты.

Дело клиники лечебного питания начинал еще Абакумов. 4 июля 1950 года он отправил записку секретарю ЦК Маленкову: «По имеющимся в МГБ СССР данным, в результате нарушения большевистского принципа подбора кадров в клинике лечебного питания Академии медицинских наук СССР создалась атмосфера семейственности и групповщины. По этой причине из 43 должностей руководящих и научных работников клиники 36 занимают лица еврейской национальности. На излечение в клинику попадают главным образом евреи».

Записка стала результатом доноса. Медицинский чиновник сигнализировал в органы о том, что «при заполнении истории болезни не заполнялись графы «национальность» и «партийность». А почему? Не потому, что и то и другое, вообще говоря, не имеет никакого значения для терапии, а потому, что врачи пристраивали своих… И какое отношение все это имеет к министерству государственной безопасности?

Но Маленков знал, как он должен реагировать на подобный сигнал. Расписал записку Абакумова другим секретарям ЦК и только что назначенному заведующим отделом административных органов ЦК Василию Емельяновичу Макарову: «Доложите предложения на заседании секретариата ЦК».

2 августа Макаров исполнил поручение:

«В работе клиники лечебного питания Научно-исследовательского института питания АМН СССР имеются серьезные недостатки в подборе и расстановке кадров. Некоторые должности научных сотрудников замещены по представлению проф. Певзнера политически сомнительными лицами, скомпрометировавшими себя в прошлом, имеющими связь с родственниками, живущими за границей.

Считали бы необходимым поручить министерству здравоохранения СССР проверить работу клиники лечебного питания и укрепить кадрами. О результатах доложить в ЦК ВКП(б)».

Через полгода Макаров будет назначен заместителем министра государственной безопасности. Работник московского партийного аппарата, он в войну стал профессиональным политработником, получил погоны генерал-лейтенанта.

Родственники за границей — вот что интересовало МГБ.

Заслуженный деятель науки РСФСР профессор Мануил Исаакович Певзнер, когда-то работавший в немецких клиниках, стараниями следователей превратится в британского шпиона — английские агенты были очень востребованы в таких разработках. Но профессор, которого и сегодня называют одним из основоположников отечественной диетологии и клинической

гастроэнтерологии, подвел чекистов: умер от инфаркта в мае 1952 года — до ареста «врачей-убийц». А его клиника, некогда ведущее медицинское учреждение, фактически перестала работать.

Занимался делами раввина московской синагоги и врачей-диетологов полковник МГБ Анатолий Рассыпинский. Он был из числа «следователей-забойщиков», которые в прямом смысле выбивали показания.

В институтах Академии наук, творческих союзах, газетах, журналах, издательствах, как и во всех других идеологических учреждениях, развернулась борьба с «сионистами» и «космополитами», которая оказалась выгодным делом. После подметных писем и открыто антисемитских выступлений освобождались места и должности. Карьеры стали делаться почти так же быстро, как в 1937 году, когда расстреливали вышестоящих, открывая дорогу нижестоящим.

Кто-то испытывал злорадство, уверенный в том, что несчастье обойдет его стороной: с пятой паспортной графой все в порядке. Но удушающая, отравленная атмосфера, в которой все это стало возможно, ударила не только по евреям.

В число «безродных космополитов», которых унижали и лишали работы, и «врачей-убийц», которых ждала участь похуже, записывали и русских, и украинцев. Не только для маскировки. Устроители кампании спешили под сурдинку разделаться с более удачливыми и талантливыми конкурентами, спихнуть их и занять хлебные места. При нацистах подобная акция называлась борьбой с «белым еврейством», то есть с евреями не по крови, а по духу.

Тихон Николаевич Хренников, который многие годы возглавлял Союз композиторов СССР, рассказывал, как он находил в своем почтовом ящике мерзкие письма: «Тиша-лопух, Тиша попал под влияние евреев, Тиша спасает евреев».

Писатель Иван Фотиевич Стаднюк служил в те годы в отделе печати политуправления сухопутных войск. В своей мемуарной книге «Исповедь сталиниста» он пишет, как его самого товарищи по политуправлению заподозрили в неарийском происхождении: В самом моем облике (нос горбинкой, лицо в веснушках, рыжеватые курчавые волосы) иным виделось тоже нечто семитское… И когда в стране началась так называемая «борьба с космополитизмом», а я не прекращал общаться со своими фронтовыми друзьями, кто-то сделал соответствующие выводы».

Об этом Стаднюк узнал из панического письма своего брата. Он писал: «Что ты там натворил в той Москве?.. Убил кого-нибудь, зарезал? Не в тюрьме ли ты?.. Мне проходу люди не дают!» В родную деревню Стаднюка приехал из Москвы

полковник и, призвав местного начальника госбезопасности, вызывал родственников, соседей, выспрашивал, кто Стаднюк по национальности.

Иван Фотиевич бросился к начальнику политуправления сухопутных войск генерал-лейтенанту Сергею Федоровичу Галаджеву, бросил ему на стол письмо со словами:

— Что все это значит? Это же фашизм! Когда на фронте мне приказывали поднимать бойцов в атаку, никто не интересовался, кто я по национальности!

Сергей Галаджев по-украински не читал. Но в его кабинете сидел какой-то генерал-майор. Он сказал:

— Я знаю украинский. Давайте переведу на русский.

Генерал стал читать, и его лицо побледнело. Стаднюк посмотрел на незнакомого генерала. И вдруг понял: в отличие от него генерал действительно еврей, и прочитанное письмо ему много больнее!

Генерал спросил у начальника политуправления:

— Меня, значит, выдворят из армии по этим же мотивам?

Зазвонил телефон. Галаджев снял трубку:

— Да, генерал у меня… Нет! Я категорически против его увольнения в запас!

Начальник политуправления сказал Стаднюку:

— Оформляйте внеочередной отпуск на десять дней и в офицерской форме, при орденах, появитесь в родном селе. Пусть люди увидят, что с вами ничего не случилось.

— А что отвечать на их вопросы?

— Скажите, недоразумение, глупость. Правды не говорите: стыдно за армию…

Галаджев сочувственно посмотрел на генерала:

— А вас прошу не обижаться… В нашу жизнь вторглось что-то непонятное и неприемлемое. Будем мужаться… Возвращайтесь в свою часть и служите.

Как-то забывается, что в реальности главные жертвы Большого террора — крестьянство и церковь. Принято считать, что Сталин отказался от большевистского отношения к православной церкви, стал ее поддерживать. Это миф. Он нуждался в поддержке церкви в годы Великой Отечественной, когда союзнические отношения с Англией и Америкой исключали возможность репрессий против церкви. А после войны опять стал ее давить.

10 августа 1948 года заместитель председателя Совета министров Ворошилов разрешил открыть двадцать восемь православных храмов. Сталин распорядился все отменить, а Ворошилова наказал. 28 октября последовало постановление

политбюро:

«1. Указать тов. Ворошилову на то, что он поступил неправильно, подписав распоряжения Совета Министров СССР об открытии церквей и молитвенных зданий в ряде населенных пунктов.

2. Отменить подписанные т. Ворошиловым распоряжения Совета Министров СССР».

Только что открытые церкви закрылись. И до самой смерти Сталина ни один новый православный храм не был открыт. В 1949 году стали закрывать и ранее открытые церкви. До смерти вождя успели больше тысячи храмов передать под клубы и склады.

В борьбе с «космополитами» и прочими врагами выковалась сплоченная когорта профессиональных разоблачителей, как правило бездарей, делавших карьеру за счет уничтожения коллег. Увлекательным делом занялись по всей стране, уже и подстегивать их из центра нужды не было.

Режим многое давал тем, кто прорывался наверх. Драматург Всеволод Вишневский, прославившийся после революции пьесой «Оптимистическая трагедия», удивленно записал в дневнике: «Сергей Михалков излагает мне свое жизненное кредо: «Надо знать, что понравится «наверху»… Ну что же: здравствуй, племя молодое».

Устраняя ярких, одаренных и потому самостоятельных, Сталин открыл дорогу посредственности, троечникам. Попав у Сталина в фавор, они получали частицу его безграничной власти. И в первую очередь устраняли конкурентов. Партноменклатура — жадная толпа, готовая задушить любого, кто мешает прорваться к трону. Сплоченная когорта, делавшая карьеру за счет уничтожения талантливых коллег.

«Их объединяет не организация, и не общая идеология, и не общая любовь, и не зависть, а нечто более сильное и глубокое — бездарность, — писал фронтовой разведчик и автор замечательной повести «Звезда» (недавно экранизированной) Эммануил Казакевич. — К чему удивляться их круговой поруке, их спаянности, их организованности, их настойчивости? Бездарность — великая цепь, великий тайный орден, франкмасонский знак, который они узнают друг на друге моментально и который сближает их как старообрядческое двуперстие — раскольников».

А вот и бедственный для страны результат. Академик Петр Капица писал: «Принципиально новые направления в мировой технике, которые основываются на новых открытиях в физике, все развивались за рубежом, и мы их перенимали уже после того, как

они получили неоспоримое признание. Перечислю главные из них: коротковолновая техника (включая радар), телевидение, все виды реактивных двигателей в авиации, газовая турбина, атомная энергия, разделение изотопов, ускорители… Но обиднее всего то, что основные идеи этих принципиально новых направлений в развитии техники часто зарождались у нас раньше, но не развивались, так как не находили себе признания и благоприятных условий».

28 января 1949 года в «Правде» появилась большая статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков». Накануне тогдашний главный редактор «Правды» Петр Николаевич Поспелов побывал в ЦК. Записал указания вождя: «Для разнообразия дать три формулировки: в первом случае, где употребляется слово «космополитизм», — уракосмополитизм; во втором — оголтелый космополитизм; в третьем — безродный космополитизм».

Молодому читателю, наверное, даже трудно понять, почему статья, посвященная вроде бы узкоцеховому вопросу, привела к тяжелейшим последствиям, искалечившим общество.

Взялись за театральных критиков, которые позволили себе подвергнуть взыскательному анализу слабенькие пьесы драматургов-конъюнктурщиков. Исполнение профессионального долга перевели в политическую плоскость. Там, где был разбор пьесы, увидели злой умысел. Пьесы были плохие, зрители на них не ходили, но авторы были людьми известными, при должностях, со связями. Они нашли способ поквитаться с критиками. Критиков обвинили не только в том, что они чернят советских драматургов, но и выставили злобными противниками русской культуры.

18 февраля 1948 года в Москве началось трехдневное совещание драматургов и театральных критиков. С трибуны звучало:

— Это не просто космополиты, не просто антипатриоты, а это антисоветская, антипатриотическая деятельность, это контрреволюционная деятельность. Сколоченная организованная группа, объединенная преступной целью и вредоносной деятельностью…

Пленум правления Союза советских писателей, разоблачавший «безродных космополитов», проходил в Центральном доме литераторов. Доклад произносил генеральный секретарь писательского союза Александр Фадеев. В разгар его выступления в дубовом зале Центрального дома литераторов погас свет. Внесли свечи, и Фадеев продолжил свою мрачную речь при свечах. В этом было что-то дьявольское. Не в том, что потух

свет, это случается, а в том, что и как говорил Фадеев.

Люди, которых он называл врагами, были ему прекрасно известны. Еще недавно он их поддерживал как талантливых искусствоведов и знатоков театра. С некоторыми дружил. И всех предал! Такова была цена, которую он платил за свое высокое кресло. Впоследствии каялся, что принял участие в этом позорном деле. Выпив, рассказывал, как вызвали в ЦК и заставили произнести этот доклад. Просил его понять:

— Что я мог ответить Иосифу Виссарионовичу? Что я мог?

Но он не только исполнял указания сверху, но и проявлял инициативу. Изничтожал то, что считал политически вредным, хотя при этом прекрасно понимал, кто талантлив, а кто бездарен. Фадеев не походил на других литературных чиновников, для которых Союз писателей был просто кормушкой. В отличие от них понимал и любил литературу. Собирал писателей и читал им написанное, плакал над собственными страницами. Потому в конце концов не выдержал и застрелился.

Более ловкие персонажи, вспоминал профессор Юрий Михайлович Лотман, держались в стороне, понимая, что «идеологический шабаш продлится недолго и те, кто сейчас так быстро по чужим костям взмывает вверх, так же быстро свалятся вниз».

В борьбе против «безродных космополитов» прославился Анатолий Алексеевич Суров, надежда отечественной драматургии. У него были на то личные причины. Критики позволили себе без почтения отозваться о его творчестве. А Суров пользовался высоким покровительством. Его пьесу «Зеленая улица» показали на лучшей сцене страны — Московского художественного театра. Премьера прошла 28 декабря 1949 года. Пьеса удостоилась Сталинской премии второй степени.

Суров быстренько написал новую — «Бесноватый галантерейщик», ее поставил Центральный театр транспорта и напечатал журнал «Октябрь». В ЦК отметили: «Первая попытка создать политический памфлет на антиамериканскую тему. Автор задался целью средствами сатирической комедии разоблачить авантюристическую политику правящих кругов Америки».

Минута славы оказалась недолгой. Выяснилось, что сам Анатолий Суров писал только заявления и просьбы. Все пьесы сочиняли за него оказавшиеся в бедственном положении драматурги и критики! Те самые, кого он обличал в низкопоклонстве. Изгнанные с работы, лишенные возможности печататься «космополиты», искавшие любой возможности что-то заработать, чтобы кормить семью… Анонимных авторов именовали «литературными неграми» — в ту пору редкий день

проходил без газетной статьи о бесправном положении темнокожего населения в Соединенных Штатах.

За скандальный плагиат — невиданное дело! — Сурова, секретаря партийной организации московских драматургов, лишили права на авторство. В подпитии Суров подрался с Михаилом Семеновичем Бубенновым, автором столь же бесталанной и так же поднятой на щит партийной критикой книги «Белая береза». Суров издевался над товарищем по писательскому цеху: стыдно жить с одного романа. Обиженный Бубеннов напомнил Сурову, что пьесы за него пишут другие. Суров воткнул Бубеннову вилку в филейную часть. Бубеннов, стоя у открытого окна, отчаянно звал на помощь.

Скандал с дракой двух писателей замяли. Но Анатолий Суров, совершенно пьяный, устроил на свою беду скандал в день выборов. Пришел на избирательный участок за десять минут до голосования, бросил бюллетень для голосования на пол и долго топтал его ногами. Это уже был непростительный проступок. Сурова исключили из Союза писателей и из партии. Потом тихо простили — вернули писательскую книжечку и партийный билет.

Система развратила людей.

Человек сидит на партсобрании, слушает радио, читает газеты — и что он видит? Лицемерие и откровенное вранье. И что он делает? Он начинает приспосабливаться. Вот так формируется советский человек… Он постоянно ходил в маске. Иногда маска прирастала к лицу. А под маской скрывались цинизм, голый расчет и равнодушие. Все это помогало выжить — в лагере, в колхозе, в конторе.

Часто возникает вопрос, как могут умные и образованные люди так преданно служить начальству, обслуживать откровенно малограмотных и недалеких вождей? Унижения такого рода всегда щедро компенсировались материальными благами и привилегиями. И разве не страх лишиться этих привилегий движет чиновниками всех уровней?

Привилегии советского времени невозможно сравнивать с положением нынешнего руководства и его обслуги, живущих на широкую ногу. Так в те времена у остальных граждан социалистического государства не было ничего! И никакой возможности купить то, что им нужно! Потерять право пользоваться «столовой лечебного питания», которая на протяжении многих десятилетий снабжала советскую номенклатуру продуктами хорошего качества (не принадлежавшие к номенклатуре в принципе не видели таких продуктов), как и возможность лечиться в Лечебно-санитарном управлении Кремля, было настоящим горем для чиновника и его

семьи…

«В разряд космополитов попали многие литературоведы, критики, переводчики, — и мы не смогли их защитить, — вспоминал главный редактор издательства «Художественная литература» Александр Пузиков. — Мы понимали несправедливость указаний, идущих сверху, но мы молчали — и потому становились соучастниками этой позорной травли.

Конец сороковых — начало пятидесятых…. Время шпиономании, доносов, слежки! Мы почти физически ощущали, что кто-то слушает нас, присматривается, наблюдает. Никто не чувствовал себя защищенным от бед, от страшных внезапных обвинений, арестов, ссылок. Люди не просто исчезали — они исчезали с клеймом позора, оказывались в худшем положении, чем прокаженные. Страх обволакивал всех, снизу доверху. Страх был демократичен. Он преследовал всех — и тех, кто был внизу, и тех, кто наверху, от стрелочника до наркома. К страху привыкали, пытались уверить себя, что это за другими волочится какая-то вина, мы же чисты, к нам не придерешься».

Поскольку «антипатриотическую группу критиков» подобрали почти из одних евреев, то кампания приобрела политическое звучание. Это был сигнал к поиску внутренних врагов. От этой идеологической секции пролегла дорога к намечавшейся Сталиным новой кровавой кампании.

Началась разработка еще одной линии — еврейской.

25 июня 1949 года политбюро приняло решение о политических ошибках первого секретаря Еврейской автономной области Хабаровского края Александра Наумовича Бахмутского и председателя облисполкома Михаила Евелевича Левитина. В чем их обвиняли?

«Примиренчески относились к фактам проявления буржуазного национализма, в результате чего в идеологических учреждениях области длительное время орудовала группа националистов, пропагандировавшая в области сионистско-националистические взгляды, способствовали распространению проамериканских и буржуазно-националистических настроений среди некоторой части населения области, не дали правильной политической оценки многочисленным частным связям граждан Еврейской автономной области с Америкой как каналу проникновения вражеской пропаганды».

Александр Бахмутский, бывший слесарь завода «Серп и молот», был приговорен к расстрелу. Смертную казнь заменили 25 годами тюремного заключения. Столь же жестокие приговоры вынесли другим руководителям Еврейской автономной области.

28 ноября 1948 года Сталин подписал секретное решение

бюро Совета министров — «Еврейский антифашистский комитет немедля распустить, органы печати этого комитета закрыть, дела комитета забрать». На следующий день сотрудники Министерства госбезопасности провели обыск в помещениях комитета, забрали всю документацию, здание опечатали.

Судебный процесс по делу Еврейского антифашистского комитета, созданного в сорок первом году для борьбы с нацизмом, должен был показать, что все евреи — американские шпионы и работают на заокеанских хозяев. Но процесс пришлось сделать закрытым, потому что обвиняемые шпионами себя не признали: актер Вениамин Зускин, академик Лина Штерн, писатели Перец Маркиш, Лев Квитко, Семен Галкин, Давид Гофштейн, главный врач Боткинской больницы Борис Шимелиович, бывший член Н,К ВКП(б) и заместитель министра иностранных дел Соломон Лозовский…

Арестованных били. Некоторые умирали прямо в тюрьме. Следствию нужно было что-нибудь серьезное — подготовка покушения на Сталина, шпионаж, диверсии, а эти люди, даже когда их били, ничего такого придумать не могли. Они играли в театре, писали стихи, лечили больных.

Занимались ими отборные кадры Министерства госбезопасности. Полковник Комаров, позднее арестованный, напоминал о своих заслугах: «Особенно я ненавидел и был беспощаден с еврейскими националистами, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов. Узнав о злодеяниях, совершенных еврейскими националистами, я исполнился еще большей злобой к ним и убедительно прошу вас, дайте мне возможность со всей присущей мне ненавистью к врагам отомстить им за их злодеяния, за тот вред, который они причинили государству».

Следователи были уверены в изначальной вине евреев, в их природной склонности к совершению преступлений, в готовности предать родину. Это объяснил им Сталин. Они действовали по его личному указанию. Это был этнический судебный процесс. Судили не за преступление, а за происхождение.

Сидевшие на скамье подсудимых известные актеры, писатели, врачи не участвовали в подготовке террористических актов против товарища Сталина, не занимались шпионажем и даже не вели антисоветской пропаганды. Председатель Военной коллегии Верховного суда генерал-лейтенант юстиции Александр Александрович Чепцов уличал подсудимых в желании писать на родном языке, издавать книги на идиш, иметь свой театр и ставить в нем еврейские пьесы, сохранить школы с преподаванием на еврейском языке.

Генерал Чепцов упрекал одного из подсудимых:

— Зачем коммунисту, писателю, марксисту, передовому еврейскому интеллигенту связываться с попами, раввинами, мракобесами, консультировать их о проповеди, о маце, о молитвенниках, о кошерном мясе?

Малограмотный следователь, увидев, что писатель Абрам Коган правит ошибки в тексте собственного допроса, избил его: знает, подлец, русский язык, а пишет на еврейском! Забота о национальной культуре признавалась вредной и антипатриотичной.

Генерал-лейтенант юстиции Чепцов быстро и без колебаний выносил смертные приговоры по делам, подготовленным следователями Министерства госбезопасности. Но когда по решению ЦК был устроен двухмесячный процесс над руководителями Еврейского антифашистского комитета, подробные допросы обвиняемых показали, что нет вообще никаких доказательств вины подсудимых.

Несмотря на пытки и издевательства, далеко не молодые и не очень здоровые люди явили образец силы духа и мужества. Генерал Чепцов даже проникся уважением к подсудимым, «усомнился в полноте и объективности расследования». Завел разговор с министром Игнатьевым. Тот ответил, что дело вел Рюмин, а ему все верят.

Рискуя партбилетом и карьерой, Чепцов попросил у ЦК разрешения вернуть дело на доследование. Георгий Максимилианович Маленков, к которому обратился генерал, не дал этого сделать:

— Вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками. Приговор по делу апробирован народом, делом политбюро занималось три раза. Выполняйте решение политбюро.

Процесс по делу Еврейского антифашистского комитета начался 8 мая пятьдесят второго года. А еще за месяц до этого, 3 апреля, министр госбезопасности Игнатьев в докладной записке Сталину предложил всех обвиняемых по делу Еврейского антифашистского комитета расстрелять. Вождь сделал снисхождение только академику Лине Штерн, биологу с мировым именем, приехавшей из Швейцарии строить социализм. Ее отправили в исправительно-трудовой лагерь. Остальных расстреляли…

Следователи требовали от арестованных показаний и на других видных евреев.

Заместитель министра госбезопасности полковник Рюмин, допрашивая арестованного подполковника госбезопасности Игоря

Борисовича Маклярского, по-свойски объяснял недавнему сослуживцу: глава еврейских националистов в Москве и главный израильский шпион — Полина Семеновна Жемчужина, жена Молотова, сама недавний нарком, кандидат в члены ЦК и депутат Верховного Совета СССР. Рюмину нужны были еще и показания на Лазаря Моисеевича Кагановича. Ему бы хотелось сконструировать заговор, во главе которого стоит член политбюро.

Почему началась охота на евреев? Понадобился новый масштабный внутренний враг. Историки отмечают: накануне массового террора неизменно формируют большую группу врагов — тогда не нужно доказывать вину каждого. Например, кулаки, вредители, троцкисты… Теперь — евреи. Это сразу поднимало заговор на мировой уровень. Ведь за евреями, объясняли пропагандисты, стоят Израиль и Соединенные Штаты.

Вячеслав Александрович Малышев, заместитель председателя Совета министров по машиностроению, записал слова вождя, сказанные им в самом узком кругу — на заседании президиума ЦК 1 декабря 1952 года:

— Любой еврей — националист, это агент американской разведки.

Через две недели, 15 декабря, Сталин в присутствии членов президиума ЦК опять принимал руководителей госбезопасности. Сформулировал еще один постулат политики и пропаганды:

— Главный наш враг — Америка.

Все шло к тому, чтобы предъявить Соединенным Штатам серьезные обвинения. Не только во вмешательстве во внутренние дела Советского Союза, но и в подготовке террористических актов против Сталина и других руководителей страны. В частности, выдвигалось обвинение в том, что из окон американского посольства на Манежной площади собирались обстрелять Кремль, когда там соберутся Сталин и другие руководители страны. Закрыли ГУМ, потому что опасались, что из главного магазина страны снайпер может обстрелять окна кремлевских кабинетов.

10 апреля 1951 года Абакумов обратился к Сталину:

«Может быть, Вы найдете целесообразным снять Осликовского с занимаемой должности и направить в один из внутренних военных округов, где за ним будет установлено чекистское наблюдение.

Нас беспокоит то обстоятельство, что, являясь начальником Высшей офицерской кавалерийской школы, Осликовский участвует в подготовке лошади для принимающего парад на Красной площади. Поскольку ряд лиц из числа еврейских националистов, которые были близко связаны с Осликовским и

вели с ним антисоветские разговоры, — арестован, то как бы он не сделал какой-нибудь пакости».

В войну генерал-лейтенанта Николая Сергеевича Осликовского назначили командиром 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. По этому случаю генерала принял Верховный главнокомандующий. Несколько минут рядом с вождем запомнились ему на всю жизнь. Осликовский оставил записки, которые заботливо хранились в семье:

«Прибыв в указанное время к маршалу Буденному, я от него узнал, что меня вызывает лично товарищ Сталин. Излишне говорить о том волнении и радости, которые охватили меня. В кабинете маршала Буденного мы ждали звонка из Кремля. Около двух часов ночи позвонил товарищ Поскребышев.

Приехав в Кремль и пройдя в рабочие комнаты товарища Сталина, мы были приглашены в его кабинет. Я увидел товарища Сталина, стоявшего в своей обычной позе посредине кабинета. Представился ему. Он поздоровался со мной, спросил, как чувствую себя после ранения, и предложил сесть. Товарищ Сталин несколько минут был занят разговором по ВЧ, а затем спросил, справлюсь ли я с этой большой должностью.

Я ответил, что постараюсь оправдать доверие Родины и выполнить его, товарища Сталина, приказы. Мне были вручены бумаги, и Сталин приказал дежурному генералу отправить меня на самолете, простился и пожелал мне удачи. Эта встреча служила мне путеводной звездой в самые тяжелые дни войны и послужит ею на всю жизнь».

И человека, влюбленного в вождя, заподозрили в намерении совершить террористический акт против Сталина? С помощью лошади?.. Но в той атмосфере послание Абакумова не показалось безумным.

Гаррисон Солсбери в марте 1949 года прибыл в Москву в качестве корреспондента «Нью-Йорк таймс»: «По моей обычной дурацкой манере я начал слать письма или названивать всем, с кем встречался в Москве в годы войны. Я ни до кого не дозвонился и не получил ни от кого ответа. А когда наталкивался на знакомых на улице, они делали вид, что меня не заметили. Контакт с американским «шпионом» мог стать фатальным».

Американцам — сотрудникам посольства и их женам — не рекомендовалось в одиночку гулять по улицам Москвы. Да никто и не гулял, что за радость бродить под присмотром?

«Шпиками были жалкого вида молодые люди двадцатитридцатилетнего возраста, — вспоминал Солсбери. — В результате одинакового обучения они все были похожи друг на друга. Они носили одинаковые непромокаемые плащи, велюровые

шляпы и тяжелые ботинки. В один из первомайских дней я стоял на Красной площади и заметил тридцать или сорок шпиков, все в новых бордовых или зеленых велюровых шляпах, в новых желтых ботинках на толстой подошве и новых серых плащах — несомненно, подарок от министерства к майским праздникам».

Известный американский дипломат и специалист по России Джордж Кеннан был назначен послом в СССР 27 декабря 1951 года. Он приехал в Москву 5 мая 1952 года. Поразился откровенной враждебности к Соединенным Штатам. К Сталину он не попал. В отличие от военных времен вождь больше не принимал американских послов. Даже те, кому раньше разрешалось общаться с дипломатами, исчезли. Джорджу Кеннану особенно было обидно, что советские власти так пренебрежительно относятся к человеку, влюбленному в Россию.

Посол писал в Вашингтон президенту Гарри Трумэну: «Мы настолько отрезаны, стеснены запретами и нас настолько игнорирует советское правительство, что это выглядит так, будто вообще прерваны дипломатические отношения».

Ранним утром 19 сентября 1952 года Джордж Кеннан улетел из Москвы в Лондон на совещание американских дипломатов. Самолет совершил промежуточную посадку в Западном Берлине. В аэропорту Темпельхоф его ждали три корреспондента. Один из них поинтересовался у американского посла, как ему живется в Москве.

— Когда началась война, я работал в американском посольстве в Берлине, и нас интернировали, — ответил Кеннан. — Так вот в Москве к нам относятся примерно так же, как нацисты относились к интернированным дипломатам. Разница лишь в том, что в Москве мы можем выходить из дома и ходить по улицам под охраной.

26 сентября 1952 года «Правда» обвинила американского посла в злонамеренной лжи и клевете. МИД объявил его нежелательным лицом — persona non grata. Кеннан не смог вернуться в Советский Союз. Американские дипломаты остались без посла.

Гаррисон Солсбери пытался разгадать намерения советских властей: «По всей видимости, они собираются провести процессы, связанные с американскими шпионами (то есть корреспондентами), под которые подпадают пять журналистов, еще остающихся в Москве. Поскольку я также являюсь потенциальным мясом для этого жаркого, мне очень хочется надеяться, что кремлевские повара замышляют нечто иное. Но странные вещи происходят в этом странном государстве».

Чутье не изменило Солсбери. Не зря ноябрь 1952 года

запомнился ему «мрачным, гнетущим временем, периодом напряженной тишины, сквозь которую пробивались незнакомые звуки, предвещавшие тревожные события».

К концу года Сталин стянул воедино три главных узла: изменники в Министерстве госбезопасности, врачи, убивающие руководителей партии, и Соединенные Штаты, которые готовят новую мировую войну.

Хозяин страны творил заговор, в реальность которого все должны были поверить.

Теперь, когда все линии сошлись воедино, решил вождь, настало время раскрыть советским людям глаза на то, какие подлые и коварные враги орудуют у них дома и какой могущественный враг за границей им помогает.

Линия девятая
Врачи-убийцы

13 января 1953 года «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей» и на первой полосе редакционную статью «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Советские люди узнали, что органами госбезопасности «раскрыта террористическая группа врачей, ставившая своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям СССР».

В сообщении перечислялись арестованные врачи — шесть еврейских фамилий, три русские.

«Большинство участников террористической группы, — говорилось в сообщении ТАСС, — были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой…

Арестованный Вовси М.С. заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача Шимелиовича и еврейского буржуазного националиста Михоэлса. Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давнишними агентами английской разведки».

Проект заявления ТАСС о деле врачей-убийц обсуждался в ЦК КПСС 9 января 1953 года. Главный редактор «Правды» Дмитрий Шепилов представил Сталину и текст редакционной статьи для своей газеты, которая должна была на понятном народу языке растолковать все происходящее. Вождь ее самолично выправил.

Заявление ТАСС, адресованное всему миру, было выдержано в относительно спокойной тональности. Зато «Правда», не стесняясь, писала о «рабовладельцах-людоедах из США и Англии». Главное, что предстояло осознать советским людям, умещалось в короткой формуле: арестованы врачи — агенты США и Англии, которые готовят войну.

Началась всесоюзная кампания по выявлению убийц в белых халатах. Местные органы госбезопасности и партаппарат получили указание докладывать в столицу о реакции населения и самим проявить инициативу. Скажем, в Кузбассе управление госбезопасности информировало обком партии, что население области требует «применить к врачам-отравителям высшую меру наказания». Первый секретарь Кемеровского обкома Михаил Ильич Гусев сообщил в ЦК: «Горячим гневом полны сердца трудящихся Сталинского Кузбасса. Они требуют применения

высшей меры наказания в убийцам, скрывающимся под белыми халатами».

Хозяин области выразил пожелание начальнику управления госбезопасности полковнику Николаю Федоровичу Илясову: «Незамедлительно вскрыть преступную группу среди врачей в городе Сталинске». Сталинск — ныне Новокузнецк.

Чекисты о такой группе не подозревали, но указание исполнили. Полковник Илясов 16 января командировал одного подполковника и двух майоров госбезопасности из областного управления в помощь горотделу (см. сборник «Служение Отечеству. Воспоминания, статьи, документы», том II, Кемерово, 2005). Совместными усилиями они раскрыли в Сталинске отделение «сионистской организации «Джойнт», связанной с американскими спецслужбами». Арестовали троих медиков из Института усовершенствования врачей — всех с еврейскими фамилиями.

Страну охватила настоящая истерия. Люди отказывались лечиться, принимать лекарства. Каждый врач был под подозрением.

Академик Борис Васильевич Петровский, один из крупнейших советских хирургов и будущий министр здравоохранения, вспоминал, что в день, когда появилось сообщение о врачах-убийцах, он собрал коллег-хирургов и они решили отменить все назначенные на этот день операции. В палатах больные жарко обсуждали сообщение ТАСС. Петровский сказал больным, что в его коллективе вредителей нет, тем не менее, учитывая происходящее, решено отменить операции. Больные твердо ответили:

— Мы вам верим и просим операции не отменять.

В советском представительстве в Париже посольского врача посадили под домашний арест, хотя ее муж был сотрудником госбезопасности. А тут, как назло, заболел заместитель министра иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, который находился в Париже проездом. Пришлось все-таки позвать врача. Она осмотрела больного — грипп. Протянула Громыко лекарство. Будущий министр резко отстранил ее руку:

— Вашего лекарства я принимать не буду!

Детский писатель Корней Иванович Чуковский беседовал с женой классика советской литературы Леонида Леонова Татьяной Михайловной. Она жаловалась, что после сообщения о «врачах-вредителях» невозможно обратиться к медикам:

— Вы же понимаете, когда врачи объявлены отравителями… Нет и доверия к аптекам; особенно к Кремлевской аптеке: что, если все лекарства отравлены?!

Чуковский ошеломленно записал в дневнике: «Оказывается, были даже в литературной среде люди, которые верили, что врачи — отравители!!!»

Чекисты обещали порадовать руководство новыми трудовыми успехами.

16 января 1953 года секретарь парткома № 1 МГБ СССР Сергей Тимофеевич Аставин (в войну первый секретарь Ивановского и Владимирского обкомов комсомола, а в будущем посол в Исландии и на Кипре) обратился к секретарю ЦК Маленкову:

«В связи с опубликованием в газете «Правда» материалов о разоблачении шпионов и убийц под маской профессоров-врачей коммунисты и сотрудники оперативных управлений и отделов МГБ СССР отмечают совершенно правильную суровую критику в адрес органов государственной безопасности, которые вовремя не вскрыли террористической организации среди врачей. Одновременно многие товарищи сообщают о недостатках в работе и о фактах ротозейства и беспечности.

В 5 Управлении и Инспекции министерства отдельные коммунисты говорили о том, что работники бывшего Главного управления охраны тт. Масленников, Гузанов, Диваков во многом повинны в том, что в Лечебно-санитарном управлении Кремля длительное время безнаказанно орудовали агенты американской и английской разведок, однако до сих пор они не понесли ответственности за проявленную политическую беспечность….

В парторганизациях Главного управления охраны на железнодорожном и водном транспорте, Управления по разведке высказывалось мнение о том, что в органах МГБ работает еще немало лиц еврейской национальности, на которых имеются серьезные компрометирующие материалы, однако они переводятся с места на место, а вопрос об увольнении их из органов не решается».

14 января 1953 года Госдепартамент США получил шифротелеграмму поверенного в делах в Москве Джейка Бима, который писал: «Дело врачей» — хладнокровная фальсификация с определенными политическими целями».

Конечно, кое-какая информация о происходившем в Советском Союзе просачивалась за железный занавес. Что-то рассказывали иностранные корреспонденты, работавшие в СССР, что-то убежавшие из страны недавние чиновники или разведчики. Но многие американцы и европейцы просто отказывались верить, что это возможно.

В Вашингтоне на заседании комиссии конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности известная

писательница Айн Рэнд описывала жизнь в Советском Союзе при Сталине.

— Так что, в России теперь никто не улыбается? — недоверчиво спросил ее один из конгрессменов. — Вы нарисовали уж очень мрачную картину.

— Людям в свободной стране, — ответила Рэнд, — невозможно представить, каково жить при тоталитарной диктатуре. Я могу рассказать вам это в подробностях. Но вам подобное трудно представить, потому что вы — свободный человек.

История с арестованными врачами стала потрясением и вызвала массовое возмущение. Врачам не предъявляли подобных обвинений со времен Средневековья. Видные американцы призвали только что вступившего в должность президента Дуайта Эйзенхауэра выступить против государственного антисемитизма в Советском Союзе. Элеонора Рузвельт, вдова президента Франклина Делано Рузвельта, требовала проявить решительность:

— Во время гитлеровского господства цивилизованный мир, неспособный поверить, что массовое истребление может стать реальностью, мало сделал, чтобы остановить его. Памятуя об этом ужасном опыте, мы не имеем никаких оснований для промедления.

Ответ Москвы не заставил себя ждать. 17 февраля 1953 года Сталин пригласил на беседу мало кому известного индийского политика доктора Сайфутдина Китчлу. Тот пересказал сталинские слова корреспонденту «Нью-Йорк таймс» в Москве Гаррисону Солсбери. По его словам, вождь предупреждал Запад:

— Если разразится война, Англия будет сметена. В случае войны будет плохо и России, и Соединенным Штатам. Но для Англии она окажется фатальной. Англичане не сумеют поддержать Соединенные Штаты в войне. Как и Франция. Им придется порвать с США.

Это была недвусмысленная угроза.

«Трижды в феврале Сталин выходил из своего уединения, чтобы встретиться с иностранцами: аргентинским послом Браво, индийским послом Меноном и лидером движения за мир в Индии доктором Китчлу, — писал Солсбери. — Все говорили о «прекрасном здоровье» Сталина, его живом уме, его умении быстро схватывать суть явлений. Позже Менон рассказал мне, что во время беседы Сталин что-то рассеянно рисовал в блокноте красным карандашом. Это были изображения волков, много, много волков. Сталин и говорил о волках. Сказал, что русские крестьяне знали, как обращаться с волками, — они их

уничтожали.

Февраль кажется самым длинным месяцем. Беспросветные, темные дни с холодным ветром, серым небом, падающим день за днем снегом, когда женщины в серых ватниках и серых платках чистят улицы ведьминими метлами, а коридоры «Метрополя» делаются все мрачнее, и в их углах появляются призраки. Жизнь замирает, надежда исчезает. Я действительно ощущал нечто апокалиптическое в московской атмосфере. Во рту появился металлический привкус страха».

В последний сталинский месяц, казалось, «дело врачей» и все остальные дела затормозились. На самом деле допросы арестованных продолжались до самой смерти вождя. Врачей обвиняли во вредительском лечении детей Сталина — Василия и Светланы.

Следователь допрашивал академика Владимира Виноградова:

— Вы привлекались к лечению Василия Иосифовича и наносили своими преступными действиями вред его здоровью. Станете ли вы отрицать это?

— Я имел отношение к лечению Василия Иосифовича начиная с тридцатых годов. Однако его здоровью я не вредил. В послевоенные годы у Василия Иосифовича наблюдалось психическое заболевание. Несмотря на то что он неоднократно находился на излечении в санатории «Барвиха», его здоровье все же ухудшилось, и в последнее время заболевание обострилось, наблюдалось сильное психическое расстройство.

— Но следствию известно, что именно вы усугубляли заболевание Василия Иосифовича. Говорите, как было в действительности…

Следователи не сомневались, что получат нужные показания. Начальник внутренней тюрьмы МГБ полковник Александр Николаевич Миронов объяснил, как они действовали:

— О применении наручников и избиения в отношении определенных арестованных мне обычно звонили начальники следственных отделов управлений. В каждом случае я проверял эти указания, звонил соответствующим заместителям министра. Убедившись, что указание исходит от замминистра, я давал указания надеть наручники или провести избиение. При применении физического воздействия к арестованным я все время присутствовал. Били резиновыми палками.

Вождь не удовлетворялся достигнутым. Он искал все новые ниточки и сплетал все новые узоры. Такое вот у него было рукоделье.

Следственная часть МГБ по особо важным делам работала с полной нагрузкой. Помогали оперативники из 11-го отдела 5-го

управления МГБ, которые вели чекистскую работу среди медицинских работников. Следователи спешили с врачами: скорее надо было получить сведения, на какую разведку они работали, и готовить большой процесс. Арестованному профессору Якову Львовичу Раппопорту следователь с профессиональной обидой в голосе говорил:

— Ну что же вы даете такие показания? С ними же нельзя выйти на открытый процесс!

В январе 1953 года президиум ЦК принял решение о строительстве новых лагерей на 150–200 тысяч заключенных. Для кого они предназначались? В решении президиума говорилось: для «особо опасных иностранных преступников». Не было столько иностранцев в стране!

Руководил следственной машиной заместитель министра госбезопасности Михаил Дмитриевич Рюмин, понравившийся вождю. Но ничтожному Рюмину участие в большой интриге принесло лишь миг счастья.

Сталин приблизил малограмотного Рюмина, потому что тот был его творением — не думающий, не сомневающийся. Из тех, кто не только исполняет любые приказы вождя, но и самостоятельно выявляет и уничтожает врагов. Но работник он был бездарный, поэтому карьера Рюмина оказалась недолгой.

Он радостно доложил Сталину, что профессор-терапевт Владимир Харитонович Василенко скрыл свое участие в антипартийной оппозиции, но он, Рюмин, негодяя разоблачил. Сталин сразу увидел, что этот дурак только все дело испортит. Написал Рюмину: нас не интересует политическая биография Василенко. Какое это имеет значение? Нам нужно знать, на какую иностранную разведку он работает, кто ему дает указания. Ради этого все и затевалось!

13 ноября 1952 года Рюмин отправил Сталину пространную записку о своей работе. Вождь разозлился: его выдвиженец не оправдал доверия. Не справился. В тот же день подписал постановление Совета министров:

«Правительство несколько раз указывало как министру государственной безопасности, так и особенно нач. следственной части по особо важным делам МГБ СССР, что при расследовании таких важных, связанных с иностранной разведкой антисоветских дел, как дело о вражеской работе Абакумова и дело о террористической деятельности врачей из Лечсанупра, нельзя ограничиваться выяснением частностей и формально-юридической стороны дела, а нужно добираться до корней дела, до первоисточника преступлений.

Однако несмотря на эти указания Правительства,

следственная часть по особо важным делам ввиду порочной установки ее начальника тов. Рюмина оказалась неспособной выполнить эти указания Правительства, и оба упомянутых выше дела все еще остаются не раскрытыми до конца».

Рюмина выставили из МГБ. Перевели в Министерство государственного контроля старшим контролером.

Все эти безумные игры велись на фоне отчаянного положения страны. 1 ноября 1952 года первый секретарь Ярославского обкома Владимир Васильевич Лукьянов обратился к секретарю ЦК и заместителю главы правительства Маленкову:

«Особо тяжелое положение сложилось в четвертом квартале текущего года с мясом, колбасными изделиями, животным маслом, сахаром, сельдями, сыром, крупой и макаронными изделиями. Торговля указанными товарами проходит с большими перебоями при скоплении очередей. По большинству товаров фонды из квартала в квартал снижаются».

В 1952 году в Советском Союзе молока и молочных продуктов потребляли в два раза меньше, чем в США, мяса, рыбы, сахара — в три раза, фруктов — в пять раз. А вот потребление хлеба и картофеля было выше в четыре раза.

А вождь торопил чекистов. 27 января 1953 года министр госбезопасности Игнатьев отправил вождю спецсообщение: «Докладываю вам, товарищ Сталин, что после болезни я приступил к работе… Мы сосредоточиваем все внимание и усилия на том, чтобы на основе честного выполнения решений ЦК и Ваших указаний в короткий срок навести порядок в работе органов МГБ, покончить с благодушием, ротозейством, трусостью и укоренившимися среди многих работников привычками жить былой славой».

Показания привезенного из Китая белоэмигранта Ивана Ивановича Варфоломеева были тем самым элементом, которого так не хватало в общей картине этого невероятного заговора — он соединял внутреннего врага с внешним. Его посадили бы на скамью подсудимых одновременно с врачами-убийцами. И он бы рассказал, что Соединенные Штаты собирались начать войну против Советского Союза с уничтожения самого Сталина.

Но даже поверхностная проверка показала: публичный процесс не получается. Малограмотные следователи МГБ, от которых никогда не требовали профессиональной работы, плохо сляпали дело Варфоломеева.

Выяснилось, что американский олигарх Ламота Дюпон, который будто бы финансировал «план внутреннего удара», давно умер. Американский генерал Джон О’Дэниэл, который, по словам следователей, взялся своими руками убить вождя, покинул

Москву, поэтому никак не мог участвовать в теракте.

План, любовно выношенный в МГБ, рушился. Варфоломеева предложили просто расстрелять. Но Сталин не спешил его казнить. Запасливый вождь сказал министру госбезопасности Игнатьеву: пусть Варфоломеев посидит, еще пригодится.

Но для публичного процесса, или депортаций, или вообще каких-то акций, важных для обработки общественного мнения, не хватало материала! Оттого вождь и злился на своих подручных в те месяцы. Сталин ощущал, что его историческое время истекает. И когда оставался буквально шаг до реализации столь масштабного замысла, бренное тело подвело вождя. Он ушел в мир иной.

Поскольку вождь ни с кем не делился своими замыслами, то в истории осталось лишь «дело врачей». А все остальное — придуманный им грандиозный заговор с целью подготовить страну к новой войне — как бы исчезло. Кроме глубоко укоренившихся представлений о том, что Америка — главный враг.

«План внутреннего удара», сконструированный кудесниками из следственной части МГБ по особо важным делам, пропал втуне. Не понадобился. Ивана Варфоломеева, который должен был раскрыть миру этот план, 10 сентября 1953 года отправили на тот свет. Полвека спустя, в 2002 году, он был реабилитирован.

А вот бывшего замминистра госбезопасности Рюмина и других следователей после смерти Сталина обвинили в том, что они собирались устроить открытый процесс над Варфоломеевым, а это «нанесло бы ущерб Советскому Союзу». Полковника Рюмина арестовали сразу после смерти Сталина, через год расстреляли, с других сорвали погоны.

Иначе говоря, новые руководители страны понимали: обнародование безумного «плана внутреннего удара» выставило бы советскую власть на посмешище. Но, пожалуй, только за границей. Собственные сограждане бы поверили. Верили же во все остальное.

Часть вторая
Уход вождя

Одиночество в смертный час

Вождь сильно сдал в конце 1952 года.

Александра Николаевича Шелепина, нового комсомольского вожака — его после XIX съезда сделали первым секретарем ЦК ВЛКСМ, — как положено, представили Сталину.

К встрече с вождем его основательно готовили, председатель внешнеполитической комиссии ЦК Ваган Григорьевич Григорьян наставлял комсомольского секретаря:

— Докладывать надо очень кратко — пять — семь минут. Сказать главным образом о международном молодежном движении.

Шелепина отвели и к Маленкову, который так его напутствовал:

— Имей в виду, он почти ничего не слышит, поэтому надо говорить громко, даже кричать. Во-вторых, когда придешь к нему в кабинет, ничего в руках не держать: ни папок, ни бумаг.

Шелепин открыл дверь, зашел и очень громко произнес:

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Вождь склонился над столом, молчал. Шелепин подошел вплотную и закричал:

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Тот поднял глаза и пальцем показал: садись. Шелепин сел. Начал докладывать — вождь встал. Гость начал привставать. Вождь махнул рукой — сиди. Новый первый секретарь ЦК ВЛКСМ доложил обстановку в международном молодежном движении. Он выслушал. Вопросов не задавал. Сказал:

— Вам надо войти членом в общесоюзный славянский комитет. Это очень важная организация.

— Хорошо, товарищ Сталин.

— Ну, все, спасибо.

Шелепин встал:

— До свидания, товарищ Сталин.

Вождь не ответил.

«В последний раз я видел Сталина вблизи, — вспоминал Михаил Иванович Халдеев, тогда первый секретарь Московского горкома комсомола, — 21 января 1953 года на торжественном заседании, посвященном годовщине со дня смерти В.И. Ленина. Затылок Сталина был уже явно склеротический, весь в красных прожилках, волос мало, они отдавали рыжеватым цветом. Меня удивил его низкий лоб — совсем не такой, как изображали на портретах. В руке он держал карманные часы и каждые семь-восемь минут подзывал к себе Маленкова, чтобы спросить, как

долго будет продолжаться доклад. Видно было, что Сталин плохо себя чувствует, ему тяжело дается пребывание на людях».

Внешних признаков недомогания у него до последнего времени не наблюдалось, вспоминал Шепилов. По-прежнему полночи проводил за трапезой. Не ограничивая себя, ел жирные блюда. Перед ужином выпивал пару рюмок коньяку и переходил на грузинские вина. Этикетки на бутылках были не заводские, а напечатаны на машинке.

В последние годы старался побольше отдыхать. Заботился о себе. Соратники полагали, что он здоров.

А чем же он болел?

Он дважды перенес тиф. Вероятно, в ссылке заразился туберкулезом. Правое легкое сильно пострадало, он тяжело дышал и говорил тихим голосом. Возможно, поэтому избегал публичных выступлений. Его мучили простуды, ангины с высокой температурой, поносы (иногда он буквально не мог далеко отойти от туалета). Его лечил видный отоларинголог Борис Сергеевич Преображенский, который с 1932 года был консультантом Лечебно-санаторного управления Кремля. В 1952-м академика Преображенского арестовали по «делу врачей».

Судя по тому, что с середины тридцатых к нему стали приглашать известного профессора-кардиолога Владимира Никитича Виноградова, вождь страдал от высокого давления, атеросклероза. Виноградов известен трудами по диагностике и лечению инфаркта миокарда. В 1952 году его тоже посадили как «врача-вредителя».

Светлана Аллилуева вспоминала об отце:

«В годовщину Октября осенью 1952 года я поехала к нему на дачу со своими детьми… Кажется, он был доволен вечером и нашим визитом. Как водится, мы сидели за столом, уставленным всякими вкусными вещами — свежими овощами, фруктами, орехами. Было хорошее грузинское вино, настоящее, деревенское, — его привозили только для отца последние годы, — он знал в нем толк… Это был вообще единственный раз, когда я была вместе с отцом и своими двумя детьми.

И потом я была у него 21 декабря 1952 года, в день, когда ему исполнилось семьдесят три года. Тогда я видела его в последний раз. Он плохо выглядел в этот день. По-видимому, он чувствовал признаки болезни, может быть гипертонии. Обычное застолье, обычные лица, привычные разговоры, остроты, шутки многолетней давности. Странно — отец не курит. Странно — у него красный цвет лица, хотя он обычно всегда бледен (очевидно, было уже сильно повышенное давление)».

Многие годы он почти непрерывно курил трубку. Шепилов

однажды озабоченно сказал:

— Товарищ Сталин, вы так много курите. А ведь вам, наверное, нельзя?

— Вы невнимательны, — ответил Сталин, — я же не затягиваюсь. Я просто так: пых-пых. Раньше затягивался, теперь не затягиваюсь.

В последний год неожиданно бросил курить и очень гордился этим…

Официальных заседаний бюро президиума ЦК после XIX съезда он не собирал.

«Когда Сталин приезжал с «ближней» дачи, он обзванивал нас через секретариат, и мы приходили в его кабинет в Кремле, а чаще всего в кино, — рассказывал Хрущев. — Смотрели картины и попутно в перерывах обсуждали те или иные вопросы. После кино Сталин, как правило, объявлял, что надо идти покушать. В два или в три часа ночи, все равно, у Сталина всегда это называлось обедом.

Садились в машины и ехали к нему на «ближнюю» дачу. Там продолжалось «заседание», если так можно сказать. Собирались в таком составе: Сталин, Берия, Маленков, Хрущев. Не всегда присутствовал на таких узких заседаниях — ужинах или обедах Булганин, еще реже присутствовал Каганович, а Ворошилова почти никогда не приглашали».

Близкие к нему люди не могли не замечать перемен в его поведении. Он стал еще подозрительнее. Вождь существовал в мире уголовных преступников. Если он убивал, то почему же его не могли убить?

«Когда мы ехали из Кремля на ««ближнюю» дачу», — вспоминал Хрущев, — то стали вдруг петлять по улицам и переулкам Москвы… В машину со Сталиным обычно садились Берия и Маленков. Я чаще всего садился в одну машину с Булганиным. Я спрашивал потом тех, кто сидел со Сталиным: «Чего вы петляли по переулкам?» Они отвечали: «Ты нас не спрашивай. Не мы определяли маршрут. Сталин сам называл улицы. Говорил: повернуть туда, повернуть сюда, ехать так-то, выехать туда-то…»

Боялся покушений. Если можно было организовать убийство Троцкого, то почему кто-то не возьмется организовать убийство Сталина? Потому в последние годы на «ближней» даче сменил охрану и прислугу. Убрал людей, связанных с теми, кого он выгнал, ведь они могли затаить ненависть и отомстить. Расстался со своим многолетним помощником Поскребышевым и начальником охраны Власиком, потому что подозревал, что они делились информацией с Берией. А он этого не хотел. Понимал:

Берия — не тот человек, который, когда за ним придут, возьмет зубную щетку и позволит увезти себя в Лефортово. Вот и не желал, чтобы Лаврентий Павлович успел приготовиться к аресту.

Сталин избавлялся от тех, кто потерял хватку, успокоился, не видел, сколько вокруг врагов, словом, не годился для нового Большого террора. Устранял и тех, кто в принципе мог быть опасен. Исходил из того, что удар нанесет тот, кто рядом.

Отдыхая на юге, Сталин вдруг спросил одного из своих лечащих врачей:

— Доктор, скажите, только говорите правду: у вас временами появляется желание меня отравить?

От испуга и растерянности доктор не знал, что ответить. Посмотрев на него внимательно и убедившись, что этого человека ему опасаться не следует, вождь добавил:

— Я знаю, вы, доктор, человек робкий, слабый, никогда этого не сделаете. Но у меня есть враги, которые на это способны…

На его даче постоянно появлялись все новые запоры и задвижки. Вокруг столько охраны, а он боялся… Спать всякий раз ложился в другой комнате: то в спальне, то в библиотеке, то в столовой. Задавать вопросы прислуга не решалась, поэтому ему стелили сразу в нескольких комнатах.

В 1943 году сын наркома авиационной промышленности Алексея Ивановича Шахурина шестнадцатилетний Владимир, обезумев от страсти, выстрелил в любимую девушку — дочь дипломата Константина Александровича Уманского, назначенного послом в Мексику. Юноша не хотел расставаться с любимой. Это случилось на ступенях лестницы Большого Каменного моста. Второй выстрел Шахурин-младший сделал в себя.

Пистолет Владимир Шахурин взял у одного из сыновей Анастаса Микояна — Вано. Завели уголовное дело. Поручили его Льву Шейнину, широко известному своими детективными рассказами, а в ту пору начальнику следственной части Прокуратуры Союза ССР.

Лев Шейнин вел себя деликатно с детьми столь высокопоставленных родителей. Но доложили Сталину, которому не понравилось, что у кремлевских детей оказалось в руках оружие. Зачем им пистолеты? Не собираются ли они совершить террористический акт? Убить вождя?

Следствие передали из прокуратуры в Наркомат госбезопасности. Кремлевскими детьми занялся начальник следственной части по особо важным делам НКГБ комиссар госбезопасности Лев Влодзимирский. Он соорудил дело «юношеской антисоветской организации» и арестовал двадцать

восемь молодых людей. Среди них двоих детей Микояна — шестнадцатилетнего Вано и четырнадцатилетнего Серго, а также сыновей адъютанта Ворошилова генерал-лейтенанта Рафаила Павловича Хмельницкого и племянника Надежды Аллилуевой.

Анастас Иванович Микоян не посмел вступиться за детей, хотя для него семья имела огромное значение. Его сыновья просидели на Лубянке полгода. Дело было совсем пустое, поэтому они получили год ссылки. Отбыли ее в Сталинабаде (Душанбе) и вернулись в Москву. Сталин поинтересовался у Анастаса Ивановича:

— А где твои сыновья, которые были осуждены?

Микоян объяснил, что старший учится в Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е. Жуковского, а младший — в Институте международных отношений.

— А достойны ли они учиться в советском высшем учебном заведении? — с угрозой в голосе спросил Сталин.

По словам Степана Анастасовича Микояна, генерала, летчика-испытателя, Героя Советского Союза, отец «был уверен, что теперь его детей немедленно исключат, а может быть, и арестуют (это был период новой волны репрессий). Но ничего не произошло. Видимо, Сталина что-то отвлекло и он забыл об этом».

Зная страхи вождя, следователи госбезопасности на всех процессах, даже над школьниками, включали в обвинительное заключение подготовку террористического акта против вождя.

21 июня 1948 года Сталин получил спецсообщение об аресте «террориста» художника Даниила Леонидовича Андреева, сына знаменитого писателя:

«Андреев пытался выяснить расположение дачи И.В. Сталина и подъездные пути к ней, но, узнав, что дача усиленно охраняется, как он сам признал, от осуществления своего вражеского замысла в этом месте отказался. Андреев вынашивал мысль о покушении на И.В. Сталина в Государственном Академическом Большом театре во время спектакля или торжественного заседания…

Несколько раз ему удавалось видеть, как машина главы Советского правительства, направляясь в город, не доезжая до Арбатской площади, сворачивала направо в Большой Афанасьевский переулок и через Малый Афанасьевский, минуя памятник Гоголю, выходила на улицу Фрунзе. Он изучал возможность произвести выстрел из квартиры зубного врача на улице Арбат, дом 9, по автомашине главы Советского правительства».

Трудно сказать, в какой степени сам вождь верил в эти

истории, а в какой считал нужным поддерживать накал репрессий. Он давным-давно оторвался от реальной жизни. Жил в совершенно ином мире. Не так-то просто понять, какие мысли его одолевали. Но страх за свою жизнь становился все сильнее.

В машину вместе с вождем садились двое охранников. Один занимал место рядом с водителем, второй устраивался на заднем сиденье. Сталин всегда располагался между ними — на откидном сиденье. Его сопровождали две машины с оперативным составом. В первой — начальник смены и три офицера. Во второй еще три офицера выездной охраны. В 1952 году появились первые аппараты радиотелефонной связи, очень громоздкие, их устанавливали в багажниках машин охраны.

«Когда я хотел перейти Арбат у Арбатских ворот, — пометил в дневнике писатель Юрий Олеша, — чей-то голос, густо прозвучавший над моим ухом, велел мне остановиться. Я скорее понял, чем увидел, что меня остановил чин милиции.

— Остановитесь.

Я остановился. Автомобили, покачиваясь боками, катились по направлению ко мне. Нетрудно было догадаться, кто сидит в первом. Я увидел черную, как летом при закрытых ставнях, внутренность кабины и в ней особенно яркий среди этой темноты — яркость почти спектрального распада — околыш. Через мгновение все исчезло, все двинулось своим порядком. Двинулся и я».

В последние годы своей жизни Сталин сам назначал маршрут движения и постоянно менял его. Полковник Новик из управления охраны вспоминал: «К периоду, когда велось «дело врачей», относится такой случай. Однажды Сталин на пути с «ближней» дачи в Москву приказал водителю ехать не обычным маршрутом, а по старой, заброшенной, не очищенной от снега дороге через Воробьевы горы. Тяжелая машина забуксовала и зарылась в снег. Сталин был крайне недоволен и в сердцах сказал: «Вы возите меня по одному и тому же маршруту. Под пули возите!»

В последние месяцы жизни он перестал предупреждать даже личную охрану, куда едет. Садился в машину и только тогда говорил, куда направляется. Но охрана знала два его любимых маршрута: в Большой театр — слушать оперу или в Кремль — смотреть кино. На всякий случай и там, и там накрывали столик.

Однажды полковник Новик проверял посты в Большом театре. Появился Сталин, направлявшийся в свою ложу. Увидев накрытый столик в комнате перед ложей, спросил:

— Кто сказал, что я сюда приеду?

Новик объяснил. Сталин молча прошел в ложу.

«Ближняя» дача принадлежала к числу самых защищенных объектов в стране. Но Сталину никакие меры не представлялись достаточными. Терзаемый страхом, обычно ночь он проводил за работой: просматривал бумаги, писал, читал. Перед тем как лечь спать, подолгу стоял у окна: нет ли на земле следов, не подходил ли кто-то чужой к дому? В последнюю зиму даже запрещал сгребать снег — на снегу скорее разглядишь следы.

«Приезжали на «ближнюю» дачу — там в дверях и воротах усиливаются запоры, — вспоминал Хрущев. — Появлялись всякие новые задвижки, затем чуть ли не сборно-разборные баррикады. Ну кто же может к Сталину зайти на дачу, когда там два забора, а между ними собаки бегают, проведена электрическая сигнализация и имеются прочие средства охраны?»

Колючая проволока, высокий двойной забор, между стенами забора деревянный настил, на котором дежурили часовые в специальной мягкой обуви. Мышь не могла проскочить мимо них. На внешнем обводе дачи, как на государственной границе, установили фотореле, которые срабатывали при любом движении. В основном реагировали на зайцев. Люди к даче не приближались. На внутренней территории дежурили настороженные офицеры управления охраны с собаками, срывавшимися с поводков.

«Главный дом, — рассказывал капитан Юрий Соловьев, — был соединен длинным переходом со служебным зданием, где размещалась кухня и жилые помещения — для коменданта дачи, дежурного офицера на пульте связи, двух прикрепленных, повара, подавальщиц, работников кухни, врача по диетическому питанию, подсобного рабочего, парикмахера».

Здесь же обитала и сержант госбезопасности Варвара Васильевна Истомина, которая с предвоенных времен служила на даче подавальщицей. Ей поручили приносить вождю еду и уносить грязную посуду. Ее образование ограничилось пятью классами школы и курсами подавальщиков физкультурного общества «Динамо». За многие годы вождь к ней привык. В июле 1952 года Истомина получила повышение — стала сестрой-хозяйкой главного дома «ближней» дачи.

С начала 1953 года Сталин уже мало чем интересовался, кроме дел МГБ. Хрущев рассказал, как они с Берией проходили мимо двери столовой сталинской дачи, и Лаврентий Павлович показал на стол, заваленный горою нераспечатанных красных пакетов. Это были документы особой важности, которые продолжали поступать умирающему Сталину. Видно было, что к ним никто не притрагивался.

— Вот тут, наверное, и твои пакеты лежат, — сказал Берия.

Уже после смерти Сталина Хрущев поинтересовался, как поступали с бумагами, ежедневно присылаемыми вождю. Начальник охраны признался:

— У нас был специальный человек, который вскрывал их, а потом мы отсылали содержимое обратно тем, кто присылал.

О том, что Сталин потерял интерес к происходящему и практически перестал работать, знали всего несколько человек. Остальные были уверены, что все идет по-прежнему.

27 февраля вождь приехал в Большой театр, где давали «Лебединое озеро». Приказал своему новому помощнику Малину соединить его с Маленковым, а тому велел на следующий день явиться на «ближнюю» дачу вместе с Берией, Булганиным и Хрущевым.

28 февраля в одиннадцать вечера гости прибыли. Когда подъезжали к деревянным воротам, офицер охраны приоткрывал дверцу машины, чтобы его можно было видеть, и называл фамилию — свою, а не члена президиума ЦК, которого сопровождал. Старший наряда охраны дачи выходил из калитки, чтобы взглянуть на пассажира. В ярком свете прожекторов лицо сидящего в машине было хорошо видно. Тем более что офицеров, которые несли охрану ворот, о появлении гостей предупреждал дежурный.

Гости прошли в главный дом, а их лимузины отогнали к гаражу, рассчитанному на десять машин. Три бокса занимали авто сталинской охраны. Остальные предназначались для гостевых оперативных автомашин. Здесь же находились комнаты для сотрудников охраны, маленькая столовая, помещение для хранения оружия и сушилка для одежды.

Хозяин с гостями вместе поужинали.

«Пока гости ехали, в главном доме шла подготовка — сервировка предстоящего застолья, — рассказывал Юрий Соловьев. — Комендант дачи обычно был извещен о количестве ожидаемых гостей. Обслуживающему персоналу приходилось все переносить на подносах, преодолевая значительное расстояние от кухонной плиты в служебном доме по длинному переходу коридора в столовую. У многих из обслуживающего персонала появлялась профессиональная болезнь суставов рук от тяжести переносимого».

На столе расставляли приборы. Приносили коньяк, водку, сухие вина, пряности, травы, овощи, грибы. Хлеб пекли свой.

Капитан Соловьев: «Обслуживающего персонала в зале во время обеда не было. Независимо от своего положения каждый из присутствующих на трапезе обслуживал себя сам. Обеденные первые блюда в больших фаянсовых судках располагались на

отдельном столике, и здесь же, горкой, размещалась чистая посуда. Сталин первым наливал из судка в тарелку щи, суп или уху и с тарелкой шел к своему традиционному месту за столом. Позднее приносили второе, и каждый опять же самостоятельно выбирал блюдо. Чай наливали из большого кипящего самовара, стоявшего на отдельном столике. Чайник с заваркой подогревался на конфорке».

В ноябре 1951 года Сталин распорядился сменить министра внешней торговли Михаила Алексеевича Меньшикова. Его сын экономист Станислав Меньшиков уверял: «Отца наказали за так называемую банановую историю. Сталин был убежден, что бананы продлевают ему жизнь, и поэтому, когда ему на стол положили подгнившие бананы, он возмутился и возложил вину на министра внешней торговли, хотя за обслуживание вождя непосредственно отвечала охрана».

В большой столовой стояли широкий полированный стол, рояль красного дерева, два дивана. На одном из них вождь и скончался 5 марта… Сталин любил музыкальные передачи по радио и слушал пластинки, которые привозили с завода грампластинок в Апрелевке. Выставлял оценку: «хор.», «снос.», «плох.» и «дрянь». Понравившиеся записи оставлял. У него был отечественный патефон с ручным заводом и большой автоматический проигрыватель, подаренный американцами в 1945 году.

В тот день Сталин находился в прекрасном расположении духа, выпил больше обычного. Гости разъехались после пяти утра. Хрущев вспоминал: «Когда мы вышли в вестибюль, Сталин, как обычно, вышел проводить нас. Он много шутил».

Вечеринка оказалась последней в жизни хозяина.

В обстоятельствах последних часов его жизни осталось много неясного. Но удалось установить, что Сталин в ту ночь не ложился спать. Когда его нашли, он был в одежде. И он не снял зубные протезы. Если бы он лег, обязательно бы их снял: всякий, кто носит зубные протезы, знает, почему это надо делать на ночь.

В десять утра сменились прикрепленные — так назывались офицеры личной охраны. Полковник Иван Васильевич Хрусталев сдал смену и отправился отдыхать. На дежурство заступили подполковник Михаил Гаврилович Старостин и подполковник Василий Михайлович Туков. Старостин служил в охране с 1937 года, Туков с 1935-го.

Сталин всегда вставал очень поздно. Он включал свет в комнате, и охрана знала, где он находится. Но в полдень он, как правило, уже поднимался. Когда Сталину что-то было нужно, вождь снимал трубку внутреннего телефона, и отзывался

дежурный офицер. Он неотлучно находился у телефонного пульта, размещенного в одной из комнат служебного дома. Сюда же звонили из города.

А в тот день, 1 марта, офицеры напрасно ожидали какого-то сигнала. Вождь не звонил. Никого не вызывал. Ни о чем не просил. А сами в большой дом зайти не решались. Вождь запретил его беспокоить.

Из-за его собственных маниакальных страхов охрана и прислуга не смели нарушить запрет и войти к нему в комнату. Не знали, как поступить, сидели и ждали.

В половине одиннадцатого вечера, как всегда, фельдсвязь доставила из города почту. Ее полагалось вручать немедленно. Майор Петр Васильевич Лозгачев понес запечатанные пакеты вождю. Он тоже с довоенных лет служил в ведомстве охраны, в октябре 1952 года получил повышение — был назначен помощником коменданта дачи «ближняя». Доставлять почту было его обязанностью.

Майор первым увидел впавшего в беспамятство вождя:

«Прошел одну комнату, заглянул в ванную комнату, осмотрел большой зал, но Сталина ни там, ни тут не было. Уже вышел из большого зала в коридор и обратил внимание на открытую дверь в малую столовую, из которой просачивалось электроосвещение. Заглянул туда и увидел перед собой трагическую картину. Сталин лежал на ковре около стола, как бы облокотившись на руку. Все во мне оцепенело. Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог. Я подбежал и спросил: «Товарищ Сталин, что с вами?» Он, правда, обмочился за это время и левой рукой что-то поправить хочет, а я ему: «Может, врача вызвать?» А он в ответ так невнятно: «Дз… Дз…» — дзыкнул и все. На полу валялись карманные часы 1-го часового завода, газета «Правда».

Сталин был без сознания и только хрипел.

Майор Лозгачев по внутреннему телефону призвал на помощь обоих прикрепленных — подполковника Старостина и Тукова. Вместе с ними прибежала и подавальщица-официантка объекта «Ближняя» сержант госбезопасности Матрена Ивановна Бутусова.

Она робко спросила вождя:

— Товарищ Сталин, вас положить на кушетку?

Показалось, он кивнул. Переложили его на большой диван, укрыли пледом.

Видимо, после отъезда гостей Сталин удалился в библиотеку. Здесь у него произошло внезапное кровоизлияние в мозг, и он не успел никого позвать. Потерял сознание и упал на пол у дивана. Так он и лежал несколько часов без медицинской помощи.

Прикрепленные, следуя инструкции, позвонили своему начальнику министру госбезопасности Игнатьеву, он же исполнял обязанности начальника управления охраны. Доложили, что нашли вождя на полу. Министр распорядился:

— Звоните товарищу Берии или товарищу Маленкову.

Дозвонились до Маленкова. Георгий Максимилианович был как бы старшим среди членов президиума ЦК. В два часа ночи он приехал на дачу, взяв с собой Берию. Один не решился! Офицеры доложили, что нашли Сталина на полу, подняли его и положили на диван. Теперь он вроде как спит.

В хорошо знакомой Маленкову и Берии малой столовой все было, как и день назад, когда они в последний раз приезжали на «ближнюю» дачу. В центре большой стол, чуть подальше — выход на застекленную веранду. Рядом спальня с ванной комнатой. Вождь лежал на диване, укрытый одеялом, и не реагировал на их появление. Отдыхает? Дремлет?

Гостям было сильно не по себе. Маленков с Берией даже не вошли в комнату: а вдруг Сталин проснется и увидит, что они застали его в таком положении? Поспешно уехали.

Утром сотрудники охраны доложили, что товарищ Сталин так и не пришел в себя. Тогда приехали уже втроем — Маленков, Берия и Хрущев. И только утром 2 марта у постели Сталина появились первые врачи — из Кремлевской больницы. К вечеру собрали лучших медиков Москвы. Все это были новые люди, потому что лечивших Сталина врачей почти всех арестовали. Медики ехали к вождю с дрожью в коленках — не были уверены, что благополучно вернутся домой.

Назначенный 27 января 1953 года министром здравоохранения (с поста директора Центрального института курортологии) Андрей Федорович Третьяков пояснил собравшимся врачам, что у вождя кровоизлияние в мозг с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Сталин тяжело дышал, иногда стонал. В сознание не приходил.

Первый доставленный к Сталину доктор боялся взять его за руку, чтобы измерить пульс. Приехал министр госбезопасности Игнатьев и боялся войти в дом. Вождь был без сознания, а они все еще трепетали перед ним. Можно сказать, что в определенном смысле Сталин убил себя сам. Он создал вокруг себя такую атмосферу страха, что его собственные помощники и охранники не решились помочь ему в смертный час.

Вождь недвижимо лежал на диване в большой столовой, куда его перенесли охранники. Диван отодвинули от стены, чтобы врачам было удобнее подойти к пациенту. У дивана поставили ширму. В полночь начался консилиум. Назначили лечение,

принятое в таких случаях, притащили столы, на которых разложили лекарства. Внесли медицинское оборудование.

3 марта утром врачи сказали Маленкову: летальный исход неизбежен.

Георгий Максимилианович, уже будучи на пенсии, рассказывал сыну Андрею:

— Я, Молотов, Берия, Микоян, Ворошилов, Каганович прибыли на «ближнюю» дачу Сталина. Он был парализован, не говорил, мог двигать только кистью одной руки. Слабые зовущие движения кисти руки. К Сталину подходит Молотов. Сталин делает знак — «отойди». Подходит Берия. Опять знак — «отойди». Подходит Микоян — «отойди». Потом подхожу я. Сталин удерживает мою руку, не отпуская. Через несколько минут он умирает, не сказав ни слова, только беззвучно шевеля губами.

Невозможно оспорить свидетельство участника событий, но, как говорят юристы, показания свидетеля не подтверждаются обстоятельствами дела. У Сталина случился инсульт, кровоизлияние в мозг. Он потерял речь. Правая половина тела была парализована. Несколько раз он открывал глаза, все бросались к нему, но неизвестно, узнавал ли он кого-то.

Берия въедливо допрашивал дежуривших у постели профессоров о малейших зигзагах в течении болезни. Похоже, соратников не покидала сосущая внутренняя тревога: кто знает, не выкарабкается ли Сталин, не преодолеет ли чудом болезнь?

Первое сообщение о болезни Сталина радио передало 4 марта в 6:30 утра.

Тем же утром под влиянием экстренных лечебных мер в ходе болезни Сталина как будто наступил просвет. Он стал ровнее дышать, приоткрыл один глаз, и присутствовавшим показалось, что во взоре его мелькнули признаки сознания. Более того, им почудилось, будто вождь хитровато подмигнул полуоткрывшимся глазом: ничего, мол, выберемся! Лаврентий Павлович как раз находился у постели. Увидев эти признаки возвращения сознания, он в страхе опустился на колени. Однако это продолжалось всего несколько мгновений.

К счастью для его соратников, Сталин так и не выздоровел.

В свой смертный час вождь был совершенно один. Как и все последние годы.

Он даже детей не хотел видеть. Дочь и сын подолгу не могли попасть к отцу. А ведь не так уж Сталин был занят, время для полуночных застолий с подчиненными у него находилось.

Несмотря на кавказское происхождение, он был бесконечно холодным человеком. Прекрасно отдавал себе отчет в том, что делает. Его поступки диктовались трезвым и циничным расчетом.

Он видел, что его решения не воспринимаются в стране так уж безоговорочно. Ему нужно было вселить во всех страх. Без этого система не работала. И вождь добился своего. От него исходил парализующий тело и душу страх.

Как выразился один из его подчиненных, Сталин на чувстве страха играл лучше, чем Паганини на скрипке. Ведь как он давал задания? Или сроки были нереальными, или приказ был отдан так, что как ни выполни, все равно будешь виноват.

Да были ли у него друзья?

Когда-то Молотов и Ворошилов наивно думали, что они с вождем друзья…

В юности Сталин познакомился с Сергеем Ивановичем Кавтарадзе, человеком фантастической судьбы. Выходец из дворянской семьи, он в восемнадцать лет присоединился к социал-демократам. Они дружили со Сталиным. Один год, с февраля 1922 по январь 1923 года, возглавлял правительство Советской Грузии. Но Кавтарадзе разделял взгляды Льва Троцкого, потому был исключен из партии и отправлен на поселение. Потом посажен. Отбыл первый срок — посадили вновь.

После смерти Сталина Кавтарадзе расскажет, что подписывал протоколы допросов, «находясь под постоянным действием невыносимых методов психического и физического воздействия — угрозы расстрелом, инсценировки расстрела, физическое и нервное изнурение, граничащее с умопомешательством, например, мне казалось, что у меня сохнет голова и сокращается череп».

В 1939 году его внезапно этапировали в Москву и доставили к наркому внутренних дел Берии. Лаврентий Павлович объявил, что его дело прекращено и он свободен. Кавтарадзе не поверил Берии. Но его с женой освободили, им дали жилье и работу. Возможно, в хорошую минуту Сталин вспомнил о друге своей юности. И неожиданно посетил старых друзей. Эта фантастическая история стала легендой. Вождь поздно вечером постучал в дверь коммунальной квартиры, в которой поселили Сергея Ивановича и Софью Абрамовну Кавтарадзе. Они просидели за столом полночи. После этого Сергея Кавтарадзе взяли на руководящую работу в Наркомат иностранных дел. Он стал заместителем наркома, поехал послом в Румынию.

Сталин любил красивые жесты. За всю жизнь он совершил всего несколько подобных поступков, но о них десятилетиями говорила вся страна.

Любил ли он кого-нибудь?

У Сталина было трое детей. Сына Якова родила первая, рано

умершая жена Екатерина (Като) Семеновна Сванидзе. Сына Василия и дочь Светлану родила покончившая с собой Надежда Аллилуева. Судьбы у всех — трагические.

Василий после его смерти попал в тюрьму и умер нестарым человеком. Светлана бежала из страны.

Сын вождя

Через три недели после смерти вождя, 26 марта 1953 года, приказом министра обороны маршала Булганина генерал-лейтенанта авиации Василия Иосифовича Сталина уволили в запас без права ношения военной формы. А через месяц, 28 апреля, сына вождя, с которого раньше пылинки сдували, арестовали.

Постановление об аресте подписал начальник следственной части по особо важным делам Министерства внутренних дел генерал-лейтенант Лев Влодзимирский.

Почему с сыном Сталина поступили так сурово?

Происки Лаврентия Павловича, который мстил сыну за отца? Но Берию через два месяца самого арестовали, за ним последовал и генерал Влодзимирский, а Василий Сталин продолжал сидеть.

Его обвиняли в том, что он пьянствовал, «на работу не являлся. Доклады своих подчиненных принимал у себя на квартире или на даче. Насаждал в подчиненном ему аппарате угодничество». Но за это не сажают. Обвинили в разбазаривании государственных средств. Но и это не самое тяжелое преступление. Настоящее обвинение ему предъявили по печально знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса — антисоветские высказывания.

Судили его ускоренным порядком, принятым после убийства Кирова в декабре тридцать четвертого: без адвоката и без прокурора. Это его отец придумал, чтобы поскорее отправлять на тот свет «врагов народа». Не думал, наверное, что это обернется против его собственного сына.

Дело Василия Сталина рассматривала Военная коллегия Верховного суда и 2 сентября 1955 года приговорила его к восьми годам лишения свободы. Его должны были отправить в лагерь, но держали во Владимирской тюрьме, подальше от людей. За что же такое суровое наказание? За то, что в пьяном виде обещал пойти к иностранным корреспондентам и сказать все, что он думает о нынешних руководителях страны?

В приговоре записали: за незаконное расходование и присвоение государственного имущества (злоупотребление служебным положением при особо отягчающих обстоятельствах — статья 193-17 Уголовного кодекса РСФСР) и за «враждебные выпады и антисоветские клеветнические измышления в отношении руководителей КПСС и Советского государства» (а это уже смертельно опасная статья 58–10).

Его сестра, Светлана Сталина, вспоминает, что Василия

арестовали после попойки с какими-то иностранцами. Потом уже, в ходе следствия, выплыли аферы, растраты, использование служебного положения. Следствие продолжалось два с лишним года. Чекисты арестовали адъютантов Василия, его сослуживцев, и те быстро подписали нужные следствию показания.

Но главное в другом — вернулись из мест не столь отдаленных люди, попавшие в тюрьму с легкой руки Василия Сталина. А это были не простые люди, а маршалы и генералы. Не только у крупных военных, но и у партийных руководителей действительно были основания ненавидеть младшего Сталина. Прежде всего у всесильного Георгия Максимилиановича Маленкова, которому Василий Сталин едва не сломал карьеру.

В 1946 году Сталин разослал членам политбюро письмо, в котором говорилось, что в авиапромышленности вскрыты крупные преступления — промышленность давала авиации негодные самолеты, а командование военно-воздушных сил закрывало на это глаза. Считается, что это генерал авиации Василий Иосифович Сталин пожаловался отцу на плохие самолеты.

Куратором авиационной промышленности был член политбюро и секретарь ЦК Георгий Максимилианович Маленков. 4 мая 1946 года Сталин специальным постановлением политбюро лишил его должности секретаря ЦК:

«Установить, что т. Маленков, как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов — над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП(б)».

В Министерстве государственной безопасности уже стали собирать показания на Маленкова, готовясь к его аресту. Следователи, занимавшиеся авиационным делом, не без удовольствия говорили: «Маленков погорел». Маленков тоже ждал ареста. Но Сталин передумал и вернул Маленкову свое расположение.

Так что же, выходит, Василия Сталина наказали за то, что он в свое время жаловался отцу на генералов и партийных чиновников? Отомстили? Это одна причина. Есть другая — он перестал быть небожителем, и ему уже не позволялись те вольности, которые прощались сыну вождя.

Василия не любил военный министр маршал Булганин, с которым младший Сталин вел себя запанибрата, если не сказать по-хамски. После смерти вождя все изменилось, но Василий Иосифович продолжал разговаривать с Булганиным, да и с

другими членами президиума ЦК так же, как и прежде.

Прилюдно сказал о Булганине:

— Убить его мало!

Слова Василия записывали и доносили руководству партии.

Василия Иосифовича вызвал начальник Главного управления кадров Министерства обороны генерал-полковник Александр Сергеевич Желтов, дал копию приказа об увольнении. Василий попросил дать ему какую-нибудь работу.

Булганин принял его. Предложил:

— Поедешь начальником аэроклуба в Моршанск?

Василий взорвался:

— Это должность для старшего лейтенанта. Я на нее не пойду.

Булганин сказал:

— Тогда у меня для тебя в армии места нет.

Видимо, был еще один мотив. Подсознательно, сажая младшего Сталина, члены президиума ЦК освобождались от мистического страха перед этим именем. Сталинского зятя — Юрия Андреевича Жданова, который заведовал в ЦК КПСС отделом, тоже выслали из Москвы. После смерти вождя беседу с ним провели сразу три секретаря ЦК — Суслов, Поспелов и Николай Николаевич Шаталин (только что избранный на эту высокую должность). Суслов поинтересовался:

— Где вы работали до аппарата ЦК?

— Был ассистентом в Московском университете.

— Видимо, вам целесообразно туда вернуться, — констатировал Суслов.

Но оставлять его в столице не хотели. Через неделю Жданова вызвали вновь, и Петр Поспелов сделал ему иное предложение:

— ЦК считает, что вам следует получить опыт местной партийной работы. Было бы полезно поработать в отделе науки Челябинского или Ростовского обкома.

Юрий Андреевич выбрал Ростов, где и остался. Больше его не трогали.

Первая жена Сталина умерла в 1907 году, через два месяца после рождения сына. Сталину некогда было им заниматься.

Когда Яков влюбился, отец запретил ему жениться. 19-летний юноша пытался покончить с собой — стрелял в себя. Остался жив, но пролежал в больнице три месяца. Сталин написал Надежде Аллилуевой: «Передай Яше от меня, что он поступил, как хулиган и шантажист, с которым у меня нет и не может быть больше ничего общего».

Известна еще одна издевательская фраза, в сердцах брошенная отцом сыну:

— Ха, не попал!

Яков все-таки женился, уехал в Ленинград к Аллилуевым. Родилась девочка. Но она умерла совсем маленькой. После этого брак развалился. Яков вернулся к отцу. В 1930 году Яков Джугашвили поступил в Институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1936 году получил диплом и назначение на московский завод ЗИС — завод имени Сталина. Познакомился с Ольгой Голышевой, приехавшей в Москву учиться. Однако брак с Ольгой так и остался не зарегистрирован. Когда она уже ждала ребенка, начались размолвки. Рожать Ольга уехала в Урюпинск к родителям. Яков туда не поехал, но по его настоянию сыну все-таки присвоили фамилию Джугашвили.

В 1937 году по совету отца Яков поступил в Артиллерийскую академию. В 1938 году женился в третий раз на Юлии Мельцер. У них родилась дочка Галя. Яков Иосифович окончил Артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского в мае 1941 года и получил назначение в 14-й гаубичный артиллерийский полк 14-й танковой дивизии.

23 июня 1941 года, на второй день войны, Яков Джугашвили отправился на фронт. Отец повидать его не пожелал. Дивизию, стоявшую под Москвой, перебросили на Западный фронт. 26 июня Яков отправил жене короткую открытку из Вязьмы, обещал написать подробнее, но уже не успел.

11 июля 1941 года немцы ворвались в Витебск. В результате сразу три наши армии оказались в окружении. В их числе 14-й гаубично-артиллерийский полк 14-й танковой дивизии, в котором командиром батареи служил старший лейтенант Джугашвили. Некоторые подразделения прорвались, и командование полка, не зная, что Джугашвили из окружения не вышел, представило его к ордену Красного Знамени. Но награду Яков не получил. В Москве уже знали, что он в плену.

Он, как это делали многие, закопал документы, но 16 июля был взят в плен. Видимо, он поспешил признать себя сыном Сталина, боясь погибнуть в лагере. 17 июля ему разрешили (или его заставили) написать отцу короткое письмо, которое по дипломатическим каналам попало в Москву:

«Дорогой отец!

Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германии.

Обращение хорошее.

Желаю здоровья. Привет всем.

Яша».

Его фотографии использовались в немецких листовках, которые сбрасывались над расположением советских войск. В

одной из них говорилось:

«По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к немцам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными.

Собственный сын Сталина своим примером доказал, что это ложь. Он сдался в плен, ПОТОМУ ЧТО ВСЯКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ ОТНЫНЕ БЕСПОЛЕЗНО!

Следуйте примеру сына Сталина — он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда даже сын вашего верховного заправилы уже сдался в плен».

Можно представить себе, что вождь был взбешен. Он требовал, чтобы красноармейцы сражались до последнего и предпочитали смерть плену, а тут нелюбимый сын преподнес ему такой сюрприз!

Многие восхищались фразой Сталина из фильма «Освобождение», когда он на предложение немцев обменять его сына, взятого в плен, на немецкого военачальника будто бы ответил:

— Я простого солдата на фельдмаршала не меняю.

Считается, что Гитлер пытался выручить попавшего в плен бывшего командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса, а Сталин ему отказал. На самом деле возникла идея обменять старшего лейтенанта Красной армии Якова Джугашвили, томившегося в лагере для военнопленных с июля 1941 года, на лейтенанта вермахта Лео Раубаля. Племянник Гитлера в 1943-м оказался в плену в Сталинграде. Обмен был бы равнозначным: сына на племянника, лейтенанта на лейтенанта. Так что приписываемая Сталину фраза — миф.

А ведь эти слова означали, что вождь безжалостен и к своим детям, и к чужим. Отец мог спасти сына, обменяв на пленного немца, и в этом не было бы ничего дурного. Но не захотел. Мало кто думал о том, что в этом человеке умерли даже отцовские чувства. Похоже, своего первенца он просто не любил. Как-то раз довольно зло сказал о Якове:

— Его ничто не спасет, и стремится он ко мне, потому что ему это выгодно.

Сталину не нравилась и невестка. Когда Яков Джугашвили попал в плен, его жену арестовали. Вождь велел разобраться с невесткой: не причастна ли она к сдаче сына в плен? Безумное предположение…

Сейчас некоторые историки утверждают, что настоящий Яков Джугашвили погиб на поле боя, а за сына Сталина выдавал себя

кто-то другой. Но не обнародованы факты, которые позволили бы оспорить то, что сын вождя попал в плен летом 1941 года и погиб два года спустя. Сам Сталин нисколько в этом не сомневался, как и сотрудники советских спецслужб. Если бы обнаружились хотя бы малейшие сомнения, Сталин бы назвал обращавшегося к нему из плена человека самозванцем.

Василий Сталин, узнав, что старший брат в плену, презрительно заметил:

— Вот дурак — не мог застрелиться.

Явно повторял чьи-то слова. Отцовские?

Василий Сталин не вынес этой тяжкой ноши — быть сыном великого вождя. Слишком большие надежды возлагались на него. И слишком быстро отец в нем разочаровался. Увидел, что наследника из него не получится.

С отцом у него отношений почти не было, как и у Светланы. Отец смотрел на них с сожалением. Ни сын, ни дочь не могли пробудить в нем отцовскую любовь. Может быть, Сталину и вовсе не были доступны эти чувства. Он вспоминал о Василии, лишь назначая его на очередную высокую должность или снимая с нее.

С одной стороны, избалованный, с другой, лишенный нормальной семьи, тепла и ласки, Василий воспитывался сталинской охраной. В нем рано проявились наглость и заносчивость, нежелание чему бы то ни было учиться и привычка наслаждаться жизнью. Благо он был одним из немногих в стране, кому это позволялось. И до смерти отца его окружали подхалимы и собутыльники.

Летом 1948 года Василий стал командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Ему было всего двадцать семь лет. В мае 1949 года отец произвел его в генерал-лейтенанты. Присвоение высокого звания стало поводом для бесконечных пьянок.

9 декабря 1950 года начальник Лечебно-санаторного управления Кремля Егоров доложил Сталину:

«Считаю своим долгом доложить Вам о состоянии здоровья Василия Иосифовича.

Василий Иосифович страдает истощением нервной системы, хроническим катаром желудка и малокровием. Причиной указанных заболеваний является чрезмерное злоупотребление алкоголем.

16 ноября с. г. у Василия Иосифовича внезапно (дома, около часу ночи, во время просмотра кинокартины) развился эпилептический припадок — полная потеря сознания, общие судороги мышц тела, прикус языка и выделение из полости рта пенистой жидкости…. К сожалению, за последние семь — десять

дней Василий Иосифович вновь стал много пить, и в связи с этим снова появились симптомы резкой интоксикации (отвращение к пище, похудение, повышенная раздражительность, плохой сон).

Убеждения и требования врачей прекратить употребление спиртных напитков ни к чему не привели. Прошу Вашего содействия».

27 июля 1952 года в Тушине проходил парад по случаю праздника воздушного флота, им по должности командовал Василий Сталин. Вечером был устроен прием. Василий явился уже пьяным. В присутствии отца по-хамски вел себя с офицерами, на людях обругал главнокомандующего военно-воздушными силами страны.

Сталин-старший разгневался. Василия 13 августа 1952 года откомандировали в распоряжение главнокомандующего ВВС, а 5 сентября зачислили слушателем в Военную академию Генерального штаба. Но на занятия он не ходил, сидел на даче и пил. 21 декабря он приехал поздравить отца с днем рождения, но, по словам сотрудников сталинской охраны, разговор не получился. Василий вернулся к бутылке. Так продолжалось, пока отец не умер, а его не арестовали…

Во Владимирской тюрьме сына вождя держали под фамилией Васильев. Он, совсем еще молодой человек, уже сильно болел — видимо, на почве неумеренного употребления горячительных напитков. Да и советская тюрьма быстро разрушает здоровье.

Хрущев как-то поинтересовался у председателя КГБ Шелепина:

— А как ведет себя Василий Сталин? Поговорите с ним, посоветуйтесь со Светланой.

Сталин-младший поклялся Шелепину, что будет вести себя достойно.

Хрущев сказал:

— Я за то, чтобы его освободить.

Исполняя волю первого секретаря, 5 января 1960 года председатель КГБ Шелепин и генеральный прокурор Руденко доложили в ЦК:

«Сталин В.И. содержится в заключении шесть лет восемь месяцев. За этот период времени администрацией мест лишения свободы характеризуется положительно. В настоящее время он имеет ряд серьезных заболеваний (заболевание сердца, желудка, сосудов ног и другие недуги). Учитывая вышеизложенное, просим ЦК КПСС рассмотреть следующие предложения:

применить к Сталину В.И. частную амнистию, освободить его от дальнейшего отбывания наказания и снять судимость;

поручить Моссовету предоставить Сталину В.И. в г. Москве

трехкомнатную квартиру;

поручить министерству обороны СССР назначить Сталину пенсию в соответствии с законом, предоставить ему путевку в санаторий сроком на три месяца и возвратить изъятое при аресте лично принадлежавшее ему имущество;

выдать Сталину В.И. тридцать тысяч рублей в качестве единовременного пособия».

8 января предложения Шелепина и Руденко были приняты.

11 января Василия Сталина досрочно освободили. Но ничем из того, что ему обещали, он воспользоваться не успел. Запил, и через три месяца, 16 апреля, его вновь арестовали «за продолжение антисоветской деятельности». Речь шла о том, что он побывал в китайском посольстве, где сделал «клеветническое заявление антисоветского характера», как говорилось в документах КГБ. Василий Иосифович просил китайское посольство разрешить ему поехать в Пекин для лечения. Отпускать сына вождя в Китай, отношения с которым портились на глазах, партийное руководство не собиралось.

С Василием Сталиным по-отечески беседовал председатель Президиума Верховного Совета Ворошилов. Престарелый маршал корил его за выпивки:

— Я тебя знаю со дня, когда ты появился на свет, приходилось нянчить тебя. И я желаю тебе только добра. Но сейчас буду говорить тебе неприятные, плохие вещи. Ты должен стать другим человеком. Ты еще молодой, а вот какая у тебя лысина. У отца твоего не было, хотя он дожил до семидесяти четырех лет. Все это потому, что ты ведешь слишком бурную жизнь, живешь не так, как нужно. Ты носишь фамилию великого человека, ты его сын, и не должен это забывать..

Василий Сталин каялся и просил дать ему работу. Хрущеву беседа Ворошилова со Сталиным не понравилась. 15 апреля он устроил обсуждение их разговора. Все члены президиума ЦК, как один, накинулись на Ворошилова, хотя ничего дурного Климент Ефремович не сделал, в отношении же Сталина-младшего и вовсе не стеснялись в выражениях.

— Василий Сталин — это антисоветчик, авантюрист, — говорил Михаил Андреевич Суслов, член президиума и секретарь ЦК. — Надо пресечь его деятельность, отменить указ о досрочном освобождении и водворить его обратно в заключение.

— Василий Сталин — государственный преступник, — согласился Алексей Николаевич Косыгин, член президиума ЦК и заместитель Хрущева в правительстве. — Его надо изолировать. А товарищ Ворошилов неправильно себя ведет.

В решении президиума ЦК записали:

«В связи с преступным антиобщественным поведением В. Сталина отменить постановление Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1960 года о досрочном освобождении В. Сталина от дальнейшего отбытия наказания и снятии судимости; водворить В. Сталина в места лишения свободы для отбытия наказания согласно приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 2 сентября 1953 года».

Василия Сталина вернули в тюрьму отбывать наказание полностью. Через год срок заключения закончился. Пускать его в Москву не хотели. Шелепин и Руденко предложили «в порядке исключения из действующего законодательства направить В.И. Сталина после отбытия наказания в ссылку сроком на пять лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В случае самовольного выезда из указанного места, согласно закону, он может быть привлечен к уголовной ответственности».

28 апреля 1961 года Василия Иосифовича этапировали в Казань. Доставили к председателю КГБ Татарии, который объяснил сыну вождя, что в течение ближайших пяти лет покидать город ему нельзя. На свободе Василий Сталин, уже тяжелобольной человек, прожил меньше года. Ему дали однокомнатную квартиру, положили пенсию в сто пятьдесят рублей. Он постоянно выпивал. Собутыльникам, соседям и просто случайным людям охотно рассказывал о себе, многозначительно объяснял:

— Посадили меня, потому что я слишком много знаю.

Он долго не получал паспорта, потому что от него требовали изменить фамилию на Джугашвили, а он наотрез отказывался. Наконец местный КГБ с ним сторговался. Василий требовал дать квартиру побольше, увеличить пенсию и выделить ему машину. Москва согласилась с его требованиями.

9 января 1962 года ему выдали паспорт. Он сразу же женился на медицинской сестре Марии Игнатьевне Шеваргиной. Она ухаживала за ним в Институте хирургии имени А.В. Вишневского, где он лежал после тюрьмы, и последовала за ним в Казань.

В квартире стояла аппаратура прослушивания, так что чекисты знали, что Василий продолжал поносить Хрущева:

— Кто такой Никита? Он был секретарем партбюро в академии, и там мать училась. Она привела его в дом. Отец его — трах — секретарем райкома партии. Трах — вторым секретарем МК. Трах — первый секретарь МК и секретарь ЦК…

Он очень плохо выглядел. Врачи с трудом выводили его из запоя. 14 марта 1962 года к нему домой пришел преподаватель Ульяновского танкового училища. Выходец из Грузии, он принес с собой большое количество красного вина. Трехдневный запой

привел к алкогольной интоксикации, и сердце Василия Сталина не выдержало.

19 марта новый председатель КГБ Владимир Ефимович Семичастный доложил Хрущеву: «По предварительным данным, причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем. Джугашвили, несмотря на неоднократные предупреждения врачей, систематически пьянствовал».

Председатель КГБ предложил похоронить бывшего генерала Василия Иосифовича Джугашвили в Казани без военных почестей. Предложение было принято.

Ранняя смерть Василия Сталина породила слухи о том, что его убили. Кто это мог сделать и зачем?

В 1962 году Георгий Маленков, исключенный из партии, уже был отправлен на пенсию. У Хрущева личного отношения к Василию Сталину не было. И вообще у власти уже находились новые люди, которые Василия Иосифовича практически не знали.

Может быть, КГБ действительно приложил руку к ранней смерти сына вождя? Ходили слухи, которые многим кажутся очень похожими на правду. В Казани за ним ухаживала медсестра, которая заставила его на себе жениться и удочерить ее детей. Уверяют, что она была осведомителем КГБ и умертвила его — делала специальные уколы. Правда, непонятно, зачем ей было убивать человека, которого она на себе женила?

Да и зачем КГБ устранять Василия Сталина? Если бы он опять начал откровенничать с собутыльниками, его бы просто посадили. К тому же организовать «мокрое дело» было уже не так просто. Председатель КГБ должен был составить бумагу, первый секретарь ЦК, то есть в данном случае Хрущев, подписать ее. Нужно было найти исполнителей, которые не станут думать о том, что следующее начальство может их за это и посадить. Таких случаев в послесталинское время не было; во всяком случае, об этом ничего не известно, хотя после 1991 года документы госбезопасности о наиболее одиозных преступлениях были рассекречены.

Ходили еще слухи, что на самом деле медсестра, которая ухаживала за Василием, сумела с помощью знакомых в милиции получить для него паспорт на вымышленную фамилию и увезла его в Геленджик. И будто бы есть люди, которые его там видели: он выпивал с мужиками в сквере на лавочке. И мужики не подозревали, что пьют с сыном Сталина, и он ни словом не выдал себя.

В реальности управление КГБ по Татарской АССР провело тщательную проверку обстоятельств смерти Василия Иосифовича, включая судебно-медицинскую экспертизу. Нет оснований

сомневаться в том, что Василий Сталин умер своей смертью. Он умер сравнительно молодым, потому что неразумно распорядился своей жизнью. Правда, виноват он в этом только частично: угораздило же его родиться в семье, где никто не был счастлив и не мог дать счастья другим.

Дочь вождя

Когда-то Светлане Сталиной завидовали миллионы. Люди в мечтах представляли себе ее фантастически счастливую жизнь. Как далеки они были от реальности!

Ей было всего шесть лет, когда ее мать, Надежда Аллилуева, застрелилась. Но о том, что в реальности произошло с матерью, Светлана узнает через много лет. Она писала об отце: «Смерть мамы страшно ударила его, опустошила, унесла у него веру в людей и в друзей… И он ожесточился».

После рокового выстрела в Кремле сама Светлана оказалась в полнейшем одиночестве. Дочь вождя была лишена друзей и подруг, радостей общения с людьми.

Отношения с отцом у Светланы складывались очень сложно. В детстве она была его любимицей. Потом что-то случилось: то ли он разочаровался в девочке, то ли окружающие вовсе ему опротивели, но дочь стала его раздражать. Она страдала и подсознательно искала мужчину, который бы не только подарил ей свободу, но и был бы в какой-то степени похож на отца. Не потому ли все браки Светланы оказались неудачными и быстро распадались? Ни один из ее мужчин не принес ей подлинного счастья. Но и мужчинам ее пришлось несладко. Человек, которого она полюбила первым, десять лет провел в местах не столь отдаленных. Суровая плата за одно любовное свидание.

С известным сценаристом Алексеем Яковлевичем Каплером, которого люди старшего поколения еще помнят как замечательного ведущего популярной телепрограммы «Кинопанорама», ее познакомил брат. Это были ноябрьские праздники. Каплер и Светлана танцевали модный тогда фокстрот. Ей так хотелось с кем-нибудь поговорить откровенно! И она встретила взрослого и умного человека, готового ее слушать.

Между ними была разница в двадцать два года. По его сценариям поставили популярные фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в восемнадцатом году», «Котовский». Светлана еще училась в школе. Каплер приходил к ее школе, стоял в подъезде соседнего дома. Подойти боялся. Сотрудники 1-го отдела НКВД, ведавшие охраной руководителей партии и правительства, неотступно следовали за дочкой вождя.

Каплер улетел в Сталинград. Однажды в «Правде» Светлана Сталина прочитала статью военного корреспондента Каплера, написанную в форме писем с фронта любимой женщине. Она сразу поняла, что это адресовано именно ей. Статья заканчивалась словами: «Сейчас в Москве, наверное, идет снег. Из

твоего окна видна зубчатая стена Кремля…»

Поняла не только она.

14 декабря 1942 года начальник управления пропаганды и агитации ЦК Георгий Федорович Александров представил секретарям ЦК Андрееву, Маленкову и Щербакову докладную записку:

«В сегодняшнем номере газеты «Правда» опубликован антихудожественный рассказ А. Каплера «Письма лейтенанта Л. из Сталинграда». От начала и до конца рассказ заполнен ходульными, шаблонными, затертыми, как стертая копеечная монета, словами.

Письмо обращено к любимой девушке, но у автора рассказа не нашлось ни одного яркого слова или образа для передачи чувства лейтенанта Л. к самому близкому другу. Из трехсот строк письма об этом можно прочитать только две-три надуманные и легкомысленные фразы… Все остальное в письме — посредственные рассуждения, заимствованные из заурядной и трафаретной газетной корреспонденции…

В целом рассказ А. Каплера антихудожествен.

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) считает необходимым указать редколлегии «Правды» на то, что она допустила ошибку, опубликовав этот рассказ.

Проект постановления ЦК ВКП(б) по этому поводу прилагается».

На следующий день, 15 декабря 1942 года, секретариат ЦК постановил:

«ЦК ВКП(б) считает, что редакция газеты «Правды» поступила неправильно, опубликовав антихудожественный рассказ А. Каплера «Письма лейтенанта Л. из Сталинграда», в котором явно неправдиво и надуманно выведены действующие лица и их отношения друг к другу».

Светлана не знала, что все ее телефонные разговоры прослушивались и записывались. Начальник сталинской охраны генерал Власик велел предупредить Каплера, что ему бы лучше уехать из Москвы. Но тот влюбился по уши и не внял предупреждению.

3 марта 1943 года Алексея Каплера, лауреата Сталинской премии первой степени, кавалера ордена Ленина, арестовали. Обвинили в том, что он «поддерживал близкую связь с иностранцами, подозрительными по шпионажу». Речь шла об иностранных деятелях культуры, приезжавших в Советский Союз. Встречи с ними проходили по решению ЦК и под присмотром чекистов.

25 ноября 1943 года Особое совещание постановило:

«Каплера А.Я. за антисоветскую агитацию заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет». Его отправили на Север, в Воркуту. Он отсидел пять лет и в сорок восьмом году приехал в Москву. Это была ошибка. Вероятно, чекисты боялись, что он вновь встретится с дочерью вождя. Его арестовали и дали еще пять лет лагерей.

Тяжелый, деспотичный характер Сталина не позволял ему примириться с тем, что дочь уже взрослая и имеет право на собственную жизнь, на любовь. Но желание Светланы вырваться из Кремля на свободу только усилилось. Как только ей исполнилось восемнадцать лет, она вышла замуж за одноклассника своего брата — Григория Морозова. Ей так хотелось обрести какого-то близкого человека, хоть кого-нибудь, кто будет ее любить и думать о ней…

Отец был недоволен зятем-евреем, но пробурчал:

— Черт с тобой, делай что хочешь…

Потребовал, чтобы она никогда не являлась к нему с мужем. Только когда она развелась, Сталин пригласил ее летом вместе отдохнуть. Когда Светлана Сталина и Григорий Иосифович Морозов разошлись, ему запретили видеться с сыном. Когда Светлана в восьмидесятых годах неожиданно вернулась в Советский Союз, Морозов ей помогал. Евгений Максимович Примаков, который дружил с Морозовым, полагает, что Светлана рассчитывала на возобновление отношений. Но было поздно.

Она вновь вышла замуж за перспективного партийного работника Юрия Жданова.

«Наш брак со Светланой, — рассказывал много позже Жданов, — состоялся в апреле 1949 года. В те времена наша семья и Светлана обитали в условиях кремлевского затворничества. Светлана была на похоронах моего отца. Потом мы стали встречаться на нашей квартире. Я с утра до вечера на работе, мать одна в кремлевском заточении. Светлана разделяла ее одиночество. Наши встречи участились, и дело закончилось браком.

Я засадил Светлану за выписывание библиографических карточек из Маркса, Ленина, Павлова для своей работы. Она все делала очень аккуратно, некоторые карточки я храню по сей день. Но, видно, допустил психологический промах: Светлана стремилась к собственной литературной работе, стремилась к самовыражению. Это я проглядел, что и послужило причиной утраты контакта, а потом и развода».

Попав в семью главного партийного идеолога Жданова, Светлана была потрясена обилием сундуков, набитых «добром», и вообще сочетанием показной, ханжеской «партийности» с

махровым мещанством. Почему-то принято восхищаться аскетизмом высших советских чиновников. Это иллюзия, просто их жизнь протекала за высокими заборами, чекисты надежно оберегали «скромный быт» начальства от посторонних глаз.

Осенью пятьдесят второго династический брак развалился.

Светлана Аллилуева писала отцу:

«Что касается Юрия Андреича Жданова, то мы с ним решили расстаться. Это было вполне закономерным завершением, после того, как мы почти полгода были друг другу ни муж, ни жена, а неизвестно кто, после того как он вполне ясно доказал мне — не словами, а на деле, — что я ему ничуть не дорога и не нужна, и после того, как он мне вторично повторил, чтобы я оставила ему дочку.

Нет уж, довольно с меня этого сушеного профессора, бессердечного «эрудита», пусть закопается с головой в свои книжки, а семья и жена ему вообще не нужны, ему их вполне заменяют многочисленные родственники. Словом, я ничуть не жалею, что мы расстались, а жаль мне только, что впустую много хороших чувств было потрачено на него, на эту ледяную стенку!»

И о таких важнейших в своей жизни событиях Светлана не могла рассказать отцу лично, потому что вождь от всего отгородился и не желал ее видеть. Она потом с горечью напишет об этом: «Когда он отвечал мне злым, раздраженным голосом — «я занят» и бросал трубку телефона, то я после этого долго не могла собраться с духом и позвонить».

Даже дочери было не просто позвонить ему. Она набирала номер ответственного дежурного службы охраны на «ближней» даче. Тот отвечал: «есть движение» или «движения пока нет», что означало — Сталин не передвигается по комнате, то есть спит или читает. Если «движения нет», звонить не следует.

После XX съезда Светлана встретилась с вернувшимся из казахстанской ссылки своим кузеном Иваном Александровичем Сванидзе (племянником первой жены Сталина). При рождении его назвали Джонридом в честь американского журналиста, написавшего знаменитую книгу об октябрьской революции — «Десять дней, которые потрясли мир». Сванидзе лишился родителей в одиннадцать лет — отца, Алексея Семеновича, считавшего, что они со Сталиным не только родственники, но и близкие друзья, в 1938 году расстреляли — как «немецкого шпиона» (он работал торгпредом в Германии), а мать — оперную певицу — и сестру расстреляли в 1941-м. Иван Сванидзе и Светлана Аллилуева сошлись. Но две истерзанных души не могли дать покоя и утешения друг другу.

После смерти отца личная жизнь Светланы Аллилуевой

оставалась предметом постоянного беспокойства высшей власти. Особенно с того момента, когда она познакомилась с иностранцем. Индийский коммунист Раджи Бридж Сингх жил в Москве и работал переводчиком в Издательстве иностранной литературы. Их роман протекал под неусыпным вниманием оперативных работников 7-го управления КГБ.

Мешать Светлане, зная ее характер, не решились. Следили неотступно. Но чекисты напрасно опасались, что Светлану кто-то пытается завербовать. Она была человеком очень самостоятельным и, несмотря ни на что, вышла замуж за индуса. Но ей опять не повезло. Муж — он был значительно ее старше — оказался человеком больным. И умер у нее на руках. Он завещал похоронить его на родине. Светлана попросила разрешения исполнить его последнюю волю.

В политбюро не хотели выпускать ее за границу, словно что-то предчувствовали! Но ее покойный муж был коммунистом, Индия — более чем дружественная страна, и оснований отказать не нашлось. Светлану скрепя сердце отпустили, правда, в сопровождении двух чекистов. Но те не уследили.

7 марта 1967 года, когда в Москве готовились достойно отметить день международной солидарности женщин, дочь Сталина пришла в американское посольство в Дели и попросила политического убежища. Ее вывезли в Италию, потом в Швейцарию, а оттуда уже доставили в Соединенные Штаты.

Бежав на Запад, Светлана Аллилуева засела за книгу воспоминаний «Двадцать писем к другу». Она нарисовала портрет отца, который повсюду видел врагов: «Это было уже патологией, это была мания преследования от опустошения, от одиночества… Он был предельно ожесточен против всего мира».

Светлана писала не столько об отце-преступнике, сколько о своей никчемной, дурацкой, двойной, бесполезной и бесперспективной жизни, полной жесточайших потерь и горчайших разочарований и утрат. Близость к власти может дать человеку комфорт, почести, показное уважение, но не делает человека счастливым. В восьмидесятых годах она вернулась в СССР, но не смогла здесь обосноваться и вновь покинула родину — на сей раз навсегда.

Чекистские игры с ядами

В тот мартовский день, у тела вождя, Василий Сталин первым закричал, что отца убили. Детей Сталина, Светлану и Василия, привезли на «ближнюю» дачу 2 марта.

Василий был сильно пьян. Он ушел в помещение охраны, еще выпил и кричал, что «отца убили». Так думал не он один. «Врачей-вредителей» арестовали, а вождя не уберегли. Значит, не всех взяли?

Министерство государственной безопасности в те мартовские дни составляло отчеты о настроениях в связи с болезнью Сталина. Отчет о настроениях в армии, датированный 5 марта 1953 года, рассекречен.

«В тяжелой болезни т. Сталина виновны те же врачи-убийцы. Они дали т. Сталину отравляющие лекарства замедленного действия».

«У т. Сталина повышенное давление, а его враги направляли на юг лечиться. Это тоже, видимо, делали врачи».

«Возможно, т. Сталин тоже отравлен. Настала тяжелая жизнь, всех травят, а правду сказать нельзя. Если не выздоровеет т. Сталин, то нам надо пойти на Израиль и громить евреев».

Ходили зловещие слухи. Одни утверждали, что Сталина сразил инфаркт, другие, что его разбил паралич, а третьи были уверены: вождя отравили.

Кто мог это сделать? Чаще всего звучит имя Берии. Он чувствовал, что Сталин готовится его устранить, и опередил вождя. Убрал всех преданных Сталину людей, в частности начальника охраны Власика, и окружил вождя своими людьми. А в нужный момент Лаврентий Павлович приказал сотруднику управления охраны Министерства госбезопасности сделать Сталину укол.

Подобрать смертельный яд было не сложно — в токсикологической спецлаборатории, входившей в состав Министерства госбезопасности. Берия только начинал работу в НКВД, когда в конце 1938 года к нему обратился руководитель спецлаборатории Григорий Майрановский: препараты необходимо проверять на живых людях. Иначе как гарантировать эффективность создаваемого ими оружия уничтожения врагов советской власти?

Берия распорядился передавать пытливым ученым приговоренных к расстрелу. Знал, что спецлаборатория создана с личного разрешения Сталина.

Григория Майрановского вместе с его сотрудниками-

токсикологами взяли в аппарат госбезопасности в августе 1937 года, еще до прихода на Лубянку Лаврентия Павловича, из Всесоюзного института экспериментальной медицины, основанного до революции принцем Александром Ольденбургским, правнуком императора Павла Первого.

Работая в НКВД, Майрановский защитил докторскую диссертацию и стал профессором. Его лаборатория в войну входила в состав 4-го управления НКВД (террор и диверсии в тылу противника), которым руководил вошедший в историю спецслужб человек, — Павел Анатольевич Судоплатов. После войны лабораторию подчинили отделу оперативной техники Министерства госбезопасности.

Помимо токсикологической лаборатории существовала и бактериологическая — под руководством известного микробиолога доктора биологических наук Сергея Николаевича Муромцева. Когда готовили убийство Троцкого, возникла идея — заразить бактериями туберкулеза или легочной чумы книгу и отослать бывшему председателю Реввоенсовета республики. Лев Давидович начнет читать книгу и заразится. Об этом рассказал на допросе бывший начальник 4-го спецотдела майор госбезопасности Михаил Сергеевич Алехин, которому подчинялись обе лаборатории.

Существовали словно два Муромцева. Один — директор Научно-исследовательского института эпидемиологии и микробиологии имени Н.Ф. Гамалеи Академии медицинских наук, лауреат Сталинской премии второй степени, академик ВАСХНИЛ, которого коллеги называли «выдающимся ученым в области медицинской и ветеринарной микробиологии». А второй, полковник, до 1951 года тайно трудился в бактериологической лаборатории ведомства госбезопасности. На допросе в 1954 году он признал, что произвел восемь «опытов». Люди были убиты. Уголовное дело против него возбуждать не стали.

Задача состояла в том, чтобы не только убить, но и скрыть реальную причину смерти. Профессор Майрановский и его помощники опробовали все методы. Подмешивали яд в пищу. Делали инъекции. Кололи зонтиком и тростью, этот метод впоследствии возьмут на вооружение. Иногда в людей, превращенных в подопытных кроликов, стреляли отравленными пулями. Или вводили яд в подушку, чтобы человек умер во сне.

В некоторых случаях люди умирали долго и мучительно. Иногда агония продолжалась двое суток. Григорий Майрановский рассказывал, что хуже всего пришлось тем десяти людям, которых он отравил аконитином (парализующий препарат растительного происхождения):

— Мне самому становится жутко, когда я это вспоминаю…

Комендант Лубянки генерал Василий Блохин рассказывал:

— При умерщвлении доставленных арестованных путем введения различных ядов присутствовал я или дежурные. Но во всех случаях, когда умерщвление уже было произведено, я приходил, чтобы закончить всю операцию.

Генерал Блохин записывал фамилии отравленных в тетрадку, которую потом сжег. Но сохранились полторы сотни протоколов об испытаниях ядов на живых людях…

Работа шла на первом этаже здания НКВД в Варсанофьевском переулке или в подвале. Допуск в лабораторию из оперативного состава имел только генерал-лейтенант Судоплатов и его помощник. Иногда Судоплатов сам просил испытать тот или иной яд. Сотрудникам лаборатории объясняли, что смертельные препараты необходимы для операций за кордоном. Но яды были востребованы и дома. Разрешение на применение яда давали Берия или его заместитель Меркулов.

Кроме того, испытывали на арестованных различные наркотические вещества для получения правдивых показаний — искали сыворотку правды.

Майрановского посадили в декабре 1951 года по делу Абакумова.

В 1953 году, уже после ареста Берии, полковник медицинской службы и орденоносец Майрановский показал на допросе, что по заданию генерала Судоплатова участвовал в убийстве неизвестных ему людей на конспиративных квартирах в Москве. Яд подмешивали к пище или выпивке. Если не действовал, делали укол. Майрановский с гордостью писал: «Моей рукой был уничтожен не один десяток заклятых врагов Советской власти».

Через несколько лет председатель КГБ Владимир Семичастный и генеральный прокурор СССР Роман Руденко констатировали: «Майрановский испытывал на живых людях сильнодействующие яды, предназначенные для проведения тайных убийств. Бесчеловечные опыты он с ведома Берия и Меркулова проводил на заключенных, а также на лицах, специально похищавшихся для этой цели на улице. Было умерщвлено не менее 150 человек, многие из которых, как теперь установлено, были репрессированы и погибли невинно».

Так что убивать людей научились. Вопрос в другом: имел ли в пятьдесят третьем году Берия доступ к этим ядам? Были в его распоряжении люди, готовые исполнить такой приказ?

Лаврентий Павлович воспринимается как многолетний руководитель чекистов. В реальности он был давно отстранен от ведомства госбезопасности. Берия лишился власти над

чекистами. Не он подбирал кадры сталинской охраны. Не он арестовывал лечивших вождя врачей. Лаврентий Павлович, если бы и захотел, не имел практической возможности сократить земной срок Сталина. Так и предположение о причастности Берии к кончине Сталина — не более чем миф.

Но разговоры о том, что вождя убили, продолжаются. Чаще всего об этом твердят его пламенные поклонники. Убийцу Сталина ищут среди его ближайшего окружения. Иначе говоря, воспринимают тогдашнее руководство страны — людей, которых сам Сталин вознес на вершину власти, — как шайку преступников, ненавидевших друг друга и способных на все. Это эмоциональное восприятие недалеко от истины.

Сталин привел на вершину власти и окружил себя людьми с криминальным складом ума, людей, у которых руки по локоть в крови. Такие ядом угостят и бровью не поведут… Но справедливости ради заметим, что в смерти вождя в тот мартовский день пятьдесят третьего ни вины их, ни заслуги нет.

Соратники вождя, знавшие, каков Сталин в реальности, сознавали, что им уготована не персональная пенсия, а арест и смерть. Ни один самый близкий ему человек не мог быть уверен в его расположении. Сталин легко избавлялся от самых верных слуг. Вот почему в мартовские дни 1953 года у тела вождя те, кого он сам вырастил и выдвинул, не могли скрыть своей радости.

Даже считавшийся самым близким к вождю Молотов, чье пергаментно-желтое лицо не покидало выражение постоянной настороженности, как будто каждый момент ему угрожает смертельная ловушка, расслабился после смерти вождя: исчез страх. Так что у многих из тех, кто лил слезы у гроба Сталина, это были первые слезы радости за свою жизнь.

Часть третья
Борьба за власть со смертельным исходом

«Одобрить действия т. Берии»

Когда в первые мартовские дни 1953 года врачи дали понять, что вождь безнадежен, его соратники собрались и с «ближней» дачи уехали в Кремль. Они сразу прошли в сталинский кабинет. Поговаривали, будто они искали некую черную тетрадь, куда уходящий в мир иной вождь записывал нечто важное — не то политическое завещание, не то нелицеприятные оценки соратников.

Сталинского завещания не нашли. И есть большие сомнения, что оно существовало. Вождь не собирался умирать. Или кому-то передавать власть. Но его воспитанники и не нуждались в советах, как делить наследство.

Много разговоров ходит о том, кого именно Сталин видел своим преемником. Называются самые разные имена. Тогда на этот счет ни у кого не было сомнений. Об этом свидетельствовал номер партийного билета члена президиума, секретаря ЦК и заместителя председателя Совета министров Маленкова. У него был билет номер три. Первый выписали Ленину, второй — Сталину, третий — Георгию Максимилиановичу. Маленков считался самым близким к Сталину человеком и его законным наследником. Хрущеву достался партбилет за номером четыре.

Через два года после смерти вождя Никита Сергеевич выступал на пленуме ЦК компартии Украины. В своем кругу делился воспоминаниями:

— Мы вместе с врачами дежурили неотступно у постели Сталина. Я дежурил вместе с Булганиным, Берия — с Маленковым, а Каганович — с Ворошиловым… Настал кризис. Сталин умер. Маленков и Берия находились наверху. Я с Булганиным был внизу, у постели Сталина. Мы выскочили оба и сказали, что Сталин умер.

Маленков в серой гимнастерке-толстовке — безучастный, усталый, с серыми мешками под глазами, вошел в комнату, которую Сталин использовал как столовую, и начал прохаживаться взад-вперед. Хрущев предполагал, что Маленков и Берия обо всем уже договорились. Но все же подошел:

— Сталин умер, надо бы поговорить.

— О чем? — уточнил Георгий Максимилианович.

— Как о чем? О руководстве. Надо подумать, как лучше расставить силы.

Маленков холодно ответил:

— Ни о чем говорить не хочу. Соберется президиум, и тогда будем говорить.

Хрущеву было ясно, что означают слова Георгия Максимилиановича. Все уже решено.

В реальности события развивались несколько иначе. Смерть Сталина врачи констатировали, когда власть уже поделили. Но Маленков еще 4 марта своим аккуратным почерком набросал список нового состава правительства. Они сделали это вдвоем с Берией. Список потом найдут в сейфе маленковского помощника Суханова.

— Кто выдвигал кандидатуру Маленкова на пост председателя Совета министров? — рассказал потом Никита Сергеевич. — Берия. Это было даже не заседание, а стояние. Тело Сталина находилось в большой столовой, а мы находились в малой столовой, где Берия и выдвинул Маленкова на этот пост.

Никита Сергеевич пытался опереться на Булганина, с которым у него еще в предвоенные годы сложились близкие отношения. Хрущев был партийным руководителем Москвы, Булганин — хозяйственным. Они жили в одном доме, даже на одной лестничной площадке, дружили семьями. Сталин всегда приглашал их вместе, с легкой иронией называл «отцами города». С Булганиным Никита Сергеевич и затеял важный для них обоих разговор. Во всяком случае, так они поведали пленуму ЦК, созванному в июле 1953 года, сразу после ареста Берии.

Хрущев:

— Это было, наверное, за сутки до смерти товарища Сталина. Я товарищу Булганину тогда сказал: «Николай Александрович, вот Сталин безнадежно болен, умрет, что будет после Сталина?»

И заговорил об опасности Берии, — он захочет захватить пост начальника госбезопасности, это позволит ему «установить шпионаж за членами политбюро, подслушивать, следить, создавать дела, интриговать».

Булганин подтвердил:

— Был такой разговор.

Они боялись Берии. Теоретически он мог в тот самый день, когда вождь ушел из жизни, арестовать их всех и объявить, что Сталина убили Хрущев, Каганович, Маленков Молотов… И народ бы поверил!

Но Лаврентий Павлович не спешил.

Большая четверка — Маленков, Молотов, Берия и Хрущев — поделила власть, когда Сталин еще был жив и врачи даже сообщали о некотором улучшении в его состоянии. Но они понимали: если Иосиф Виссарионович и оклемается, то руководить страной уже не сможет.

5 марта 1953 года в 8 часов 40 минут вечера в Свердловском зале Кремля открылось совместное заседание ЦК КПСС, Совета

министров и Президиума Верховного Совета СССР. Собрались задолго до назначенного часа. Никто ни с кем не разговаривал, все сидели молча. Смерть Сталина наступит в 9 часов 50 минут, когда дележ руководящих кресел закончится.

Заседание продолжалось ровно сорок минут. Сидевшие в зале с волнением вслушивались в слова людей, к которым перешла власть. Место в президиуме вновь заняли Молотов и Микоян. Для них худшее было позади, подметил наблюдательный Константин Симонов, который, как кандидат в члены ЦК, присутствовал на заседании: «У меня было ощущение, что старые члены политбюро вышли с каким-то затаенным, не выраженным внешне, но чувствовавшимся в них ощущением облегчения… Было такое ощущение, что вот там, в президиуме, люди освободились от чего-то давившего на них, связывавшего их. Они были какие-то распеленутые, что ли…»

Секретарь ЦК и МК партии Никита Сергеевич Хрущев прежде всего попросил дать информацию министра здравоохранения Андрея Третьякова. Тот рассказал о безнадежном состоянии вождя.

Хрущев пояснил:

— Члены бюро президиума ЦК поочередно находятся у постели товарища Сталина. Сейчас дежурит товарищ Булганин, поэтому он не присутствует на заседании.

Никита Сергеевич предоставил слово Маленкову. Георгий Максимилианович объяснил, что товарищ Сталин борется со смертью, но состояние его настолько тяжело, что, если даже он победит подступившую смерть, еще очень долго работать не сможет:

— Все понимают огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве.

После этой преамбулы на трибуну вышел располневший, с одутловатым, обрюзгшим лицом Лаврентий Павлович Берия и сообщил, что в создавшейся обстановке, когда в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин, необходимо теперь же назначить главу правительства:

— Мы уверены — вы разделите наше мнение о том, что в переживаемое нашей партией и страной трудное время у нас может быть только одна кандидатура на пост председателя Совета министров, кандидатура товарища Маленкова.

В зале с готовностью закричали:

— Правильно! Утвердить!

Маленков опять вышел на трибуну и предложил утвердить первыми заместителями главы правительства Берию, Молотова,

Булганина и Кагановича. Затем были поделены остальные должности. Булганин стал военным министром.

Перетасовали всю высшую номенклатуру. Количество членов президиума ЦК сократили вдвое. Вывели Андрея Януарьевича Вышинского, он утратил пост министра иностранных дел и был отправлен постоянным представителем СССР в ООН. Министром вновь стал Молотов. Лишились места в президиуме ЦК и должности заместителя председателя правительства Алексей Николаевич Косыгин, Вячеслав Александрович Малышев и Иван Федорович Тевосян, все трое остались лишь министрами.

Перестали быть секретарями ЦК Николай Александрович Михайлов (бывший руководитель комсомола), Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (недавний руководитель Белоруссии), Николай Григорьевич Игнатов (он вновь взлетит при Хрущеве, а потом примет участие в его свержении), Николай Михайлович Пегов (год назад Сталин именно ему поручил ведать кадрами в аппарате ЦК). Утратил кресло на Олимпе и молодой Леонид Ильич Брежнев. Его освободили от обязанностей кандидата в члены президиума и секретаря ЦК «в связи с переходом на работу начальником политуправления военно-морского министерства».

Николая Михайловича Шверника, возглавлявшего Президиум Верховного Совета, пересадили в кресло председателя ВЦСПС. Главой Верховного Совета (пост безвластный, но заметный) поставили Ворошилова — маршал, живая легенда, понадобился новому коллективному руководству страны для солидности. Прежнего председателя ВЦСПС Василия Васильевича Кузнецова наметили послом в Китай.

Семен Игнатьев перестал быть министром госбезопасности, которое слили с МВД. В порядке компенсации его избрали секретарем ЦК по правоохранительным органам, но просидит он в этом кресле всего месяц. Неожиданное повышение получил первый секретарь ЦК Азербайджана Мир-Джафар Аббасович Багиров — это был дружеский подарок Берии. Багиров был другом и соратником Берии еще по Азербайджанской ЧК. Сначала он помогал Лаврентию Павловичу, потом тот ему покровительствовал. Багиров очень скоро последует за своим старым другом на тот свет…

— Известно, какая началась карусель: такое министерство ликвидировать, такое-то слить, и чего мы только не нарешали, — рассказывал впоследствии Никита Сергеевич. — Запутали все. Дошли до того, что утвердили секретарем Президиума Верховного Совета товарища Пегова, который не был даже депутатом.

А на опустевшей «ближней» даче ночью тело мертвого вождя

вынесли на носилках, положили в катафалк и отвезли в морг. Вскрытие провели 6 марта.

Его результаты не оставляют ни малейших сомнений относительно причин смерти: «Патологоанатомическое исследование полностью подтверждает диагноз, поставленный профессорами-врачами, лечившими И.В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И.В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительного результата и предотвратить роковой исход».

На похоронах в понедельник утром 9 марта на Красной площади выделялась делегация Лубянки — члены коллегии министерства и партийного комитета шли с венком «И.В. Сталину от сотрудников государственной безопасности страны». Впереди процессии шел первый заместитель министра внутренних дел СССР Иван Серов. Генералы несли на красных подушечках награды Сталина, которыми он сам себя одарил.

Машина везла орудийный лафет, на котором стоял гроб, накрытый стеклянным колпаком. На гранитной лицевой панели, изготовленной для мавзолея на Долгопрудненском камнеобрабатывающем заводе, уже были слова «Ленин — Сталин». Высшим чиновникам выдали именные пропуска для прохода на Красную площадь «на похороны Председателя Совета Министров СССР и секретаря Центрального Комитета КПСС, генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина».

Речи с трибуны мавзолея произносили трое — Маленков, Берия и Молотов. Стало ясно, что они теперь главные.

«К моему удивлению, — писал уже упоминавшийся на страницах этой книги Гаррисон Солсбери, — Маленков, толстяк средних лет, оказался весьма привлекательным. Он говорил на прекрасном литературном русском и, казалось, обещал новое, более интеллигентное правление. Берия был обворожительно снисходителен к своим компаньонам».

Народный артист России Валентин Иосифович Гафт, который в одном фильме весьма колоритно сыграл Лаврентия Павловича, вспоминал:

— Когда Сталина хоронили, на Красной площади я видел Берию, и это произвело очень сильное впечатление — речь Берии и он сам. Лицо Берии было почти закрыто, сверху была шляпа, надвинутая на самые брови, воротник поднят так, что виден был только говорящий рот и пенсне. Тогда я подумал, что он похож на шпиона.

Молотов, кажется единственный из всех выступавших с

трибуны мавзолея, прощался с человеком, которого, несмотря ни на что, любил. Все-таки существовало нечто, связавшее их навсегда…

Но умерший вождь уже мало кого интересовал. Для армии советских чиновников главная проблема состояла в том, чтобы разобраться в новой структуре власти. Партийному аппарату предстояло прежде всего понять, кто теперь хозяин в стране, на кого ориентироваться, кому служить.

Никиту Сергеевича Хрущева освободили от обязанностей первого секретаря Московского комитета партии, чтобы он «сосредоточился на работе в Центральном комитете КПСС». Но власть в те дни принадлежала другим.

Исходили из того, что первую роль в стране и партии будет играть Маленков. Он был фактически правой рукой Сталина. Без Георгия Максимилиановича не решалось ни одно дело — ни в ЦК, ни в правительстве. Он пропускал через себя все бумаги, поэтому от него зависел и партийный аппарат, и все министры. В 1952 году на XIX съезде Маленков делал основной доклад.

Сам он настаивал на том, что в стране — коллективное руководство. На президиуме ЦК Маленков выразил неудовольствие тем, что «Правда» его речь на траурном митинге опубликовала на первой полосе, а Берии и Молотова — на второй:

— Надо было печатать одинаково. У нас были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить. Было бы неправильно, скажем, цитировать выступление на траурном митинге кого-то одного. Во-первых, это незаслуженно, во-вторых, неправильно. Считаем обязательным прекратить политику культа личности.

Маленков сделал выговор главному редактору «Правды» Шепилову и за то, что его редакционные умельцы так смонтировали фотографию, сделанную еще во время подписания в феврале 1950 года советско-китайского договора, что новый глава правительства Маленков оказался рядом со Сталиным и Мао Цзэдуном.

Дмитрий Трофимович Шепилов решил сделать приятное новому хозяину страны. Перестарался. Георгий Максимилианович в присутствии товарищей демонстративно отчитал его за услужливость:

— Публикация такого снимка без ведома ЦК выглядит как провокация. Такого снимка вообще не было. Это произвольный монтаж.

12 марта 1953 года президиум ЦК объявил главному редактору «Правды» строгий выговор за «произвольную верстку

речей руководителей партии и правительства на траурном митинге» и за опубликование без ведома ЦК «произвольно смонтированного снимка на третьей полосе».

14 марта на пленуме ЦК председателя Совета министров Маленкова по его собственной просьбе вывели из состава секретарей ЦК. Первая крупная ошибка. В результате партийные секретари не знали, на кого ссылаться, кому докладывать, и чувствовали себя неуверенно. Слишком сложный пасьянс в Кремле пугал их и раздражал: они привыкли к определенности.

О Маленкове ходили доброжелательные слухи. Говорили, что, когда он пришел на какое-то заседание и его встретили обычными аплодисментами, он сказал:

— Здесь не Большой театр, а я не Козловский.

«Маленков был молчалив и без нужды не высказывался, — вспоминал Микоян. — Когда Сталин что-то говорил, он — единственный — немедленно доставал из кармана френча записную книжку и быстро-быстро записывал «указания товарища Сталина». Мне лично такое подхалимство претило. Сидя за ужином, записывать — было слишком уж нарочито».

Но Маленков не был маньяком власти, который думает о ней каждую минуту своей жизни. В отличие от настоящих властолюбцев находил время для семейной жизни. Любил читать детям вслух. Оборудовал на даче настоящий физический кабинет для детей с микроскопом, телескопом, электромоторами, магнитами. Детей учил музыке и французскому языку. Учение не пропало зря. Андрей Маленков стал профессором-биофизиком, Георгий Маленков-младший защитил диссертацию по физической химии. Воля Маленкова преподавала композицию в Строгановском художественном училище.

— К моим братьям и ко мне родители были предельно внимательны, — вспоминала дочь Маленкова. — Отец с мамой внушали нам отвращение ко лжи и всякому лицемерию, к тому, что сейчас называется «элитарный снобизм». Учили судить о людях по их личным достоинствам, невзирая на общественное положение или национальность. При этом не читалось никаких нотаций: мимолетными репликами и личным примером нас подводили к осознанию наших ошибок. О религии упоминаний не было, но — бесспорно — все это укладывалось в евангельские заповеди…

Поведение самого Маленкова едва ли соответствовало евангельским заповедям. Дочь Волю он выдал замуж за Владимира Шамберга, сына Михаила Абрамовича Шамберга, своего старого товарища и сослуживца. Они дружили еще со времен совместной учебы в Высшем техническом училище имени

Н.Э. Баумана. Михаил Шамберг был правой рукой Маленкова в ЦК, так он и воспринимался в партийном аппарате. В годы войны Георгий Максимилианович сделал его заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК.

Роман Владимира Шамберга и Воли Маленковой вспыхнул еще в юные годы, никто и не сомневался, что они соединят свои судьбы. Жили они вместе с Маленковыми в их квартире на улице Грановского (ныне Романов переулок). Владимир Шамберг поступил в аспирантуру Института экономики Академии наук СССР.

Когда начались гонения на евреев, Маленков позаботился о том, чтобы брак дочери с молодым Шамбергом был молниеносно расторгнут. Это произошло в один день. Владимир Шамберг рассказывал, как он вернулся домой и горничная передала ему конверт с запиской от Воли. Жена сообщала мужу, что они должны расстаться. Он пытался найти ее и поговорить, но она не захотела. В полной растерянности он ушел к родителям.

Охранники Маленкова привезли его вещи. 12 января 1949 года начальник личной охраны Маленкова отвез его в московский городской суд, оформил развод, забрал паспорт и выдал новый — без следов регистрации брака с дочкой Маленкова. Любовь и дружба ничто, когда речь идет о карьере и о расположении вождя.

Почему Георгий Максимилианович так торопился?

Через неделю, 18 января, из партии исключили дедушку Владимира Шамберга (по материнской линии) — Соломона Абрамовича Лозовского, члена ЦК, заместителя министра иностранных дел и начальника Совинформбюро. В конце января Лозовского арестовали. На свободу он не выйдет — его расстреляют вместе с другими членами Еврейского антифашистского комитета. 31 января решением секретариата ЦК бывшего друга Маленкова Михаила Шамберга выставили из аппарата ЦК и отправили в Кострому заместителем председателя облисполкома.

Вообще говоря, своей карьерой Маленков был обязан жене. Они познакомились в 1920 году. Он служил политработником в Красной армии. Валерия Алексеевна Голубцова работала библиотекарем в агитпоезде. Формально они не регистрировали свой брак, и Валерия Алексеевна сохранила девичью фамилию. Эта встреча оказалась для Маленкова редкостной удачей. Жена стала для него другом и опорой. Наделенная сильной волей и характером, Валерия Алексеевна всю жизнь толкала вперед вялого и инертного Георгия Максимилиановича.

Обладатель прекрасного почерка, Георгий Максимилианович выделялся завидной аккуратностью. Бумаги держал в идеальном

порядке. Он был вежлив, спокоен и корректен. Умел слушать. Без нужды не высказывался.

Георгий Максимилианович начинал под руководством Николая Ивановича Ежова, который так нравился вождю. Маленков же и подготовил арест Ежова, когда тот впал в немилость. Идеальный исполнитель. Получив указание от Сталина, Маленков ломал любые барьеры, лишь бы исполнить задание молниеносно и доложить вождю. В этой роли он проявил блестящие организаторские способности, поразительную работоспособность и рвение. Но, неуверенный в себе и податливый по натуре, не был способен на неожиданные и самостоятельные поступки.

Ему не хватило воли, силы, хитрости, чтобы удержать власть. По словам Шепилова, «Маленков был лишен всяких диктаторских черт, и у меня сложилось впечатление, что он не был честолюбивым человеком. Он был мягок, податлив и испытывал необходимость притулиться к какому-нибудь человеку с сильной волей».

Маленков опирался на Берию.

5 марта 1953 года было принято решение об образовании единого Министерства внутренних дел, объединившего собственно МВД и бывшее Министерство госбезопасности. Первыми заместителями Берии были назначены Сергей Никифорович Круглов, Богдан Захарович Кобулов и Иван Александрович Серов.

Новое суперминистерство Лаврентий Павлович сделал своей опорой в борьбе за власть. Накануне сталинских похорон, в воскресенье, Берия созвал свою бригаду, проверенных помощников, с которыми многие годы проработал в Москве и Тбилиси, — Меркулова, Мамулова, Людвигова, Ордынцева. Лаврентий Павлович был оживлен и деловит. Попросил поработать над его речью; это заняло часов восемь. Попозже к ним присоединился только что избранный секретарем ЦК Петр Поспелов.

Через несколько месяцев бывший министр госбезопасности Меркулов, которого арестуют вслед за Берией, опишет тот день: «Накануне похорон т. Сталина Берия неожиданно позвонил мне на квартиру (что он не делал уже лет восемь), расспросил о здоровье и попросил приехать к нему в Кремль. Оказывается, надо было принять участие в редактировании уже подготовленной речи Берия на похоронах т. Сталина. Я обратил внимание на настроение Берия. Берия был весел, шутил и смеялся, казался окрыленным чем-то».

Соратники Берии точно были счастливы. Высокое положение

Лаврентия Павловича открывало и перед ними радужные перспективы.

Когда в 1946 году Сталин выставил Меркулова с Лубянки, Берия утратил к нему интерес. Ни разу не позвонил. Всеволод Николаевич пытался попасть к нему на прием, хотел попросить о помощи. Лаврентий Павлович его не принял.

Меркулов задним числом его оправдывал:

— Лаврентию Павловичу виднее. Значит, так было нужно.

11 марта Меркулов написал Берии:

«Дорогой Лаврентий!

Хочу предложить тебе свои услуги: если я могу быть полезным тебе где-либо в МВД, прошу располагать мною так, как ты сочтешь более целесообразным. Должность для меня роли не играет, ты это знаешь. За последние годы я кое-чему научился в смысле руководства людьми и учреждением, и, думаю, теперь я смогу работать лучше, чем раньше. Правда, сейчас я полуинвалид (Меркулов перенес два инфаркта. — *Авт.*), но надеюсь, что через несколько месяцев, максимум через полгода я смогу уже работать с полной нагрузкой, как обычно. Буду ждать твоих указаний».

Берия разогнал партработников, которых привел на Лубянку Семен Игнатьев. У них отобрали машины, всех попросили освободить кабинеты.

Серафим Николаевич Лялин, которого с должности второго секретаря Тульского обкома партии взяли в МТБ заместителем начальника 2-го главка, рассказывал потом:

— Глубокой ночью вызвал Берия. В его приемной три-четыре человека, как и я, направленных в органы с партработы. Берия грубо сказал: «Ну что, засранцы, вы чекистского дела не знаете. Надо вам подобрать что-то попроще». И объявил, кто куда убывает. Мне было предложено поехать заместителем начальника управления МВД по Горьковской области…

Николая Романовича Миронова, секретаря Кировоградского обкома, взяли в МГБ заместителем начальника военной контрразведки. Берия отправил его заместителем начальника особого отдела Киевского военного округа — тоже большое понижение.

Виктора Ивановича Алидина, секретаря Херсонского обкома, в МГБ поставили заместителем начальника 7-го управления. Берия сослал его в отдел «П», который занимался поселениями, то есть ссыльными, начиная с кулаков.

Все трое наберутся терпения и пересидят Берию. Генерал-майор Миронов станет заведующим отделом административных органов ЦК КПСС. Генерал-лейтенант Лялин — начальником управления КГБ по Москве и Московской области. На этом посту

его сменит генерал-полковник Алидин.

Берия выпустил из тюрьмы примерно половину арестованных при Игнатьеве чекистов — тех, кто ему был нужен. По-свойски объяснял:

— Твое дело — чепуха. Тебя посадил Сталин.

Когда привели освобожденного из камеры недавнего начальника управления правительственной охраны генерала Сергея Федоровича Кузьмичева, Лаврентий Павлович поинтересовался:

— Знаешь, что Сталин умер?

Тот не знал. Заплакал.

— Брось ты, — сказал Берия. — Тебя же Сталин велел арестовать.

Берия предложил ему вновь возглавить управление охраны. Тот отказывался, ссылаясь на болезнь, но Лаврентий Павлович его убедил.

В начальники важнейшего 1-го отдела (охрана высшего руководства страны — членов президиума и кандидатов в члены президиума ЦК КПСС, а также секретарей ЦК) Берия выбрал новичка — Николая Степановича Захарова, который руководил областным управлением МВД в Кемерове.

Захаров получил приказ сдать дела заместителю и срочно прибыть в Москву. Честно признался генералу Кузьмичеву, что не знает новой службы.

— Поработаете — узнаете, — ответил начальник управления охраны.

Чекисты со смешанными чувствами встретили возвращение Берии. С 1945 года, когда тот покинул Лубянку, утекло немало воды. Его выдвиженцев осталось не так много. Кадровые перетряски и слияние двух министерств породили недовольство.

Берия пристроил проверенные кадры, начинавшие с ним еще в ГПУ Грузии. Полковника Константина Сергеевича Савицкого утвердил помощником первого замминистра Кобулова. Полковника Георгия Иовича Парамонова — заместителем начальника следственной части МВД по особо важным делам. Генерал-лейтенанта Шалву Отаровича Церетели отправил в Тбилиси заместителем министра внутренних дел Грузии и начальником пограничных войск Грузинского округа. Освобожденный из тюрьмы генерал-лейтенант Авксентий Нарикиевич Рапава получил пост министра государственного контроля Грузии.

В свое время Министерство вооруженных сил информировало МГБ, что его брат полковник Капитон Рапава, начальник химической службы одной из армий, в войну перешел на сторону

немцев. Брат — предатель! Этого было достаточно для немедленного увольнения из органов. Тогдашний министр госбезопасности Меркулов просто переслал бумагу самому Авксентию Рапаве: своих не обижаем…

В Тбилиси Лаврентий Павлович командировал еще и Владимира Деканозова — министром внутренних дел, и Степана Мамулова — заведующим отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов республиканского ЦК. Не хотел больше никаких сюрпризов в родной республике.

После ареста Берии председатель Совета министров Грузии Валериан Минаевич Бакрадзе на пленуме ЦК жаловался на его кадровую политику:

— Нам, очевидно, не доверяют, прислали контролеров в виде министра МВД Грузии Деканозова и в партийный аппарат заведующим отделом ЦК — Мамулова. Нам было непонятно назначение Мамулова и Деканозова с введением их в бюро ЦК, причем Берия вызвал меня и предложил все вопросы обсуждать только в присутствии Деканозова и Мамулова.

Бакрадзе был недоволен тем, как Берия с ним разговаривал:

— Вдруг раздается звонок. Берия говорит: неправильно вы провели пленум, ничего ты не понимаешь, консервщик ты, а не политик.

В зале раздался смех. Бакрадзе обиженно пояснил:

— Я пять лет работал министром пищевой промышленности Грузии.

У Лаврентия Павловича Берии были большие планы. Ему, как выразится позднее другой член политбюро, чертовски хотелось поработать.

Остальные руководители страны с трудом осваивались с новой ролью. Они так привыкли исполнять приказы Сталина, что у многих наступил паралич воли. А у Берии сомнений не было: он справится с любой задачей. Он начал действовать самостоятельно и самоуверенно. У него в руках все рычаги управления, аппарат госбезопасности всесилен, и никто не смел спросить: а с какой стати вы этим занимаетесь?

Валерия Анатольевна Герасимова, первая жена Фадеева и двоюродная сестра кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова, с отвращением описывала траурный митинг в Союзе писателей после похорон Сталина 10 марта 1953 года:

«Симонов сказал, что отныне самой главной великой задачей советской литературы будет воссоздание образа величайшего человека («всех времен и народов» — утвержденная формулировка тех лет).

Николай Грибачев выступил в своем образе: предостерегающе

посверкивая холодными белыми глазами, он сказал, что после исчезновения великого вождя бдительность не только не должна быть ослаблена, а, напротив, должна возрасти. Если кто-то из вражеских элементов попытается использовать сложившиеся обстоятельства для своей работы, пусть не надеется на то, что стальная рука правосудия ослабла…

Ужасное собрание. Великого «гуманиста» уже не было. Но страх, казалось, достиг своего апогея. Я помню зеленые, точно больные, у всех лица, искаженные, с какими-то невидящими глазами; приглушенный шелест, а не человеческую речь в кулуарах; порой, правда, демонстрируемые (а кое у кого и истинные!) всхлипы и так называемые «заглушенные рыдания». Вселюдный пароксизм страха».

Идеологические кадры действовали по старым схемам. Страна еще не подозревала, какие стремительные перемены ее ждут.

Берия вытащил из тюрьмы своего помощника Шарию. По его распоряжению отпустили вообще всех, кого засадили по «мингрельскому делу». Зато арестовали отправившего их за решетку полковника Цепкова (он руководил следствием по этому делу). После ареста Берии его отпустят…

Петр Афанасьевич Шария вспоминал: *«26* марта я был вызван в Кремль к Берии и был им принят в присутствии Ордынцева и Людвигова. Берия поручил мне помочь Людвигову в составлении записки в ЦК по делу врачей. Через несколько дней вызвал меня и Людвигова в МВД, где у него находились Кобулов и Влодзимирский. Там мне и Людвигову было дано поручение составить докладную в ЦК КПСС по делу так называемых мингрельских националистов. Когда работа подошла к концу и документы были одобрены, Берия спросил, где я предпочитаю быть его помощником — в МВД или Совете министров».

Подумать только — Кобулов и Влодизимирский, у которых руки по локоть в крови, занялись разоблачением преступлений своих коллег-чекистов! И сажали тех, кого сами же учили мучить и пытать!

Берией двигало отнюдь не стремление восстановить справедливость и освободить невинных, не желание прекратить преступную практику чекистского аппарата. Ему нужно было другое — убрать тех, кого он не любил. И конечно же создать себе репутацию народного заступника. Он действовал с дальним прицелом.

Берия образовал внутри МВД четыре спецгруппы: по проверке «дела врачей», «мингрельского дела», дела сотрудников МГБ, обвиненных в создании контрреволюционной сионистской

организации, и дела арестованных работников Главного артиллерийского управления Военного министерства СССР. Дал им на работу две недели. А потом еще назначил комиссию — проверить, справедливо ли посадили руководство военно-воздушных сил и работников Министерства авиационной промышленности.

Все группы доложили, что дела фальсифицированы.

Берия начал реабилитацию военачальников, посаженных после войны. В подписанном им приказе говорилось: следствие проводилось бывшим Главным управлением контрразведки Смерш необъективно и поверхностно.

Выпустили арестованных в феврале 1952 года заместителя военного министра маршала артиллерии Николая Дмитриевича Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника Ивана Ивановича Волкотрубенко и заместителя министра вооружения генерал-майора Иллариона Аветовича Мирзаханова. Берия освободил бывшего командующего военно-воздушными силами Главного маршала авиации Александра Александровича Новикова и бывшего наркома авиационной промышленности Алексея Ивановича Шахурина.

Уже после ареста Берии, 13 июля 1953 года, президиум ЦК решит прекратить дела и полностью реабилитировать большую часть арестованных при Сталине генералов, адмиралов и членов их семей. Ряду генералов снизят наказание до фактически отбытого срока и освободят из-под стражи. 63 генерала и адмирала были в тот день реабилитированы и освобождены. Сколько же советских военачальников Сталин безвинно держал за решеткой!

11 июля 1953 года министр обороны маршал Николай Александрович Булганин, генеральный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко и председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант юстиции Александр Александрович Чепцов доложили в президиум ЦК КПСС:

«При проверке выявлено, что всего в период с 1941 по 1952 год было арестовано генералов и адмиралов 101 человек. Из них осуждено Военной коллегией Верховного суда Союза ССР — 76 генералов и адмиралов и 5 человек — Особым совещанием при бывшем МГБ СССР. 8 генералов были освобождены из-под стражи за отсутствием состава преступления, и 12 генералов умерли, находясь под следствием…

Несмотря на то что арестованные находились под следствием до 10 и более лет, фактов, оправдывающих или смягчающих их вину, не собиралось. К отдельным арестованным применялись незаконные методы следствия с целью понудить их признать вину

в «преступлениях» или добиться от них клеветнических показаний на других лиц».

Берия озаботился судьбой жены Молотова, чтобы Вячеслав Михайлович именно ему был обязан ее освобождением. Полину Семеновну доставили в Москву. 21 марта Маленков и Берия от имени президиума ЦК отменили решение партколлегии Комитета партийного контроля об исключении Жемчужиной из партии и вернули ей партбилет. Следственная часть МВД 23 марта прекратила дело против Жемчужиной. Через день Особое совещание при МВД ее полностью реабилитировало. Полине Семеновне было пятьдесят шесть лет. К работе она не вернулась, в апреле ей оформили персональную пенсию.

1 апреля Берия информировал товарищей по президиуму ЦК, что «дело врачей» — «от начала и до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя министра государственной безопасности Рюмина». Предложил: всех арестованных немедленно освободить из-под стражи, сфабриковавших это дело бывших работников МГБ привлечь к уголовной ответственности и «рассмотреть вопрос об ответственности бывшего министра государственной безопасности СССР т. Игнатьева С.Д.».

2 апреля Берия отправил в ЦК записку о реальных обстоятельствах убийства художественного руководителя Государственного еврейского театра народного артиста СССР Соломона Михайловича Михоэлса. Провести расследование не составило труда. Насмерть перепуганные участники убийства все выложили на первом же допросе. Оправдывались: это же было личное поручение товарища Сталина!..

3 апреля президиум ЦК реабилитировал арестованных по делу «врачей-убийц». Лаврентий Павлович приказал их немедленно выпустить на свободу. Принял в своем кабинете:

— Комиссия разобралась в вашем деле. Это дело рук врагов народа, ныне разоблаченных. Вы реабилитированы и будете доставлены домой.

Это происходило в ночь с третьего на четвертое апреля. Никто из врачей даже не знал, что Сталин умер.

Президиум ЦК постановил:

«Предложить бывшему министру государственной безопасности СССР т. Игнатьеву С.Д. представить в Президиум ЦК КПСС объяснение о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших извращениях советских законов и фальсификации следственных материалов. Ввиду допущения серьезных ошибок в руководстве бывшим министерством государственной безопасности СССР признать невозможным

оставление Игнатьева С.Д. на посту секретаря ЦК КПСС».

Но это было лишь начало.

4 апреля Берия подписал приказ по министерству «О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия»:

«Установлено, что в следственной работе органов МГБ имели место грубейшие извращения советских законов, аресты невинных советских граждан, разнузданная фальсификация следственных материалов, широкое применение различных способов пыток — жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодный карцер.

По указанию руководства бывшего министерства государственной безопасности СССР избиения арестованных проводились в оборудованных для этой цели помещениях в Лефортовской и внутренней тюрьмах и поручались особой группе специально выделенных лиц из числа тюремных работников с применением всевозможных орудий пыток. Такие изуверские «методы допроса» приводили к тому, что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика.

Пользуясь таким состоянием арестованных, следователи-фальсификаторы подсовывали им заблаговременно сфабрикованные «признания» об антисоветской и шпионско-террористической работе».

Берия запретил пытки в органах госбезопасности. Революция! Но пересмотрены были только дела последнего времени, к которым Лаврентий Павлович не имел отношения. О других несправедливо арестованных он не вспоминал.

Сообщение МВД о реабилитации «врачей-убийц», напечатанное «Правдой» 4 апреля 1953 года, произвело на страну огромное впечатление. Первое публичное признание в том, что органы госбезопасности совершают преступления. Напряжение в обществе разрядилось. Мрачная атмосфера, сгустившаяся в последние месяцы жизни Сталина, рассеялась. Именно в те дни появились ростки того, что потом, используя название известной повести Ильи Григорьевича Эренбурга, назовут «оттепелью».

После ареста Берии эти газетные сообщения товарищи по партийному руководству поставят ему в вину: дело врачей прекратили, но зачем же об этом писать, подрывать авторитет партии и органов? На пленуме ЦК после ареста Берии это скажет

новый секретарь ЦК Николай Николаевич Шаталин:

— Взять всем известный вопрос о врачах. Как выяснилось, их арестовали неправильно. Совершенно ясно, что их надо освободить, реабилитировать, и пусть себе работают. Нет, этот вероломный авантюрист добился опубликования специального коммюнике Министерства внутренних дел, этот вопрос на все лады склонялся в нашей печати и так далее… Ошибка исправлялась методами, принесшими немалый вред интересам нашего государства. Отклики за границей тоже были не в нашу пользу.

Разоблачениями были крайне недовольны сотрудники госбезопасности. Они не понимали: чем им теперь заниматься, если прекратятся политические дела?..

Но пока что все происходит стремительно. Лаврентий Павлович активен, энергичен и напорист. Товарищи по руководству хлопают глазами и послушно голосуют за предложения Берии. Ни возразить, ни оспорить его идеи они не смеют.

Разоблачение преступлений ведет к поиску виновных.

6 апреля «Правда» поместила передовую «Советская социалистическая законность неприкосновенна». Названо имя бывшего заместителя министра госбезопасности полковника Рюмина: «Презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным или следственным делом пытались разжечь в советском обществе… глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды. В этих провокационных целях они не останавливались перед оголтелой клеветой на советских людей. Тщательной проверкой установлено, например, что таким образом был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс».

7 апреля «Правда» сообщила, что Игнатьев — больше не секретарь ЦК.

Изменившиеся настроения верхов чуткий к переменам идеологический аппарат понял правильно: разом прекратились нападки на «космополитов». Пошли разговоры о пользе творческих дискуссий. Михаила Зощенко вновь приняли в Союз писателей.

Думать, что все Берию ненавидели, неверно. Когда освободили «врачей-убийц», один из создателей атомной и водородной бомбы трижды Герой Социалистического Труда академик Яков Борисович Зельдович не без гордости сказал другому трижды Герою академику Андрею Дмитриевичу Сахарову:

— А ведь это наш Лаврентий Павлович разобрался!

Такие настроения возникли среди тех, кто с ним работал над атомным проектом: «Лаврентий Павлович — защитник и опора».

«Когда ему было нужно, — вспоминал Меркулов, — он мог показать себя хорошим товарищем, внимательным и чутким. Берия старался это делать в отношении своего ближайшего окружения, понимая, что от того, как будет работать его окружение, зависит его собственная судьба».

Берия заботился о своих подчиненных. Давал им квартиры — одна из высших ценностей того времени. Не жалел наград.

Управляющий делами Совета министров Михаил Трофимович Помазнев впоследствии докладывал в ЦК КПСС, что Берия излишне покровительствовал своим подчиненным из Специального комитета № 1 (атомный проект) при Совете министров СССР:

«Большинство министров оборонной промышленности и машиностроения получили по несколько орденов и стали лауреатами Сталинской премии. Много наград давалось строителям. Аппарат Спецкомитета не в меру отмечался наградами. Секретарь Спецкомитета Махнев стал Героем Социалистического Труда, дважды лауреатом Сталинской премии и получил несколько орденов».

После ареста Берии сам Василий Алексеевич Махнев поспешил откреститься от своего покровителя, которому был обязан еще и генеральскими погонами: «Проблему атомного оружия нашей стране удалось решить лишь благодаря тому, что ЦК и правительство давали для этого неограниченные ресурсы денежных средств, материалов (создали преимущественные перед всеми другими нуждами народного хозяйства условия), поставили на службу этой цели лучшие силы науки, техники, сотен тысяч рабочих, военных строителей и заключенных. Ценой огромных затрат средств и сил нашего народа мы решили атомную проблему. Берия же был только эксплуататором (в буквальном смысле) всех этих средств и сил, а прибыль (успехи) приписывал себе».

28 апреля Игнатьева вывели из состава ЦК КПСС. Комитету партийного контроля было предписано рассмотреть его дело. Это означало, что бывшему министру предстоит ответить за все дела позднесталинского периода.

25 июня Лаврентий Павлович отправил Маленкову копию показаний Рюмина, бывшего заместителя Игнатьева по следствию. «Рюмин, — говорилось в сопроводительной записке Берии, — с ведома и одобрения Игнатьева ввел широкую практику применения мер физического воздействия к необоснованно арестованным гражданам и фальсификации

следственных материалов».

Берия посадил бы Игнатьева, но не успел. На следующий день, 26 июня, его самого арестовали…

Но пока что Лаврентий Павлович на коне. Президиум ЦК постановил: «Одобрить проводимые товарищем Берией Л.П. меры по вскрытию преступных действий, совершенных на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР».

Ворошиловская амнистия

1 мая 1953 года министр обороны маршал Булганин, принимая парад, произнес речь. Он упомянул троих руководителей страны:

— Великий советский народ, еще теснее сплотившийся вокруг родной Коммунистической партии и ее Центрального комитета, вокруг своего правительства, уверенно идет вперед по пути строительства коммунизма. В недавних заявлениях товарищей Маленкова, Берии и Молотова ясно выражена политика Советского правительства… Проведена реорганизация центрального государственного аппарата, что улучшит руководство народным хозяйством. Принят указ об амнистии. Разрабатываются меры по дальнейшему укреплению социалистической законности. Наряду с большим снижением цен на продукты питания значительно снижены цены на промышленные товары массового потребления… Товарищи! Мы, советские люди, уверенно смотрим в будущее.

Реальная власть, по существу, сосредоточилась в руках Берии. Но это была власть без славы. Он догадывался, как к нему относятся в стране. Хозяин Лубянки — глава государства? К этому люди не были готовы. Он жаждал популярности в народе. Вот ее Лаврентий Павлович и завоевывал.

Берия подчинил себе в эти несколько месяцев 1953 года все, что мог. Даже управление уполномоченного Совета министров по охране военных и государственных тайн в печати (цензура) и непонятно зачем Главное управление геодезии и картографии.

Зато он освободил МВД от производственно-хозяйственной деятельности. Раздал отраслевым министерствам строительные управления и промышленные предприятия, на которых использовался труд заключенных. Ему надоели хозяйственные дела. Он хотел быть политиком.

Заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях, а также работников лагерного аппарата и военизированной охраны, то есть все Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (ГУЛАГ) и отдел детских колоний он отдал Министерству юстиции. Отказался от всего, кроме особых лагерей и тюрем для особо опасных государственных преступников (шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, эсеров и националистов) и военных преступников из числа бывших военнопленных (немцев и японцев).

Берия подготовил амнистию 1953 года. Эта амнистия

воспринимается исключительно негативно. В действительности она открыла дорогу на свободу людям, сидевшим за преступления, за какие позже уже не сажали.

Амнистия вовсе не была проявлением его доброй воли. Первые бунты заключенных вспыхнули в марте 1946 года. После войны, отмечает историк Александр Юльевич Даниэль, изменилось население ГУЛАГа. Там появились бывшие фронтовики, власовцы, бандеровцы. Они были в состоянии противостоять и лагерным уголовникам, и надзирателям. Чекисты посадили много молодежи, студентов, которые реально ненавидели режим. Вот почему с конца 40-х в лагерях начались восстания. После смерти вождя их число резко увеличилось.

А рядом с лагерями жили вчерашние зэки, недавно освобожденные, — либо им не разрешили вернуться домой, либо они встретили женщину, женились и осели. Возникала критическая масса, опасная для власти. Фактически все крупные индустриальные города были окружены лагерями заключенных и бывшими заключенными, без которых промышленность не могла обойтись. Если бы они поднялись, то смяли бы любую власть. Это стало одной из причин освобождения заключенных.

26 марта Берия написал в президиум ЦК, что в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях сидят два с половиной миллиона человек. Большое число заключенных не представляет серьезной опасности для общества: женщины, подростки, престарелые и больные люди. За решеткой — 400 тысяч женщин, из них 6 тысяч беременных и 35 тысяч с детьми в возрасте до двух лет.

Даже за незначительные преступления заставляли отсиживать полный срок, потому что указом от 15 июня 1939 года запретили досрочное освобождение за хорошую работу. На закрытом заседании Президиума Верховного Совета СССР Сталин сказал:

— Мы плохо делаем, что нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо… Нельзя ли, чтобы эти люди остались на работе — награды им давать, ордена, может быть? Досрочно сделать их свободными, но чтобы они остались на строительстве как вольнонаемные… Это, как у нас говорилось, добровольно-принудительный заем, так и здесь добровольно-принудительное оставление.

С 1940 года от пяти до восьми лет давали директорам заводов за недоброкачественную продукцию. 15 февраля 1942 года приняли указ Президиума Верховного Совета СССР об уголовном наказании колхозников, которые не вырабатывали

установленного числа трудодней. 30 тысяч осудили на срок от пяти до десяти лет за должностные и хозяйственные преступления — в основном это были председатели колхозов и бригадиры, инженеры, руководители предприятий.

Берия предложил освободить около миллиона человек. Не подлежали амнистии получившие срок больше пяти лет, осужденные за контрреволюционные преступления, бандитизм, крупные хищения и умышленные убийства. Он предложил параллельно пересмотреть и законодательство, смягчить уголовную ответственность за нетяжкие преступления, а хозяйственные, бытовые и должностные нарушения карать административными мерами.

28 марта был опубликован указ «Об амнистии». На свободу вышли 120 тысяч заключенных. Прекратили следственные дела на 400 тысяч человек. Амнистию называли ворошиловской — под указом стояла подпись председателя Президиума Верховного Совета Климента Ефремовича Ворошилова.

27 марта Берия отправил в Совет министров записку с предложением отказаться от дорогостоящих строек, поглощавших средства из бюджета. Берия как первый заместитель главы правительства отказался увеличивать военные расходы. Упрекнул генералов:

— Вы тратите слишком много денег.

После смерти Сталина потребность в мощном военном кулаке на Дальнем Востоке исчезла. 14-ю армию директивой Генштаба от 23 апреля 1953 года расформировали. 5-й и 7-й флоты объединили в единый Тихоокеанский флот.

В ходу приписанная британскому премьер-министру Уинстону Черчиллю комплиментарная фраза о Сталине: «Он принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Черчилль этих слов не говорил. Владеющий английским языком может проштудировать его сочинения и сам в этом убедиться. Да и комплимент, если вдуматься, сомнительный. Принял страну с сохой, с сохой же, выходит, и оставил…

В реальности Сталин «принял страну» в период расцвета нэпа, когда она не только сама себя кормила, но и экспортировала хлеб. А вот оставил полуголодной, с разрушенной деревней и ограбленным крестьянством. По потреблению продовольствия на душу населения страна оставалась на дореволюционном уровне. Когда на пленуме ЦК Михаил Андреевич Суслов назвал жалкие цифры производства зерна в 1953 году, в зале пронеслось:

— До ручки довели, ничего не осталось.

Хозяйка Москвы Екатерина Фурцева с трибуны пленума

напомнила:

— Даже в столице до последнего времени хлеб продавали в одни руки не более килограмма. В Москве, которая находится в особых условиях, хлеб продавали с примесью около сорока процентов картофеля и прочего.

Побывавший на Урале Лазарь Каганович рассказывал товарищам:

— Там замечательные заводы, а рабочие живут в полуземлянках. Бараки разваливаются. Конечно, продовольственный вопрос острый: мяса мало, колбасы не хватает.

Анастас Микоян оправдывался:

— У нас кризис мясного снабжения, говоря резким словом — острая нехватка мяса и животного масла. Товарищу Сталину докладывали, что мяса у нас не хватает. Он говорит: почему не хватает? С животноводством плохо… Мясом мы торгуем только в Москве, Ленинграде, с грехом пополам в Донбассе и на Урале. Или взять сельдь. В продаже сельди меньше, чем при царе. Нажимаем, нажимаем, а рыбпром больше не дает…

Анастас Микоян позже жаловался на Берию:

— Индусы обратились к нам, чтобы мы им дали некоторое количество зерна — около 300 тысяч тонн. Индусы играют между нами и американцами. Президиум ЦК сказал: хорошо бы не отказывать индусам, чтобы уменьшить влияние американцев. Мы с Молотовым нашли зерно — из экспортных ресурсов, за счет продажи другим капиталистическим странам продать индусам. А Берия говорит: нельзя это делать. Я говорю: это в пределах экспортного фонда. А он: может быть, тогда экспорт сократить?

Берия логично полагал, что если зерна не хватает, стоят очереди за мукой, то как же можно продавать хлеб за границу?

Маленков и Берия хотели облегчить бремя крестьянина, децентрализовать управление экономикой. Сделали упор на производство товаров широкого потребления, за что потом Маленкова будут жестоко критиковать. 1 апреля газеты опубликовали длинный, на целую полосу список товаров, на которые были снижены цены.

По инициативе Берии 9 мая президиум ЦК принял сенсационное, хотя и секретное постановление «Об оформлении колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений, организаций в дни государственных праздников». Оно запрещало выставлять на демонстрациях портреты вождей, как ушедших, так и живых. После ареста Берии президиум ЦК спохватится и отменит это беспрецедентное решение. Как же это советские люди выйдут на демонстрацию без портретов членов

президиума?..

Берия, намеренный руководить решительно всем, занялся и международными делами.

В два часа ночи 4 марта 1953 года зазвенел телефон в доме директора Центрального разведывательного управления Соединенных Штатов Аллена Даллеса. Трубку сняла его дочь. Дежурный по управлению попросил ее разбудить отца, крепко спавшего после приема во французском посольстве. Когда Даллес снял трубку, ему зачитали телеграмму из Москвы — у Сталина удар, вождь без сознания, парализован и умирает.

Аллен передал ошеломляющую новость старшему брату — государственному секретарю Соединенных Штатов Джону Фостеру Даллесу. Собрали ведущих кремленологов: чего следует ожидать? К кому перейдет власть в Москве? Кто займет место Сталина?

16 марта, через две недели после того, как вождь ушел в мир иной, Маленков призвал Запад к переговорам:

— В настоящее время нет таких запутанных или нерешенных вопросов, которые нельзя было бы решить мирными средствами на базе взаимной договоренности заинтересованных стран. Это касается наших отношений со всеми государствами, включая Соединенные Штаты Америки.

Через месяц, 16 апреля, выступая перед ассоциацией издателей, американский президент Дуайт Эйзенхауэр ответил, что нормализация отношений с СССР вполне возможна. Его речь перепечатали «Правда» и «Известия». Но, отправляя в Москву нового посла, Эйзенхауэр напутствовал его:

— Смотрите, чтобы вас там не отравили и ни на чем не подловили.

Посол Чарлз Болен прилетел в Москву подавленным и испуганным. Но он увидел, что внешнеполитическая линия Кремля меняется.

Начались переговоры о перемирии в Корее, где война шла уже три года. 27 июля в Пханмунджоне подписали соглашение о перемирии.

Берия попытался восстановить отношения с Югославией, разорванные при Сталине. Поручил разведчикам устроить ему конфиденциальную встречу с Александром Ранковичем, который в Белграде занимал такие же, как он, должности. Ранкович был членом политбюро, заместителем главы правительства и министром внутренних дел. Но встретиться они не успели.

Генерал-лейтенант Амаяк Захарович Кобулов, младший брат первого заместителя Берии, говорил весной 1953 года одному из своих подчиненных:

— Ты и представить себе не можешь, что замыслил Лаврентий Павлович. Он будет решительно ломать существующие порядки, не только в нашей стране, но и в странах народной демократии.

Летом 1953 года ухудшилась ситуация в Восточной Германии. Неумелая политика ее лидеров, низкий уровень жизни по сравнению с Западной Германией привели к народному восстанию 17 июня. Оно было подавлено советскими танками. Но возникли сомнения относительно правильности курса на форсированное строительство в Восточной Германии социализма.

Принято считать, что Берия хотел ликвидировать Германскую Демократическую Республику, цитируют его слова:

— Незачем заниматься строительством социализма в ГДР, необходимо, чтобы Западная и Восточная Германия объединились в буржуазное, миролюбивое государство.

Правда, в заметках прилетевшего в Москву председателя Совета министров ГДР Отто Гротеволя его слова звучат иначе: «Берия говорит: мы все виноваты, никто никого не обвиняет, но восточные немцы должны все быстро исправить».

Лаврентий Павлович пытался продолжить двойственную сталинскую линию в германском вопросе. Москва хотела влиять на всю Германию, но при этом не утратить контроля над ГДР. Причем первая задача Сталину казалась стратегически важнее. Иначе говоря, выгоднее иметь всю Германию нейтральной (то есть вне НАТО), чем половину Германии социалистической.

Берия составил план действий под названием «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». От руководителей Восточной Германии требовали сменить курс: «Признать неправильным курс на форсированное строительство социализма в ГДР». Прекратить искусственно насаждать сельскохозяйственные кооперативы. Не душить средний и мелкий частный капитал. Сделать упор на развитии не тяжелой промышленности, а легкой. Прекратить яростную борьбу с церковью.

— Если мы сейчас не поправим положение, — забеспокоился Маленков, — то наступит катастрофа. Нужно действовать быстро.

Но в Москве мнения разделились. Министр иностранных дел догматик Молотов резко возражал Берии. Спор решился в пользу Молотова, потому что 26 июня Берия утратил и власть, и свободу.

В апреле и мае он вызвал в Москву многих сотрудников резидентур внешней разведки, чтобы проверить их квалификацию и поставить перед ними новые задачи. Шестьсот человек, уточнит потом Маленков. Многих Берия велел заменить. Объяснил:

— Присылаемая ими информация в лучшем случае была

повторением тассовской информации. Агентуры у них никакой нет.

Руководителям представительств МВД в странах народной демократии устроили экзамен на знание языка страны пребывания. Кто сдал, возвращался назад, хотя и с понижением в должности. Несдавших зачисляли в резерв. А язык знали далеко не все — привыкли работать с переводчиком. Берия настаивал на том, чтобы советники не вмешивались во внутренние склоки и не давали рекомендаций по «скользким» делам, которые возникали в результате борьбы в правящей верхушке, дабы ни у кого не было соблазна утверждать, что советские товарищи на его стороне.

Берия намеревался руководить решительно всем в стране. Поручил Григорию Алексеевичу Ордынцеву, который заведовал его секретариатом в Совете министров, подобрать ему помощников по вопросам сельского хозяйства и промышленности, а также найти квалифицированного экономиста, который бы занялся проблемами стран народной демократии.

Инструктировал помощников:

— Вы призваны следить за своей отраслью, изучать ее — для того, чтобы на основе анализа помогать мне ставить в правительстве проблемные вопросы. Обзаведитесь соответствующими данными, материалами и литературой. Если потребуются какие-то данные, чтобы они были под рукой.

Международные дела поручил Петру Афанасьевичу Шарим (профессору и бывшему заместителю начальника внешней разведки), внутриполитические — Борису Александровичу Людвигову, который еще в 1936 году стал его помощником в Закавказском крайкоме, потом заведовал особым сектором в ЦК Грузии.

Он понравился Берии как исполнительный и надежный аппаратчик. В 1938 году уже в Москве Берия назначил его заместителем начальника секретариата НКВД, потом взял помощником в правительстве. На Людвигова чекисты сооружали дело, но Берия не санкционировал его арест. В конце апреля 1941 года Берия привез Кобулова и Людвигова к себе домой на Малую Никитскую обедать. Кобулов выпил и по-дружески поделился с Людвиговым:

— А мы хотели тебя в 1937 году арестовать, но Лаврентий Павлович не дал.

Людвигов был предан Берии, вел его личные и финансовые дела. Говорил:

— Я готов выполнить любое его задание. Я преклоняюсь перед Берией, я в его честь своего сына назвал Лаврентием.

В 1953 году Берия назначил его руководителем секретариата МВД, велел ходить по управлениям министерства, изучать людей:

— Ты же новеньких не знаешь.

Берия говорил, что в стране не должно быть двух хозяев — двух властей: партийной и советской. В Москву приехал глава партии и правительства Венгрии Матяш Ракоши, вежливо обратился к советским товарищам:

— Я прошу дать совет, какие вопросы следует решать в Совете министров, а какие в Центральном комитете?

Берия пренебрежительно сказал:

— Что ЦК? Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой.

8 мая в правдинской передовой «Совершенствовать работу государственного аппарата» говорилось: «Партийные комитеты подменяют и обезличивают советские органы, работают за них… Берут на себя несвойственные им административно-распорядительные функции». Необычную передовую заметили все.

Лаврентий Павлович не скрывал презрения к партийным секретарям:

— На пост секретаря партийного комитета МВД поставь хоть пустую бутылку, это не будет иметь никакого значения.

Если вызывал кого-то из работников аппарата, а тот сидел на партийном собрании, распекал:

— Лодырь, бездельник!

Сотрудники отдела административных органов ЦК, который курировал МВД, не рисковали лишний раз побеспокоить своих подопечных, потому что Берии это не нравилось. Он выговаривал Хрущеву:

— Ваш работник административного отдела позвонил Кобулову и спрашивает его, как идут дела. Это невозможно! Я — член президиума ЦК, а кто-то вызывает моего первого зама.

Первый секретарь Ленинградского обкома Василий Михайлович Андрианов выразил Берии недовольство сменой начальника областного управления внутренних дел. Еще недавно Андрианов был членом президиума ЦК и чувствовал себя уверенно. Но, по словам присутствовавшего при разговоре Мамулова, Берия говорил с ним «грубо и оскорбительно». 16 марта отправил в Ленинград нового начальника управления — генерала Николая Кузьмича Богданова.

Отчитал еще одного первого секретаря обкома, который жаловался на своего чекиста:

— Вы там засиделись, превратились в удельного князя.

Новому первому секретарю ЦК компартии Грузии Александру

Иордановичу Мирцхулаве велел «перешерстить» республиканский партийный аппарат: убери тех, кто слишком долго занимает должность. Мирцхулаву, который в тридцатых годах, при Берии, руководил грузинским комсомолом, в марте 1952 года посадили по «мингрельскому делу». Берия 10 апреля 1953 года вытащил его из тюрьмы. Через четыре дня вчерашнего арестанта утвердили хозяином Грузии. Но заступничество Берии ему не простят: в сентябре 1953 года уберут с высокой должности.

Хорошо зная ситуацию в стране, Лаврентий Павлович сделал ставку на национальные республики, союзные и автономные. Берия заговорил о том, что им должно быть предоставлено больше прав — прежде всего в продвижении местных кадров. Республики злились из-за того, что им на роль начальников присылали людей с другого конца страны, которые не знали ни местных условий, ни языка. И не хотели знать, но вели себя по-хозяйски.

Реализация предложений означали бы прекращение борьбы с мнимым национализмом, жертвой которой становились выдающиеся деятели культуры. Интеллигенция тяжело переживала идеологические кампании, обидные для национальных чувств. Берия предлагал расширить преподавание на родных языках. Хотел ввести национальные ордена — в честь народных героев.

Его помощник Борис Александрович Людвигов позднее рассказал на допросе: «Берия предлагал учредить новый орден, более высший, чем орден Ленина, а именно «Орден Народной славы» с невиданными доселе преимуществами для награжденных. Предусматривалась особая процедура вручения этого ордена на сессии Верховного Совета, выплата денежной премии, строительство государственной дачи. Предлагал учредить союзные и республиканские «ордена культуры», например, в Азербайджане орден «Низами», в Грузии орден «Руставели», на Украине орден «Шевченко», в Армении орден «Налбандян». По этим вопросам Ордынцев по поручению Берии связывался по телефону с секретарями ЦК КП указанных республик».

Лаврентий Павлович направил в президиум ЦК записки о положении на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. В них говорилось о репрессиях и раскулачивании, о насильственной русификации и ошибках в кадровой политике. По его запискам принимались решения о выдвижении национальных кадров, о том, что ведущие республиканские работники обязаны знать местный язык и на нем вести делопроизводство.

В Киев, Минск, Вильнюс вместе с решениями президиума ЦК

пересылались подписанные Берией подробные записки МВД, чтобы всем было ясно, кто именно поставил вопрос и принял решение. После ареста Берию заставили покаяться:

— С моей стороны настаивать на рассылке докладных записок было глупостью и политическим недомыслием. Конечно, тем самым в известной мере принизили значение самих решений ЦК, и создалось недопустимое положение, что МВД как будто исправляет Центральные комитеты коммунистической партии Украины, Литвы и Белоруссии, тогда как роль МВД ограничивалась только выполнением указаний ЦК КПСС и правительства.

Берия информировал ЦК, что в Литве «за послевоенный период подвергнуто разным видам репрессий более 270 тысяч человек, то есть около десяти процентов населения. Но ЦК КП Литвы и Совет Министров Литовской ССР не сумели обезглавить антисоветское подполье. Только серьезными ошибками и слабостью руководства Литовской ССР можно объяснить, что буржуазно-националистическое подполье не только не ликвидировано, но и сумело пустить глубокие корни и даже создать себе некоторую опору в недрах самого населения. Основной ошибкой следует признать то, что партийное и советское руководство Литвы фактически перепоручило важное дело ликвидации буржуазно-националистического подполья органам государственной безопасности, а те, в свою очередь, свели это дело к массовым репрессиям и чекистско-войсковым операциям».

В апреле 1953 года Берия вызвал в Москву министра внутренних дел Литвы генерал-майора Петра Павловича Кондакова.

Он сделал изрядную карьеру в госбезопасности, хотя учился недолго — три класса ремесленного училища и курсы командного состава Красной армии в Казани. Руководил Смоленским, Новосибирским и Крымским управлениями госбезопасности, пока его не взяли в столицу. Семь месяцев Кондаков был заместителем Игнатьева, но попал под очередную чистку органов, устроенную Сталиным. В марте 1952 года его отослали в Вильнюс, министром внутренних дел Литвы он прослужил всего год.

Берия собрал своих заместителей и начальников управлений. Обсуждалась ситуация во всех трех Прибалтийских республиках. Поэтому на совещание к Берии вызвали еще и министров внутренних дел Латвии — генерал-лейтенанта Николая Кузьмича Ковальчука, которого отправили в Ригу только в середине февраля 1953 года, и Эстонии — полковника Валентина

Ивановича Москаленко, недавнего начальника управления в Чите.

Послевоенное время прибалты называют мрачным. Они быстро забыли, что нацисты собирались выселить их из родных мест и освободить земли для немецких колонистов, — потому что возобновились сталинские репрессии. Удар пришелся в основном по деревне. В ходе ускоренной коллективизации мнимых кулаков высылали, имущество экспроприировали. Сельское хозяйство лишилось людей, которые хотели и умели работать. А начальниками в республики присылали людей со стороны. Приезжие исходили из того, что Прибалтика — такая же часть Советского Союза, как и любая другая область, поэтому нет смысла учить местный язык и вникать в местные обычаи. Естественно, это озлобляло латышей, литовцев и эстонцев.

В Москве сознавали, сколь сильно недовольство. Гасили привычными методами. В мае 1950 года политбюро распределяло выпускников Высшей школы МГБ. Большую часть командировали в Прибалтику. Сорок человек в Литву, двадцать пять в Латвию, двадцать в Эстонию. Двенадцать выпускников распределили в органы военной контрразведки Прибалтийского военного округа и 8-го флота, базировавшегося в Таллине, еще пятнадцать молодых офицеров определили в органы военно-морской контрразведки.

Доклад генерала Кондакова о националистическом подполье и действиях бандитов в республике Берию не устроил. Он спросил приехавшего из Литвы министра, почему он именует их «бандитами».

— Они вооружены, грабят и убивают советских людей, — ответил Кондаков.

— Вы сами вынуждаете их на такие действия, — возразил Берия.

Берия назвал неправильными репрессии в отношении католического духовенства, потому что верующие воспринимают это как гонения на церковь. Обратил внимание на высокую роль церкви, на поддержку, которой пользуется националистическое подполье. Предложил пересмотреть дела на высланных священнослужителей, вернуть их в Литву и через них влиять на националистическое подполье. Когда первый секретарь ЦК компартии Литвы Антанас Снечкус просил его усилить глушение иностранных радиостанций, Берия ответил, что не видит в этом никакого смысла.

Берия распорядился сменить Кондакова «как слабого работника». Новым министром внутренних дел Литвы в начале мая назначил Йонаса Ионовича Вильджюнаса — с должности председателя Каунасского горисполкома. Действующих чекистов-

литовцев, достойных выдвижения на пост министра, не нашли. Вспомнили Вильджюнаса. Он стал чекистом после включения Литвы в состав Советского Союза. В войну был в партизанских отрядах на территории Белоруссии. Летом 1947 года подполковник Вильджюнас снял погоны, потому что его перевели на партийную работу.

Берия уволил полковника Москаленко и генерала Ковальчука. Новыми министрами в Таллине и Риге тоже стали местные кадры.

Прежде бюро ЦК КП Литвы не решалось выдвигать на работу в МВД республики литовцев, потому что у многих родственники за рубежом. Глава республики Антанас Снечкус робко ставил этот вопрос на секретариате ЦК в Москве:

— Неужели бабушки и дедушки играют решающую роль, а не сам человек?

Маленков возмущенно заметил:

— Бандиты у себя друг другу больше доверяют, нежели наши работники.

Но ничего не изменилось. А Берия отменил эту практику. В Литве охотно претворяли в жизнь его указания. За несколько дней сменили всех руководящих работников в системе МВД. Расстались с приезжими, с теми, кто не знал литовский язык. Уволили примерно тысячу человек, в том числе секретаря парткома министерства. Лишенные должности не стеснялись в выражениях. Бывший начальник одного из райотделов бросил:

— Эти пастухи, которые теперь взяли отдел в свои руки, не смогут руководить и обеспечить нормальное политическое руководство в районе.

Все документы писали только на литовском языке. На совещаниях выступали по-литовски. Составляли списки нелитовцев в партийном и советском аппарате, выясняли, куда они после освобождения от должности намерены вернуться. По республике пошли разговоры, что уедут все русские, а колхозы распустят.

Председатель Совета министров республики Мечисловас Гедвилас на пленуме ЦК компартии Литвы сочувственно обратился к литовцам, не знающим родного языка:

— Русских отзовут, а куда поедете вы, забывшие язык своих отцов?

В Москву пошли пугающие сообщения о том, какие крамольные речи произносят в своем кругу литовские чиновники, считавшиеся лояльными.

Секретарь Варенского райкома партии Кашинскас проводил совещание с работниками райкома и райотдела МВД. Порадовал

коллег:

— Раньше политика в отношении литовцев была неправильной и проводилась так же, как при немецкой оккупации. Сейчас вопрос решается правильно. Нечего русским делать в Литве, пусть убираются отсюда.

Секретарь Ионишского райкома партии Ратникас на пленуме отчитал русских работников так, что несколько человек демонстративно вышли, хлопнув дверью. Первый секретарь Пагегского райкома партии Генявичюс в ресторане провозгласил тост:

— Я пью за единую и независимую Литву.

Жена хозяина района рассказывала, что «скоро подадут эшелоны и будут вывозить русских так, как они вывозили литовцев».

Вилис Круминьш, второй секретарь ЦК компартии Латвии, вспоминал, что к ним в Ригу поступила записка Берии и указание: перевести делопроизводство на латышский язык, а номенклатурных работников, не знающих латышского, откомандировать в распоряжение ЦК КПСС.

Составили список из ста семи человек, которых следовало отправить домой. Позвонили в Москву: как же можно отсылать этих людей, ведь мы только что пригласили их в Латвию? В ЦК пригрозили:

— Не выполните указание, будете нести партийную ответственность. А может быть, и не только партийную.

Некоторые партработники сразу же забыли русский язык. Секретарь республиканского ЦК по идеологии Арвид Янович Пельше, будущий член политбюро, умевший держать нос по ветру, распорядился:

— Кадры надо латышизировать.

Но Берию арестовали, и прежние указания отменили. Арвид Пельше послушно превратился в твердокаменного борца со всеми проявлениями «национализма».

16 мая Берия направил в президиум ЦК записку о неблагополучии на Западной Украине, где люди недовольны действиями власти. В записке говорилось о масштабах репрессий и раскулачивания на Западной Украине: с 1944 по 1953 год почти полмиллиона человек арестовали, убили или выслали. Берия пришел к выводу, что привычные методы борьбы с подпольем приносят отрицательный результат:

«Чекистско-войсковые операции, как правило, сопровождались сплошным «прочесыванием» населенных пунктов и массовыми обысками населения. Производились аресты и выселение граждан по малозначительным материалам, а иногда и

вовсе без всяких оснований. Естественно, что такое положение не могло не озлобить широкие слои населения и способствовало усилению среди них влияния вражеских элементов. Среди населения западных областей УССР, особенно сельских районов, имеет место недовольство проводимыми советской властью мероприятиями».

Берия отметил ошибки в кадровой политике: слишком много приезжих. Требовал серьезных перемен в республике. Руководствуясь критической запиской Берии, в Киеве провели пленум ЦК компартии Украины. Признали неудовлетворительной работу республиканского политбюро по руководству западными областями, отменили «порочную практику» выдвижения на руководящие посты в западных областях работников из других районов, перевод преподавания в украинских вузах на русский язык.

4 июня первого секретаря республиканского ЦК сняли «как не обеспечившего руководства». Вместо Леонида Георгиевича Мельникова, который хотя и проработал долгие годы в Полтаве, Донецке и Киеве, но по паспорту был русским, назначили украинца Алексея Илларионовича Кириченко. Правда, непонятно, кто от этого выиграл. Человек он был малообразованный, грубый, но понравился Хрущеву, когда тот руководил Украиной, и потому Кириченко сделал фантастическую карьеру.

Новый хозяин республики бодро призвал исполнить волю Москвы:

— Нам мало признать просчеты и недостатки. Наша задача заключается в том, чтобы глубоко осознать политическое содержание допущенных ошибок, огромное значение той помощи, которую оказывает нам ЦК КПСС своим постановлением от 26 мая, — и с настойчивостью, присущей коммунистам, взяться за ликвидацию просчетов и недостатков в руководстве западными областями.

Для украинских чекистов идеи Берии оказались сюрпризом. Удивление вызвали и указания назначенного весной 1953-го министром внутренних дел республики Павла Яковлевича Мешика. Выступая перед чекистами в Киеве, он говорил:

— Прежде всего я хочу поздравить вас с тем, что руководство Министерством внутренних дел поручено товарищу Лаврентию Павловичу Берии, что кончился наконец тот мрачный период, когда органы государственной безопасности находились в руках авантюристов типа Игнатьева. С приходом товарища Берии чекистские органы снова стоят на страже интересов советского народа, интересов коммунистической партии, на страже социалистической законности…

В войну Павел Мешик служил заместителем начальника Главного управления контрразведки Смерш, потом стал правой рукой Берии в атомном проекте.

Он выразил недовольство тем, что оперативно-разыскные мероприятия заканчиваются уничтожением боевиков, а они нужны живыми для пропагандистской работы. Предложил прекратить аресты и высылку униатских священников, объяснил: это лишь озлобляет людей, надо убеждать, а не уничтожать.

Мешик украинского языка не знал, но обещал выучить. Просил составлять ему бумаги на украинском. Распорядился назначать на руководящие должности тех, кто знает украинский. А уж на Западной Украине следовало говорить по-украински безукоризненно, поэтому в местные органы госбезопасности было приказано набрать триста человек из местных уроженцев. У кадровиков возникла проблема, потому что чуть ли не каждый житель Западной Украины так или иначе оказался связанным с подпольем.

На заседании парткома министр Мешик заметил:

— Слушать «Голос Америки» и Би-би-си — отнюдь не криминал, я и сам их слушаю.

Члены парткома министерства решили, что ослышались. Мешик, не стесняясь, критиковал партаппарат. На совещании во Львове пренебрежительно бросил в адрес секретаря ЦК Украины, пожелавшего контролировать работу органов:

— Он в этом деле ничего не смыслит, и нечего ему там делать.

Расстался с заместителем по кадрам:

— Вы не умеете защищать чекистов, вам не место в органах госбезопасности.

Мешик запретил «особые методы» допроса. Приказал не приводить в исполнение уже вынесенные оуновцам смертные приговоры. Велел пересмотреть дела, чтобы освободить некоторых оуновцев и с их помощью вести игры с подпольем. Цель: подавить его меньшей кровью.

Заместителем Мешик привез из Москвы еще одного ветерана-чекиста генерал-лейтенанта Соломона Рафаиловича Мильштейна. Он начинал службу вместе с Берией в ГПУ Грузии. Пошел по партийной линии, стал секретарем Тбилисского горкома. Вслед за Лаврентием Павловичем переехал в Москву и возглавил Главное транспортное управление НКВД. Он был очень близок к Берии. Разговаривая по телефону, называл его «товарищ Лаврентий».

Мильштейн объяснил начальнику Львовского областного управления генерал-лейтенанту Тимофею Амвросиевичу

Строкачу и заместителю министра внутренних дел Украины генерал-лейтенанту Петру Ивановичу Ивашутину (будущему начальнику военной разведки Министерства обороны), что теперь все будет по-новому, партийные органы не смогут вмешиваться, как это было раньше, в работу чекистов, начальники областных управлений станут независимыми от секретарей обкомов.

Видавших виды киевлян оторопь брала от указаний московских людей. Новые указания означали полную перемену чекистской линии, поворот на сто восемьдесят градусов. Мильштейн объяснял подчиненным, что ликвидация униатской церкви — политически вредное мероприятие и не поддержано украинским народом:

— Настало время приблизить духовенство к советской власти, заставить его переменить образ мыслей и работать нам на пользу.

Сразу после ареста Берии, 28 июня 1953 года, генерал Строкач написал заявление на имя Хрущева, которого хорошо знал по совместной работе в Киеве:

«В апреле т. Мешик дал мне как начальнику управления МВД по Львовской области указание собрать и донести в МВД УССР сведения о национальном составе руководящих партийных органов. Одновременно т. Мешик предложил сообщить о недостатках работы партийных органов в колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях, среди интеллигенции и среди молодежи.

Считая такие указания неправильными, так как органы МВД не имеют права проверять работу партийных органов, я позвонил по ВЧ т. Мешику и проверил, действительно ли он дал такое указание. Тов. Мешик обрушился на меня с ругательствами:

— Тебе вообще наших чекистских секретных заданий нельзя поручать. Ты сейчас же пойдешь в обком и доложишь о них секретарю. Но знай, что это задание исходит от т. Берии и с выполнением его тянуть нельзя. Потрудитесь выполнить его сегодня же.

Я доложил секретарю обкома партии т. Сердюку о полученном мною от т. Мешика явно неправильном указании. Сердюк возмутился и немедленно доложил бывшему секретарю ЦК КП Украины т. Мельникову.

В тот же день вечером мне во Львов позвонил т. Берия:

— Вы ничего не понимаете! Зачем пошли в обком и рассказали Сердюку о полученном задании? Вместо оказания помощи вы подставляете ножку т. Мешику. Мы вас выгоним из органов, арестуем и сгноим в лагерях! Мы вас сотрем в порошок, в лагерную пыль превратим! Ты понял или нет? Понял?

На мои попытки объясниться т. Берия не стал меня слушать и положил трубку.

Я доложил секретарю ЦК КП Украины т. Мельникову о полученном мною замечании от т. Берии и просил его вмешательства и защиты. Тов. Мельников успокаивал меня, рекомендовал не волноваться:

— Вас ЦК КП Украины знает, вам доверяет и никогда в обиду не даст. Нам известно, что вас во Львове хорошо приняли, вашей работой довольны, и вы спокойно работайте.

Несмотря на это, 12 июня МВД СССР меня сняло с должности начальника УВД и отозвало в Москву. Тов. Мешик в издевательской форме говорил мне:

— Ну как, попало тебе от т. Берии? Впредь умнее будешь. А Мельников — секретарь ЦК — плохой чекист. Он тебя как шпиона ЦК сразу выдал. Звонит мне и говорит, что Строкач доложил секретарю обкома Сердюку о том, что я, Мешик, собираю сведения о партийных кадрах. Разве можно так расконспирировать свою агентуру!

Находясь в Москве с 15 июня, я несколько раз просил т. Берия и его заместителя т. Кобулова Б.З. принять меня для личного объяснения, но безрезультатно».

Снятый с должности генерал Строкач рассказал, как маялся в Москве в ожидании нового назначения и зашел к генерал-лейтенанту Амаяку Кобулову, заместителю начальника контрольной инспекции Министерства внутренних дел, — как к человеку, близкому к верхам, — за советом и помощью.

Кобулов ему объяснил:

— Теперь органы МВД не будут в такой зависимости от партийных органов, как это было раньше. Вы не представляете себе, какими правами пользуется товарищ Берия. Он решительно ломает все старые порядки. Не надо бояться, что начальник УМВД или республиканский министр попадет в опалу перед партийными органами. Вот вам свежий пример: товарищ Мельников, секретарь ЦК компартии Украины, напоролся на Мешика и полетел, даже несмотря на то, что он был в президиуме ЦК КПСС.

Заявление генерала Строкача появилось как нельзя вовремя — его цитировали как свидетельство намерения Берии поставить чекистский аппарат выше партийного.

Тимофей Строкач, бывший пограничник и партизан, имел все основания быть обиженным на Берию и его выдвиженцев. До смерти Сталина он семь лет был министром внутренних дел Украины, а Петр Ивашутин — республиканским министром госбезопасности. Но Ивашутина хотя бы оставили в Киеве замом,

а Строкача перевели во Львов начальником областного управления.

Амаяк Кобулов разговор со Строкачем изложил иначе. В тот момент в его кабинете находился один из подчиненных. Появился огорченный Строкач и попросил того генерала выйти, чтобы поговорить с глазу на глаз:

— Строкач рассказал, что у него получилась неприятность. Звонил ему во Львов начальник секретариата МВД Украины и просил подобрать в обкоме партии материалы о перегибах по Западной Украине. Он имел возможность негласно все это получить, но черт его толкнул, и он обратился к секретарю Львовского обкома партии Сердюку. Тот разгневался и доложил секретарю ЦК Украины Мельникову. По-видимому, Мельников, в свою очередь, звонил в Москву, потому что через некоторое время раздался звонок Берии. Берия его ругал за то, что он, Строкач, вставляет палки в колеса Мешику. Посему он, Строкач, назначается во Владимирскую область. И Строкач заплакал. Плакал он еще потому, что зря Берия его ругал, так как основанием снятия Мельникова с должности первого секретаря ЦК Украины послужили материалы, добытые им, Строкачем… Я его успокоил, ну, посоветовал пойти к Берии и дать личное объяснение, обнадежил, что все это недоразумение и утрясется.

8 июня 1953 года Берия отправил в президиум ЦК письмо о национальном составе аппарата МВД Белоруссии. Он писал, что в аппарате министерства и местных органах на руководящих постах почти совсем нет белорусов: «Примерно такое же положение с использованием белорусских кадров имеет место в республиканских, областных и районных партийных и советских организациях», в западных областях на руководящих должностях почти совсем нет местных уроженцев. В институтах преподавание ведется исключительно на русском языке, хотя в тридцатых годах учили и на белорусском. Попутно он отметил бедственное положение крестьян: в западных областях в колхозах люди совсем мало получают на трудодни…

Министром внутренних дел Белоруссии служил генерал-майор Михаил Иванович Баскаков. Он был сиротой. Родители оставили его совсем маленьким, он не знал своего настоящего имени. Его воспитывала в Гжатском уезде женщина, которая получала за это шесть рублей казенных денег ежемесячно до революции. Баскаков окончил четырехклассную школу и после революции работал слесарем и кочегаром на лесопильном заводе. В 1933 году его взяли в ОГПУ. Он успешно продвигался по служебной лестнице. Войну провел начальником управления госбезопасности в Горьком. Руководил госбезопасностью в

Хабаровском крае и в Узбекистане. В Минск приехал в феврале 1952 года.

В марте 1953 года объединили два министерства — МВД и МГБ. В Минске выбирали, кого поставить во главе единого ведомства — генерала Баскакова или генерала Бельченко, который десять лет прослужил республиканским министром внутренних дел. Первый секретарь ЦК Николай Семенович Патоличев выбрал Баскакова, это был его человек.

Однажды белорусского министра искал Берия. Телефонистки вч — связи отыскали его в кабинете Патоличева. Когда их соединили, Берия спросил:

— Ты где?

— В ЦК, у первого секретаря.

— Иди к себе и оттуда перезвони, — распорядился Берия.

6 июня 1953 года генерал Баскаков прилетел в Москву. Первый заместитель союзного министра Богдан Кобулов поручил своему помощнику вместе с Кондаковым составить на имя Берии записку.

— В течение 30–40 минут была продиктована стенографистке записка, причем в нее включались данные только те, которые показывали организации, где работало белорусов мало и имелось больше русских, — рассказывал Кондаков. — Записка была подписана мною и сдана Кобулову. Буквально через час меня вызвали к Берии, где объявили, что я освобожден от должности министра внутренних дел Белоруссии.

Берия предложил вернуться на этот пост генералу Бельченко. Тот отказался, поскольку не знал белорусского языка. Своей властью вместо Баскакова Лаврентий Павлович назначил министром его недавнего заместителя — полковника Михаила Федоровича Дечко, которому вменил в обязанность «принять меры к укомплектованию кадров МВД

Белоруссии проверенными местными кадрами». Через полтора месяца Баскаков вернется в свой кабинет — как пострадавший от Берии…

Лаврентий Павлович предложил сменить и первого секретаря республики: русского Николая Семеновича Патоличева на белоруса Михаила Васильевича Зимянина.

Зимянин, бывший партизан, делал после войны успешную карьеру. В 1947 году его утвердили секретарем, затем вторым секретарем ЦК компартии Белоруссии. Но весной 1950 года Сталин прислал в Минск лично ему известного Патоличева.

Отношения первого секретаря со вторым не сложились, и в конце концов их развели. В 1953 году Михаила Васильевича отозвали в Москву, назначили членом коллегии Министерства

иностранных дел с прицелом на посольскую должность. А Лаврентий Павлович как раз искал видного белоруса, члена ЦК КПСС. В начале июня 1953 года Зимянину в МИД позвонили из секретариата Берии и попросили набрать по вертушке Лаврентия Павловича.

Тот недовольно поинтересовался:

— Как вы попали в МИД?

Зимянин пояснил, что таково было решение президиума ЦК.

— Белорусский язык знаете?

— Знаю.

— Я вас вызову, — обещал Берия и повесил трубку.

Зимянин пошел к Молотову:

— Я хотел бы остаться в МИД.

Вячеслав Михайлович дал понять, что речь идет о предложении, против которого «ему трудно возражать». 12 июня президиум ЦК КПСС принял постановление о Белоруссии, аналогичное украинскому. Зимянину опять велели позвонить Берии. Тот сказал, что ждет его в понедельник 15 июня. Принял Михаила Васильевича вечером. Говорил по обыкновению коротко:

— Решение о вашем назначении в МИД — ошибочное, неправильное.

— Мое дело солдатское, — в своем стиле ответил Зимянин. — ЦК решает вопрос о моей работе. Я не могу рассуждать, правильно это или неправильно, а обязан его выполнять, как и всякое другое.

— Ваше дело не совсем солдатское, — резонно возразил Берия. — И даже вовсе не солдатское. Белорусы — удивительно спокойный народ. На руководящую работу их не выдвигают — они молчат. Хлеба дают мало — они молчат. Узбеки или казахи на их месте заорали бы на весь мир. Что за народ белорусы!

Спросил его мнение о Патоличеве. И тут же прервал Зимянина:

— Патоличев — плохой руководитель, пустой человек.

Объяснил, что написал записку в ЦК, в которой подверг критике неудовлетворительное положение дел в республике:

— Надо поправлять. Вам предстоит это сделать.

И в очень резкой форме предостерег:

— Не ищите себе шефов, как это делали ваши предшественники.

Предупредил, что уже назначил нового министра внутренних дел республики — Дечко, новых начальников областных управлений — белорусов:

— Вам надо с ними познакомиться. Надо поддерживать чекистов, у них острая работа, а долг чекистов — поддерживать

вас.

Спросил, читал ли Зимянин его записку в ЦК о ситуации в республике. Михаил Васильевич о ней ничего не знал. Берия велел сотруднику секретариата принести экземпляр и расписал его Зимянину. Тот вышел в комнату секретариата и там внимательно ее прочитал.

Николай Семенович Патоличев оставил воспоминания, изданные после его смерти. О грозящей опасности его предупредил уже снятый с должности министра внутренних дел республики генерал Баскаков. А тот о предстоящих кадровых переменах узнал от генерала Кондакова, который, будучи в Москве, услышал, что на Патоличева собирают материал.

Николай Семенович поехал в Москву. Там он встретил уже освобожденного от работы бывшего первого секретаря ЦК компартии Украины Леонида Мельникова, которого оформляли послом в Румынию. Патоличев обошел всех, кто принимал решения. Побывал у секретаря ЦК Хрущева и у главы правительства Маленкова. Ни один не признался, что Патоличева планируют освободить от должности. Умные люди посоветовали: просись на прием к Берии.

Патоличев позвонил ему. Берия сослался на перегруженность работой и от встречи уклонился. Это уже многое сказало опытному Патоличеву. Николай Семенович ни с чем вернулся в Минск. А через несколько дней позвонил Хрущев и сказал, что его освобождают от должности «за нарушение ленинской национальной политики».

Но Патоличеву невероятно повезло. Пленум ЦК компартии Белоруссии, на котором первого секретаря обвиняли в неправильном подборе и расстановке кадров, крупных ошибках в управлении народным хозяйством, начался 25 июня 1953 года, накануне ареста Берии, о чем в Минске конечно же не подозревали.

Пленум открыл секретарь ЦК Белоруссии по пропаганде Тимофей Сазонович Горбунов. Мрачный Патоличев сидел в президиуме, но в стороне. В повестке два вопроса — задачи коммунистов республики и организационный. Вернувшийся на родину Зимянин обрушился с жесткой критикой на первого секретаря, которого должен был сменить. Он выступал на белорусском языке. Впервые в истории компартии республики. Критиковали Патоличева и республиканские работники, в том числе первый заместитель председателя Совмина Петр Андреевич Абрасимов, будущий посол в ГДР.

Выступил Патоличев, ритуально признавал свои ошибки, послушно произнес:

— Я сюда приехал по указанию Центрального комитета, по его указанию и уезжаю.

На следующий день пленум продолжился. Но пока в Минске, выполняя указание Москвы, в пух и прах разносили первого секретаря, в столице арестовали Берию. Ситуация полностью переменилась. Патоличева вызвали к аппарату ВЧ. С ним пожелали поговорить Маленков и Хрущев:

— Берия арестован, но пока держите это в секрете. Если пленум ЦК компартии Белоруссии попросит ЦК КПСС, решение о вашем отзыве может быть отменено.

Московские товарищи поговорили и с Зимяниным. После перерыва Михаил Васильевич опять появился на трибуне и столь же убежденно предложил не снимать Патоличева. И люди, только что требовавшие снять своего первого секретаря, проголосовали за то, чтобы «просить президиум ЦК КПСС пересмотреть постановление ЦК КПСС от 12 июня с. г. в отношении тов. Патоличева Николая Семеновича и оставить его первым секретарем ЦК КПБ».

Михаила Васильевича Зимянина не хотели обижать. IV пленум ЦК компартии Белоруссии рекомендовал утвердить его председателем Совмина республики. Молотов рассказал об этом на пленуме ЦК КПСС в Москве:

— С большим единодушием решили оставить Патоличева первым секретарем, а товарища Зимянина, хорошего товарища, — мы сделали председателем Совета министров Белоруссии.

Но Зимянин не пожелал оставаться в Минске на вторых ролях. Ему пришлось опять уехать из республики, да еще и объясняться относительно своих отношений с Берией. Его вновь определили в Министерство иностранных дел.

Львы и кролики в Кремле

Дело даже не в том, что Маленков чувствовал себя неуверенно в роли первого человека. А в том, что не сумел это скрыть. Чиновники боятся жестких и жестоких начальников, мягких — презирают, считают слабаками. Сильной фигурой чисто внешне казался министр обороны Николай Булганин в маршальском мундире. Но он был известен пристрастием к хорошеньким артисткам. Вообще любил наслаждаться жизнью. Ему тоже не хватало воли и решительности.

Страной управлял тандем Маленков — Берия. Формально Георгий Максимилианович был старшим. Фактически Берия подчинил его своей воле. Лаврентий Павлович презрительно именовал его «Маланьей» — за мягкотелость — и пользовался его слабоволием. Для Берии Маленков был удобной ширмой.

«Характер человека нигде так ярко не проявляется, как в игре, — вспоминал Меркулов. — Я неоднократно наблюдал Берию в игре в шахматы, в волейбол. Для Берии в игре (и я думаю, и в жизни) важно было выиграть во что бы то ни стало, любыми способами, любой ценой, даже нечестным путем. Он мог, например, как Ноздрев, стащить с шахматной доски фигуру противника — чтобы выиграть».

Мир делится на львов и кроликов.

Львами были только двое — Хрущев и Берия.

Разница между ними состояла в том, что Никита Сергеевич отчетливо понимал, насколько опасен Лаврентий Павлович. А Берия Хрущева недооценил.

Принято считать, что арест Берии — поворотный момент в истории страны, начало борьбы с культом личности Сталина. Нет, летом 1953 года это была борьба за власть и за выживание. Избавлялись от опаснейшего соперника. Себя спасали.

Свидетельств, подкрепляющих версию о том, что Берия готовился свергнуть партийное руководство и всех арестовать, не найдено. Лаврентий Павлович, похоже, собирался со временем стать руководителем партии и государства. Наверное, думал про себя: чем он хуже Сталина? Но не спешил.

Берию арестовали без предъявления обвинений, без ордера, без возбуждения уголовного дела. Хрущев откровенно говорил:

— Товарищи, с таким вероломным человеком только так надо было поступить. Если бы мы ему сказали хоть немного раньше, что он негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами. Он это умел… Он способен подлить отраву, он способен и на все гнусности… Мы считали, что если он узнает о том, что на

заседании будет обсуждаться о нем вопрос, то может получиться так: мы на это заседание придем, а он поднимет своих головорезов и черт его знает, что сделает.

В перестроечные годы появились рассказы отставных офицеров о том, как в день ареста Берии их части подняли по тревоге и приказали подготовиться к бою. И вроде бы офицеры 3-го управления (военная контрразведка) Министерства внутренних дел пытались помешать войскам развернуться. Начальником 3-го управления был генерал Сергей Гоглидзе… Ходили слухи, будто дивизия войск МВД была подтянута к Москве и ждала только приказа Берии войти в столицу.

Профессор Наумов:

— Дивизия и сейчас там стоит — это бывшая дивизия внутренних войск имени Дзержинского… Нет доказательств, что Берия готовился к захвату власти. А ему и не надо было. Он их всех держал в руках благодаря своим досье. Каждого мог в любую минуту обвинить в чем-то преступном. Но не торопился. Он считал, что еще не созрел этот плод. Ждал, пока власть сама упадет к его ногам.

Если Берия не собирался убирать товарищей по президиуму ЦК, то почему же тогда Хрущев и другие его арестовали?

Профессор Наумов:

— У него стремительно рос авторитет в стране. Маленков, Булганин, Молотов, Хрущев на его фоне казались слабыми как государственные деятели. Он в силу своего характера всех подавлял, на заседаниях никому не давал говорить, сам открывал обсуждение, сам подводил итоги, прерывал других ораторов, мог оскорбить грубым словом. Они его боялись и отпора дать не могли.

После ареста Лаврентий Павлович просил его простить за его манеры: «Поведение мое на заседании Президиума ЦК и Президиума Совмина очень часто было неправильное и недопустимое, вносившее нервозность и излишнюю резкость. Я понял, что иногда доходило до недопустимой грубости и наглости в отношении товарищей Хрущева и Булганина».

С более мелкими фигурами он и вовсе не церемонился. В марте вызвал к себе управляющего делами Совета министров Помазнева и сказал, что сокращает контингент, обслуживаемый управлением охраны МВД. Тот поинтересовался, о ком идет речь. Берия перечислил фамилии чиновников, которых после смерти Сталина подвинули с высших постов: Косыгин, Пегов, Суслов, Пономаренко… Пренебрежительно бросил: чекисты больше не будут обслуживать их дачи.

Заговор созрел в начале июня 1953 года. Такое дельце не

всякий смог бы провернуть. Мотором заговора стал Хрущев. Пока Берия находился у власти, Никита Сергеевич обречен был находиться на вторых ролях.

Маленков согласился убрать Берию, потому что сам его боялся. Не понял, что тем самым лишает себя опоры. Едва Лаврентий Павлович исчез, соратники быстренько съели Георгия Максимилиановича. Молотов, Хрущев и Маленков обрабатывали других членов президиума ЦК. Вячеслав Михайлович сыграл особую роль — он уговорил ветеранов. Хрущев не обладал еще достаточным авторитетом, Маленкову они не верили.

Головой рисковали. Важные разговоры вели на улице. Исходили из того, что нельзя пользоваться телефоном, обсуждать нечто серьезное в рабочих кабинетах или у себя на квартирах и дачах. На пленуме ЦК в июле 1953 года Булганин рассказал:

— Члены президиума оказались под надзором МВД и Берии. За членами президиума было установлено наблюдение. Товарищи, мы имеем в своем распоряжении записи подслушивания Хрущева, Маленкова, Молотова, Булганина, Ворошилова. За ними наблюдали. Я приведу один небольшой, может быть, факт, но он характерен, чтобы поняли обстановку. За два-три дня, кажется, до того, как 26 июня его арестовали, мы на машине поехали ночью в половине второго, кончив поздно работать, на квартиру — товарищ Маленков, товарищ Хрущев, я и Берия, — он нас подвез на квартиру. Живем мы — Георгий Максимилианович, Никита Сергеевич и я — в одном доме. Мы с Никитой живем друг против друга на одном этаже, а Георгий этажом ниже. Приехали мы на квартиру. Георгий Максимилианович на четвертый этаж пошел, а мы с Никитой на пятый поднялись.

Поднялись на площадку, стоим и говорим, что жарко дома, поедем на дачу. Он говорит: «Я зайду домой, взгляну». А я говорю: «Я прямо поеду на дачу». В этот же лифт сел, спустился, поехал на дачу. На другой день Никита Сергеевич звонит мне среди дня и говорит: «Слушай, я для проверки хочу спросить. Ты никому не говорил, что мы уехали на дачу? У тебя не было ни с кем разговора? Откуда Берия знает, что мы уехали на дачу? Он позвонил мне и говорит: «Ты с Булганиным на дачу поехал».

На другой день у товарища Маленкова в его комнате Берия говорит: «Они хитрят. Поднялись на квартиру, а потом уехали на дачу». Я говорю: «Дома очень жарко, поехали на дачу». «Брось, — говорит, — ты в квартиру не заходил, спустился в лифте и поехал на дачу, а Хрущев — тот действительно зашел и за тобой следом поехал». Мы решили это в шутку превратить. Никита Сергеевич говорит: «Как здорово узнаешь, у тебя что, агенты?»

Булганин продолжал:

— Товарищи, разоблачение Берии, я скажу вам, в особенности завершение этого разоблачения и сам арест Берии были трудным делом и рискованным делом. И здесь надо отдать должное товарищам Маленкову, Хрущеву и Молотову (в зале бурные аплодисменты), которые организовали хорошо это дело и довели его до конца.

Хрущев прервал его:

— Одна поправка есть: и себя ты не исключай из этого.

Раздались аплодисменты.

Булганин:

— Я очень тебе благодарен, Никита, за эту реплику и заявляю тебе и всем другим товарищам, что я поступил так, как должен поступить каждый порядочный член партии.

Маленков говорил, что госбезопасность его подслушивала. Хрущев возразил, что это его подслушивали. Они прекрасно знали, что подслушивали обоих. За членами президиума ЦК наблюдение установил Сталин. Личная охрана не столько берегла руководителей государства, сколько докладывала, с кем разговаривал подопечный, кому звонил, поэтому Берия и знал, кто дома ночует, а кто на даче. Кроме того, Берия велел Лечебно-санитарному управлению Кремля присылать ему информацию о состоянии здоровья министров и других высших чиновников.

23 июля 1953 года новые руководители МВД доложили Маленкову, что в разгар войны в квартирах маршалов Буденного, Жукова, Тимошенко на улице Грановского, дом 3 была установлена аппаратура прослушивания. Прослушивать Буденного приказал заместитель наркома внутренних дел Богдан Кобулов. Квартиры Жукова и Тимошенко в июне 1943 года — начальник Главного управления военной контрразведки Смерш Виктор Абакумов. Такое распоряжение мог им дать только Сталин.

Маршала Ворошилова подслушивали с 1942 года, когда Сталин разозлился на него за провалы на фронте и определил на незначительную для бывшего наркома обороны должность главнокомандующего партизанским движением.

Товарищи по партийному руководству свергли Берию не только потому, что он претендовал на первую роль. Опасались, что он вытащит на свет документы, свидетельствующие об их причастности к репрессиям.

Лаврентий Павлович, имея в своем распоряжении архивы госбезопасности, запросто мог обнародовать любые документы и выставить товарищей по президиуму ЦК преступниками, а себя разоблачителем их преступлений. Он-то знал, кто в чем

участвовал. А виноваты были все. Одни подписывали уже готовые списки, другие сами требовали кого-то арестовать. Берия всех держал в руках. Начальник Центрального архивного управления МВД генерал Василий Дмитриевич Стыров уже велел своим работникам собрать все материалы, в которых упоминается Маленков.

А Лаврентий Павлович и считал, что его должны бояться. На совещании однажды искренне заметил:

— Нет людей, работающих за совесть, все работают за страх.

Маленков первым предложил собрать в апреле 1953 года пленум ЦК, чтобы осудить культ личности. Но он не решался назвать имя вождя, а Берия прямо говорил о культе Сталина, о сталинских ошибках и преступлениях.

Он ознакомил членов ЦК со своей запиской по «делу врачей». Это объемистый документ в несколько десятков страниц. В нем цитировались показания следователей МГБ и резолюции Сталина, который требовал нещадно бить арестованных. Они произвели впечатление разорвавшейся бомбы.

«Членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле, — вспоминал Константин Симонов, — с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с «врачами-убийцами», с показаниями арестованного начальника следственной части бывшего МГБ о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее, и тому подобное. Чтение было тяжкое, записи были похожи на правду и свидетельствовали о болезненном психическом состоянии Сталина, о его подозрительности и жестокости, граничащих с психозом… Поэтому к тому нравственному удару, который я пережил во время речи Хрущева на XX съезде, я был, наверное, больше готов, чем многие другие люди».

Берия тем самым снимал с себя ответственность и намерен был призвать к ответственности других. Это напугало партийный аппарат. Хрущев и Маленков предпочли обвинить Берию во всех преступлениях.

Как же получилось, что такой опытный человек, такой умелый интриган, который выжил при Сталине, позволил себя арестовать? Расслабился, потерял бдительность, недооценил товарищей, в особенности Никиту Сергеевича Хрущева.

— Он считал нас простаками, — скажет потом на пленуме Маленков.

— Но мы не такие простаки оказались, — довольно отзовется Хрущев.

Судьбу Берии решил деятельный и напористый Хрущев.

После свержения Берии он выдвинется на главные роли и будет избран первым секретарем ЦК КПСС. Другие члены партийного руководства не собирались расстреливать Берию. Маленков полагал достаточным передать пост министра внутренних дел кому-то другому, лишить Лаврентия Павловича должности первого заместителя председателя Совета министров, но назначить его министром нефтяной промышленности.

Генерал Николай Захаров 25 июня 1953 года около полуночи проверял посты на улице Грановского, где находилась комендатура управления охраны, поскольку там жили несколько членов президиума ЦК. К дому подъехали четыре правительственных лимузина ЗИС (два с охраной). Захаров спрятался за угол и стал наблюдать.

Из первой машины вылез Маленков, за ним появился Берия. Они несколько минут поговорили, потом расстались. Георгий Максимилианович поднялся в свою квартиру. Берия поехал к себе домой. Следующий день станет для него последним.

Арест Берии взял на себя министр обороны Булганин. Непосредственное руководство поручил своему новому первому заместителю маршалу Жукову. Работая над мемуарами, Георгий Константинович описал эти события. Но напечатать главу под названием «После смерти Сталина» ему не позволили. Лишь в 1974 году, когда Жукова не стало, текст принесли заведующему общим отделом ЦК Константину Устиновичу Черненко, он отдал рукопись на хранение в 6-й сектор. Ее опубликовал журнал «Исторический архив» (№ 3/1999).

В тот мартовский день Жуков, командовавший войсками Уральского военного округа, вернулся в Свердловск с учений. Его искал Булганин. Распорядился по телефону:

— Завтра утром вам нужно быть в Москве.

Жуков пытался узнать причину срочного вызова.

Ответ гласил:

— Прилетишь — увидишь.

«В последние годы меня редко вызывала Москва, чтобы порадовать чем-то приятным», — вспоминал Жуков, так что он мог ожидать все что угодно.

Прямо с аэродрома его повезли в Министерство обороны. Булганин уже был в шинели, он спешил:

— Сегодня состоится пленум ЦК. Вам надо быть. Я тороплюсь в Кремль.

Жуков пошел к начальнику Генерального штаба маршалу Василевскому. Тот тоже ничего не знал.

В тот же день Жуков был назначен первым заместителем министра обороны.

— В прошлом между нами не все было гладко, — сказал ему Булганин. — Но на прошлом надо поставить крест и работать на здоровых дружеских началах.

— Вы сделали много неприятного для меня, подставляя под удары Сталина, — ответил Жуков, — но, если искренне хотите дружной работы, давайте забудем о прошлом.

К подготовке ареста Берии его привлек Булганин, но поручение дал главный человек в стране — Маленков. Хрущев спросил:

— У вас нет сомнений на сей счет?

— Какие могут быть сомнения? Поручение будет выполнено.

— Имейте в виду, — заметил Хрущев, — что Берия ловкий и довольно физически сильный человек. К тому же он, видимо, вооружен.

— Я, конечно, не спец по арестам, — с присущей ему уверенностью ответил Жуков, — этим не довелось заниматься. Но у меня не дрогнет рука.

Жуков подбирал людей, которым верил и которые не испугались. Один военачальник упал в обморок, когда ему объяснили, что предстоит сделать. Маршал взял в помощь четверых: командующего Московским округом противовоздушной обороны генерал-полковника Кирилла Семеновича Москаленко, первого заместителя командующего округом генерал-лейтенанта Павла Федоровича Батицкого, начальника штаба Московского района ПВО генерал-майора Алексея Ивановича Баксова и начальника политуправления округа генерал-майора Ивана Григорьевича Зуба.

Жуков рассказывал, что подготовка к аресту Берии заняла около месяца. Во избежание утечки информации под предлогом командировки участники операции были изолированы даже от семей. В тот день всех собрали с оружием у министра. Булганин и Жуков в своих машинах, не подлежащих проверке, привезли офицеров в Кремль будто бы для доклада о ситуации в системе противовоздушной обороны Москвы. Захватили с собой карты, схемы и другие секретные материалы, чтобы часовые у входа в зал заседаний не могли изъять у офицеров личное оружие, как это полагалось.

Началось заседание президиума Совета министров. Маленков сказал:

— Раз собрались все члены президиума ЦК, давайте вначале обсудим партийные дела.

— Обсудим дело Берии, — предложил Хрущев.

Не ожидавший ничего подобного Берия изумленно слушал посыпавшиеся на него обвинения.

Георгий Максимилианович говорил о том, что органы госбезопасности нужно поставить под контроль партии, дабы исключить повторение прежних преступлений:

— Органы занимают такое место в системе государственного аппарата, где имеется наибольшая возможность злоупотребить властью. Получилось, что товарищ Берия с этого поста контролирует и партию, и правительство. Это чревато большими неприятностями, если сейчас же не поправить… А то возникла разобщенность, все делаем с оглядкой, настраиваемся друг против друга. А нужен монолитный коллектив!.. Управление охраны подчинить ЦК, а то и шагу не сделаешь без контроля… ЦК должен проверить организацию прослушивания, товарищи не уверены, кто и кого прослушивает.

Коротко выступил и Хрущев. После чего Берии объявили, что он арестован.

Вошли офицеры во главе с Жуковым и генералом Москаленко. Офицеры были с оружием в руках. Жукова выбрали еще и потому, что он был физически крепким. Кирилл Москаленко был тщедушным, боялись, что его Берия с ног собьет. Но применять силу не понадобилось. На Берию как столбняк нашел. Жуков резким движением отбросил лежавшую перед ним папку с бумагами, думая, что в ней оружие. Оружия не было.

Берию увели. Сказать он ничего не успел.

Лаврентий Павлович не предполагал, что его ждут суд и расстрел. На заседании президиума его обвинили в том, что он поставил Министерство внутренних дел над партией и правительством, что он высокомерен и груб с товарищами. За это не расстреливают, справедливо считал Берия. Он забыл, что сам расстреливал и за меньшее. Товарищи смертельно боялись даже арестованного Берию. Хотели себя обезопасить. Поэтому его не просто сняли с должности, а решили уничтожить.

О том, что произойдет, поставили в известность далеко не всех участников заседания, спешно собранного в Кремле. Микояну сказал Хрущев по дороге на заседание: они ехали в одной машине. Ворошилову — Маленков. Ворошилов бросился его обнимать. Маленков:

— Тише, он же слушает.

— Если и подслушает, расшифровать не успеет…

А кто-то узнал только в тот момент, когда началось заседание. Когда Берию увели, заседание продолжилось. Так что у всех было время оправиться от шока и занять правильную партийную позицию.

Берию держали в комнате отдыха до позднего вечера. В Кремле сменили охрану, но арестованного рискнули вывезти

только тогда, когда стемнело. Завернули в ковер, вынесли и запихнули в огромный лимузин Булганина. Отвезли на гауптвахту штаба Московского военного округа.

Начальник гауптвахты полковник Сергей Петрович Гаврилов в перестройку рассказал, как это происходило. В семь вечера приехал министр Булганин, сам выбрал камеру, велел срезать отопительную батарею, о которую можно размозжить голову, и оплести окно проволокой, чтобы нельзя было разбить окно и осколками перерезать вены. Не хотели, чтобы Берия покончил с собой. В половине второго ночи доставили Берию. Гауптвахту очистили от всех задержанных. Караул сменили. Отрыли траншеи, бронетранспортеры были готовы к бою.

Члены президиума ЦК сидели в Кремле до поздней ночи, пока не получили сообщения о том, что Берия доставлен на гауптвахту. Тогда только разошлись. Но беспокоились они напрасно. Никто и не попытался прийти на помощь недавнему хозяину Лубянки.

26 июня начальника отдела охраны правительства полковника Захарова срочно вызвали к первому заместителю министра внутренних дел генерал-полковнику Сергею Никифоровичу Круглову. Тот сидел в расстегнутом кителе, волосы взлохмачены. Спросил:

— Ты знаешь, что Берия арестован?

Захаров обомлел:

— Впервые слышу.

— Так вот, тебе дается задание. Срочно выезжай на его дачу в Сосновку. Разоружи и замени охрану. Сколько там охранников? Пять? Всех заменить, потом решим вопрос с их трудоустройством. Но это еще не все. Тебе поручается сообщить жене Берия, что ее муж арестован. Передай, что она не должна выезжать с дачи. Связь мы отключим, такая команда дана. Задача ясна?

— А как быть с его прикрепленными Саркисовым и Надарая?

— Не волнуйся. В отношении их и особняка Берии меры уже приняты.

Захаров взял группу офицеров из резервного отделения и поехал в Сосновку. Вызывал охранников бериевской дачи поодиночке и отбирал у них оружие. Потом вошел в дом и попросил горничную сказать Нине Теймуразовне, что хотел бы с ней побеседовать. Услышав об аресте мужа, она разрыдалась.

В Москву приехал кандидат в члены президиума ЦК, первый секретарь компартии Азербайджана Мир-Джафар Багиров. Позвонил Микояну:

— Я звоню Лаврентию, но ни один телефон не отвечает. Что у вас случилось?

Микоян знал, что его телефон прослушивается, и ответил осторожно:

— Завтра зайдешь в ЦК и все узнаешь.

Даже кандидат в члены президиума ЦК пребывал в полнейшем неведении.

В Киеве арестовали Мешика. Полковник Георгий Захарович Санников, служивший в МВД Украины, обратил внимание на то, что в здании внезапно сменилась охрана. Появились армейские офицеры в полевой форме. Они потребовали от всего оперативного состава сдать оружие. Незнакомые люди ходили по кабинетам и собирали пистолеты.

Когда Мешику объявили, что он арестован, уже бывший министр поинтересовался:

— Товарищу Берии известно?

Ему насмешливо ответили:

— Известно.

Днем украинских чекистов собрали, и только что назначенный министром внутренних дел Украины Тимофей Строкач торжествующе объявил, что арестованы «враг партии и советского народа Берия и его ставленники». Чекисты были потрясены: арестованы верные соратники Сталина. Что же приключилось? Из зала стали спрашивать:

— Почему забрали оружие? Нас специально разоружили? Нам не доверяют?

Строкач успокоил подчиненных:

— Оружие вам вернут сегодня же. Я уже дал команду.

Мешик, который в прежние времена сам избивал заключенных — кулаками и ремнем, пошел по одному делу с Берией. Его расстреляют 23 декабря 1953 года. Мильштейна, которого судили отдельно, — 14 января 1955 года.

Двоих соратников Берии арестовали в Берлине. Начальник военной контрразведки генерал-полковник Сергей Гоглидзе и генерал-лейтенант Амаяк Кобулов прилетели в ГДР во главе группы офицеров госбезопасности для наведения порядка после народного восстания. И вдруг из Москвы поступило поразившее советского верховного комиссара Владимира Семеновича Семенова указание арестовать обоих генералов-чекистов и отправить в столицу. Семенов позвонил Гоглидзе и попросил срочно приехать:

— Есть важные дела.

Когда генерал появился в кабинете Семенова, вошли двое офицеров с пистолетами в руках. Находившийся в Берлине начальник Генерального штаба маршал Василий Данилович Соколовский произнес:

— Согласно решению инстанции объявляю вас арестованным.

Гоглидзе увели. А Кобулов приезжать не хотел. Берия уже был арестован в Москве, взяли и Кобулова-старшего, поэтому Амаяка Захаровича по ВЧ ни с кем не соединяли. Он не понимал, что происходит. На приглашение прибыть к Семенову озабоченно ответил:

— Я пытаюсь соединиться с Москвой, но нет связи. Дозвонюсь и подскочу.

— У меня связь работает, — любезно предложил Семенов. — Приезжай и звони, Амаяк.

Кобулов приехал. На следующий день Семенов и Соколовский на спецсамолете вылетели в Москву. Гоглидзе и Кобулова везли в том же самолете под сильной охраной.

Берию арестовали в пятницу. Редакторы газет получили указание из ЦК убрать всякое упоминание о нем, местные партийные органы — снять его портреты. Воскресные газеты на первой полосе сообщили, что руководители партии и правительства присутствовали в субботу, 27 июня, в Большом театре на втором спектакле новой оперы композитора Юрия Александровича Шапорина «Декабристы». Берия отсутствовал.

Известный ученый вспоминал, как в сельской пивной восприняли сообщение по радио об аресте вселявшего страх в каждого из советских людей Лаврентия Павловича Берии, который только что пребывал среди небожителей. Взяв пивную кружку, один из рабочих заметил:

— Хрен ты теперь, Лаврентий Палыч, свежего пивка попьешь.

И все. Когда снимают больших начальников, возникает ощущение торжества справедливости: вот сидел ты сверху, командовал нами, а теперь ты никто. Своего рода мрачное удовлетворение.

Никто в аппарате госбезопасности не попытался освободить своего шефа, как этого опасались в Кремле. Начальник 9-го отдела (террор и диверсии за границей) МВД генерал-лейтенант Павел Судоплатов вспоминал, что вечером 26 июня, возвращаясь с работы на дачу, с удивлением увидел на шоссе колонну танков. Утром, приехав в МВД, обратил внимание на то, что исчез портрет Берии, висевший у него в приемной.

Руководство министерства собрали в конференц-зале. Руководили собранием первые заместители министра генералы Круглов и Серов. Круглов сообщил, что бывший министр Берия арестован за провокационные антигосударственные действия. Сказал, что доложит товарищу Маленкову: органы и войска МВД верны правительству и партии.

11 июля провели партийный актив МВД. Только что

арестованного Берию разоблачал секретарь ЦК Николай Шаталин, временно назначенный по совместительству первым заместителем министра внутренних дел. Сдержанный и суховатый, он в ЦК по поручению Маленкова ведал кадровыми делами. Во всех управлениях и отделах министерства провели партийные собрания. Все единодушно клеймили недавнего начальника. Но вовсе не за пытки и расстрелы невинных людей!

Напротив, чекисты требовали возобновить «дело врачей» и другие остановленные Берией оперативные и следственные дела. Арестовать тех, кого отпустили на свободу после смерти Сталина. Выступавшие на собрании в Главном управлении контрразведки горячо говорили, что «вражеская деятельность врачей доказана, и вносили предложение — просить руководство министерства пересмотреть решение об их освобождении».

Жаловались на заместителя начальника 5-го управления генерал-майора Бориса Петровича Трофимова. Чем же вызвал недовольство генерал, всю жизнь прослуживший в аппарате госбезопасности, недавний заместитель начальника ГУЛАГа?

«При рассмотрении дел на еврейских националистов пытался их вражеские действия оправдать какой-то общей обстановкой, якобы созданной в стране, — жаловались на него сослуживцы. — Малограмотный человек, отстал от чекистской работы, в присутствии ряда товарищей называл Троцкого великим «оратором», «организатором». Будучи на явке с агентом, заявил ему, что в СССР якобы существует режим притеснения евреев».

Один из следователей 1-го Главного управления МВД обратился в ЦК:

«Мы, маленькие рядовые работники, были растеряны, когда нам сказали: «это поворот в карательной политике», «мы не можем держать в тюрьмах интеллигенцию», «освобождение врачей — дело большой политики». Многие сомневались, но не решались жаловаться на неправильность этих действий, частью боясь за себя, а частью считали, что пойти не к кому, поскольку Берия считался «вторым человеком в правительстве».

После освобождения врачей в передовой газеты «Правды» было указано, что Михоэлс был оклеветан. На самом деле это не так. На него имелись серьезные агентурные и следственные материалы, свидетельствующие о его вражеской деятельности против Советского государства. Отдел по обслуживанию медицины сокращен до отделения не более десяти человек на весь Советский Союз. Таким же путем сокращен отдел по разработке еврейских буржуазных националистов. Да и вообще проводилась линия, будто бы евреи не ведут вражеской работы».

Заодно чекисты жаловались на трудные материальные

условия: «Все льготы отменены. В течение только одного года лишили выплат за звание, пайковых (при тов. Игнатьеве) и выплаты за секретность (при Берия). Все сотрудники только и живут мыслью, когда эти льготы возвратят обратно. До войны у нас была солидная выплата на выслугу лет — после 12 лет — 50 процентов. Почему бы ее не восстановить?»

Аппарат госбезопасности не сомневался, что политика страны вернется к сталинским временам. Но этого не произошло, потому что к власти пришел Хрущев, и партийный аппарат по всей стране вздохнул с облегчением.

В передовой «Правды» под названием «Нерушимое единение партии, правительства, советского народа» говорилось:

«Любой работник, какой бы пост он ни занимал, должен находиться под неослабным контролем партии. Партийные организации должны регулярно проверять работу всех организаций и ведомств, деятельность всех руководящих работников. Необходимо, в том числе, взять под систематический и неослабный контроль деятельность Министерства внутренних дел».

Партийные секретари боялись не только Берию, боялись сотрудников госбезопасности, которые не скрывали, что следят за партийным руководством. Чекисты держались на равных с секретарями, партийной власти над собой не признавали. Ни первый секретарь обкома, ни секретарь ЦК республики не были гарантированы от внезапного ареста. Понимали, что за ними следят, но не могли знать, что именно начальник областного управления или республиканский министр сообщает в Москву. После расстрела Берии все изменилось. Госбезопасность подчинили партии. Партийный аппарат и сыграл решающую роль в борьбе за власть.

А какова же судьба досье на высшее руководство, которое заботливо собирали на Лубянке?

Через полгода после расстрела Берии Хрущев создал Комитет государственной безопасности, а во главе поставил генерал-полковника Ивана Серова, которого знал с предвоенных времен и которому доверял. Серов перенес самые важные бериевские досье из КГБ в здание ЦК, чтобы никто из чекистов в них не заглянул. Хрущев уверяет, что он эти досье не читал. Но Серов читал. После чего члены президиума ЦК договорились все уничтожить. Набралось одиннадцать больших бумажных мешков.

Правда, кое-какие документы сохранились, и можно предположить, что именно хранилось в тех досье. После поездки члена политбюро по стране в госбезопасность поступал рапорт. В нем было описано все, в том числе такие интимные детали,

которые легко могли стать поводом для освобождения от работы. Партийные руководители тоже люди: вдали от семьи и бдительного ока коллег они, расслабившись, что-то себе позволяли, а сотрудники охраны заботливо все фиксировали и докладывали начальству.

Когда товарищи избавлялись уже от Маленкова, тема бериевских досье всплыла.

В 1953 году президиум ЦК поручил Шаталину выяснить, какие именно документы хранил Берия. Сейфы Берии и Кобулова в Министерстве внутренних дел вскрыл генеральный прокурор СССР Руденко. Его подчиненные переписали все документы и сдали их в архив. Вопросов ни у кого не осталось.

1 июля представитель прокуратуры и двое сотрудников ЦК вскрыли сейф Берии в его кремлевском кабинете. Осмотрели ящики письменного стола и книжные шкафы. Доложили Шаталину: «Документы, книги и предметы, имеющие значение для дела, в упакованном виде переданы т. Суханову Д.Н.».

Дмитрий Суханов заведовал канцелярией Маленкова, его в аппарате не любили и в 1956 году посадили, после чего стали выяснять судьбу бериевских бумаг.

Заведующий отделом административных органов ЦК Афанасий Лукьянович Дедов рассказал, что среди документов из сейфа Берии нашли собственноручные показания Ежова о роли Маленкова в большой чистке. Ежов написал это, когда его уже сняли с должности наркома внутренних дел и он ждал ареста.

Дедов показания Ежова прочитал. Отдал Шаталину. Шаталин позвонил Суханову, объяснил, что у него в руках. Тот сказал:

— Хорошо, присылайте.

Поинтересовался у шефа:

— Как поступить с этими документами?

Маленков пожал плечами:

— Да об этом все знают.

Суханов напомнил, что члены президиума ЦК договорились от всех компрометирующих материалов избавиться, и предложил:

— Может быть, уничтожить?

Маленков решил иначе:

— Как вы там будете уничтожать, дайте я возьму их с собой.

Больше показания Ежова никто не видел….

28 июня в камере Берия написал записку, адресованную Маленкову. Он явно еще не осознал, что произошло и что его ждет:

«Дорогой Георгий!

Я был уверен, что из той большой критики на президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в

коллективе. Но ЦК решил иначе, считаю, что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспредельно предан партии Ленина — Сталина — своей родине… Работая в Грузии, в Закавказье, в Москве — МВД, Совете Министров СССР и вновь в МВД, — все, что мог, отдавал работе. Старался подбирать кадры по деловым качествам, принципиальных, преданных нашей партии товарищей…

Прошу товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Клементия, Хрущева Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других — пусть простят, если что и было за эти пятнадцать лет большой и напряженной совместной работы. Дорогие товарищи, желаю всем вам больших успехов за дело Ленина-Сталина, за единство и монолитность нашей партии, за расцвет нашей Славной Родины.

Георгий, прошу, если это сочтете возможным, семью (жена и старуха мать) и сына Серго, которого ты знаешь, не оставить без внимания».

Мог бы и не просить. Не оставили. Сына арестовали сразу вслед за Лаврентием Павловичем. Потом всех родственников выселят куда подальше.

Нина Теймуразовна Берия в отчаянии написала письмо Хрущеву:

«Двадцать шестого числа этого месяца, около 12 часов ночи забрали моего сына с семьей (беременная жена на седьмом месяце и двое детей — одной пять лет, другой два с половиной), и с тех пор не знаю, где они! У меня никого нет. Я не знаю, что мне делать. Если я еще дня три останусь в таком неведении, я сойду с ума. Умоляю вас, позовите меня, спросите что-нибудь, скажите мне что-нибудь!

Прошу вас разрешить мне разделить судьбу Лаврентия Павловича, какова бы она ни была. Я ему предана, верю ему как коммунисту, несмотря на всякие мелкие шероховатости в нашей супружеской жизни — я люблю его. Я никогда не поверю в его сознательное злонамерение в отношении партии, не поверю его измене ленинско-сталинским идеям и принципам. Я только прощу пощадить моего сына Сергея».

Серго Берия женился на Марфе Максимовне Пешковой, внучке Горького.

Корней Иванович Чуковский 12 июля 1953 года записал в дневнике: «Мне вспоминается сын Берии — красивый, точно фарфоровый, холеный, молчаливый, надменный, спокойный; я видел его 29 марта, у Надежды Алексеевны Пешковой. Что теперь с его надменностью, холеностью, спокойствием? Где он? Говорят, Марфа беременна. Дикая судьба у горьковского дома — от Ягоды

до Берии, — почему их так влечет к гепеушникам такого — растленного — образа мыслей, к карьеристам, перерожденцам, мазурикам?»

Жену Берии в начале июля 1953 года тоже арестовали. В конце ноября 1954 года президиум ЦК решил судьбу сына и вдовы Берии: их отправили на административное поселение. Серго Лаврентьевич Берия лишился своей фамилии: у него отобрали все документы и выписали новые на материнскую фамилию. Лишили научного звания, пришлось ему начинать жизнь заново.

Серго Берия занимался системой противоракетной обороны Москвы. Он был несомненно одаренным человеком, хотя грозное имя отца сыграло решающую роль в его стремительной карьере. В его бывшем конструкторском бюро рассказывали, как он собирал представителей заводов, спрашивал, когда они поставят необходимое оборудование. Все жаловались на кучу проблем, объясняли, как трудно исполнить заказ. Серго вызывал секретаршу и как бы между прочим просил:

— Соедините с Лаврентием Павловичем.

Испуганный представитель завода вскакивал:

— Не надо звонить Лаврентию Павловичу! Я сейчас понял, что мы можем все сделать еще быстрее!..

1 июля 1953 года Берия написал еще одно письмо. На сей раз развернутое. Поразмыслив, начал извиняться и каяться перед товарищами. Он обращался лично к Маленкову, считая, что его судьба в руках Георгия Максимилиановича: «Мы дружно, честно, по-партийному работали в течение многих лет и тяжелых и грозных военных, в восстановительный период нашей страны. Все ценное в моей жизни связано совместной работой с тобой… У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться, и всегда для меня получалось лучше. Я видел в лице тебя старшего, опытного партийного деятеля большого масштаба, талантливого, энергичного и неутомимого, прекрасного друга и товарища… На протяжении свыше десяти лет мы были настоящими большевистскими друзьями, и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня».

Он все еще не сознавал, что ему уготовано: «Дорогие товарищи, я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина — Сталина и верный ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую, пошлите, присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией… Умоляю вас, не лишайте меня быть активным строителем на любом маленьком участке славной нашей Родины, и вы убедитесь, что через два-три года я крепко

исправлюсь и буду вам еще полезен».

Он сидел в камере без окна. Свет в ней не выключался даже ночью. Рядом с Берией неотлучно находился офицер, которому было приказано его убить, если кто-то попытается напасть. В президиуме ЦК все еще боялись, что его захотят освободить. Берия уверенно говорил этому офицеру, что он ни в чем не виновен и его скоро освободят. Не верил, что товарищи поступят с ним так же, как он поступал с другими.

Когда Берия напомнил Маленкову и Хрущеву о том, как он защищал их от Сталина, отобрали у него бумагу, пенсне и карандаш. Не дай бог, напишет что-то из того, что он о них знает…

На гауптвахте Берию продержали неделю. В ночь со 2 на 3 июля его перевезли в штаб округа противовоздушной обороны, где поместили в подземный бункер. Там он находился до самой смерти.

Со 2 по 7 июля 1953 года в Кремле заседал пленум ЦК КПСС. Говорили исключительно о Берии. Реестр обвинений, предъявленных на пленуме, выглядит несколько пародийно. Все, что тогда гневно ставили Берии в вину, позднее сочли бы его заслугой: борьба со всевластием партийного аппарата, амнистия и смягчение уголовного законодательства, послабления крестьянству, сокращение ненужных расходов.

Бывший член политбюро Андрей Андреевич Андреев:

— Он начал дискредитировать имя товарища Сталина, наводить тень на величайшего человека после Ленина… Я не сомневаюсь, что под его давлением вскоре после смерти товарища Сталина вдруг исчезает из печати упоминание о товарище Сталине… Появился откуда-то вопрос о культе личности.

Министр металлургической промышленности Иван Федорович Тевосян:

— Этот мерзавец Берия возражал против того, чтобы, говоря об учении, которым руководствуется наша партия, наряду с именами Маркса, Энгельса, Ленина называть имя товарища Сталина. Вот до чего дошел этот мерзавец.

Первый секретарь компартии Украины Алексей Илларионович Кириченко:

— В записке Берия непонятно почему фигурируют такие термины: «западноукраинская интеллигенция», «западноукраинские кадры», «русификация»… И это в то время, когда на Украине давно вышли из употребления эти слова. Украинский и советский народ единая семья, и нет в ней западных украинцев и восточных украинцев.

На пленуме конечно же возник и более широкий и важный для страны разговор.

— Давайте разберем, — обратился к членам ЦК Никита Хрущев, — какие заговоры внутри нашей страны были открыты Министерством внутренних дел, Министерством госбезопасности? За исключением липовых, дутых — никаких.

— Правильно, — поддержал его маршал Ворошилов, — никаких.

— Мы же с вами знаем, — продолжал Хрущев, — до 1937 года и после 1937 года — больше половины липы.

— Правильно, — вновь поддержали его из президиума.

— Если сейчас разобрать архив МВД, я убежден, на 80 процентов населения есть анкеты МВД, на каждого дело разрабатывают.

В зале сочувственный смех.

— А молока нет, мяса мало. Объявили переход от социализма к коммунизму, а муку не продаем.

Голос из президиума:

— Картошки нет.

— Мы снизили цены на картошку и капусту, а картошки и капусты в магазине нет. Капуста стала дороже или в одной цене с бананами? Что, наши колхозники разучились выращивать капусту?

Впервые прозвучало осуждение Сталина и сталинизма. В заключительном слове Маленков говорил:

— Вы должны знать, товарищи, что культ личности Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вовсе отсутствовали. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной.

Но все слова, прозвучавшие на пленуме, остались для страны секретом. Ничего не было опубликовано. В газетах через несколько дней появилось короткое, в несколько строк, сообщение о том, что пленум ЦК исключил Берию из партии как врага коммунистической партии и советского народа. А Президиум Верховного Совета передал дело о преступных действиях Берии на рассмотрение Верховного суда. По стране пошла гулять частушка:

Берия, Берия
Вышел из доверия,

И товарищ Маленков
Надавал ему пинков.

Многие поверили и в то, что Берия — шпион. И в одну секунду все согласились с тем, что он негодяй и преступник. Работала инерция сталинских времен, когда не сомневались: раз арестовали, значит, виновен.

После ареста Берии было организовано всенародное осуждение его деятельности. Никто толком ничего не знал, но действовали, как привыкли действовать: приказано осуждать — значим, осудим. В «Литературной газете» появилась статья за подписью Михаила Александровича Шолохова «Имя изменника проклято и будет забыто», помещенная вместе с другими откликами под шапкой «Народ сметает всех, кто стоит на его пути».

Подписчики Большой Советской Энциклопедии получили конверты со свежеотпечатанными страницами, которые предлагалось вклеить в пятый том вместо страниц 21–23, где была статья о Берии. Он должен был исчезнуть из истории.

Следствие. Суд. Приговор. Исполнение

Президиум Верховного Совета лишил Берию полномочий депутата, снял с должности заместителя главы правительства и министра внутренних дел, отобрал все звания и награды. Но ордера на арест, санкцию на содержание под стражей никто не давал.

Президиум ЦК принял постановление «Об организации следствия по делу о преступных, антипартийных и антигосударственных действиях Берии». Прежнего генерального прокурора СССР Григория Николаевича Сафонова отстранили. Назначили нового — Романа Андреевича Руденко. Он был главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе главных нацистских военных преступников, работал прокурором Украины, и Хрущев ему доверял.

Руденко приказали в течение суток сформировать следственную бригаду. Но следствию пришлось непросто. Не знали, в чем обвинить главного арестанта. В эпитетах недостатка не было: наглец, авантюрист, интриган, провокатор! Но за это не сажают. Члены президиума ЦК требовали судить Берию за антипартийную деятельность. Пришлось прокурору Руденко объяснять, что такой статьи в Уголовном кодексе нет. Тогда накажите за антигосударственную деятельность! Но за какую именно?

Берия был виновен в массовых репрессиях, но этой темы руководители боялись как черт ладана. На всякий случай его обвинили в изнасиловании, что в любом случае позволяло расстрелять Берию по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». Так всегда делали в Министерстве госбезопасности: предъявляли обвинение сразу по нескольким статьям. Одно сорвется, другое останется.

Когда-то его предшественника на посту наркома внутренних дел Николая Ивановича Ежова обвинили в гомосексуализме. Секретарь ЦК Шаталин рассказал высшему чиновничеству о связях Берии с женщинами. Прямо на пленуме ЦК обильно цитировал показания начальника охраны Берии полковника Саркисова: «Мне известны многочисленные связи Берия со всевозможными случайными женщинами… Берия сожительствовал со студенткой института иностранных языков Майей. Впоследствии она забеременела от Берия и сделала аборт. Сожительствовал Берия также с 18–20 летней девушкой Лялей. От Берии у нее родился ребенок, с которым она сейчас живет на

бывшей даче Обручникова. По указанию Берия я вел специальный список женщин, с которыми он сожительствовал. (Смех в зале.) Впоследствии, по его предложению, я этот список уничтожил. Однако один список я сохранил. В этом списке указаны фамилии, имена, адреса и номера телефонов более 25 таких женщин. Год или полтора тому назад я совершенно точно узнал, что в результате связей Берия с проститутками он болел сифилисом. Лечил его врач поликлиники МВД».

На допросе полковник Саркисов описал, как все это происходило: «Прохаживаясь около своего дома, Берия замечал какую-нибудь заинтересовавшую его женщину. В таком случае он посылал меня, Надарая или сотрудников охраны узнать ее фамилию, имя, адрес или телефон. Я шел вслед за такой женщиной и старался разговориться с ней… Я говорил такой женщине, кто ею интересуется, и спрашивал, не хочет ли она что-либо передать… По его указанию либо сам ездил за ней, либо посылал его машину… Женщины на квартиру к Берия привозились, как правило, на ночь».

В феврале 1959 года полковника Рафаэля Семеновича Саркисова тоже посадят на скамью подсудимых. Он получит десять лет. Через год его освободят условно-досрочно.

Об альковных историях Берии ходило немало слухов. Нами Микоян, невестка Анастаса Микояна, которая была знакома с Берией, вспоминает:

«Где-то в конце 40-х — начале 50-х годов в Москве, в числе многочисленных тайных романов, у Берия возникла связь с юной девушкой — красавицей Лялей. Она родила дочь, и Берия дал девушке имя своей матери. Позже маленькая Марта, став взрослой и красивой, в 70-х годах вышла замуж за сына члена политбюро брежневской эпохи Гришина».

Допросили и самого Берию.

Он не понимал, почему его спрашивают:

— Я легко сходился с женщинами, имел многочисленные связи, непродолжительные. Этих женщин ко мне приводили на дом, к ним я никогда не заходил. Доставляли мне их на дом Саркисов и Надарая. Были такие случаи, когда, заметив из машины ту или иную женщину, которая мне приглянулась, я посылал Саркисова или Надарая проследить и установить ее адрес, познакомиться с ней и при желании ее доставить ко мне на дом.

Прокурор Руденко:

— Вам предъявляется девять списков, в которых значатся 62 женщины. Это списки ваших сожительниц?

— Большинство женщин, которые значатся в этих списках,

это мои сожительницы, с которыми я имел непродолжительные связи. Эти списки составлены за ряд лет…

— Вы сифилисом болели?

— Я болел сифилисом в период войны, кажется в 1943 году, и прошел курс лечения.

В ходе следствия по делу Берии вскрылось такое, что перипетии его личной жизни показались детскими шалостями.

В апреле 1948 года оперативники Министерства госбезопасности устроили целое представление с только что назначенным министром морского флота Александром Александровичем Афанасьевым. С одной стороны, Сталин подписал решение о его назначении союзным министром, а с другой — дал санкцию на его разработку.

Утром Афанасьев отправился на работу. Вдруг его ЗИС-110 остановился, потому что оказались проколотыми шины. Он решил идти на работу пешком. Рядом затормозила другая машина. Оттуда выскочили какие-то люди, скрутили министра и увезли. Завязали глаза и доставили на конспиративную квартиру МГБ (о чем он не подозревал) и сказали:

— Нам известно, что вы работаете на английскую разведку. Мы хотим, чтобы вы работали еще и на нас, на американскую разведку.

Афанасьева с завязанными глазами вывели из дома и отпустили возле Моссовета. Афанасьев тут же попросился на прием к Сталину. Принял его Берия. Выслушав, позвонил Абакумову и приказал явиться к нему. Для вида Лаврентий Павлович распек министра госбезопасности:

— Что же ты за министр? Что у тебя делается? Американские разведчики до того обнаглели, что на улицах хватают людей. Схватили Афанасьева и заставляют вести шпионскую работу.

Берия приказал Абакумову разыскать американских разведчиков, похитивших Афанасьева. Через несколько дней министр госбезопасности «разыскал» того сотрудника МГБ, который выдавал себя за американского разведчика. На Лубянке провели очную ставку между министром и мнимым «американцем», который, исполняя задание начальства, сообщил, что Афанасьев, будучи капитаном торгового судна, еще в 1933 году согласился работать на англичан… 26 апреля министра арестовали. Следователи МГБ избивали Афанасьева, чтобы он подписал нужные им показания. Год над ним измывались. 14 мая 1949 года Особое совещание при Министерстве госбезопасности приговорило его к двадцати годам исправительно-трудовых работ.

Организовал операцию начальник 2-го Главного управления

(контрразведывательного) МГБ генерал-майор Евгений Питовранов. Американского разведчика изображал один из его подчиненных — заместитель начальника 7-го отдела 2-го главка полковник Шолом Самойлович Шлюгер. Ему не повезло. Когда при Игнатьеве из аппарата госбезопасности стали вычищать евреев, его тоже арестовали.

Но под стражей он провел всего два месяца. После смерти Сталина полковника, как и многих других, отпустили. Его жена, желая поблагодарить Берию, найдя удобный повод, послала новому министру телеграмму:

«Дорогой Лаврентий Павлович!

Поздравляю вас с днем рождения. Желаю здоровья и плодотворной работы на благо нашей Родины.

Людмила Шлюгер».

Ее мужа восстановили на службе и отправили в командировку в Венгрию, а Людмиле Дмитриевне неожиданно позвонили из Министерства внутренних дел и сказали, что за ней пришлют машину и отвезут на Лубянку. Но «Победа» доставила ее прямиком в особняк Берии. Лаврентий Павлович спросил:

— Вы телеграмму посылали? Я решил вас отблагодарить.

Что происходило дальше, она изложила на следствии: «Он пригласил меня в столовую. Кроме нас двоих никого не было. За ужином Берия угощал меня вином, пил за мое здоровье, за здоровье моей дочки. После ужина Берия повел меня в спальню, усадил на край кровати и стал меня обнимать. Я просила не трогать меня, но Берия сказал, что здесь философия ни к чему, и овладел мною. Я боялась ему сопротивляться, так как опасалась, что Берия может опять посадить моего мужа. Только подлец может пользоваться зависимым положением жены подчиненного, да еще недавно освобожденного из-под стражи».

Некоторые историки исходят из того, что Берия виноват в репрессиях не более, чем остальные члены политбюро — от Молотова до Хрущева. Лаврентий Павлович пришел к руководству Наркоматом внутренних дел в конце 1938 года, когда пик репрессий был уже пройден, и с его приходом часть арестованных выпустили. Но летом 1953 года он проиграл в политической борьбе, и его превратили в козла отпущения…

В реальности он был человеком с криминальным складом ума без малейших моральных ограничений. Он с молодых лет стал преступником — приказывал убивать и мучить людей, считал, что пытки — в порядке вещей.

Следователи допросили заведующего его приемной Федора Васильевича Муханова. Он много лет проработал личным секретарем Лаврентия Павловича и рассказал: «В приемной Берии

в письменном столе в правой тумбочке в ящике хранились завернутыми в газеты резиновые палки и какие-то предметы для избиений. Иногда Богдан Кобулов, Влодзимирский и другие заводили в кабинет Берии арестованного и уносили туда принадлежности для избиений. Через некоторое время в приемной были слышны вопли и крики арестованного».

Преступлениям Берии и его команды следователи искали подходящее объяснение. Нельзя же было сказать, что такова созданная советской властью система, а Берия и его люди — ее часть. Признать, что он действовал точно так же, как и все остальные, кто по собственной воле работал в репрессивном аппарате.

Объяснение придумали. И оно всех устроило. Берия был агентом иностранных разведок, потому убивал советских людей. Вообще собирался свергнуть советскую власть.

Руденко требовал от него на допросе:

— Признавайтесь, что, став агентом английской разведки в период Гражданской войны, вы служили английскому империализму все последующие годы, вплоть до вашего разоблачения и ареста! Что вы являлись организатором группы заговорщиков, совершавших тягчайшие преступления, в том числе и террористические убийства во имя ваших преступных контрреволюционных целей! Что вы действовали как враг партии и народа в своих преступных контрреволюционных замыслах захвата власти и ликвидации советского строя!

Доказать эту версию было трудновато даже опытным следователям. Придумывали невероятные конструкции.

27 июля на допросе Руденко спросил Берию:

— Вам известно такое имя — Капитон Кварацхелия?

— Известно.

— Кто он?

— Капитон Кварацхелия по матери моей брат. Он в 1915 году уехал в Харбин, проживал в Маньчжурии примерно до 1926–1927 годов, после чего возвратился в Тбилиси и прожил в нашей семье несколько месяцев. Затем он вновь выехал в Маньчжурию. Не могу вспомнить когда, но через несколько лет он вернулся в Тбилиси.

— А почему вы в 1926 году не воспрепятствовали его выезду за границу, будучи председателем ГПУ Грузии?

— Я в его честности не сомневался. Выезд за границу он оформил официально.

— А известно вам, что Кварацхелия содержал в Харбине станционный буфет, неоднократно вызывался в жандармерию для осведомления о посетителях, которые посещают буфет?

— Мне об этом не было известно.

На допросе 7 августа вернулись к этой теме:

— На прошлом допросе вы не сказали о том, что при вашем содействии прибыла из-за границы ваша племянница — дочь Капитона Кварацхелия Сусанна со своим мужем Козляковским Петром, которые первое время жили у вас на квартире в Тбилиси. Вы подтверждаете это?

— Подтверждаю, что приехала. Я им никакого содействия не оказывал.

— Вам было известно, что Петр Козляковский в прошлом белый офицер, а его жена Сусанна была связана с японской разведкой?

— Нет.

— Вам докладывались Кобуловым материалы на Сусанну Кварацхелия, которые свидетельствовали о том, что за границей она была связана с фашистскими белоэмигрантскими организациями и японскими разведчиками?

— Нет.

— Вам предъявляется копия справки, составленной в апреле 1938 года аппаратом НКВД Грузинской ССР, из которой видно, что Сусанна Кварацхелия была включена в список лиц, подлежащих аресту. Почему она не была арестована? Известно ли вам, что было указание Кобулова воздержаться от спецмероприятий?

— Это мне не было известно.

Так выстраивалась система доказательства сотрудничества одного из недавних руководителей государства с иностранными разведками. Через содержателя станционного буфета в китайском городе Харбине…

Маршал Семен Буденный вспомнил старую обиду на Берию, который в 1942 году, видя его полную некомпетентность, отсоветовал Сталину назначать бывшего кавалериста командующим Закавказским фронтом. Буденный написал министру обороны Булганину: «Действия Берии в отношении фронта и лично меня безусловно были вредительскими, а немцев он старался всеми силами пропустить к Черноморскому побережью. Думаю, что Берия как враг нашей Родины был в сговоре со своими хозяевами о захвате Закавказья английской армией».

Такое обвинение Берии и предъявят: в 1942 году, когда он был представителем Ставки на Закавказском фронте, он пытался открыть перевалы через Главный Кавказский хребет, чтобы пропустить в Грузию вражеские войска…

Берии и его людям вменялось в вину и то, что они старались

«активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках, посеять вражду и рознь между народами СССР и в первую очередь подорвать дружбу народов СССР с великим русским народом». А еще Берия саботировал важнейшие мероприятия, направленные на подъем хозяйства колхозов и совхозов и неуклонное повышение благосостояния советского народа…

В приговоре говорилось: «Персонально суд считает доказанной виновность подсудимого Берия в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и установления господства буржуазии, в совершении террористических актов против преданных Коммунистической партии и народу политических деятелей, активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году, когда Берия состоял на секретно-агентурной должности в контрразведке контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане и был связан с иностранной разведкой до момента разоблачения и ареста».

Вместе с Берией на скамье подсудимых сидели его многолетние сотрудники:

Всеволод Николаевич Меркулов — бывший министр госбезопасности, в последнее время министр государственного контроля СССР, генерал армии;

Владимир Георгиевич Деканозов — бывший министр внутренних дел Грузии;

Богдан Захарович Кобулов — бывший первый заместитель министра внутренних дел, генерал-полковник;

Сергей Арсеньевич Гоглидзе — бывший первый заместитель министра госбезопасности, в последнее время начальник управления МВД СССР, генерал-полковник;

Павел Яковлевич Мешик — бывший министр внутренних дел Украины, генерал-лейтенант;

Лев Емельянович Влодзимирский — бывший начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР, генерал-лейтенант.

Почему отобрали этих шестерых?

Лаврентий Павлович когда-то приблизил Меркулова не только оттого, что тот хорошо владел пером (в 1922 году обратил внимание на его статью в ведомственном сборнике «Чекисты 1-му Мая»), но и потому, что в его чекистском окружении он был единственным русским. По этой же причине в 1953-м году он сел рядом с Берией. Иначе получалось, что судят грузин. На следствии этот мотив возникал постоянно.

Бывший начальник Генштаба генерал Сергей Штеменко,

допрошенный в качестве свидетеля, счел своим долгом сказать:

— Было очень заметно, что Берия делал упор на грузин, и не просто на грузин, но на грузин из НКВД. Таким образом, можно сделать вывод, что Берия не доверял русским и в первую очередь стремился опереться на сотрудников НКВД — грузин по национальности.

10 декабря 1953 года президиум ЦК принял постановление «О рассмотрении дела по обвинению Берия и его соучастников». Дело слушали в закрытом судебном заседании по закону от 1 декабря 1934 года, то есть без прокурора и без адвоката, ускоренным порядком, который ввел Сталин на следующий день после убийства Сергея Мироновича Кирова. Обвинение предъявили по печально знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса. Президиум ЦК утвердил текст обвинительного заключения и секретным порядком разослал его партийным организациям.

Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР, которое решало судьбу Берии и его сотрудников, состояло из маршала Ивана Степановича Конева, председателя ВЦСПС Николая Михайловича Шверника, генерала армии Кирилла Семеновича Москаленко (он стал командующим войсками столичного военного округа), секретаря Московского обкома Николая Александровича Михайлова (после смерти Сталина он лишился высокой должности члена президиума и секретаря ЦК), председателя профсоюзов Грузии Митрофана Ионовича Кучавы (недавнего партийного работника), первого заместителя министра внутренних дел Константина Федоровича Лунева (партийного работника, брошенного на укрепление органов) и двух юристов — первого заместителя председателя Верховного суда СССР генерал-лейтенанта юстиции Евлампия Лавровича Зейдина (всю свою карьеру он председательствовал в военных трибуналах) и председателя Московского городского суда Леонида Абрамовича Громова (сын крестьянина из Псковской губернии, он секретарил в комсомоле, сначала стал судьей и только потом поступил в Ленинградский правовой институт).

Специальное судебное присутствие заседало с 18 по 23 декабря. Всех обвиняемых признали виновными в измене Родине, в организации антисоветской заговорщической группы с целью захвата власти, в совершении террористических актов: «Изобличенные доказательствами подсудимые Берия Л.П., Меркулов В.Н., Деканозов В.Г., Кобулов Б.З., Гоглидзе С.А., Мешик П.Я. и Влодзимирский Л.Е. на судебном присутствии подтвердили показания, данные ими на предварительном следствии, и признали себя виновными в совершении ряда

тягчайших государственных преступлений».

22 декабря в газетах появились статьи и выступления знатных людей страны с требованием жестоко покарать Берию и его подельников под общей шапкой «Изменникам Родины нет пощады!».

На вечернем заседании подсудимым предоставили последнее слово. Они почти ничего не отрицали, просили лишь о снисхождении.

Гоглидзе:

— Я выполнял все установки Берии, в результате чего были расстреляны невиновные люди. Значит, я оказался не на высоте своего положения, не сумел разобраться в обстановке. Я признаю себя виновным в том, что участвовал в репрессиях в 1937–1938 годах, когда в результате применения незаконных методов следствия к арестованным и избиений пострадало много невиновных. Однако я действовал без контрреволюционного умысла, а слепо подчиняясь преступным распоряжениям Берии. Прошу изменить квалификацию моих преступных действий на статьи о должностных преступлениях.

Кобулов:

— Мое несчастье в том, что ранее я принимал Берию за честного человека и безоговорочно выполнял его преступные распоряжения. Поэтому должен отвечать перед судом, но в то время, когда я получал его указания, я не думал, что они преступны. Я слепо доверял Берии, который занимал особое положение в государстве. Прошу суд переквалифицировать мое обвинение со статей о контрреволюционных преступлениях на другие статьи, которые я заслуживаю.

Деканозов:

— Мною совершены некоторые преступления, но они не являются преступлениями контрреволюционными… Я признаю факты своего морального разложения. Когда исследовались вопросы, связанные с моим моральным обликом, я выглядел очень плохо, и хотя некоторые факты преувеличены, но и то, что мною совершено, я считаю совершенно недопустимым. Прошу учесть, что контрреволюционных преступлений я не совершал, и осудить меня по другим статьям Уголовного кодекса.

Влодзимирский:

— О том, что в НКВД, а затем в МГБ и МВУД совершались преступления, я узнал лишь при ознакомлении с делом. Еще раз заявляю, что близким человеком Берии я не был. Подтверждаю, что я участвовал в избиениях арестованных, но, поступая так, полагал, что Берия отдает распоряжения об избиениях, предварительно их согласовав. Я еще раз прошу суд оценить

объективно все доказательства, собранные в отношении меня, и изменить квалификацию моего обвинения.

Мешик:

— Я признаю себя виновным в том, что оказался пособником ряда преступлений Берии, не зная о том, что он враг. Я хочу, чтобы мне вынесли самую суровую кару с этой формулировкой. Я не хочу снисхождения, а судите меня за то, в чем я виноват. Однако я не признаю себя виновным в совершении преступлений во время работы на Украине. У меня есть семья, и я прошу суд, чтобы приговор не отразился на моей семье.

Меркулов:

— Мне сейчас стыдно за близость свою к Берии. Я многое сделал для него, помогал ему, но я думал, что Берия является честным человеком. Я прошу одного — снять с меня контрреволюционные статьи и судить меня по другим статьям Уголовного кодекса.

Берия:

— Я долго скрывал свою службу в мусаватистской контрреволюционной разведке. Однако, даже находясь на службе там, не совершал ничего вредного. Полностью признаю свое морально-бытовое разложение. Многочисленные связи с женщинами позорят меня как гражданина и как бывшего члена партии. Признаю, что я ответственен за перегибы и извращения социалистической законности в 1937–1938 годах, но прошу учесть, что контрреволюционных антисоветских целей у меня не было… Прошу не рассматривать меня как контрреволюционера, а применить ко мне те статьи Уголовного кодекса, которые я действительно заслуживаю.

23 декабря в 13 часов 30 минут суд удалился на совещание для вынесения приговора. В 18 часов 45 минут председатель Специального судебного присутствия маршал Конев приступил к оглашению приговора. Всех признали виновными, всем вынесли смертный приговор.

Через несколько часов после суда Берию вывели в расход. Торопились. Приговор привел в исполнение комендант Специального судебного присутствия Павел Федорович Батицкий, уже произведенный в генерал-полковники. Затем в Берию, уже мертвого, стреляли и сопровождавшие Батицкого офицеры. Профессиональную расстрельную команду не приглашали: чем меньше свидетелей, тем лучше.

Профессор Владимир Наумов:

— Батицкий написал Хрущеву записку, что застрелили Берию прямо на лестнице. Это немыслимое дело. В бетонном бункере, где небольшие помещения, они могли друг друга перестрелять.

Батицкий это написал, чтобы успокоить Хрущева: Берия ничего не успел рассказать, он вышел после суда, и его сразу расстреляли. На самом деле принесли доски, обшили помещение, чтобы пули в них застревали.

Берии разрешили переодеться в чистое белье, принесли ему из дома черный костюм. На руки надели наручники. Как будто бы он держался достойно, не плакал и ни о чем не просил. Тело Берии отвезли в Донской крематорий и сожгли. Прах развеяли.

Батицкий стал маршалом, главнокомандующим ПВО страны и заместителем министра обороны. В 1965 году ему присвоили звание Героя Советского Союза. Остальные офицеры — Алексей Иванович Баксов (впоследствии генерал-полковник), Иван Григорьевич Зуб (впоследствии генерал-майор), Виктор Иванович Юферев (впоследствии полковник) — были награждены в январе 1954 года орденами Красного Знамени. Говорят, они рассчитывали на «Золотые Звезды» Героя Советского Союза. Во всяком случае, работу исполнили с душой и ощущали себя героями.

Суд был закрытым, и это послужило причиной различных слухов относительно судьбы Берии. Одни уверяли, что его убили в перестрелке в день ареста. А на суд вывели его двойника… Другие, напротив, доказывали, что Берии дали возможность бежать из страны. Сыну Берии доброхоты втолковывали, что верные люди вывезли Лаврентия Павловича в Аргентину, и даже показывали фотографию, на которой будто бы запечатлен бывший глава советской госбезопасности в Буэнос-Айресе.

В тот же день, 23 декабря, заместитель министра внутренних дел Лунев и заместитель главного военного прокурора генерал-майор Дмитрий Иванович Китаев привели в исполнение приговор, вынесенный Богдану Кобулову, Всеволоду Меркулову, Павлу Мешику, Льву Влодзимирскому, Сергею Гоглидзе.

На следующий день «Правда» поместила сообщение «В Верховном суде СССР»:

«Специальное Судебное присутствие Верховного Суда СССР постановило:

Приговорить Берия Л.П., Меркулова В.Н., Деканозова В.Г., Кобулова Б.З., Гоглидзе С.А., Мешика П.Я., Влодзимирского Л.Е. к высшей мере уголовного указания — расстрелу с конфискацией лично им принадлежащего имущества, с лишением воинских званий и наград. Приговор является окончательным и обжалованию не подлежит. Вчера, 23 декабря, приговор Специального Судебного присутствия приведен в исполнение».

По всей стране трудящиеся выражали глубокое удовлетворением справедливым приговором — «Воля народа

выполнена!».

Провели еще несколько процессов над бывшими сотрудниками органов госбезопасности. Бывшего заместителя министра госбезопасности по следствию Михаила Рюмина держали в Лефортове — именовали его «арестованный № 5». Смертный приговор вынесли 7 июля 1954 года.

23 июля «Правда» сообщила:

«Рюмин, действуя как скрытый враг Советского государства, в карьеристских и авантюристических целях встал на путь фальсификации следственных материалов, на основании которых были созданы провокационные дела и произведены необоснованные аресты ряда советских граждан, в том числе видных деятелей медицины… Учитывая особую опасность вредительской деятельности Рюмина и тяжесть последствий совершенных им преступлений, Военная коллегия Верховного суда приговорила Рюмина к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение».

Берия успел выпустить многих лично ему известных чекистов, которые были арестованы вслед за Абакумовым. Но сам генерал-полковник Абакумов продолжал сидеть. Обвинительное заключение переделали. По указанию Берии бывшего министра обвинили в том, что он сфабриковал «мингрельское дело» (когда посадили руководителей Грузии) и авиационное дело (когда пострадал Маленков).

После ареста Берии материалы следствия опять переписали. Абакумова обвинили в том, что он дружил с Берией и уничтожал партийные кадры. Если расстрелянный к тому времени Рюмин обвинял Абакумова в том, что он покрывал Кузнецова, Вознесенского и других выходцев из Ленинграда, то теперь Абакумову предстояло ответить за их расстрел.

— Суд над Абакумовым, — говорил Хрущев, — следовало бы организовать здесь, в Ленинграде. Я вам скажу: единственное, что удерживает нас, — этот негодяй будет много ссылаться на товарища Сталина. Вот это немножко и сдерживает, а так этого негодяя надо было бы судить здесь… Когда мы получили возможность после ареста Берии разобраться в делах МГБ, выяснилось, что Абакумова на костре сжечь надо. Это матерый преступник, заговорщик.

И все-таки суд над Абакумовым и его бывшими подчиненными открылся 14 декабря 1954 года именно в Ленинграде в окружном Доме офицеров.

— Враг народа Абакумов, — говорил на процессе обвинитель Роман Руденко, — несомненно, стремился пробраться при помощи изменника Родины Берии к руководству в стране. Не

случайно ближайшее окружение Абакумова распространило слухи, что Абакумов скоро войдет в политбюро.

Абакумов виновным себя не признал:

— Дело против меня сфабриковано. Я заключен под стражу в результате происков Берии и ложного доноса Рюмина, три года нахожусь в тюрьме, в тяжелейших условиях. Меня избивали… Все недостатки в органах ЧК, скопившиеся за длительный период, вменяются мне как преступления. Я ничего не делал сам. В ЦК давались указания, а я их выполнял.

Пройдут годы, и появятся книги о Викторе Семеновиче Абакумове, почти все доброжелательные. Неустанно воспевают успехи Смерша в борьбе с немецкой агентурой. Суд над Абакумовым — при Хрущеве — не кажется торжеством справедливости. Арестовали за одно, обвинили в другом, расстреляли за третье. В чекистской среде Абакумову очевидно симпатизируют. Неплохой, в сущности, человек, герой войны, стал жертвой политических интриг… Нелепо, конечно, было обвинять Абакумова в том, что он соучастник преступной группы Берии. Лаврентий Павлович его презирал. Абакумов Берию ненавидел и боялся.

Абакумов верно служил Сталину и ревностно исполнял свои служебные обязанности. Приказы и обязанности были преступными. 5 июля 1952 года Абакумов докладывал вождю о порядках во вверенном ему Министерстве государственной безопасности: «Я должен прямо сказать, что действительно часто бьют арестованных шпионов, диверсантов, террористов с тем, чтобы заставить их рассказать о своих преступных делах и связях. Но делается это с умом и только с санкции министра государственной безопасности и его первого заместителя, а в местных органах — с санкции начальника органа. На этот счет мы имели разрешение ЦК».

Абакумов совершил тяжкие преступления против собственного народа и армии, отправлял на смерть невинных людей. Но этого не хотели говорить тогда, а многие не желают признавать и по сей день. Его назвали виновным в измене Родине, вредительстве, совершении терактов, участии в контрреволюционной организации. Расстреляли 19 декабря 1954 года буквально через час после вынесения приговора, не дав возможности обратиться с просьбой о помиловании. По словам начальника внутренней тюрьмы, последние слова Абакумова были:

— Я все, все напишу в политбюро…

Договорить он не успел.

Приговоренный к смертной казни бывший генерал Амаяк

Захарович Кобулов, старшего брата которого уже расстреляли, долго сидел в одиночке Бутырской тюрьмы, ожидая решения своей судьбы. Искренне удивлялся, что его признали активным участником заговора с целью захвата власти: «Не представляю, как Берия мог захватить власть и свергнуть существующий строй, но должен заявить, что надо быть круглым идиотом, чтобы думать об этом. Как можно свергнуть государство, против которого ополчился Гитлер со своими вооруженными до зубов механизированными дивизиями, громадной авиацией и танками и в конце концов сломал себе шею».

9 ноября 1954 года Амаяк Кобулов попросил о помиловании:

«Сегодня исполняется ровно 500 (пятьсот!) дней, как я нахожусь под стражей в одиночном заключении. 40 (сорок) дней жду каждую минуту, каждую секунду — смерти. Сорок дней и сорок ночей при каждом каком-либо шорохе или шуме шагов в коридоре мне кажется, что идут за мной и уже должны взять на смертную казнь.

Камера, в которую меня поместили после смертного приговора, почти лишена естественного света, из нее даже небо не просматривается; за эти сорок дней я не дышал свежим воздухом, меня за это время не выводили никуда, уборная в самой камере, стоит невыносимое зловоние…

Прошу вас, очень прошу скорее кончить со мной — так или этак».

Его просьбу исполнили. 26 февраля 1955 года приговор привели в исполнение.

Бывшего министра госбезопасности Белоруссии Лаврентия Фомича Цанаву арестовали за соучастие в убийстве Михоэлса. Он заболел, его поместили в больницу Бутырской тюрьмы. 17 февраля 1954 года он обратился к маршалу Ворошилову, председателю Президиума Верховного Совета СССР, с просьбой о милосердии:

«Уже несколько раз писал я о том, что в горах, примыкающих к хутору, где я родился и рос, огромное месторождение нефти и каменного угля. Это место никому не известно, и до сих пор там никакая работа не проводилась. В детстве, когда я был пастухом, я с этих мест снабжал нефтью и углем как нашу семью, так и соседей.

В 1938 г., будучи начальником Колхидстроя, я туда ездил с одним инженером, работающим у меня, и факт наличия там большого запаса нефти и угля не вызывает сомнения, потому что все это выпирает на поверхность. В 1938 г. я был переведен на работу в БССР, и этот вопрос остался неисследованным.

Дорогой гр-н Ворошилов! Я заинтересован принести Родине

пользу и не страдаю никакими фантазиями и причудами. Это очень большое дело, поэтому прошу Вас дать мне возможность показать это место специалистам под любое условие. Я больной человек, какое-нибудь злое намерение с моей стороны совершенно исключается. Берия мой враг, он меня погубил. Я невиновен. Если для Родины я буду полезен, прошу тогда решить вопрос обо мне».

Цанава числился соратником Берии, его не выпустили. Он умер за решеткой. Исполнявший обязанности генерального прокурора СССР государственный советник юстиции 2-го класса Павел Владимирович Баранов 15 октября 1955 года доложил в ЦК:

«Дело по обвинению бывшего министра государственной безопасности БССР Цанавы Л.Ф. прекращено за смертью обвиняемого.

Цанава с мая с. г. находился на излечении в больнице при Бутырской тюрьме и умер 12 октября. 14 октября судебно-медицинским экспертом произведено вскрытие трупа. Смерть Цанавы Л.Ф. наступила от недостаточности сердечной деятельности на почве резкого склероза венечных артерий и хронической аневризмы сердца. Заболевание Цанавы Л.Ф. имело давний характер и являлось необратимым. Летальный исход заболевания возник в результате естественного развития заболевания».

В сентябре 1954 года судили доверенных сотрудников Берии: его бывшего помощника Петра Афанасьевича Шарию (получил десять лет, отсидел от звонка до звонка, вышел в 1963-м, работал в Академии наук Грузии), бывших начальников секретариата НКВД генерал-лейтенанта Степана Соломоновича Мамулова и полковника Бориса Александровича Людвигова (они получили по пятнадцать лет), бывшего заведующего секретариатом первого заместителя председателя Совета министров полковника Григория Алексеевича Ордынцева и заведующего приемной Федора Васильевича Муханова (обоих признали виновными в недонесении о государственном преступлении и отправили в ссылку).

Наказали и грузинских соратников Берии.

7–19 сентября 1955 года в Тбилиси Военная коллегия Верховного суда судила бывших министров госбезопасности Грузии генерал-лейтенанта Авксентия Нарикиевича Рапаву, Николая Максимовича Рухадзе и заместителя министра внутренних дел Грузии генерал-лейтенанта Шалву Отаровича Церетели, а также полковника Константина Сергеевича Савицкого (бывший помощник Кобулова), полковника Никиту Аркадьевича

Кримяна (бывший нарком госбезопасности Армении), подполковника Александра Самойловича Хазана (он работал в секретно-политическом отделе у Кобулова, но давно был уволен из органов), полковника Георгия Иовича Парамонова (бывший заместитель Гоглидзе). Вместе с ним на скамью подсудимых посадили бывшего коменданта внутренней тюрьмы НКВД Грузии, а затем охранника Берии полковника Сардиона Николаевича Надарая. Кроме Парамонова и Надарая, всех приговорили к расстрелу.

На процессе всплыли такие чудовищные и отвратительные подробности повседневной деятельности чекистов в годы Большого террора, что понятно, отчего все эти материалы при советской власти хранили за семью печатями.

Читать обвинительное заключение, утвержденное генеральным прокурором Руденко в январе 1955 года, и сейчас страшно. Там приведены показания тех, кого допросили следователи союзной прокуратуры. Они рисуют картину того, как в сталинские времена действовали органы госбезопасности.

Бывший надзиратель внутренней тюрьмы НКВД Грузии:

«Внутренняя тюрьма была до отказа забита заключенными. В шестиметровых камерах содержалось по 12–13 заключенных, которые не могли там не только лежать, но и сидя-то размещались с трудом. Если учесть жару, которая бывает в Тбилиси летом, то совершенно ясно, что сколько-нибудь длительное пребывание в такой камере превращалось в пытку.

Во внутренней тюрьме существовала так называемая «горячая» камера, в которой стояла страшная жара. Высокая температура поддерживалась с помощью пара. В зимнее время «горячая» камера использовалась как «холодная». Несмотря на холод, окно распахивалось, а на пол иногда наливалась вода, чтобы создать совершенно нетерпимые условия для арестованного. Подследственные в «холодной» камере находились без обуви и в одном нижнем белье».

Бывший врач тюрьмы № 1 в Тбилиси: «Я не помню фамилий умерших в результате избиений на следствии. Их было много, а я часто даже не знал фамилии, так как нам не говорили, особенно пациентов во внутренней тюрьме. В документах медработники не отмечали причин смерти, так как это запрещали. Писалось, что человек умер от заболевания сердца… Однажды меня вызвали в «холодную» камеру, но чем я мог помочь, когда человек окоченел, и ему нужно было тепло. В «горячей» камере люди просили единственной помощи — воздуха».

Фельдшер внутренней тюрьмы: «Обычно после допросов арестованные возвращались сильно избитыми, некоторые из них

доставлялись в камеры без сознания. Ступни ног у арестованных были избиты до такой степени, что с них слезала вся кожа, и они представляли одну кровоточащую рану».

Бывший следователь: «Шла слава о следователях Савицком, Хазане и Кримяне, которые из арестованного «отбивную котлету» делали и получали нужные им показания. В то время они были героями, их имена произносились с трепетом, они были примером, на котором воспитывались мы — молодые следователи. Я сам мечтал в то время иметь такие способности, как Кримян или Савицкий».

Бывший работник тюрьмы:

«В 1937 году в тюрьму № 1 был доставлен Двали, шофер начальника управления милиции, тоже арестованного. Двали был приговорен к расстрелу, и с группой других приговоренных его готовили вести на расстрел, причем руки его были связаны, и он сидел в кузове автомашины. В тюрьму прибыл Кримян и потребовал, чтобы Двали привели в мой кабинет. Когда его привели, Кримян спросил — хочет ли он рассказать о своих преступлениях. Двали ответил, что он ничего не знает и ни в чем не виноват.

Тогда Кримян ударил связанного Двали, который упал на пол, и лежачего стал топтать ногами. Несколько минут Кримян топтал его ногами, требуя дать показания, но Двали твердил, что он ничего не знает. Потом надзиратели унесли Двали, положили его в машину и увезли на расстрел».

Бывший следователь: «Я видел, как Кримян, Савицкий и Гамсахурдия беспощадно били осужденного Дзидзигури рукоятками и убили его еще до расстрела. Во время избиения бывшего сотрудника органов госбезопасности Морковина Савицкий и Кримян обвиняли его в том, что он не присваивал им очередные специальные звания, и издевательски спрашивали его: «Ну как, теперь ты присвоишь нам звания?»

Машинистка тюрьмы № 1: «Парамонов вместе с другими следователями приезжали в тюрьму, как правило, пьяные и приступали к избиениям. Я помню, что Парамонов избил Зеленцова, который в прошлом являлся начальником Парамонова. Перед вывозом Зеленцова на расстрел Парамонов вызвал его и во дворе тюрьмы (место у нас называлось хозяйственным двором) приступил к избиению Зеленцова. Я слышала удары, стоны и крики Зеленцова. Зеленцов умер во дворе».

Инспектор Тбилисской тюрьмы:

«Процедура приема приговоренных к расстрелу проходила в комендатуре, куда поодиночке вызывались приговоренные. За

столом сидел Надарая и с ним два его помощника. Удостоверившись в личности приговоренного, Надарая садился на свое место, а его помощники набрасывались на заключенного, и начиналось зверское избиение.

После того как Зеленцов был убит, Парамонов рассказал, что Зеленцов был его начальником и придирался к нему, как он выразился — «жизни не давал». Парамонов участвовал почти во всех случаях избиений арестованных, приговоренных к расстрелу. Чувствовалось, что он испытывал какое-то наслаждение, когда избивал арестованных, приговоренных к расстрелу, — он знал, что жаловаться на него не будут, и давал волю своим темным инстинктам. Это был настоящий садист».

Фельдшер внутренней тюрьмы: «На спине у Мамия Орахелашвили (бывший первый секретарь Закавказского крайкома партии, то есть бывший начальник Берии. — *Авт.*) имелись кровоточащие раны. На ногах было множество синяков. Вместе с Орахелашвили в камере был один арестованный, который или был сумасшедшим, или притворялся сумасшедшим. Он терзал Орахелашвили в камере, царапал его, бил, не давал никакого житья; Орахелашвили вынужден был скрываться от него под кроватью в камере».

Жена бывшего сотрудника НКВД Грузии Осипова тоже была арестована. Она выжила и смогла потом рассказать, что испытала:

«Ночью меня вызвали на допрос. Меня ввели в большой кабинет. Когда я вошла, спиной ко мне стояло несколько сотрудников. Они расступились, и я увидела мужа. Он полулежал и имел страшный вид. Лицо у него было все окровавленное, в кровоподтеках, волосы обильно пропитались кровью и стояли дыбом. Одна нога у него была голая, и она совершенно потеряла форму, была страшно опухшей и невероятно большой. Она была вся залита йодом и лежала на галоше.

Осипов имел вид полуживого человека. Невероятно слабым голосом, еле-еле пошевелив руками и с огромным усилием слегка повернув ко мне голову, он спросил: «Где ребенок?» Я ответила: «Не знаю». После этого он мне сказал: «Я ни в чем не виноват, не понимаю, что происходит». От ужаса я оцепенела и впала в полуобморочное состояние».

Бывший начальник тбилисской тюрьмы: «Летом 1937 года ко мне прибыл из внутренней тюрьмы бывший командир дивизии Буачидзе. Он был избит до полумертвого состояния. На ногах он, конечно, не мог стоять. Он не мог говорить, только стонал. Я помню, что все тело Буачидзе было покрыто сплошными синяками и кровоподтеками. Он не мог мочиться естественным

способом, так как у него был поврежден мочевой пузырь, и моча выходила через живот… По существу, Буачидзе был уже в предсмертной агонии. Надо сказать, что Буачидзе был крепкого сложения, здоровым, и поэтому особенно бросалось в глаза его состояние. На следующий день после доставки Буачидзе в тюрьму он скончался».

Почему комдива посадили? В июле 1937 года Берия — из Тбилиси — доложил Сталину, что раскрыл заговор в Закавказском военном округе и потому необходимо арестовать командование 47-й грузинской стрелковой дивизии. Командира 63-й Грузинской дивизии Федора Моисеевича Буачидзе, окончившего Военную академию имени М.В. Фрунзе, Лаврентий Павлович сделал вождем грузинской националистической организации.

Бывший начальник тбилисской тюрьмы:

«Леткеман, работавший пчеловодом совхоза «Третий Интернационал», был арестован Гагрским отделом НКВД по обвинению во вредительской деятельности. Следствие по этому делу вел Рухадзе. Леткеман был подвергнут зверским избиениям, в результате которых стал давать нелепые показания, оговаривая десятки невиновных людей.

Леткеман показал, в частности, что он якобы был главным резидентом немецкой разведки и руководил обширной сетью агентуры не только на территории Грузии, но и в ряде других республик Советского Союза. На основании этих вымышленных показаний были произведены аресты названных им лиц, которые, в свою очередь, после применения пыток оговаривали других лиц, подвергавшихся также арестам. Всего по делу Леткемана было арестовано свыше 30 человек».

Причем заместитель начальника Гагрского городского отдела НКВД в.н. Васильев отправил рапорт республиканскому наркому Сергею Гоглидзе, описав, как Рухадзе выбивает показания:

«Началось с выставления Леткемана с поднятыми вверх руками и с лишения пищи, питья и возможности оправляться — показания в этот период о вредительстве по пчеловодству.

Второй период — битье: Леткемана раздевали догола и били по несколько часов по чему попало. В это время показания о десятках шпионов, резидентов, подрезидентов и т. д. Веревочная петля одевалась на половые органы, потом эта петля сдавливалась. Били по голове, давили ноги каблуком сапога.

Словом, в кабинете днем и ночью стоял сплошной вой, крик и стоны. Если Леткеман показал, что им было завербовано, допустим, трое, то его били за то, что мало, если завербовано, допустим, тридцать, — за то, что много. На допросах Леткемана я

убедился в том, что он абсолютно не понимал, что из себя представляет диверсионная агентура, массовое осведомление, агентура на консервации и т. д.».

Какой же была реакция?

Васильева исключили из партии. А Рухадзе, получая повышение за повышением, с гордостью писал в своей оперативной автобиографии:

«С 1935 по октябрь 1937 года работал в Гаграх в должности коменданта Гагрской особой погранкомендатуры, затем начальника Гагрского отдела НКВД ГССР.

Лично вскрыл немецкую резидентуру, возглавляемую пчеловодом Леткеманом Г., имевшим связь с немецкими колонистами в Ставропольском крае. По нашим ориентировкам там также была вскрыта и ликвидирована немецкая резидентура.

По делу Леткемана по Гаграм было выявлено и разоблачено 17 шпионов немецкой разведки. Все осуждены были к высшей мере наказания. Под моим непосредственным руководством (агентурные и следственные мероприятия) было разоблачено и арестовано до 700 человек врагов народа, изобличенных во вредительской, диверсионной и террористической деятельности. Большая часть была осуждена к ВМН. Остальные к разным срокам наказания».

В 1956 году настала очередь бывшего первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Мир-Джафара Багирова, под руководством которого Берия когда-то начинал в ЧК. Арест Лаврентия Павловича предопределил и падение Багирова. Его считали человеком Берии. А Берия и не отказывался:

— Да, это я предложил кандидатуру Багирова на пост секретаря ЦК компартии Азербайджана.

Чувствуя его поддержку, хозяин Азербайджана вел себя самоуверенно, не считался с московскими чиновниками. Они ждали повода рассчитаться со своевольным бакинцем. Ему припомнили, как на сообщение о приезде из Москвы заместителя союзного министра по фамилии Козлов он ернически бросил:

— А Баранов не приезжает?

Два десятилетия он оставался полным и единоличным хозяином Азербайджана. Никому из республиканских руководителей не удавалось так долго занимать свой пост. Если учесть страстное желание Сталина пересаживать кадры с места на место, политическое долголетие Багирова представляло собой уникальное явление.

14 сентября 1946 года по правительственной междугородней ВЧ-связи в Сочи, где отдыхал Сталин, передали записку члена политбюро Жданова: «17 сентября исполняется 50 лет со дня

рождения тов. Багирова. Посоветовавшись с тов. Берия, считаем, что следовало бы отметить 50-летие тов. Багирова, наградив его орденом Ленина. Просим вашего согласия».

На записке сохранилась помета: «Тов. Поскребышев просил передать, что вопрос о награждении тов. Багирова доложен тов. Сталину, и он не возражает против предложения тт. Жданова и Берия».

Его слово в республике было законом. Подражая Сталину, прохаживался по своему кабинету. Подчиненные его смертельно боялись. Некоторых чиновников арестовывали прямо в его кабинете. Неограниченная власть превратила его в самодура.

«Багиров — человек с тяжелым, нелюдимым взглядом, вкрадчиво-властным голосом, а по натуре уголовник, — вспоминал председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков, который много лет работал в Азербайджане. — Скольких прекрасных людей погубил он, особенно среди работников нефтяной промышленности!»

Благодаря расположению Сталина и Берии ему многое прощалось. А ведь Азербайджан переживал бедственные времена. В секретной справке Комитета партийного контроля при ЦК говорилось:

«В 1951 году в связи с невыполнением плана по указанию Багирова в массовом порядке проводилось насильственное изъятие скота, находящегося в личной собственности колхозников, рабочих и служащих, путем обысков и задержания скота на дворах и пастбищах. Отобранный скот передавался колхозам и зачислялся в выполнение плана развития общественного животноводства. В настоящее время в Азербайджане 60 процентов дворов не имеет крупного рогатого скота.

При заготовке шерсти Багиров дал противозаконное указание брать шерсть из матрацев и подушек, принадлежавших колхозникам, рабочим и служащим, в связи с чем имелись многочисленные факты насильственного изъятия шерсти».

После смерти Сталина, ко всеобщему удивлению, Мир-Джафара Багирова избрали кандидатом в члены президиума ЦК. Это был миг его триумфа. Инерция хорошего сталинского отношения к Багирову продолжала действовать и когда сам вождь уже лежал бездыханным. В Баку с гордостью отмечали, что впервые представитель Азербайджана вошел в состав высшего руководства страны.

Багиров сознавал, что высоким назначением обязан Берии. Но он совсем недолго наслаждался своим высоким положением — каких-нибудь четыре месяца. Низвержение с Олимпа

произошло столь же стремительно, как и взлет. И тем и другим он был обязан Берии. Для Багирова его арест был как гром среди ясного неба. Он находился в политической провинции, не распознал стремительного хода событий. Когда настала его очередь выступать на посвященном делу Берии пленуме ЦК, не нашел нужных слов и поставил крест на своей карьере.

Слово ему предоставили на утреннем заседании 3 июля 1953 года — сразу после члена президиума ЦК Лазаря Моисеевича Кагановича.

Багиров начал свою речь неудачно:

— Товарищи, работая вдали от Москвы, за последнее время после того, как партия и страна потеряли товарища Сталина, и не будучи в курсе того, что тут творится, делается, и получая в последнее время ряд документов, я должен прямо сказать пленуму Центрального комитета, чувствовалась на душе какая-то тяжесть, что что-то не то… И вот вчера, когда я впервые у Никиты Сергеевича Хрущева узнал о решении президиума, о том, какие дела произошли, что просто не верится, какая-то тяжесть с души снялась, и сразу какое-то облегчение я почувствовал. Это облегчение, я думаю, почувствовал не только я, но и другие товарищи, если не все…

Багиров лихорадочно пытался понять, что же надо поставить в вину Берии, и не мог придумать:

— Видимо, этот человек не только последние годы работает на врагов. Видимо, он с далекой целью заброшен в нашу партию агентом международного империализма… По поручению Берии звонили министру государственной безопасности республики Емельянову о том, чтобы представить сведения о национальном составе работников МВД. Он пока, видимо, с этого начинал. Товарища Емельянова также просили дать соображения о том, кем его можно заменить из числа местной национальности. Емельянова, так же как и десяток других товарищей, вырастила Азербайджанская партийная организация… Эта попытка получила осечку.

Багиров упустил возможность помочь московским руководителям подготовить дело Берии, когда не развил тему работы Лаврентия Павловича на контрразведку мусаватского правительства. Судя по всему, именно этого от руководителя Азербайджана и ждали. Багиров рассказал, что Берия собирался ввести новые ордена — в честь деятелей культуры, в том числе из разных республик. Члены президиума этого не знали. И в зале реагировали неодобрительно, спрашивали:

— А вы позвонили товарищу Маленкову?

— Я не звонил.

В зале зашумели:

— Плохо.

Багиров:

— Товарищи могут сказать, почему я не позвонил в ЦК, не поинтересовался. Нужно сказать, что у нас ежедневно бывают тысячи звонков. Пока вчера меня Никита Сергеевич не вызвал, не сказал, я не знал…

Маленков из президиума успокоил его:

— Никто не предъявляет вам обвинения, речь идет о разоблачении Берии.

Но Хрущев дал понять, что Багиров считается другом и соратником Берии — со всеми вытекающими из этого последствиями:

— Ты его знаешь больше других, поэтому люди и говорят, ты должен рассказать, ты больше знал его…

Багиров стал оправдываться. Получалось неубедительно.

— В отношении звонков. Я уехал отсюда после смерти товарища Сталина 16 марта. За это время Берия один раз мне звонил. За пятнадцать лет здесь, в Москве (я не хочу снимать с себя ответственность за то, что я не мог раскусить этого человека, не в оправдание себе я это говорю), я у него был один раз дома. И то с товарищем Сталиным. А в остальное время встречал так, или заезжал за мной он…

Голос из зала:

— Товарищ Багиров, когда вы начинаете оправдываться, то делаете это не в полный голос. Вы скажите, что ЦК за последние годы забыли…

— Я?

— Ходили только к шефу.

— Я? — Багиров растерялся и не знал, что ответить.

— Ходили все время к Берии…

— Я Берию шефом Азербайджана не мог считать, хотя он и пытался это делать… Когда я здесь бывал, и в ЦК, и во все министерства, во все организации ходил, и, если на то пошло, очень редко когда у Берии наедине был…

Вмешался секретарь ЦК Михаил Андреевич Суслов:

— Инструктора ЦК побаивались ездить в Азербайджан.

— В Азербайджан? — переспросил Багиров.

Он явно не ожидал таких слов. Не привык к роли оправдывающегося. Десятилетиями он сам презрительно разил с трибуны врагов народа. А зал послушно ему внимал. И вдруг все поменялось.

— Да, в азербайджанские организации, — подтвердил Суслов, уже понимая, что Багиров недолго просидит в своем

кресле, — боялись, что у вас есть шеф.

Багиров совсем растерялся:

— Не знаю, может быть.

Маленков попытался объяснить ему, что члены ЦК ждут от него разоблачений вражеской деятельности Берии:

— Товарищ Багиров, ты оправдываешься, не нужно этого. Ты был близок к Берии, не этот вопрос сейчас обсуждается… И пленум поэтому недоумевает. Ты оправдываешься, защищаешься. Тебя видели больше, чем всех других, обнимающимся с Берией…

Но Багиров так и не понял, как ему следует себя вести. Он бормотал:

— Я не оправдываюсь, я хочу просто сказать, мне больно некоторые реплики товарищей слушать…

Многолетний хозяин Азербайджана сошел с трибуны без положенной ему порции аплодисментов. После заседания пытался исправить дело — объясниться с Маленковым и Хрущевым. Разговор не получился, потому что его судьба была решена.

В Баку провели объединенный пленум ЦК компартии Азербайджана и Бакинского горкома. Багирова сняли с должности председателя Совета министров республики и вывели из состава бюро ЦК компартии Азербайджана — «за непартийное поведение в деле Берии, неискренность перед партией и крупные политические ошибки».

На пленум прилетел секретарь ЦК КПСС по идеологическим делам Петр Поспелов. Он был академиком и догматиком. Когда умер Сталин, Поспелов рыдал. Но в Баку резко выступил против любимца Сталина. В один день человек, который два десятилетия управлял Азербайджаном, к которому подчиненные обращались как к живому божеству, превратился в ничто.

В Москве 17 июля 1953 года президиум ЦК КПСС постановил:

«1. Одобрить постановление объединенного пленума ЦК КП Азербайджана и Бакинского городского комитета партии с активом о снятии т. Багирова М.Д. с поста председателя Совета министров Азербайджанской ССР и о выводе его из состава бюро ЦК КП Азербайджана за непартийное поведение в деле Берия, неискренность перед партией и допущение крупных политических ошибок в работе, выразившихся в грубом нарушении партийных принципов подбора и расстановки кадров, зажиме критики и самокритики, подмене коллективного руководства единоличными решениями, культивировании угодничества и подхалимства…

2. Вывести т. Багирова М.Д. из состава кандидатов в члены Президиума Центрального комитета КПСС».

Обычно снятым начальникам разрешали перебраться в Москву, где они могли спокойно перейти на пенсионную жизнь. Багирова в Москву не пустили. Ему даже не позволили остаться в республике, чтобы он не мешал новому руководству. Подыскали чисто хозяйственную должность заместителя начальника объединения «Куйбышевнефть» Министерства нефтяной промышленности СССР по кадрам.

В июне 1954 года в Баку образовали комиссию для пересмотра дел «осужденных за контрреволюционные преступления по Азербайджанской ССР». Багирова арестовали. Под суд отдали после XX съезда. Хрущев уже произнес свой знаменитый доклад о сталинских преступлениях, но ни Багиров, ни азербайджанские чекисты не могли ссылаться на то, что все решения в стране принимались Сталиным и политбюро. Обвиняемым не позволили говорить о получаемых из Москвы указаниях.

26 апреля 1956 года Мир-Джафара Багирова приговорили к расстрелу за контрреволюционную и террористическую деятельность. 7 мая президиум ЦК утвердил приговор. Президиум Верховного Совета СССР отклонил прошение о помиловании. 23 мая «Правда» сообщила, что приговор приведен в исполнение.

Вместе с ним расстреляли бывших руководителей республиканского ведомства госбезопасности: заместителя наркома Тимофея Михайловича Борщева, заместителя наркома Хорена Ивановича Григоряна, заместителя наркома Рубена Амбарцумовича Маркаряна — как участников «заговорщической группы Берия — Багирова». Бывшего министра внутренних дел Ага Салим Ибрагим оглы Атакишиева и бывшего министра госбезопасности Степана Федоровича Емельянова приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях…

Следствие по делу Берии и его соратников постарались локализовать его родными местами — Грузией и Азербайджаном. Характерно, что на этих процессах сознательно ограничивались тем, что в тридцатых годах творилось в хозяйстве Берии. Хотели даже географически локализовать преступления, которые по приказу Сталина и его подручных творились органами государственной безопасности по всей стране. И еще одно бросается в глаза: фамилии палачей — грузинские, азербайджанские, армянские, еврейские, польские… Главным было доказать, что все это были бериевские извращения, искривления правильной линии, перегибы… Исключение, а не правило.

Но не сложно предположить, что нечто подобное творилось

по всей стране. Нелепо считать, что именно чекистский аппарат Закавказья состоял сплошь из садистов и убийц. Руководители партии и правительства это прекрасно знали. В представленных им многотомных «Материалах проверки о нарушениях законности» описывались непостижимые человеческому уму эпизоды:

«В НКВД Белорусской ССР арестованных затягивали в смирительные рубашки, обливали водой и выставляли на мороз, вливали в нос нашатырный спирт, издевательски называемый «каплями искренности».

В Экономическом отделе НКВД СССР арестованного заставляли брать на плечи чемодан и ходить с ним часами по комнате, повторяя, что он «уезжает в Лондон со шпионскими материалами для английской разведки». В Особом отделе Белорусского военного округа арестованных заставляли сотни раз приседать с библией в вытянутых руках, лаять по-собачьи. В Вологодской области арестованных засовывали за шкаф. В НКВД Туркменской ССР арестованных сажали в дезкамеру, насыщенную слабой концентрацией хлорпикрина; в летнюю жару выставляли на солнцепек; смазывали волосы клеем, а когда клей высыхал, прочесывали голову гребнем.

В НКВД Туркменской ССР на допросах были убиты 16 арестованных. О причинах смерти составлялись фиктивные документы. Трупы убитых выносились из здания НКВД в ящиках из-под оружия. Если труп оказывался длиннее ящика, то его «укорачивали» путем перелома ног.

В УНКВД Житомирской области осужденная во внесудебном порядке невинная 67-летняя женщина была убита в гараже лопатой.

Работники Белозерского райотдела НКВД Вологодской области в декабре 1937 года вывезли в поле 55 человек, осужденных «тройкой» к расстрелу, и порубили их топорами. В том же райотделе поленьями убили 70-летнюю старуху и 46-летнюю женщину-инвалида».

Конечно, суд над Берией был чистым фарсом. И он сам, и его соратники заслуживали самого сурового наказания, но за другие преступления. Беда в том, что тогдашние руководители не могли и не хотели все называть своими именами. И понятно почему: пришлось бы признать, что сама система закономерно ведет к массовым преступлениям, к которым они и лично причастны.

В результате общество не узнало и не осознало, что творилось. Не ужаснулось! Не осудило преступников. И себя — за соучастие. Не извлекло уроков из трагического прошлого.

А теперь нелепые обвинения словно ставят под сомнение

правомерность наказания. Шпионами и предателями они не были. Они были мерзкими убийцами и садистами. Если строго следовать закону, Берию и его подельников следовало оправдать по всем предъявленным им обвинениям. И судить заново. Но мертвых в зал суда не приведешь. А просто взять и оправдать Берию немыслимо и невозможно.

Сто четырнадцать дней правления Берии в 1953 году оставляют исследователей в некоторой растерянности. Может ли главный палач страны быть реформатором?

Четыре месяца — после смерти Сталина и до ареста — Берия находился у власти. В эти четыре месяца именно он приступил к реанимации уже почти совсем загубленной страны: открывались двери лагерей, ослабевала атмосфера страха, облегчалось положение крестьянства, в международной политике мелькнули первые признаки разрядки.

Поклонники Лаврентия Павловича уверяют, что, если бы Берия остался у власти, не произошла бы реинкарнация окостеневшей марксистско-ленинской идеологии, что началось с безумной идеи Хрущева построить коммунизм, а закончилось внутренним развалом системы при Брежневе. Лаврентий Павлович действовал бы более рационально…

Разница между Хрущевым и Берией состояла в том, что Никита Сергеевич действительно хотел сделать жизнь людей лучше. Единоличная власть была для него инструментом для достижения этой цели. И он выпустил людей из лагерей не ради славы, а потому что считал, что их посадили беззаконно. Берия же думал только о том, как с помощью реформ стать популярным и взять в стране власть. Для него именно власть была самоцелью. Бериевские новации 1953 года, испугавшие других руководителей страны, были всего лишь попыткой создать себе авторитет в стране. Он же примеривался к креслу хозяина.

А что бы произошло, если бы летом 1953 года Лаврентий Павлович одолел своих соперников? Можно смело утверждать, что его реформы оказались бы недолговечными. Когда бы он уверился, что крепко держит в руках власть, страна бы вновь вернулась к ГУЛАГу и репрессиям. Других методов управления Берия не знал. А любая попытка либерализации или реформации реального социализма ведет к его краху, что и произошло в 1991 году.